

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Николай КОСТОМАРОВ

Быт и нравы РУССКОГО НАРОДА

Не спать или по крайней мере не отдыхать после обеда считалось ересью, как отступление от обычаев предков. Известно, что в числе подозрений, обличавших в самозванце нецарское происхождение и уклонение к латинской вере, было и то, что он не спал после обеда.

Н. И. Костомаров

XVI – XVII вв.

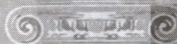
РУСИЧ

Быт и нравы
РУССКОГО НАРОДА

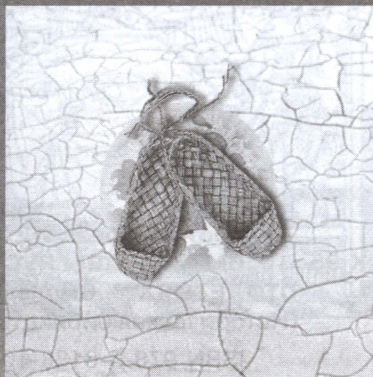
Н. КОСТОМАРОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

РУСИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

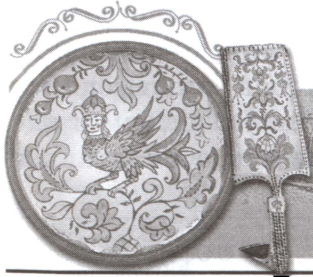

Николай КОСТОМАРОВ

Быт и нравы РУССКОГО НАРОДА

Не спать или по крайней мере не отдыхать после обеда считалось ересью, как отступление от обычаев предков. Известно, что в числе подозрений, обличавших в самозванце нецарское происхождение и уклонение к латинской вере, было и то, что он не спал после обеда.

Н. И. Костомаров

XVI – XVII вв.

РУСИЧ

УДК 93/99[947+957]
ББК 63.3(2)
К 95

Серия основана в 2009 году

Костомаров Н. И.
К 95 БЫТ И НРАВЫ РУССКОГО НАРОДА В XVI И XVII
СТОЛЕТИЯХ. – Смоленск: «Русич», 2011. – 512 с. –
(Историческая библиотека).

ISBN 978-5-8138-1017-6

В издание вошли работы известного русского историка Н. И. Костомарова (1817–1885). Небольшая по объему книга является настоящей энциклопедией быта и нравов русского народа допетровской эпохи, живо и интересно рассказывающей о том, как жили наши предки, что ели, во что одевались, что выращивали в своих садах и огородах, как лечились, справляли свадьбы и воспитывали детей. Описывая все достоинства и недостатки наших предков, книга дает ответ на многие злободневные вопросы: в чем исторические истоки таких язв нашего общества, как пьянство, лихоимство чиновников, пренебрежение к человеческой личности и т. д.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 93/99[947+957]
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8138-1017-6

© Оформление серии.
«Русич», 2011

ОЧЕРК ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВ ВЕЛИКОРУССКОГО НАРОДА В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

I. ЖИЛЫЕ МЕСТНОСТИ

Жилые местности в старой Руси были: город, пригород, посад, слобода, погост, село, сельцо, деревня, починок.

Название «город» принималось в различных смыслах. Первоначально это слово значило огороженное место, то есть то, что ныне ограда, огорожа. В старые богатырские времена людским жилищам часто угрожали то нашествия чужих, то свои домашние неприятели, при частых неурядицах и междоусобицах, поэтому их старались укреплять – огораживать. Для такой важной цели

Текст обработан в соответствии с нормами современного русского языка.

достаточно было тогда плетня или частокола, поэтому одно и то же слово город (огород, город) в смысле огорожки означало и огорожу, охранявшую домашнее жилье от животных, и твердыню от неприятельского нашествия. Местности, где укрепления представляли больше надежды на безопасность в случае внешних нападений, сделались центрами прилива народонаселения: одни селились в самих городах, другие поблизости к ним, чтоб иметь возможность убежать в охранное место, когда наступит опасность. Все больше или меньше имели нужду в городах; отсюда возникло, что города получили значение преимущества перед неукрепленными поселениями и последние подпадали им в зависимость, которая, по духу того времени, когда владычествовала сила, заменялась часто и легко порабощением. Но не все города имели равное достоинство по своей крепости: крепчайшие делались центром власти, и им подчинялись другие. Тогда между городами образовались два рода – старшие и младшие, сильнейшие и слабейшие, или города и пригороды. В связи со стратегическими условиями подчинению меньших городов большим способствовали исторические обстоятельства народной жизни. Таким образом, собственно слово город начало означать господствующее место – столицу над краем, заключавшим несколько пригородов, сел, деревень. Так, Киев был городом земли полян или Земли Русской, Чернигов – городом Земли Северской, Новгород – Земли Новгородской, Псков – Земли Псковской, Хлынов – Земли Вятской, а Вышгород, Белгород были пригороды Киева, Ладога – пригород Новгорода, Изборск – пригород Пскова и т. д. Когда раз-

дельные части Восточной Руси сплотились между собою, Москва получила смысл города всей Русской Земли, – но тогда самое слово «город» изменило прежнее значение. Городом не называлось уже главное правительственное место, где находился центр правления, напротив, это слово начали употреблять в обратном смысле. Москва называлась Москвою: собственное имя ее нередко принималось нарицательным именем русской столицы; говорилось: «на Москве и в городах», как теперь говорится: в столице и провинциях. В XVI и XVII веках название «город» сохраняло два значения: укрепленной местности и административного провинциального пункта. В городах происходило соприкосновение народа с властью; там была складка военной силы, которой поручен край для охранения; туда стекались государственные доходы, вносимые краем, наконец, там жители края искали убежища во время военных опасностей. По мере расширения народонаселения возникали города один за другим и, сообразно благоприятным условиям, одни получали пред другими преимущества в отношении важности своей. Таким образом, города были большие и меньшие, и большие начальствовали над последними. Кроме городов постоянно населенных, существовали еще укрепленные места, называемые острогами; они находились преимущественно в отдаленных от средоточия власти пограничных и малонаселенных областях, были вообще меньше городов и часто не имели постоянного населения: из городов посылались туда служилые люди для стражи, на перемену. Мало-помалу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались в города.

Посадом называлось то, что теперь мы привыкли называть городом, и название «посадский человек» означало то же, что теперь мещанин. Посады были пунктами торговой и промышленной деятельности. Они строились близ городов, так что город находился посреди посада и в этом смысле назывался кремлем, а посад раскидывался около него. Часто город был на горе, а посад внизу. В местах, где жителям посада опасно было оставаться в своих жилищах без защиты, посады обводились валами, стенами и рвами. У нас в отношении посада к городу было то же что на западе; то, что у нас называлось посад – на западе было city, cite, stadt, miasto, mesto, и то, что на западе было Bourg, borgo, bourgh, barg, hrad, grod, у нас называлось город, а в древности град. То же было в древнем классическом мире: так акрополис был град Афин, а самые Афины около него посадом. В нашей старой Руси поселение, подобное тому, что в настоящее время называется городом, состояло нередко из трех частей: град или город, посад и слободы. Посад разделяется на две части: острог, или укрепленная часть околородного поселения, и поселок вне острога, или собственно посад, а за ним слободы. И теперь в землях турецких славян та же троичность: град, соответствующий нашему городу, варош – острог и паланка – поселение за укреплением, которое может, смотря по местным обстоятельствам, соответствовать нашему посаду или слободам.

Слободами первоначально назывались поселения, жители которых пользовались какими-нибудь особенными условиями; но так как эти условия давались обществам, которых деятельность посвящена была определительно каким-нибудь особым за-

нятиям, то за такими обществами преимущественно удерживались названия слобод. Они были большею частью около посадов и городов.

Погост, село, сельцо, деревня, поселок, займище были поселениями земледельческого класса. В древности погостом называлось поселение с церковью, при которой всегда сосредоточивались сношения окрестных жителей и устанавливался административный центр. Но когда число церквей умножилось и таких поселений стало много, они, естественно, начали утрачивать прежнее преимущественное значение и назывались вообще только селами. Слово «погост», бывшее некогда в повсеместном употреблении, в XVI и XVII веках сохранилось только в новгородской земле, в смысле большого села со средоточием администрации для окрестного края. Различие между селом и сельцом заключалось только в величине их. Деревни были поселениями без церквей. Починки были маленькие деревушки, недавно заселенные. Займище было небольшое поселение на дикой земле, занятое обыкновенно одним двором. Когда к этому двору присоединялись другие, то из займища образовывался починок; починок по прошествии времени, которое лишало его значения новизны, и по мере возраставшего населения переименовывался в деревню; а, наконец, с постройкою церкви деревня изменялась в сельцо и, с умножением народонаселения, в село. Жилые земледельческие местности без церквей и даже небольшие сельца принадлежали к селам. Такая принадлежность одних местностей другим не была только административным распоряжением, а истекала из образа их основания, ибо новые поселения основывались

посредством выселков из старых. Из сел выходило несколько семейств: основывали деревню; когда она значительно возростала или же находились в ней зажиточные люди, чтоб построить церковь (так как в то время это было не трудно по обилию леса и по невзыскательности церковной архитектуры), деревня превращалась в сельцо, потом в село. В свою очередь, из нового села выходили жители и основывали починки и деревни, превращавшиеся, в свою очередь, в сельца и села и т. д. Первое родоначальное село удерживало старшинство над своими выселками и оставалось между ними центром сношений по крайней мере до тех пор, пока время не изглаживало из памяти этой старинной исторической связи. Таким образом, в Новгородской земле погосты, в смысле первенствующих поселений, были старые поселения со старыми церквями, а села с новопостроенными церквями были их выселками. Смотря по историческим обстоятельствам, изменявшим движение народонаселения, и по относительной быстроте его размножения, эта связь поселений удерживалась долее или ослаблялась скорее.

II. ГОРОДА

Потребность возведения городов возростала у нас вместе с расширением пределов русского мира. Города заводились прежде чем поселения; в местах незаселенных, чтоб дать возможность жителям существовать на новоселье, надобно было приготовить для них оборону. Таким образом южные степи Московского Государства не иначе заселялись, как под

прикрытием множества городов, городков, остро- гов, засек и всякого рода укреплений; в низовьях Волги долгое время только города, уединенно сто- явшие на сотни верст один от другого, указывали на господство русской державы в безлюдной земле. В Сибири каждый шаг подчинения земель власти государя сопровождался постройкою городов и ос- трогов. Повсюду в XVI и XVII веках постройка го- родов была одною из первых забот правительства и городское дело важнейшею из повинностей всего народа. Когда в старых актах говорится о построй- ке городов, то разумеется под этим возведение и устройство укреплений, и в этом случае самое сло- во «город» означало ограду, а не то, что находилось в ней; говорилось: города каменные (включая в это название и кирпичные), города деревянные и зем- ляные. В XVI веке каменных и кирпичных оград было чрезвычайно мало, исключая монастырские стены, которые чаще, чем городские, делались из кирпича. При Михаиле Федоровиче, после того как Смутные времена показали ненадежность деревян- ных твердынь, ощутительная потребность охране- ния государства от всех сторон побуждала выписы- вать из Голландии мастеров для каменных построек. Как медленно шло это дело, можно видеть из того, что в Астрахани, несмотря на ее одинокое и небезо- пасное положение, прежде 1625 года не было камен- ных стен. При Алексее Михайловиче, по свидетель- ству Котошихина, во всем Московском Государстве были, исключая монастыри, в двадцати городах ка- менные или кирпичные укрепления; но это число, кажется, преувеличено; по крайней мере, собирая рассеянные известия того времени по этому предме- ту, едва ли можно насчитать их столько (Москва,

Новгород, Ладога, Псков, Смоленск, Тула, Нижний, Казань, Астрахань, Яик, Ярославль, Путивль, Вологда, Полоцк). Вообще же бесчисленные города, усевавшие пространство русских владений, были с укреплениями деревянными или земляными, то есть с валами и с тыном по валу. Города располагались так, чтоб около них находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стены, а иногда и несколько сторон примыкали к озеру, пруду или болоту; с других сторон, менее обесопасенных местоположением, под стенами проводился ров. По большей части деревянные укрепления соединялись с земляными разным способом: например, насыпался вал или осыпь, а на осыпи устраивалась деревянная стена или тын; или же стена стояла на плоской земле, но за нею следовала осыпь; или же деревянные стены были присыпаны хрящем, то есть кучею камней, песку и земли. Простые остроги или острожки делались без осыпей, и их деревянные стены были ограждены только рвами. Часто город, окруженный деревянной стеною и рвом, был еще раз обведен осыпью или деревянною стеною – так называемым острогом, а между городом и острогом находилось поселение. Такое городовое расположение было и в самой Москве: Кремль с Китай-городом составлял сердцевину столицы; на значительном промежутке от них была проведена кругом другая стена так называемого Белого Города; далее, также после значительного промежутка, земляной вал, обшитый деревянною стеною. Подобное устройство было и в других городах: в Казани был каменный кремль, а за ним следовал посад, окруженный острожною деревянною стеною; в Астрахани так же был каменный

кремль, а его окружала другая каменная стена, соединявшаяся с кремлевскою вдоль Волги, и промежуток между кремлевскою стеною и этою последнею назывался, как и в Москве, Белым Городом. В Пскове среднее укрепление называлось Детинец: оно стояло в углу, образуемом рекою Великою и впадающею в нее Псковою. От угла, противоположного той стороне, где была Великая, шла стена вдоль реки Псковы и упиралась в башню; от этой башни в обе стороны шли стены, огибавшие город, построенный на двух сторонах реки Псковы; эти стены сходились к двум углам Детинца на берегу реки Великой. Сверх того в середине города, на левой стороне Псковы, в сторону от Детинца, существовал еще один внутренний город, называемый Кром, а за пределами большой внешней стены, огибавшей весь город, был ров, за которым расположено было многолюдное поселение, называемое Застенье, обведенное деревянною стеною. В Новгороде на Софийской стороне был каменный город, окруженный земляным валом; между тем и другим находился посад; укрепления земляного города шли неправильными линиями, то приближаясь к каменному, то удаляясь от него; за пределами земляного расположены были поселения, тоже в древности еще раз обведенные стеною, а на Торговой стороне был другой город с башнями и рвом. Некоторые монастыри (они вообще в тот век были твердынями) имели такую же форму укреплений; например, в Кирилловском в начале XVII века была кругом монастырского строения каменная стена, а подалее, на значительном от нее расстоянии, по тому же направлению, эту каменную стену окружала деревянная острожная стена, за которою с внешней стороны прохо-

Вид города Казани. 1767. Гравюра по рисунку Леспинса

дил вокруг нее ров. Во множестве небольших городов был такой же порядок; за стеною, обыкновенно деревянною, опоясанною рвом по наружной стороне, часть посада, иногда же и весь посад, охранялся другою стеною, острожною.

Как каменные, так и деревянные стены не составляли правильных очертаний; так, например, в одном деревянном городе стена в одном месте суживалась до 31 сажени, а в другом расширялась до 98. Почти всегда город в одних местах был шире, в других, параллельных первым, — уже. Окружность городов соразмерялась с местоположением и важностью города. В Новгороде, например, каменный город был в четыреста девяносто восемь саженей кругом, земляной — в семьсот двенадцать, деревянный — в две тысячи четыреста шесть. Окружность астраханского каменного города заключала тысячу семнадцать саженей. В других местах мы встречаем окружность второстепенных городов в сто двенадцать, в сто восемьдесят четыре, в триста девяносто пять, в пятьсот пятьдесят сажен и так далее.

В каменных стенах всегда делались наверху зубцы, такие высокие, что иногда занимали более трети вышины всей стены. По протяжению всей стены возвышались башни, в каменных городах каменные, в деревянных и земляных деревянные; но случалось, что при деревянных городских стенах башни были

каменные, как, например, в Ярославле (Кн. Больш. Черт.). Кроме башен, в стенах делались различной формы выступы, носившие названия: городни, выводы, костры, кружала (круглые выемки, где обыкновенно помещались кладовые со входами изнутри и амбары); обломы (скатные пристройки, выдававшиеся в наружную сторону) с деревянными котами (катками или колесами без спиц), которые спускались на неприятеля во время осады; печоры (углубления внутрь стены); быки – расположенные рядами большие выступы, на которых строились укрепления, образывавшие сверху другую стену. Стены разделялись по пространствам между башнями, называемыми пряслами. Эти пространства имели различное протяжение в одном и том же городе. Так, в новгородском каменном городе пространство между башнями в одной стороне было до 70 саженей, в другой до 50, а в третьей до 40 и менее. В новгородском земляном городе между одними башнями было 150 саженей, между другими 46. В Тотьме вообще от 17 до 25 саженей. В одном деревянном городе, в южном краю Московии, на одной стороне вся стена имела 35 саженей, на другой 44. В Воронеже в 1666 г. в одном месте пространство между башнями заключало 155 саженей, в другом 30, в третьем только 18 и т. п. По пряслам устраивались окна, при которых припасались камни и колья, чтоб метать на осаждающих, и бои, узкие отверстия, откуда стреляли из пушек и пищалей. Таких боев в больших городах было три ряда и назывались: подшвенный, средний и верхний. В Астрахани на пространстве четырехсот двадцати пяти саженей, составлявших часть городской стены, было пятьдесят девять боев. В малых городах их было обыкновенно

два ряда: подошвенный и верхний. Толщина и высота стен в разных городах была также различная, как и окружность. В Астрахани в 1649 г. каменная стена в толщину была в полторы сажени, а в вышину с зубцами четыре сажени, без зубцов две сажени с половиною; самые зубцы возвышались над стеною на сажень с половиною и в толщину были в полсажени. Стены Московского Кремля в XVI веке, по свидетельству англичан, имели в толщину восемнадцать футов. В Кирилловском монастыре вышина внешней стены была до 16 аршин, внутренней десять; толщина первой в девять с половиною, а внутренней в полтора аршина. В Суздали вал с приступной, то есть с внешней стороны, имел от восьми до десяти сажений вышиною, а с внутренней от трех до шести. Земляные валы делались к низу шире, к верху уже: таким образом, в этом же суздальском вале толщина его с почвы была от восьми до десяти сажений, а наверху ширина достигала только полторы сажени.

Внутри по стенам проводились лестницы и ходы, обыкновенно из башен от одной к другой; по местам эти ходы имели тайные выходы наружу. На больших выступах, или быках, устраивались мосты, на которых, как сказано прежде, возвышалась другая стена. Вдоль городских стен устраивался мост, по которому можно было иметь движение по всей окружности. Очень часто стены города были двойные, тройные и четверные. Пространство между стенами насыпалось землею, или соединялось поперечными бревнами, или же оставлялся промежуток. Сверху делались над ними кровли из теса или решетины. Эти кровли были иногда высоки.

Башни, возвышавшиеся над стенами городов,

были по фигуре круглые, четверугольные, шестиугольные, восьмигранные. Кровли на них иногда были так велики, что сами по себе превышали высоту остального строения; так, в Олонце высота башни до кровли была пять саженей, а с кровлею одиннадцать. Вообще высота, длина и ширина башен была очень различна и не одинакова в одном и том же городе. Например, в Воронеже в 1666 году одна башня имела в высоту семь саженей, а другие – пять, четыре, три и даже одну. Высота вообще не соразмерялась с объемом башен; например, в одном городе из двух башен в полторы сажени в диаметре одна была высотой в три сажени с половиною, другая в полторы сажени. Редко длина башни была одинакова с шириною. Чаще всего в одну сторону они были длиннее, в другую, внутреннюю, короче, например, четыре сажени длины и две с половиною ширины. Но самая обыкновенная мера башен была около трех саженей в длину и двух в ширину. В некоторых городах башни строились в уровень со стеною, в других выступали сажени на две, на три и даже на четыре в наружную сторону. Количество башен в городах было чрезвычайно различно, смотря по объему стены: в новгородском каменном городе их было десять, в земляном девять, в деревянном тридцать семь; в Астрахани десять, в Яике восемь, в Олонце тринадцать, в Тотьме семь, в Смоленске и Муроме четырнадцать, в Воронеже семнадцать, в Архангельске девять, в Кирилло-Белозерском монастыре двадцать три. Те, которые стояли по углам, назывались наугольными, стоявшие посередине стены – середними, с воротами – проезжими, без ворот – глухими. Везде были тайнинские баш-

ни, стоявшие обыкновенно поблизости к реке; от туда делали подземные ходы со трубами, иногда саженой на шесть, десять и более. Башни назывались по урочищам, по местности, или же по их назначению, например, розважская, новинская, водяная, набережная, поваренная, квасоваренная, также по именам праздников или святых, например, пречистенская, введенская, никольская. Последнего рода названия давались преимущественно проезжим башням. Башни разделялись на ярусы, которые снаружи обозначались террасами во всю окружность строения, называемыми в те времена мостами. Этих ярусов было обыкновенно три: нижний, или подошвенный, средний и верхний, а иногда, особенно в небольших городах, только два. В каждом ярусе устраивались бои; в подошвенном стреляли из пушек, и потому он назывался пушечным, а в верхнем над ним — из пищалей и мушкетов, и потому они назывались пищальным и мушкетным боями. Не всегда в одном и том же городе были башни с равным количеством боев. Так, в Смоленске в некоторых башнях были неполные бои, хотя с полным количеством мостов. Например, в одной башне бои устроены были только в среднем мосту, в другой только в верхнем, а в нижнем и среднем не было боев. Ходы по башне были иногда снаружи, иногда изнутри, так что башня в середине по столбу разделялась на отделы, а верхние отделы с нижними соединялись посредством лестниц. Иногда на кровлях башен устраивались чердаки, клетки, или караульни, небольшие надстройки для обозрения далеких предметов; в них также были наготове пищали. Число проезжих башен соразмерялось с величиною города. В каменном новгород-

ском городе из десяти башен было шесть проезжих, в земляном из девяти три, в Воронеже из семнадцати шесть, в Белозерске из восьми две, в Инсаре из восьми три, в Муроме из четырнадцати две проезжих и третья с воротами водяными, то есть ведущими к воде; в небольших городках из четырех башен строилось по две проезжих; никогда не строились города с одним только выходом. Ворота в башнях были толсты и широки, и потому проезжие башни всегда значительно были и выше, и массивнее глухих; например, в семь сажень с половиною длиною и столько же шириною. В воротах вделывались боевые окна, как в глухих башнях и в пряслах. Над ними находился образ святого и какого-нибудь большого праздника, и по имени образа называлась башня; а в некоторых городах в башнях над воротами устраивались маленькие церкви. Ворота запирались огромными замками. В мирное время, однако, створы ворот не запирались, а только на ночь опускалась решетка, а для удобства в самих воротах проделывались калитки, которые также запирались особыми замками. Обыкновенно на проезжих башнях устраивались боевые часы и вестовой колокол, который всегда был массивнее и громче обыкновенных церковных или благовестных колоколов. Его называли также полошным колоколом, потому что звонили в него на тревогу и призывали народ к сбору. Вместе с вестовым колоколом стояла вестовая пушка, из которой стреляли только тогда, когда подавали сигнал. На прочих башнях привешивались также колокола; в них звонили во время отбоя неприятеля или вылазки, для возбуждения охоты к битве и храбрости. В темные ночи на башнях зажигались свечи в слюдяных фо-

нарях. Случалось, что перед самыми проезжими башнями делали острожки или города в малом виде. Так, в Муроме перед двумя проезжими воротами сделаны были острожки: один длиною в восемь сажень, а поперек в три сажени, другой длиною четыре, а шириною три сажени.

Городовые стены или валы окаймлялись всегда рвами разной глубины и ширины, проведенными по направлению твердынь с их внешней стороны. В небольших городах встречались рвы глубиною в сажень и шириною в две сажени или глубиною в две сажени, шириною в две с тремя четвертями сажени; но в больших городах рвы были и глубже, и шире, и достоинство их вообще полагалось в том, чтоб они были глубоки и круты. В иных местах в эти рвы проводили воду, а в других забивали сваи, называемые частичком или чесноком; а иногда самый чеснок утыкали сверху железными спицами; иногда, кроме того, рвы обносили особою оградю из дубовых бревен. Случалось, что таких ровов за главною стеною или городским валом было несколько рядов, один возле другого по одному направлению.

От ровов в наружную сторону проводили отводные стены и делали длинный ряд укреплений, называемых надолбами. То были столбы из толстых бревен (обыкновенно дубовых), поставленных тесно один возле другого и составлявших сплошную стену. Надолбы были двойные и тройные, то есть в два и три ряда; ряды эти соединялись между поперечными связями из бревен наверху и таким образом представляли вид коридоров, всегда в извилистом направлении. Около Воронежа такие коридоры шли от города на протяжении пяти с половиной

верст до караульного городка, устроенного для наблюдения и для подачи вестей в город; иногда же ряды надолб шли от города верст на двадцать и даже более и были окаймлены рвами, а по местам между ними устраивались башенки. Там, где нужно было сделать выход, устраивались ворота с опускаемыми колодцами. От таких мест пускались в стороны ряды новых надолб, называемых отметными, а от этих в надлежащих местах расходились в боковые стороны другие отметные. В некоторых местах в надолбах делались тайные выходы, известные одним служилым людям. Надолбы на своих поворотах упирались в лесные завалы, то есть кучи срубленного и сваленного леса, шириною сажень в двадцать или тридцать. Неприятель, подступая к городу, должен был сначала пройти через эти завалы, потом путаться около лабиринта надолбов, уничтожать их, и тогда уже достигнуть городских укреплений, которые, как выше сказано, были нередко двойные и тройные и сопровождались двойным и тройным рядом рвов. Дороги, служившие сообщением для городов, пролагались вдоль надолбов и проходили через устроенные в них ворота, которые в случае нужды запирались, как выше сказано. Кроме надолб, существовали еще укрепления, называемые тарасами. Они состояли из бревен продольных и положенных на них поперечных и если были в два ряда, то покрывались сверху дранью. Для укрепления берегов от полой воды близ города ставили такие тарасы и насыпали внутрь рядов их землю. Тарасы приставлялись также к пряслам городских стен в разных местах.

В окраинных землях от городов до городов проводились земляные насыпи, и по их протяжению

устраивались в разных местах жилые и стоялые острожки. Первые были те, где постоянно жили служилые: они впоследствии обращались в города; в другие же посылались служилые на временную службу: последние нередко возникали и скоро потом исчезали. По сторонам устраивались лесные засеки, состоявшие из куч наваленного лесу, обведенные рвом, но иногда делались в них башни, и они принимали вид построенных наскоро городов. Эти засеки возводились преимущественно в лесных местах; туда отряжался засечный приказчик с отрядом служилых: они должны были, слышав о неприятеле, тотчас подавать весть в город. Таким образом, южная часть Московии при своей малонаселенности была усеяна городами и острогами с надолбами по окрестностям и изрезана земляными валами в разных направлениях, со множеством лесных засек и завалов. Все эти укрепления делались наскоро, а потому скоро и разрушались; теперь, кроме остатков валов, нет и следа их, да и в то время, когда они строились, край был больше защищаем твердостью служилых людей, чем этими бревнами. «Наши городки не корыстны, – говорили в XVI веке Донские казаки крымскому хану, – оплетены плетнями, увешаны тернами, да доставать их надобно твердо головами».

Внутри этих каменных, земляных и деревянных оград, называемых общим именем городов, стояли казенные здания. Там была приказная изба, где сосредоточивалось управление города, посада и всего уезда, если город был уездный; перед сенями приказной избы ставили пушку. Вблизи приказной избы находился воеводский двор, огороженный забором или заметом с разными пост-

ройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, как-то: горницами, избами, погребом, ледником, мыльнею, поварнею. Затем следовали дворы священников и церковнослужителей; церковь, которая обыкновенно числилась соборною или главною над церквями всего посада, прилегавшего к городу. Далее были казенный погреб для хранения зеленой казны (то есть пороха), пушечный амбар, где хранились свинец в свиньях, пули, ядра и оружия. Для этих хранилищ делались здания земляные или каменные, а иногда вместо особых построек они помещались в стенах и башнях или же во внутренних пристройках к стенам. В городе находилась государева житница, откуда раздавались служилым хлебные запасы или хлебное царское жалованье. В городе была тюрьма, иногда помещаемая в деревянной избе, врытой в землю и огороженной тыном, иногда же в срубе, засыпанном совершенно землею. В городе находились избы служилых стрельцов, пушкарей, затинщиков, но в каменных городах эти помещения устраивались и в стенах. Наконец, в городе были дворы разных частных лиц, особенно дворян и боярских детей, имевших свои поместья в уезде. Эти дворы строились ими на случай опасности, когда придется прятаться в осаду от неприятеля. В обыкновенное мирное время хозяева таких дворов там не жили, а оставляли дворников из бобылей, которые занимались каким-нибудь ремеслом или промыслом и тем содержались и вместе с тем управляли дворами за право жить в них. Сверх этих частных осадных дворов были еще казенные осадные дворы или избы, построенные для простолюдин на случай военного времени, когда воево-

ды посылали через бирючей скликать народ в осаду. Избы эти были столь просторны, что в них по нужде помещалось до двухсот человек, и жители подвергались там всевозможнейшим неудобствам, какие могут происходить от тесноты; от этого нередко жители предпочитали скитаться по лесам, подвергаясь опасности попасться под татарский аркан, чем идти в осаду.

Количество строений в городах было различным, смотря по величине города. В больших городах помещались даже и гостиные дворы; города в таком случае делались средоточием торговли, и оттого-то впоследствии название города стало вообще означать место торговой и промышленной деятельности. Прежде других такой характер получили те города, где сосредоточивалось управление несколькими уездами.

III. МОСКВА

Средоточием Москвы был Кремль. Неизвестен год его возведения. Вероятно, он существовал с основания самой Москвы и был, как вообще русские города, деревянным. В 1367 году впервые заложен был каменный город, но потом разрушился, и уже в конце XV века великий князь Иоанн построил опять каменную стену с башнями. Постройкой занимались итальянцы. От двух углов кремлевской ограды на восток тянулось продолжение каменной стены и образовывало другой город, называемый Китай-городом, построенный в 1538 году правительницей Еленой. За Кремлем и Китай-городом, примыкавшими с одной стороны к реке, с других

сторон простирался посад, который также был обведен стеной с воротами и башнями и назывался Белым городом, от белого цвета окружавшей его стены. За этой стеной следовал другой посад, который также был при Борисе обведен двойной деревянной стеной с толстым слоем земли в промежутке между двумя стенными рядами. Он назывался Земляным городом. Сверх того, на другой стороне Москвы-реки как продолжение Земляного города стоял городок, и наконец, многие монастыри, укрепленные по тогдашним обычаям стенами и башнями, представляли вид отдельных городов. Так, при Михаиле Федоровиче во время нашествия королевича Владислава монастыри Симонов и Новодевичий обращены были в отдельные форты.

Москва своей огромностью изумляла иностранцев; впрочем, от них не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. В XVI веке она была больше, чем в XVII. По свидетельству Герберштейна, в его время Москва заключала в себе 41 500 домов. Посетивший ее при Федоре Иоанновиче Флетчер полагает, что в прежнее время было в ней то же количество домов, но присовокупляет, что она очень пострадала и уменьшилась в объеме после опустошения, нанесенного крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 году. Олеарий, посещавший Москву при Михаиле Федоровиче, также говорил, что она была огромнее до этого бедствия и что внешняя ограда имела тогда двадцать пять верст в окружности. По его известию, разорение крымцами было для нее губительнее, чем разорение во время поляков, хотя последнее в то время свежее запечатлелось в народной памяти. Тогда она занимала

три немецких мили в окружности. Мейерберг, посещавший Москву в 1661 году, полагает окружность ее с одной стороны в 12 000 сажений, а с другой в 7 000 – это составляет девятнадцать верст, но поскольку тогда версты были тысячесаженные, то это значит, что Москва имела в окружности нынешних 38 верст. Мейерберг полагает ее со слободами, а Олеарий, кажется, не считает слобод, ибо они в его время были истреблены пожаром, уничтожившим до 5 000 домов. Из этих известий можно только приблизительно и не вполне ясно представить себе величину древней столицы; да и сами описатели ее не могли соблюсти точности, потому что сама Москва беспрестанно изменяла свой вид от частых пожаров.

Кремль занимал середину столицы и был средоточием власти, управления, церковного устройства и убеждений всего русского народа. Там жил царь, и Кремль был священным местом русского народа. С трех сторон Кремль окружен был водой; с юга окаймляла его Москва-река, с запада и с севера Неглинная. Эта болотистая река, теперь уже не существующая, в верхней части Кремля образовывала пруд, из которого была проведена вода в каналы, прорытые около кремлевских стен. В XVI веке каналы эти были так многоводны и глубоки, что на них построили мельницы. При Михаиле Федоровиче они стали просто рвами, однако значительной глубины. По направлению канав или рвов Кремль окружала кирпичная стена с башнями. Каждая из башен носила собственное название, одни по образам, которые на них висели, другие по местности. В XVI веке насчитывалось шестнадцать или семнадцать башен. Башни проезжие были громаднее, чем

глухие. Ворота Кремля были следующие: Фроловские, в 1658 году переименованные в Спасские и теперь сохраняющие это название, Никольские, Константиновские (теперь несуществующие) на юг от Спасских, Боровицкие, переименованные Алексеем Михайловичем в 1658 году в Предтеченские, Неглинные, Тайнинские к Москве-реке и Портомоинные на юго-западном углу у водовзводной башни, куда прачки выходили мыть белье на плот, устроенный для этого. Только пять первых ворот были проезжими. Фроловская, или Спасская, башня над главными воротами была выше и красивее других. На рисунках, оставшихся от XVII века, она одна походит на нынешние кремлевские проезжие башни. Сверх всех башен, проезжих и глухих, на каждой стороне кремлевских стен были устроены маленькие башенки, где висели колокола, в которые звонили во время пожара и тревоги. Кремлевские стены были уставлены пушками.

В Кремле находился двор государев. У старых великих князей хоромы были деревянные. Но по мере того как держава Московская принимала более крепости и государственной силы, возникала при дворе потребность созидать каменные здания. При Иоанне III построен был каменный казенный дворец между Архангельским и Благовещенским соборами, а потом и дворец для жилья, оконченный в 1508 году. Ужасный пожар в 1547 году повредил этот дворец. Иоанн возобновил его и украсил золоченой кровлей, но в 1571 году он был разорен Девлет-Гиреем. При Федоре он был, однако, уже отделан и находился в нарядном виде. При Борисе, Самозванце, Шуйском и в первую половину царствования Михаила строили только деревянные

дворцы. Но после пожара 1626 года, во второй раз при Михаиле истребившего царское жилье, принялись за постройку каменных зданий. Михаил Федорович отстроил себе каменный дворец, но не жил в нем, а предоставил его царевичу и предпочел для себя жить в деревянном здании, находя, что деревянные здоровее каменных. При Алексее Михайловиче была построена новая дворцовая палата и потешный дворец. В конце его царствования существовало два царских каменных дворца. При Федоре Алексеевиче были перестроены и обновлены каменные здания дворца. Но тем не менее в XVII веке цари продолжали предпочитать деревянные здания для жилья и для каждого члена царского семейства строили особые домики. Таким образом, царские усадьбы в Кремле состояли из немногих каменных и множества деревянных строений, отдельно построенных, нагроможденных в различных направлениях и по вкусу времени испещренных золотом, разноцветными и вычурными украшениями. Царский двор огорожен был решеткой с воротами, на которых висели образа. Эти ворота назывались Курятные, Колымажные, украшенные высокой башней и часами, Воскресенские и Золотые, или Гербовые, с башней, на вершине которой находился золоченый двуглавый орел, а на стенах были изображены гербы областей Московского государства. Курятные ворота в 1658 году переименованы в Троицкие и находились на севере, без башни наверху, под палатами царских мастериц; за ними вне двора было множество зданий, занимаемых разными отраслями царского хозяйства; дворцы: сытный, кормовой, хлебный, приспешные палаты, пивоварня, ме-

Дворец царя Алексея Михайловича

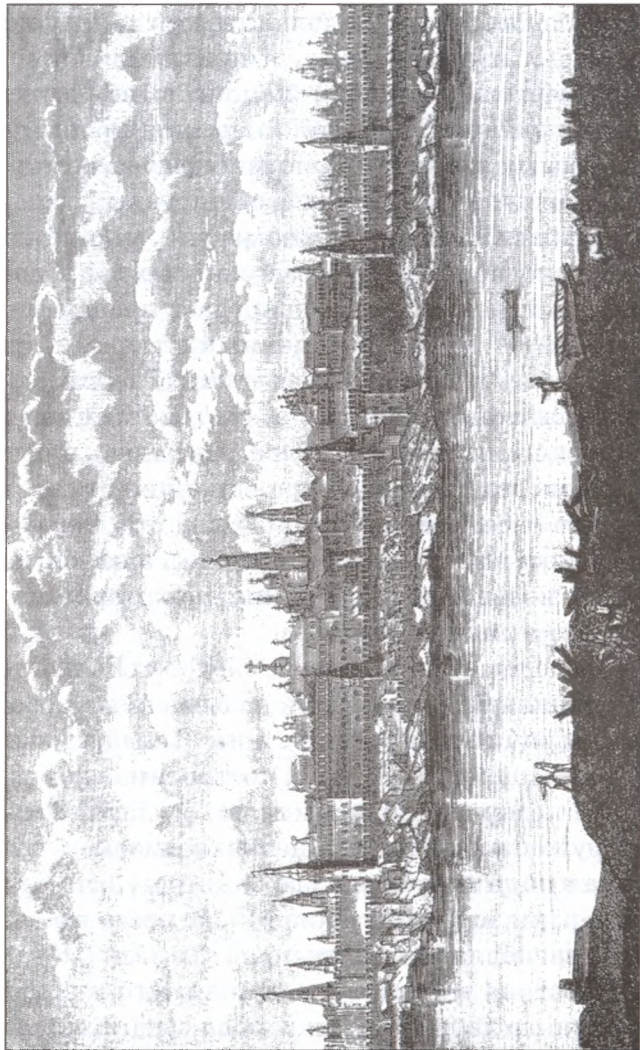
доярня, воскобойня, свечная, аптека, денежный двор, конюшенный двор и прочее. На взгорье к Москве-реке был запасный дворец – каменное здание с разведенным на нем садом, а внизу житный двор (где хранились хлебные запасы) и церковь Благовещения. Кроме царского двора в Кремле были дворы приближенных к царю бояр и вельмож. Так, при Алексее Михайловиче там находились дворы: Морозова, Куденевича-Черкасского, Бориса Лыкова и других. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и затейливость украшений останавливали на себе взгляд путешественников, но более всего их поражали кремлевские церкви: купола и главы некоторых из них были покрыты золоченой медью и ослепительно блистали против солнца. В начале XVI века только немногие из них были каменные, но в XVII веке число их несравненно увеличилось.

Всех вообще церквей насчитал Олеарий в Кремле 52, а другой путешественник при Алексее Михайловиче только 30. Верно только то, что их было больше, чем теперь, потому что кроме существующих упоминаются такие, которых более нет: Сретенский собор, Троицкий монастырь, церковь Сергия Чудотворца. Башня Ивана Великого, построенная Борисом, величаво возвышалась над кремлевскими зданиями; близ нее находилась башенка с огромным колоколом в 365 центнеров весом. К огромному языку его были привешены две веревки, а к каждой из них по двенадцати веревок, так что нужно было двадцать четыре человека, чтобы раскачать эту массу. В него звонили по большим праздникам и при встрече посольств.

За пределами Кремля на восток тянулся Китай-город. Китай-город начинался от Кремля Красной площадью. Он был обведен кирпичной стеной красного цвета (побеленной при царевне Софье), которая на севере соединялась с углом кремлевской, а на юге вдоль Москвы-реки с белгородской и образовывала с ней одну стену. Тут было лобное место, откуда читались народу царские грамоты; здесь стояла Покровская церковь, которую называли Иерусалимской, построенная царем Иваном Васильевичем после взятия Казани и теперь поражающая своей оригинальностью и причудливой смесью восточной архитектуры с европейской. Недалеко от нее был амфитеатр из тесаного камня, поднимавшийся вверх уступами, место значительное в старой обрядности нашей в праздник Вербного воскресения. Близ амфитеатра стояла церковь Св. Меркурия Смоленского; с другой стороны амфитеатра находился Земский

приказ – покрытое землей здание с двумя огромными орудиями наверху и с другими двумя внизу на земле. На Красной площади перед лицом Кремля был большой рынок, где постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднующие, а вблизи амфитеатра сидели женщины, продававшие свои изделия. На восток от рынка простирались торговые ряды; их было множество, потому что для каждого товара был свой торговый ряд. В Китай-городе находилась типография, множество церквей, многие приказы, дома знатных бояр, дворян и гостей, английский двор, по упразднении привилегии англичан обращенный в тюрьму, три гостиных двора; от последнего из них, персидского, на юг шла овощная улица, состоявшая из лавок с овощными товарами. Она упиралась в рыбный рынок, по рассказам иностранцев ставший известным своей нестерпимой вонью. От него через реку построен был мост на судах, а за мостом следовало козье болото, урочище, на котором казнили преступников.

За пределами Китай-города следовал Белый город, обведенный белой стеной, называемой так особенно в отличие от красной стены Китай-города. До Федора Иоанновича стена, построенная на этом месте, была деревянной; при этом государе вместо нее сооружена каменная. Она была высока и толста, шла в виде полумесяца от одного пункта близ Москвы-реки до другого близ той же реки, в обоих пунктах загибалась и примыкала с запада к Кремлю, а с востока к Китай-городу, так что у подножья царского двора все три города соединялись в одну кремлевскую стену, которая шла вдоль Москвы-реки. По стенам Белого города шли башни; из

Московский Кремль. Начало XVIII века

них двенадцать были проезжих с воротами: на юго-западе Троицкая, на повороте, посредством которого Белый город соединялся с Кремлем; отсюда по круговой линии на запад, с запада на север, а с севера на восток следовали одни за другими ворота в проезжих башнях: Чертольские, переименованные в 1658 году в Пречистенские, Арбатские, в том же году нареченные Смоленскими, Никитские, Тверские, Петровские, Дмитровские, Сретенские, Мясницкие, переименованные в 1658 году в Фроловские, Покровские, Яузские и Васильевские. Между Сретенскими и Дмитровскими воротами стояла башня, через которую проходила река Неглинная, протекавшая через Белый город по направлению с северо-востока на северо-запад. Эта башня называлась Неглинной Трубой. Между проезжими башнями стояли глухие: между Чертольскими и Арбатскими и между Никитскими и Тверскими по две; между остальными по одной; глухая башня между Яузскими и Васильевскими воротами носила исключительное название Наугольной. В начале XVIII века только между двумя воротами было по одной башне, между другими везде по две, а между некоторыми и по три. Стены Белого города шли по линии нынешних бульваров, и как известно, старинные названия ворот сохранились до сих пор, хотя стены уже давно исчезли по повелению Екатерины II. Белый город, или Царь-город, как его называли, был самой населенной частью Москвы. У многих князей и бояр были здесь большие дворы, здесь жили многие из богатого купечества, большая часть ремесленников со своими мастерскими и лавками при них для продажи своих изделий; здесь был гостиный шведский

Церковь при доме Нарышкиных на Воздвиженке

двор; здесь сосредоточивалась торговля хлебом и мясом: последнее продавалось на мясном рынке с мясных скамей; на этом рынке были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близ урочища, называемого Поганый Пруд, стоял пушечный, или литейный, завод, где готовились пушки и колокола; в другом месте был царский конюшенный двор с конюшнями. Еще в конце XVII века на правой стороне Неглинной возвышался построенный Иоанном Грозным в 1565 году в итальянском вкусе дворец.

За пределами Белого города был расположен Земляной город. Стену его построили в 1591 году,

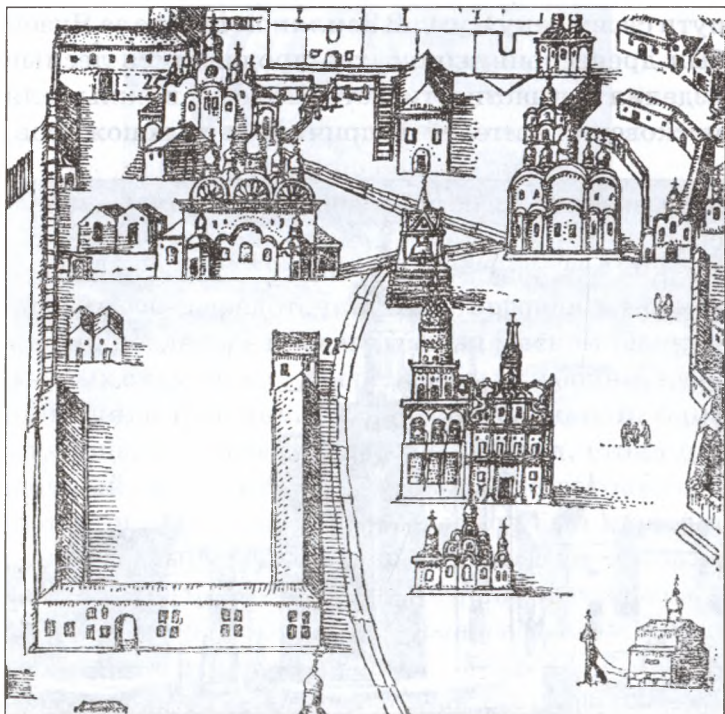
опасаясь набега крымцев, посещение которых двадцать лет назад наделало лишком много горя московским жителям. Эта стена была построена очень скоро, и, вероятно, от этой скорости весь Земляной город назывался Скородумом, то есть скорозадуманным городом. Англичанин при Алексее Михайловиче замечал, что в этой стене было так много дерева, что из него можно было построить ряд тонкостенных английских домиков на тринадцать миль длины. Стена эта шла по теперешнему направлению Новинского и Садовой округленным очертанием и как на западе, так и на востоке упиралась в Москву-реку, пересекая на пути свою реку Яузу. В Земляном городе за Яузой был древесный рынок, где продавались лесные изделия и, в частности, готовые дома, нужные для московских жителей по причине частых пожаров.

Площадь в Москве в конце XVII века

Много торговых и ремесленных заведений находилось в дворах домохозяев. Жители здесь были большей частью посадские люди, и мало жило знатных особ. Дома были почти все деревянные, а сами дворы отличались огромностью пространства.

Замоскворечье в древности называлось Заречье. Великий князь Василий Иванович поселил здесь пленных немцев и литовцев: им дозволяли пить вино, потому-то их и вывели отдельно от русских, которым вино разрешалось только по праздникам. От этого Заречье прозвано Наливки от

Кремль. Деталь плана. Начало XVII века

слова «наливай». Впоследствии там заведена была стрелецкая слобода. Она была обнесена стеной, которая казалась продолжением стены Земляного города, потому что подходила к Москве-реке в тех пунктах, где на противоположной стороне упиралась в нее земляногородская стена. Двое ворот – Серпуховские и Калужские – в проезжих башнях служили выходом и входом для этого города.

За городом были разные слободы, которых насчитывают чрезвычайно много; одни из них вошли в разное время в город; местность других теперь даже определить трудно. В XVI и XVII веках упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотен), ордынцев, седельников, гончаров, котельников, серебряников, басманников, огородников, мясников, воротников, гранатников, кречетников, трубников, барашей, пушкарей, сокольников, хлебников; Бронная, Конюшенная, Казенная; другие носили названия по собственным именам: Семеновская, Воронцовская, Алексеевская, Никитская, Кудрина, Садовая; было, сверх того, несколько ямских слобод: Тверская, Дорогомиловская, Рогожская, Запрудная. За Яузой, где помещались многие из перечисленных здесь слобод, была, в частности, Иноземная слобода, или Немецкая, построенная Иваном Васильевичем Грозным. После Смутного времени немцы расселились по городу и построили себе церковь в Белом городе; по настоянию духовенства при Алексее Михайловиче их снова выселили в слободу. Там у них было три церкви.

Кроме всех слобод по окрестностям столицы было рассеяно множество загородных домов вельмож и богатых московских жителей, так что, приближаясь к столице, можно было издали ее чувство-

вать. Там и сям мелькали монастыри, огороженные стенами и башнями во вкусе тогдашних городов. Между ними беспрестанно появлялись новые дворы. Монастыри и слободы произвольно захватывали земли и отдавали их, как свою собственность, под загородные дворы. Но в 1649 году правительство со всех таких дворов постановило собирать в казну оброк и запретило впредь селиться на выгонной земле. Таким образом было остановлено естественное расширение столицы.

IV. ПОСАДЫ

Посады, как выше сказано, обыкновенно располагались при городах и часто укреплялись острогами или осыпями; но в местах, где отдаленность от границы не представляла опасности, посады были без городов. Жители посадов – торговцы, ремесленники и промышленники, обязанные различными налогами и повинностями правительству, назывались тяглыми; их тяглые дворы служили единицами в полицейских и финансовых отношениях посадов к государству. Кроме тяглых дворов были на посадах дворы не тяглые, или белые, не подлежавшие тем повинностям, какие налагались на тяглые. То были дворы священнослужителей, дворы церковные, монастырские подворья, где жили старцы, заведовавшие делами своих монастырей, участвовавших, как известно, в торговле, дворы дворян и детей боярских, которые редко жили в них сами, а чаще содержали там своих дворников. Были еще на посадах оброчные дворы, то есть такие, которые сдавались от казны в

оброк на подобных основаниях, как и поземельные участки. Этот обычай велся издавна и существовал еще при великих князьях. Наконец, в посадах между дворами составляли особый разряд дворы бобылей, людей бедных, не имевших определенного занятия и плативших соответственно своему состоянию меньшие налоги.

Строиться улицами было издавна в обычае русских. В посадах улицы носили названия по именам церквей, построенных на них, например, Дмитровская, Пречистенская, Воскресенская, Успенская, иногда же – по занятиям тех, которые на них жили, например, Калачная, Ямская, Кабацкая, Загостинская; иногда по каким-нибудь собственным именам, прозвищам, например, Букреева, Парфеновка. По краям улиц, или где они пересекались между собой, ставили образа в киотах. Вообще они были широки, довольно прямы, но очень грязны. Только в Москве и в больших городах было что-то похожее на мостовую. Это были круглые деревяшки, сложенные плотно вместе одна с другой. Не вся Москва была таким образом вымощена: во многих местах не было мостовой, и там, где особенно было грязно, через улицы просто перекладывали доски. В Москве собирался с жителей побор под именем мостовщины, и земский приказ занимался мощением улиц, но мостили больше там, где было близко к царю. Такая мостовая не препятствовала, впрочем, женщинам ходить не иначе, как в огромных сапогах, чтобы не увязнуть в грязи. Хотя в Москве существовал особый класс слугителей, называемых метельщиками, обязанных мести и чистить улицы, и хотя их было человек пятьдесят, однако в переулках

столицы валялось стерво и во многих местах господствовала невыносимая вонь. Если в самой столице так мало соблюдали чистоту, то еще менее заботились о ней в посадах, но зато при малолюдстве их в сравнении с Москвой такая небрежность не столько причиняла зла.

Везде в посадах были площади, иногда очень просторные и всегда почти неправильные. В Белозерске в XVI веке при трехстах дворах была площадь в 240 саженой длиной, а шириной в одном конце в 68 саженой, а в другом 36, в середине 7–10. В Муроме площадь была в длину 94 сажени, а в ширину в одном месте 26, а в другом 12 саженой. Обыкновенно все улицы посада с разных сторон неправильными линиями сходились к площадям, которые были центром торговли и вообще всех сношений жителей посада. Тут стояли ряды и лавки, где не только продавали, но и работали, прилавки с разными мелочами, скамьи с мясными и рыбными припасами, калачни, харчевни, где собирались гуляки, и земская изба — место выборного управления. В больших посадах также торговые рынки находились в той части, которая окружена была стеною и часто называлась городом; например, в Астрахани в той части посада, которая была окружена каменной стеной и называлась Белым городом, была площадь, где находился большой гостиный двор и торговые заведения, а в другом месте была площадь, где продавалось дерево. Около посадов оставлялась всегда выгонная земля, называемая иначе поскотиною; если там были луга, то ее называли луговой, или же боровой, когда посад окружали леса.

Главным украшением посадов были церкви. Не говоря уже о Москве, где число всех церквей,

по свидетельству путешественников, поверявших наблюдения один другого, простиралось до двух тысяч, вообще в посадах, даже немногочудных, находилось множество церквей, несоразмерное с населением. В Белозерске, где всех душ в 1674 году насчитывалось только 960, было 19 церквей и из них одна каменная соборная. В Муроме в 1687 году

Церковь Василия Блаженного

было, кроме 3 церквей в городе, 4 монастыря и 20 церквей в посаде, а между тем Муром не отличался многолюдством. В старые времена каждый зажиточный человек строил церковь, содержал для нее попа и молился в ней со своей семьей. Зато многие церкви были так малы, что простирались не более, как на 15 футов, они были деревянные, небеленые, крытые тесом или гонтом, но часто главы покрывались белым железом и блистали против солнца. В Вологде все главы церквей, которых было всего 67 (21 каменных, 43 деревянных и три монастыря), были покрыты таким образом.

Вообще посады наши были не многолюдны. Разные бедствия, столь обильно изливаемые судьбой на Русь, оказывали постоянно вредные последствия на умножение населения посадков. На юге России никак не могли процветать посады, потому что беспрестанные набеги крымцев не давали народу возможности вести оседлую жизнь, тем более заботиться о житейских удобствах. Очень часто посещали Русь моровые поветрия; как страшно они опустошали посады, можно видеть из таких примеров, как, например, в Шуе, где в 1654 и 1655 годах после морового поветрия из 224 дворов вымерли совершенно обитатели 91 двора и после трех лет, в 1658 году, многие дворы еще оставались по той же причине пустыми. Дурное управление и тягости, возложенные на посадских от правительства, побуждали жителей оставлять свои жительства и шататься с места на место; другие, гонимые бедностью, закладывались частным владельцам или монастырям; иные постригались в монахи.

Выше показана скудость населения в Белозерске и Шуе; в других местах и в различное время пред-

ставляется то же. Так, например, в 1574 году в Муроме было 738 дворовых мест, назначенных для поселения, но из них только 111 было жилых, 107 дворов со своими строениями стояли пустыми, а прочие места не были и застроены, или, может быть, бывшие на них строения уже исчезли. В 1637 году в Устюжне было всего 178 дворов, а людей в них 254 человека. Около того же времени или несколько позже в Чердыне было 304 двора, а в Соли-Камской 355; а эти города по своему местоположению, удаленному от внезапных набегов хищнических народов, и по приволью представляли возможность правильного населения. В Холмогорах, которые стояли недалеко от моря и притом на главном торговом пути, в 1675 году было всего 645 дворов, а людей в них 1391 человек. Сама власть не способствовала развитию посадской жизни. Прежние цветущие города – Новгород, Псков, Тверь, потеряв свою гражданственность, теряли и свои богатства. Правительство, стремившееся к единовластию, не допускало в посадах развиваться самоуправлению, которое всегда идет рука об руку с благосостоянием. При непрерывных, неотвратимых бедствиях, побуждавших народ к шатанию, было невозможно, чтобы в посадах заботились о красоте и прочности постройки зданий; притом же пожары были самое повседневное и повсеместное явление. Москва, как известно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Стоит припомнить пожар 1493 года, истребивший всю Москву и Кремль, славный пожар 1547 года, когда, кроме строений, сгорело более 2000 жителей, пожар 1591 года, доставивший Борису случай показать народу свою щедрость; пожары при Михаиле Федоровиче были

так часты, что не обходилось без них ни одного месяца; иногда на них было такое плодородие, что они следовали один за другим каждую неделю, и даже случалось, что в одну ночь Москва загоралась раза по два или по три. Некоторые из этих пожаров были так опустошительны, что истребляли в один раз третью часть столицы. При Алексее Михайловиче Москва несколько раз испытывала подобные пожары, например, во время возмущения народного по поводу пошрины на соль в 1648 году, потом в 1664 и 1667 годах.

В других городах пожары были так же опустошительны; например, в Пскове в 1623 году был пожар, истребивший город дотла, так что жители, обеднев, долго не могли после этого оправиться. Несмотря, однако, на такие частые бедствия от огня, меры против него были вялы и преимущественно только предохранительные: старались делать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строений кадки с водой и мерники с помелами; запрещалось по ночам сидеть с огнем и топить летом мыльни и даже печи в избах, а вместо того жители должны были готовить себе пищу в огородах. Эта мера одна по себе была плохим средством, и притом не все ей подлежали: некоторым зажиточным хозяевам, так называемым служилым людям, по хорошим их отношениям с воеводами позволялось то, что вообще запрещалось другим; воевода мог разрешить топить летом избу, если находил, что день довольно пасмурен или влажен, и мыльню из снисхождения к больным и родильницам. Когда вспыхивал пожар, все действия против него ограничивались тем, что старались ломать строения, стоявшие близ горящих зданий. Только в Москве были неко-

того рода обычные меры гашения огня при пожарах. При Михаиле Федоровиче существовали какие-то холстинные парусы саженой в пять длиной и щиты из лубьев с ручками. При Алексее Михайловиче велено было, чтобы все вообще зажиточные люди заводили у себя медные и деревянные трубы, а люди с меньшим достатком складывались вместе по пяти дворов для покупки одной трубы, и в случае пожара все должны были бежать для погашения.

V. СЛОБОДЫ

На Руси встречались слободы трех родов: служилых людей, промышленников и, наконец, вообще поселян, пользующихся льготами. К слободам служилых людей относились: стрелецкая, пушкарская, пищальная, затынщиков, воротников, казачья, ямские. В них были поселены служилые люди одного какого-нибудь наименования, которые составляли корпорацию и исполняли определенную служебную обязанность в отношении правительства. Слободы этого рода пользовались особым управлением и особыми правами. По большей части они находились близ городов и составляли предместья посадов, если под городом находился посад. В некоторых местах, однако, особенно на юге Московского государства, место самого посада занимали слободы. Близ одного острога были слободы: стрелецкая, казачья и пушкарская, а посадских был один только двор; таким образом, весь посад хотя и числился существующим, но заключался в одном только дворе. Величина служилых слобод соизмерялась с потребностью военной силы по важ-

Прием в Александровской слободе

ности города, близ которого они были расположены; иногда они были очень не велики, например, человек в пятьдесят жителей и даже менее.

При исчислении слобод, находившихся близ Москвы, показаны роды промышленных, ремесленных и торговых слобод. Подобные названия встречались в разных местах Руси. Некоторые промышленные слободы были в то же время и служилые, потому что жители их были обязаны доставлять к царскому двору произведения своего труда и за то пользовались облегчительными льготами. Таковы были слободы бобровников, слободы рыбных ловцов, слободы сокольников и кречетников и прочее, жители которых обязаны были доставлять ко двору плоды своей охоты и рыбной ловли, точно так же, как близ Москвы жители слободы Кадашевки зани-

мались тканьем полотен и отбывали повинности доставкой своих произведений на потребности двора.

В Сибири, кроме служилых слобод, такое же название носили поселения, где жители занимались земледелием и пользовались льготами, которые давались новопривывшим туда поселенцам в уважение к их недавней оседлости. В XVII веке служилые люди ходили по Руси и вербовали народ в Сибирь, заманивая обещаниями разных льгот; сверх того, для перехода давались охотникам подможные деньги. Эти поселенцы обязаны были пахать известное количество земли и, собирая с нее хлеб, доставлять его в города для прокормления служилых; такие слободы назывались пашенными.

VI. СЕЛА И ДЕРЕВНИ

Земледельческие жилые местности вообще по административному положению были черные тяглые, дворцовые, поместья и вотчины. Первые были государственные имения, вторые – собственность государя и его фамилии; поместья были казенными имениями, которые раздавались служащим людям как бы вместо жалованья за их службу: владелец не мог ни продать, ни заложить, ни завещать их, и хотя они очень часто переходили от отцов к детям, но не по праву наследства, а по новой отдаче от правительства, так что каждый раз, получая во владение отцовское поместье, сын должен был справлять его за собою, то есть приобретать от правительства на него право с обязанностью нести за это службу. Вотчины были собственностью владельцев. Вотчины были владычные, то

есть принадлежавшие архиереям или соборам, или, как тогда говорилось, домам святых, например дому Пресвятой Богородицы, дому Софийскому, монастырские и, наконец, частных лиц, то есть бояр, окольных, дворян и детей боярских.

Сельские жители всех перечисленных здесь поселений вообще назывались крестьяне, и для означения, к какого рода владениям они приписывались, прибавлялось прилагательное: монастырские крестьяне, владычные крестьяне, дворцовые крестьяне, помещиковы и вотчинниковы крестьяне. В XVII веке крестьяне в вотчинах, принадлежавших отдельным владельцам, вообще назывались боярскими, и господские имения носили общее имя боярщины. С прекращением личного права крестьян на переход с владельческих земель, на которых они были поселены, по мере большего прикрепления к земле крестьяне мало-помалу входили в один разряд с холопами или рабами. Несмотря на малолюдность края, в XVII веке село чаще было раздроблено между разными владельцами, чем составляло собственность одного: только владения бояр и князей представляли исключение. По большей части в одном селе было несколько владельческих усадеб. Около них поселены были обыкновенно рядами дворы их подданных и разделялись на дворы людские, крестьянские и бобыльские. В людских жили люди или холопы, обращенные господами на полевые работы; иногда в одном дворе и даже в одной избе помещалось несколько семей этих рабов, не имевших ничего собственного и живших на скаредном содержании от владельца. В крестьянском дворе обыкновенно жил хозяин не только с семьей, состоящей из детей, братьев и племянников и разделявшейся на две, на три и четыре

семьи с общим достоянием (не в разделе), но часто с несколькими посторонними семьями работников или подсоседников, которые не имели своего угла, жили по найму и в отношении юридическом и административном вместе с хозяйской семьей составляли одну единицу. Отличие крестьян от бобылей возникло в давнее время. Когда еще не воспрещено было крестьянам с известными условиями переходить от владельца к владельцу, крестьянин, поселявшийся на земле вотчинника или помещика, брал от него участок, носивший юридическое название жеребья, и должен был отбывать повинности, лежавшие на этом жеребьи. Те, которые не могли брать целых жеребьев, селились на владельческих землях, платя только за свой двор и обрабатывая землю по добровольным особым условиям с владельцем, а потому не подчинялись уже обязанностям, лежавшим на жеребьях. Такие назывались бобылями. После укрепления крестьян бобыльскому сословию предстояло со временем смешаться с крестьянским, но и в XVII веке еще оно не успело совершенно потерять свое отличие. Бобыльские дворы всегда писались отдельно от крестьянских, ибо всякий крестьянин, как и прежде, отправлял свои повинности с тяглого жеребья, хотя назначение такого жеребья и зависело от владельца, сколько можно судить по дошедшим до нас известиям. Бобылями, то есть не имеющими жеребья, стали называться тогда те, которые по бедности не могли удержать за собою жеребьев. Но в старину, в XVI веке, не всякий бобыль был бедняком. Когда поселяне имели право переходить с земель владельческих на другие, многие могли не обязываться жеребьем не потому только, что по скудости не в силах были вынести лежавших на жере-

бьях повинностей, но также и для того, что не нуждались в таком количестве земли, какое приходилось на жеребий, и сверх земледелия извлекали из других занятий средства к содержанию. После воспрещения перехода и укрепления крестьян, когда распределение жеребьев зависело уже от владельца, естественно те, которых владелец не считал удобным посадить на тяглый жеребий, были только бедные люди; без того владелец, конечно, дал бы им жеребий и обложил повинностью. Таким образом, слово бобыль перешло в значение бедняка, пролетария и осталось с ним до нашего времени.

До прекращения перехода земледельцев в вотчинах и поместьях было всегда значительное число пустых дворов со строениями, готовыми принять новых жильцов. Одни строились самими владельцами и сдавались приходящим крестьянам; другие – крестьянами, смотря по договорам. Но и в XVII веке, несмотря на укрепление крестьян, повсюду в имениях было не менее прежнего пустых дворов, потому что многие из земледельцев бегали, оставляя свои жилища; другие, вероятно, сами были увольняемы владельцами. Сельская жизнь по-прежнему носила на себе явный недостаток оседлости.

Вообще сельское народонаселение, как и посадское, было скудно и бедно. Частые войны и моровые поветрия истребляли его. В украинских землях татары сжигали дотла поселения, умерщвляли и забирали в плен людей, не успевших схорониться в городах. При Михаиле Федоровиче вся страна на юг от Москвы была сожжена и представляла голую степь. Правительство не падало духом и деятельно заботилось о заселении ее вновь; но долго еще несчастные условия препятствовали всяким усилиям.

Земледелец не мог спокойно располагать своим временем и часто среди летних работ принужден был покидать на поле не собраный хлеб и по зову бирючей спешить в осаду. Крестьянам не позволялось от правительства строить житницы, а велено было держать зерновой хлеб в ямах. Сами избы обыкновенно сжигались, как только неприятель приближался, и крестьянин убегал в город с тем, что успевал захватить с собой. Нередко плоды долголетних трудов уничтожались в один день. Таким образом, плодоснейшие полосы государства оставались необработанными и почти незаселенными. Подобных бедствий не чужды были и другие русские области. Так, в разделе между Строгоновыми постановлены были условия, чтобы строения, построенные за укреплениями в их сибирских владениях, были сжигаемы во время опасности.

Недостаток прочной оседлости не допускал жителей прилагать стараний о сборе запасов продовольствия на случай скудных лет. От этого в случаях неурожаев, которые, благодаря климату и почве, были нередки, пустели целые края от голода, как от заразы. Следует прибавить, что несправедливое управление, отягощавшее жителей, принуждало их к побегам и приучало предпочитать бездомовную, скитальческую жизнь оседлой. Все эти причины препятствовали увеличению народонаселения и мешали его благосостоянию. Многие известия старых времен указывают на повсеместные пустые дворы, обитатели которых или вымерли, или побиты, или разбежались. Целые села исчезали, оставляя по себе название пустых селищ. В XVII веке, неподалеку от Москвы, следовательно, в самом населенном крае, в двух селах и одной деревне насчитывалось только

216 дворов и в них 299 душ. В 1675 году в Двинском уезде во всех его станах и волостях было всего 2531 двор и в них 5602 человека. Во всем Чердынском уезде в конце XVII века было всего до трех тысяч дворов. Как сельское население колебалось в каждом месте, то увеличиваясь, то уменьшаясь, можно видеть из описания одного стана в Вятском уезде: в 1629 году там было 44 деревни и 23 починка; в них дворов было живущих 100, а людей 106; в 1646 году там оказалось 103 деревни, дворов живущих 209 и людей 1055 человек, да сверх того пять деревень и семь дворов пустых; в 1658 году в том же стане 53 деревни, 44 починка, живущих дворов 133, а людей 714 человек. Более чем в другие края население в XVII веке подвигалось, кажется, на восток, именно в края, занимавшие нынешние Пензенскую и Тамбовскую губернии и южную часть Нижегородской, где в XVI веке почти не было русских жителей, а в

Русские крестьяне

середине XVII века появляется много городов, слобод и сел, как видно из дел о возмущении Стеньки Разина. Этому причиной, кажется, было то, что воинственность тамошних туземцев – мордвы и чувашей – была уступчива к силе русских поселенцев. Вообще события XVII века одно за другим представляли очень неблагоприятные условия для оседлости и умножения народонаселения. В первых годах XVII века эпоха самозванцев со всеми ее последствиями сильно потрясла, опустошила и обезлюдила Русь во всех ее концах. При Михаиле Федоровиче не успела Русь еще оправиться от прошедших бедствий, как ее начали терзать непрерывные набеги татар на южные области; отдохнув немного в первые годы царствования Алексея, русское население вслед за тем подверглось целому ряду бедствий: изнурительные войны с поляками, набеги крымской орды, моровые поветрия, внутренние мятежи истощали его. Один англичанин, посещавший Россию в конце царствования Алексея Михайловича, говорил, что на пространстве пятисот верст едва можно было встретить десять женщин и одного мужчину. Не должно обольщаться обилием сел и деревень, встречаемых в письменных актах: были села с церквями, в которых всего-навсего было одиннадцать дворов, а деревни были столь малолюдны, что в них значилось двора по три, по два и даже по одному. Избегая непрерывных бедствий, народ переселялся в Сибирь; некоторое время она была обетованной страной России; но правительство, покровительствуя заселению этого края, неоднократно и останавливало стремление народа на девственную, плодородную, хотя и студеную ее почву. Уже в 1658 году сибирский владыка просил о прибавке земли в его домовых волостях

и представлял, что народонаселение увеличилось, а земля выпахалась. Впрочем, и в Сибири солнце светит, гласит русская пословица: и там были воеводы, поборы, разметы, набег и иноземцев, моровые поветрия и неурожаи.

VII. ДВОРЫ И ДОМА

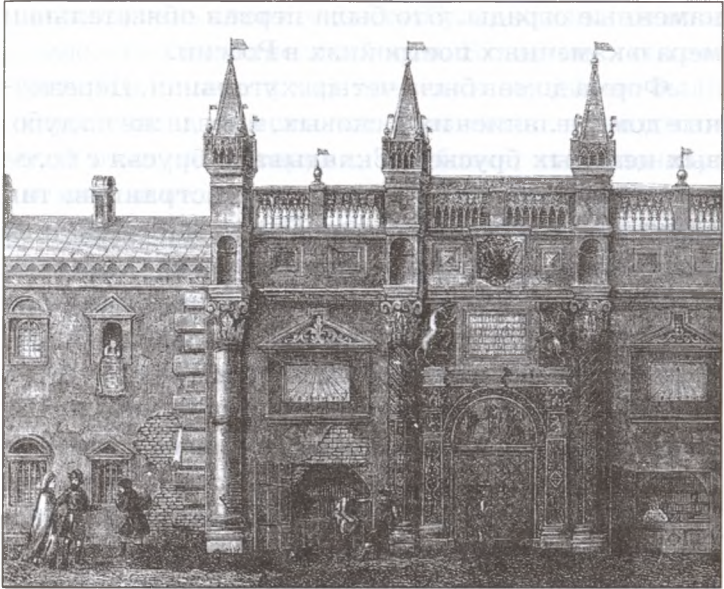
Дворы в нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже из того, что для предохранения от пожаров приказывали варить кушанье и печь хлеб далеко от жилых строений в городах. В старину, при великих князьях, в Москве были дворы, принадлежавшие князьям, до того огромные, что делились как уделы, и даже два князя владели одним двором. В завещании Иоанна III о дворах, данных им своим детям, говорится о том, что в них заводили торги, и о разных судных делах, касавшихся живущих в этих дворах: это указывает на обширность и населенность таких дворов. В XVII веке царская усадьба в Измайлове простиралась на четыре десятины. В Александровской слободе конюшенный двор занимал более девяти десятин. Велики были дворы архиереев и монастырские подворья в городах и посадах; например, в Хлынове двор владыки имел 85 саженей в длину, а поперек в переднем конце 44 и в заднем 54 сажени, да сверх того отведен был двор для его церковных детей боярских в 61 сажень в длину и 12 в ширину. Торговый двор Печерского монастыря в Вологде имел в длину 60 саженей, а поперек 8. Иногда дворы посадских, если в посаде было много места, простирались до 50 и до 60 саженей в длину. Как велики бывали в Москве дворы бояр и знатных особ,

можно видеть из следующих примеров XVII века: боярский двор в длину 37 саженей без трети и поперек в одном конце – переднем – 9, а в заднем 33 сажени; другой двор (стольника) в длину 25 саженей с половиной, поперек в одном конце 19 саженей с половиной, а в другом 12 без чети. При сдаче земли под постройки загородных домов считалось достаточным на двор 20 саженей в длину и 10 в ширину. Встречались примеры усадеб гораздо меньшего пространства, как-то: 14 саженей в длину, а поперек в одном конце 13, а в другом 10. В посадах обыкновенная средняя величина усадеб была от 10 до 20 саженей в длину; встречались даже и менее, например, в 7 саженей в длину и в 3 сажени поперек. Вообще форма дворов была неправильная и поперечник не только не равнялся длине, но в переднем конце был иной меры, чем в заднем. Всего чаще он подходил к равной мере с длиной в городах, где ограниченность пространства не позволяла слишком широко располагаться.

Дворы по возможности старались располагать на возвышенных местах для безопасности от поллой воды и зимних сугробов. Такое правило наблюдалось в селах и деревнях при постройке усадеб владельцев. Кругом дворы огораживались забором, иногда острым тыном или заметом. Обыкновенно эта городьба была деревянная, но в XVII веке иные делали каменные или кирпичные ограды, иногда там, где на дворе вся постройка была деревянная. Так, в Москве были усадьбы с деревянными постройками и каменными оградами. Точно так же в царском имении, в Измайловском селе, хотя постройка была деревянная, но ограда каменная со сводообразными жилыми помещениями

внутри для прислуги и для хозяйственных принадлежностей. Домовитый хозяин старался оградить свою усадьбу так, чтобы через нее никакое животное не пролезло и чтобы от соседей не могли приходиться слуги к его слугам. В ограду вело двое и трое (иногда более – пять или семь) ворот, и между ними одни были главные, имевшие у русских некоторого рода символическое значение. Они украшались с особенной заботливостью и делались крытые, а иногда в виде отдельного проездного строения с надстроенными наверху башенками; сами створки украшались разными изображениями, как-то: орлов, оленей, цветов и тому подобное. Издревле существовал обычай над главными воротами городов надстраивать часовни и даже церкви: так было, в частности, в старинном Киеве, где над Золотыми воротами была сооружена церковь Благовещения. Сообразно этому обычаю, главные входы во двор получали некоторого рода священное значение; над воротами зажиточных частных людей почти всегда ставили образа в киотах. Ни в день, ни в ночь ворота не оставляли отворенными; днем они были только приперты, а ночью заперты на замок, и тогда по двору спускали с цепи собак. У самых ворот строилась караульная избушка, называемая воротней.

В самой Москве в XVI веке большая часть зданий были деревянными, и во всей столице едва можно было насчитать одну восьмую часть каменных, и те занимаемы были преимущественно кладовыми, а не жильем: никто не почитал каменных зданий удобнее деревянных для жилья. При Михаиле Федоровиче начал распространяться вкус на каменные постройки. Алексей Михайлович его поддерживал. При царском дворе существовали так назы-

Печатный двор в Москве. XVII век

ваемые палатных и городских дел мастера, резчики каменных дел, не только иностранцы, но и русские, украшавшие Москву зданиями. Зажиточные люди стали строить каменные дома, или палатки, но все-таки сохраняли старинное убеждение, что в деревянных домах жить здоровее, – и сами иностранцы, посещавшие Россию, с этим соглашались. Уже по смерти царя Алексея в 1681 году приказано было в Кремле в Китай-городе и Белом городе строить исключительно одни каменные строения, и для этого выдавали из Приказа Большого Дворца хозяевам на постройку кирпич по полтора рубля за тысячу с рассрочкой на десять лет, а тем, которые не имели средств сооружать каменные постройки, приказано делать вокруг дворов по крайней мере

каменные ограды. Это была первая обязательная мера о каменных постройках в России.

Форма домов была четырехугольная. Деревянные дома делались из сосновых, иногда же из дубовых цельных брусьев. Складывали брусья с большим умением, по замечаниям иностранцев, так плотно, что не оставалось ни малейшей скважины для прохода воздуха, и притом не употребляя в целом доме ни одного гвоздя, но скрепляли брусья, положенные один сверх другого, посредством зубцов в нижнем и зарубок или выемок в верхнем, так что зубцы вставлялись в зарубки или выемки. Целые толстые брусья плотно держались между собой, а для теплоты обивали их еще мхом; мох клали также по створкам дверей и окон. Это называлось строить избу во мху, а если продавалась изба, необитая мхом, такая изба называлась не избой, а срубом.

Особенность русского двора была та, что дома строились не рядом с воротами, а посредине от главных ворот пролегал к жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяин содержал постоянно в чистоте и наказывал слугам счищать с нее грязь в дождливое летнее и сугробы в зимнее время. Вместо того, чтобы по надобности строить большой дом или делать к нему пристройки, на дворе сооружали несколько жилых строений, которые имели общее название хором. Надворные постройки вообще были жилые и служебные или кладовые. Жилые носили наименования: избы, горницы, повалуши, сенники. Изба была общее название жилого строения. Горница, как показывает само слово, было строение горнее, или верхнее, надстроенное над нижним и обыкновенно чистое и светлое, служившее для приема гостей. Название повалуши сохра-

нилось теперь в восточных губерниях и значит кладовую, обыкновенно холодную. В старину хотя повалуши и служили для хранения вещей, но были также и жилыми покоями, неизвестно, в чем состоит их отличие от горниц, тем более, что и повалуши иногда надстраивались над нижними строениями, как горницы. Сенником называлась комната холодная, часто надстроенная над конюшнями и амбарами, служившая летним покоем и необходимая во время свадебных обрядов.

Очень часто по несколько строений всех этих видов находилось в одном и том же дворе. Например, три горницы и одна повалуша или две горницы и три повалуши. При каждом отдельном строении были сени, а часто двое сеней, одни передние, другие задние, и те и другие теплые; иногда же два или три жилых строения под одной крышей соединялись теплыми сенями, которые были общими для того и другого жилья. Обыкновенно жилые помещения располагались так, что главный дом был с одной стороны сеней, а по другую сторону, в заворот, другой дом, а от этого дома еще какое-нибудь составляющее с ним угол строение. Иногда в одном дворе несколько домов соединялись между собой крытыми переходами, которые были продолжением сеней. Эти переходы различными линиями проходили от одного строения к другому. В Измайловском и Коломенском селах у царей такие переходы, покрытые тесом и со слюдяными окончинами в окнах, сходились, как у центра, у домовых церквей. Такое устройство, вероятно, было и в домах знатных людей, у которых были церкви, ибо в те времена многие бояре, знатные дворяне и вообще богатые люди имели у себя домашние цер-

кви, и тогда из всех жилых помещений члены семейства могли сходиться все разом для слушания богослужения.

В XVII веке в Москве двор знатного человека, обнесенный снаружи каменным забором, представлял внутри несколько каменных строений, стоявших на погребках и нижних этажах. Перед каждым были сени. Между ними торчали деревянные здания, избы, горницы, светлицы и множество изб людских и служб каменных и деревянных, и все это было соединено переходами.

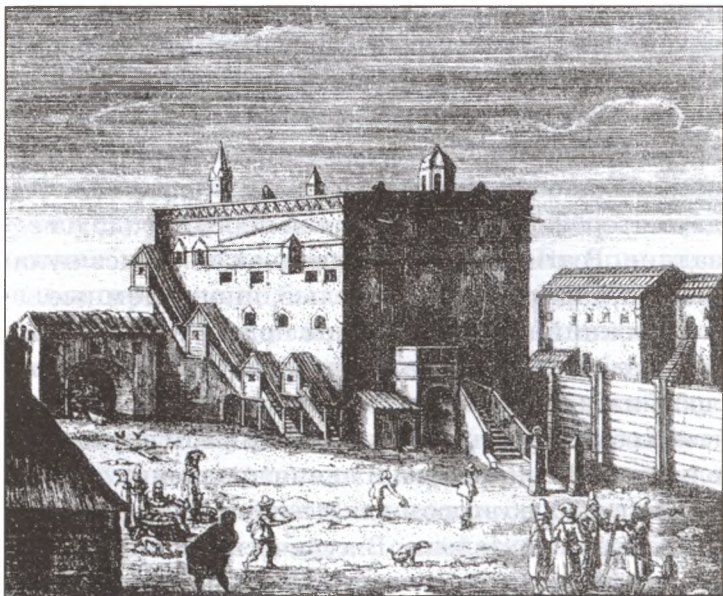
Начиная от царских до зажиточных посадских, способ расположения жилых строений был в главных своих чертах одинаков в Русской земле. У царей для каждого члена семейства строили особые хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще из детского возраста. Точно так же и у зажиточного крестьянина для братьев, сыновей и племянников хозяина строились избы, соединенные между собой; иногда две и три избы под одной кровлей соединялись между собой сенями, иногда несколько изб связывались переходами.

Такой своеобразный способ постройки как будто выражал сочетание родового единства с личной и семейной отдельностью, и двор русского зажиточного человека напоминал собой древнюю удельную Русь, где каждая земля стремилась к самобытности и все вместе не теряли между собою связи.

В числе причин, побуждавших таким образом располагать жилые помещения, было и то, что при таком способе постройки удобнее было по смерти владельца наследникам разделить между собой, а в случае, если бы кто пожелал выселиться и завести собственный двор, ему легче было бы пере-

нести на новое место то, что ему досталось из строений по разделу.

У простолюдинов избы были черные, то есть курные, без труб; дым выходил в маленькое волоковое окно; при собственно так называемых избах были пристройки, называемые комнатами. В этом пространстве жил бедный русский мужик, как живет во многих местах и теперь, со своими курами, свиньями, гусями и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищем целому семейству, а от печи по верху под потолок приделывались полати. К избам приделывались разные пристенки и прирубки. У зажиточных крестьян, кроме изб, были горницы на подклети с комнатами, то есть двухэтажные домики. Курные избы были не только в городах, но и в посадах и

Посольский дом в Москве. XVII век

в XVI веке в самой Москве. Случалось, что в одном и том же дворе находились и курные избы, называемые черными или поземными, и белые с трубами, и горницы на нижних этажах.

Зажиточные люди обыкновенно строили себе дома в два жилья, нередко с надстройкой наверху, которая придавала дому снаружи вид трехъярусного.

Перед входом стояло крыльцо. В низких одноэтажных избах вместо крыльца со ступенями был деревянный помост, называемый передмостьем. В простых деревянных домах оно огораживалось только перилами. В богатых домах крыльцо делалось с кувшинообразными колоннами и покрывалось остроконечными кровлями. Вход в нижний этаж чаще всего был через особую от крыльца дверь или изнутри; ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую рундуком, огороженную балясами, потом прямо в сени второго яруса. Соответствующая ему часть в нижнем этаже дополнялась также сенями и называлась подсенье. Как сени, так и подсенье пристраивались с двух сторон дома, и одни были передние, другие — задние. В этих сенях и подсеньях делались чуланы и каморки, иногда светлые, иногда темные.

Нижний этаж назывался подклетом и за единицу здания принимался второй, так что говорилось: изба на подклете, горница на подклете. Подклеты были жилые и глухие. В первом случае они служили для прислуги и для исправления домашних служб, а во втором для кладовых, или же в них устраивались мыльни. В купеческих домах в подклетах сваливались товары. В казенных зданиях подклетам давали назначение, сообразное потреб-

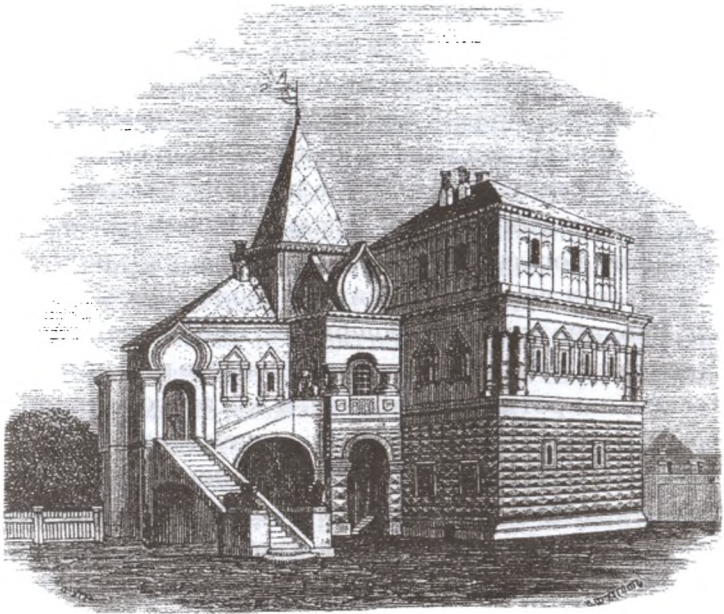
ностям, для которых существовало здание; например, подклеты под съезжей избой занимались тюрьмой; в кабачных зданиях там устраивались вообще подвалы. Иногда под подклетом был выход или погреб для хранения напитков; но когда подклеты были жилые, в них делались печи, и оттуда проводились во второй этаж нагревательные ценинные трубы.

Стоящий на подклете второй этаж занимало хозяйское жилье. У людей среднего состояния оно заключало по три, а иногда только по два покая: горницу, собственно так называемую, и комнату; иногда к ним пристраивалась кухня, но чаще кухня была в особой избе, называемой поварней. Иногда в одном строении было два, а в другом три покая, например, горница с комнатой (следовательно, два покая) и повалуша с тремя жилыми помещениями, или же число потребных покоев заменяли отдельные строения, например, две горницы на подклетах и три повалуши, соединенные между собой сенями. Люди богатые, часто учреждавшие у себя пиры и приглашавшие много гостей, строили для своих парадных обедов особые избы в один покой с сенями, так называемые столовые. Вообще же в одном строении не было больше трех, редко четырех покоев. Даже у царей было только четыре покая: передняя, крестовая, комната (кабинет) и спальня. В избушках же, построенных для особ царского семейства, покоев было не более трех, а иногда и двух. У зажиточных людей, сверх горницы и комнаты, была также крестовая, или образная, где хозяин молился со своим семейством; но иногда такая комната находилась и в особом жилье. Самая обычная постройка была в два покая, да сверх того

при комнате делалась каморка, где ставилась постель; другие же горницы о бок главного дома делались в один покой и назывались одинокими.

Надстройки над горницами назывались чердаками, а над сенями вышками. Иногда эти надстройки имели затейливые фигуры, как, например, на рисунке посольского двора у Олеария: на одном конце здания башни с окном, а в другом с куполом, а на куполе шарик; на другом конце четырехугольная башня с зубцами, посредине шпиз. Иногда чердаки делались четырехугольными зданиями, меньше второго этажа по объему, и заключали одну светлую комнату, иногда же образовывали третий этаж, равный второму; например, горница, а над ней повалуша с полатями. В царских зданиях верхние этажи имели такое же расположение, как и средние, с передними и задними сенями, но с большими отличиями; так, например, в Измайловском в верхнем ярусе было три покоя, тогда как в среднем – четыре. Вообще чердаки или верхние этажи делались светлее и убирались красивее средних. Они, собственно, были то, что называлось теремами, которым на поэтическом языке старой Руси давался эпитет высоких. Впрочем, название терема присваивалось и второму, или среднему, этажу, если над ним не было верхней надстройки. Иногда и над самим чердаком или теремом делалась еще четвертая надстройка – небольшая башенка, или смотрильня.

Сени вообще делались просторнее самих покоев и особенно в нижних этажах, или подсенье, так что в доме, который заключал наверху два покоя с сенями, подсенье внизу охватывало пространство, занимаемое во втором этаже не только сенями, но

Дом бояр Романовых в Москве

и частью покоев. Бывало и наоборот: сени были обширнее подсенья и среднее жилье выдавалось вперед из линии. Таким образом, не всегда соблюдалась пропорциональность между этажами, и средний бывал снаружи больше нижнего, даже и по величине самих покоев, например, подклеть в полторы сажени, а средний этаж или горница – в три. Задние сени большей частью были просторнее передних, например, передние в четыре, задние в десять сажений. Вообще же средняя величина сеней была от четырех до шести сажений; в малых домах, разумеется, и менее. Из покоев только передняя или горница да столовая изба в больших домах отличались простором, например, горницы в четыре сажени, а столовые в шесть или семь

саженей. Комната всегда делалась меньше и уже, чем передний покой или горница. Но в домах небольшого пространства иногда комнаты были одинаковы с горницами, например, обе по две сажени. Самая же обычная мера покоев вообще была от двух до трех саженей длиной, а в ширину или столько же, или немного менее. Так и в Москве палатные строения богатых господ имели от двух с половиной до трех саженей в длину и около двух в ширину. Верхние этажи, или чердаки, по большей части были хотя меньше средних, но покои в них не были теснее, напротив, просторнее, и для этого сокращалось их число против числа в среднем этаже; например, если в среднем этаже было три покоя, то на чердаке – два. Иногда же чердак строился не над одним средним этажом, а над двумя, тремя и даже четырьмя строениями, соединенными связью; тогда комнаты в нем были значительно просторнее, например, в средних жилых помещениях от двух до двух с половиной саженей, а на чердаке от четырех до четырех с половиной в длину и от двух с половиной до трех в ширину. Средняя высота покоев вообще была от трех до четырех аршин.

Обыкновенная крыша русских домов была деревянная, тесовая, гонтовая или из драни. В XVI и XVII веках было в обычае покрывать сверху кровлю березовой корой от сырости: это придавало ей пестроту; а иногда на кровлю клали землю и дерн в предохранение от пожара. Обыкновенная форма крыш была скатная на две стороны, с фронтонами на других двух сторонах, как теперь делается у простолюдинов. Иногда все отделы дома, то есть подклеть, средний ярус и чердак, находились под одним скатом, но чаще чердак, а у других и средние этажи имели

свои особые крыши. У богатых особ были кровли затейливой формы, например, бочечная в виде бочек, япанечная в виде плаща. По окраине кровля окаймлялась прорезными гребнями, рубцами, полицами или перилами с точеными балясами. Иногда же по всей окраине делались теремки – углубления с полукруглыми или сердцеобразными линиями. Такие углубления преимущественно делались на теремах или чердаках и были иногда так малы и часты, что составляли кайму кровли, а иногда так велики, что на каждой стороне было их только по паре или по три, и в середине их вставлялись окна.

На фронтонах и на стенах около окон делались разные изображения: линейки, листья, травы, зубцы, узоры, птицы, звери, единороги, всадники на конях и прочее. На каменных зданиях они делались из камня или кирпича. Так, в древнем углицком доме царевича Димитрия по фронтому во всю стену проведены широкие линейки, разделяющиеся на три меньшие, и в каждой из последних своеобразные фигуры: узоры, башенки, города, треугольники и прочее. На деревянных зданиях эти украшения были резные. Резьба была старинной принадлежностью славянской образованности и до сих пор у русских поселян составляет наружное украшение изб. На царских теремах резные фигуры наводились золотом и красками; то же было и у частных лиц зажиточного состояния, как это сохранилось отчасти и теперь в житье-бытье поселян. Такими украшениями особенно пестрели чердаки, чтобы издали пленять взоры проезжих. В Коломенском селе наверху были поставлены щиты и на них написаны четыре части света и суд царя Соломона.

В простых русских избах окна были волоковые

для пропуска дыма. По надобности на них натягивали кожу; вообще эти отверстия в избах бедных были малы для сохранения теплоты, и когда их закрывали, то в избе среди дня было почти темно. В зажиточных домах окна делались большие и малые; первые назывались красными, последние были по фигуре своей продолговатые и узкие. В каменных зданиях они были еще уже, чем в деревянных. Иногда в одном и том же покое делались окна и красные, и малые, последних числом больше, так, например, одно красное и два малых. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красной материей, а с наружной стороны железными ставнями; последнее было в обыкновении в каменных домах в Москве и служило предохранением от пожаров. Вместо стекол употребляли чаще слюду, которая вставлялась в окна широкими и тонкими кусками. Самый простой способ вставки слюдяных кусков был посредством шнурков. Но они располагались иногда с большим искусством и нарядностью; делался железный крест, около которого во все стороны расходились жердочки в виде различных фигур; в эти фигуры вставлялись кусочки слюды; таким образом, окна были образчатые, когда слюда была вставлена четырехугольными кусочками, репьястые, когда вставляли ее репейками. Слюда расписывали красками и фигурами птиц, зверей, трав, листьев и прочее. Стекла были мало в употреблении: до открытия стеклянных фабрик при Алексее Михайловиче стекло исключительно доставлялось из-за границы и потому вошло в употребление для окон в Новгороде раньше, чем в Москве. Преимущественно использовались стекла цветные, бывшие в повсеместном употреблении в Западной Европе.

Большие, или красные, окна назывались *косячатыми* – эпитет столь употребительный в народной поэзии. Некоторые из этих красных окон были двойные, то есть два одинаковых окна стояли рядом и разделялись одно от другого продольной перекладиной. В расположении окон не соблюдалось соразмерности. Большие и малые перемешивались без разбора между собой и стояли в одном и том же поясе строения не на одной линии. Расстояние между одними и другими было неравномерное с расстоянием других между собой. В подклетах вообще окон было меньше. В изображении посольского дома, снятого у Олеария, в нижнем ярусе только два окна, выше их ряды с обеих сторон, еще выше на одной стороне четыре окна четырехугольной формы, ширина которых больше, чем длина, а далее на этой же стороне еще выше два окна, на другой стороне ряд четырехугольных окон, неправильно между собой размещенных. Кроме четырехугольной формы, окна делались еще с дуговыми верхами, а иногда так, что дуги разделялись на три меньших дужки или выемки. Вообще русские любили свет в своих парадных покоях, и потому, если большая часть окон были узкими и маленькими, зато иногда в одной комнате было их несколько, кроме красного окна. Чердаки делались всегда светлые. Случалось, что окна были с трех, а если чердак был холодный, то и с четырех сторон, и притом нередко они были двойные. Такие-то покои назывались преимущественно светлицами. Сени освещались окнами обильно.

Потолки в каменных зданиях строились сводом, а в деревянных были плоские и назывались подволоками; их часто обивали крашеным тесом. Полы делались из так называемого дубового кирпича (род

торца). Стены, как и потолки, не только в деревянных, но и в каменных строениях обивались красным тесом; для чистоты их нужно было мыть, но вообще русские держали их неопрятно. Сверх теса богатые обивали стены красной кожей, а люди среднего состояния рогожами. В XVII веке начало входить во вкус расписывать потолки и своды, а иногда и стены. Печи делались муравленные, зеленые, совершенно круглой, иногда четырехугольной формы, с железными заслонами. Часто топка, как уже было замечено, была только в подклете, а в верхний этаж проводились нагревательные трубы. Кругом стен под окнами делались лавки, которые не принадлежали к мебели, но составляли часть постройки здания и были прикреплены к стенам неподвижно. Двери делались деревянные, столярной работы, на железных крюках или на медных луженых жиковинах (петлях), под которые подкладывали красное сукно; двери были так малы и узки, что едва можно было в них войти; в каменных палатах и кладовых делались железные двери.

Весь двор зажиточного человека, кроме домов для помещения семейства, заставлен был множеством людских изб и служб. Одного рода людские избы были очень просторны и назывались семейные. Там жило по несколько семейств холопов. Другие были маленькие избышки и предназначались для помещения избранной прислуги; для кухни и печения хлебов служили особые строения: поварня и хлебня. Так называемые лучшие люди, которым было дозволено варить пиво, делать мед и курить вино для собственного обихода, имели в своих дворах особые пивоварни и покой, где сытили меды, а некоторые и винокурни. Необходимая

принадлежность всякого порядочного двора была мыльня. Везде почти она составляла особое строение; но в домах царей и, вероятно, у знатных особ кроме мылен в особых строениях для ежедневных омовений устраивались еще небольшие закоулки для мытья в подклетах и домах. Часто у хозяев, очень небогатых, в числе надворных строений была мыльня как принадлежность первых жизненных потребностей. Она состояла из комнаты с печью для мытья, с притвором, который равнялся сеням в жилых покоях и назывался передмыльень и передбанник. Для хранения домашнего имущества строились клетки: у богатых было по несколько клеток на дворе; каждая стояла на подклетке и, таким образом, состояла из двух этажей. В подклетах, которые делались шире самих клеток, ставились колясы, сани, каптаны, колымаги, дровни, страдные одры (рабочие носилки) и прочее. Наверху же были кладовые, и если клеток было во дворе несколько, то для каждой назначались особые предметы; например, в одной находились принадлежности езды: седла, попоны, войлоки, узды, тебеньки; в другой хранилось оружие: пищали, ручницы, саадаки, луки, рогатины, сабли и прочее; в третьей – все относящееся к столовой утвари; в четвертой – одежды и так далее. Погреб и ледники обыкновенно помещались вместе, а над ними делались надпогребницы: иногда они занимаемы были клетями, иногда повалушами, иногда хлебной, чаще всего там складывались разные припасы, не требующие помещения в погребах и ледниках. Случалось, что надпогребницы служили местом угощений прислуги, прибывшей с господами, приглашенными на домашний пир

хозяином. В самих погребках и ледниках хранилось питье, всякого рода зелень, сыр, яйца, молоко и прочее. Кроме этих хозяйственных служб, в дворах были житницы, где хранился зерновой хлеб, мука и сухари, заготавливаемые в большом количестве в бочках, сундуках, пошевах, ночвах, коробах; над житницей обыкновенно устраивалось сушило (иногда оно было над погребом или над конюшней), где висело соленое мясо, вяленая, ветреная, прутковая и пластовая рыба в рогожах. Далее следовал другой двор, отгороженный от главного заметом; там находилась конюшня с сенницей наверху: в сенницах делалось два отделения, одно для сена, другое для соломы. Рядом с ней были разные сараи с экипажами, приготовленными для обычной езды и вытасченными заранее из подклетов, сарай для дров и дерева, за ним следовали хлевы для коров и свиней, птичники для кур, уток, гусей, иногда над этими обителями четвероногих и пернатых надстраивались сенники. В деревенских имениях для скота, лошадей, также и для хлебного зерна были особые дворы, построенные рядом с главным, они назывались скотный двор, овечий двор, конюшенный двор, житный двор, льняной двор. Конюшенные и скотные дворы, заключая большое количество домашних животных, разделялись на десятины, и в каждой десятине содержалось известное количество скота. Житные дворы заключали в себе строения, называемые житницами, куда ссыпалось хлебное зерно, по мере умолота доставленное с гумна, а льняной двор имел несколько амбаров, где складывались лен, конопля и пряжа. Между этими дворами помещалось гумно и вместе с ним овин с печами и ригами. По краю усадебных строений находились

кузницы. Так как очень часто владельческие усадьбы находились близ воды, реки или пруда, то вслед за двором находилась водяная мельница.

Вообще хороший зажиточный хозяин старался, чтобы его усадьбы имели возможнейшую полноту и заключали в себе все нужные хозяйственные заведения и постройки, но само собой разумеется, что не все дворы имели такое множество зданий; иногда вся постройка ограничивалась одной избой, клетью, баней да погребом с надпогребницей. В посадах иногда дворы заключали только избу с сенями, сарай и погреб, над которым находилась клеть. В самой Москве встречались дворы, небогатые количеством зданий, например, три избы с двумя пристенами, клеть, мыльня, погреб да ледник с надпогребницами. Вот пример деревенских усадеб: две горницы, одна на подклетах, другая большая с сенями, сенница, стоящая на подсенье, клеть с перерубами на подклетах, хлевец малый, сосновый сарай; или: изба с прирубом, против нее клеть, на подклетах хлев, сенник да мыльня, сарай, овин с ригачом, огороженный тыном. Пример крестьянского строения: изба трехсаженная, клеть, сенник, сарай (иногда не было сенника, иногда сарая, иногда клетки), мыльня, амбар, иногда омшанник.

Казенные здания имели постройку, приуроченную к их назначению, например, кабаки строились обыкновенно так: во дворе возвышался деревянный дом, под которым был подвал для хранения питья, а рядом с ним омшанник с печью, где ставили питье; вероятно, печь была для того, чтобы иметь горячую воду для разведения водки. Другие здания на дворе были ледник, над которым надстроено сушило, поварня, где производились

работы и стояли инструменты, и стояльная изба, где находилась стойка, за которой сидели целовальники и продавали вино, а собираемые ими деньги были относимы и хранимы в горнице, стоявшей, как выше сказано, над погребом.

При усадьбах были сады и огороды; обычай заводить их при домах наблюдался в Москве в XVI и XVII веках. Иностранцы, посещавшие русскую столицу, замечали, что в ней трудно было найти двор, где бы не было сада. На посадах почти повсеместно встречались при домах сады и огороды с плодовыми деревьями. Сады садились не только для удовольствия, но и для пользы, а потому они везде почти были плодовые. Обыкновенные деревья были яблони, которые сажались одна от другой сажени на три, и ягодные растения; встречались также груши; вишен было мало. Между деревьями копались гряды, на которых сажали огурцы, морковь, репу и другую огородную зелень; поэтому обыкновенно сад был вместе и огородом. Некоторые делали парники и выращивали на них дыни. Около тына или забора, ограждавшего сад, сажали обыкновенно капусту и свеклу. Лесные деревья сажали редко, и если встречались в садах, то преимущественно или пахучие, как, например, черемуха, или особенно нарядные, как, например, рябина или калина.

VIII. ДОМАШНЯЯ МЕБЕЛЬ И УТВАРЬ

Главное украшение домов составляли образа: не было в доме покоя, где бы их не висело несколько, и чем хозяин был зажиточнее, тем более это выказывалось множеством образов; их ставили не только в

жилых покоях, но в сенях, лавках и амбарах. Большому числу образов в домах способствовало еще и то, что в старину было в обычае дарить приятелей образами; таким образом, царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре. То же наблюдалось и в отношениях частных лиц между собой.

Образа были иконописные произведения русских художников: по всеобщему верованию, благодать не пребывает над тем образом, который писан человеком не православной веры. Образа писались на досках, по краскам или по золотому полю. Около головы святых делали венцы из золота или позолоченного серебра, украшенные по ободку драгоценными камнями или жемчужной обнизью. Часто целый образ окладывался золотым или серебряным окладом – работы басменной, чеканной, сканной, канфаренной и других видов, которыми щеголяло тогдашнее металлическое искусство. Образа ставились в киоты. Кроме киотов с окончинами делали киоты со створками, и как на наружной, так и на внутренней стороне створок писались изображения. Одни образа представляли картины из священной истории, другие изображали святых во весь рост и назывались стоячими, а иные только по грудь и назывались оплечными образами. Кроме дерева, изображения святых вырезались на перелефти, камне или белой кости; в старину в большом употреблении были металлические складни со створками, и на каждой створке, и снаружи, и изнутри, нарезались изображения; средний образ, закрываемый створками, был больше прочих. Иногда на складнях нарезались или начеканивались молитвенные слова, как, например, «О тебе радуется благодатная» или «Хвалите имя Господне», смотря по со-

держанию изображений. Кроме складней, можно было часто встретить восьмиконечные кресты золотые, серебряные и больше всего медные с распятьями литыми или резными. Наконец, в употреблении были золотые и серебряные круглые медали с изображениями на обеих сторонах. Такие медали давали родственники своим кровным: родители детям, свекры невесткам и прочее. Примером такой медали можно назвать одну, XV века, с изображениями: на одной стороне Христа Спасителя, на другой св. Николая в святительской одежде с Евангелием, подаренную князем Холмским своей невестке. Такие медали привешивали к образам. Другие кроме этих медалей прицепляли к ним старинные гривны, червонцы, золотые цепи, жемчужные серьги, перстни с драгоценными камнями.

Трудно определить, иконы каких святых встречались чаще. Это зависело от вкуса и от обстоятельств жизни хозяев домов; но, кажется, в каждом доме можно было встретить несколько образов Божией Матери в различных наименованиях, например: Одигитрии-Пятницы, Богородицы Милостивой, Умиления, Скорбящей и так далее. У Ивана Грозного из тридцати семи образов двадцать один изображал Пресвятую Деву. Затем очень часто можно было встретить образ св. Николая Чудотворца, которого, как известно, русские особенно уважали.

Образа ставились в переднем углу покоя, и этот угол задергивался занавесом, называемым застенком. Сверх того, каждый образ поодиночке задергивался привешенным к концу его убрусцем, а внизу спускался кусок материи, называемый пеленой. Застенки, убрусцы и пелены у богатых лю-

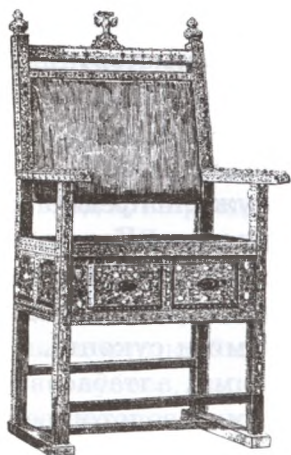
дей унизывались драгоценными камнями и дробницами (металлическими блестками), особенно по концам, а иногда на них вышивались изображения святых. Убрусцы и пелены переменялись на образах, и в известные праздничные дни привешивались более нарядные, чем в будни и в посты. Перед иконами висели лампы и стояли восковые свечи. Между всеми образами, стоявшими в одном углу, был один главный, поставленный на первое место посредине угла, а все прочие ставились по важности своего содержания ближе или далее от него. Некоторым образам почему-нибудь приписывали особую силу и тогда наряжали и украшали их преимущественно перед другими. В доме зажиточного хозяина, кроме множества образов, во всех покоях, и жилых, и глухих, была одна комната, где стояли исключительно образа во всю стену, наподобие церковного иконостаса; там происходило домашнее моление. Там под образами стоял аналой с книгами, просфора Пресвятой Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столе, а по бокам подсвечники с восковыми свечами; на полке под образами лежало крылышко для обметания пыли и губка для отирания. Такие-то комнаты, как сказано выше, назывались крестовыми; у богатых людей, державших домашних священников, там священники отправляли каждодневное служение: заутреню, часы и вечерню.

Вообще в домашнем устройстве заметен был у русских обычай укрывать и покрывать. В порядочном доме полы были покрыты коврами, у менее зажиточных рогожами и войлоками. В сенях у дверей лежала непременно рогожа или войлок для

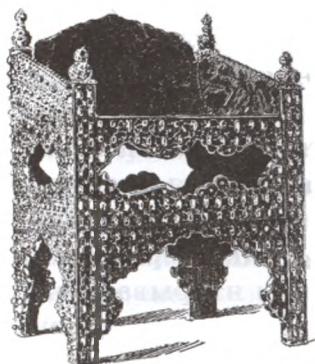
обтирания ног, потому что калош никто не носил. Для сиденья служили лавки, приделанные, как сказано уже, к стенам наглухо. Если стены были обиты, то и лавки обивались тем же самым, чем стены; но, сверх того, на них накладывались куски материи, называемые полавочниками; они делались о двух полотнищах, так что одно было длиннее другого; первое закрывало лавку во всю ее длину, а последнее свешивалось до земли, закрывая средину пространства между лавкой и полом. Их длина и ширина были различны, смотря по лавкам, величина которых соизмерялась с пространством покоев. Были, например, полавочники в шесть аршин длиной и в два шириной. Но из этого нельзя заключать, чтобы лавки были широки, ибо здесь принималась ширина всего полавочника в двух полотнищах. Полавочники переменялись: в будни клались попроще, в праздники и во время приема гостей понаряднее. Так, в будни клались полавочники суконные, а в праздники из шелковой материи, подшитые какой-нибудь простой тканью и отороченные куском материи другого цвета. Такие же куски клались на окна и назывались наоконниками; в будни клались простые коврики, в праздники шелковые куски, вышитые золотом. Длина их была от двух до трех аршин, а ширина около двух; вероятно, они спадали вниз с оконного карниза. Вообще как полавочники, так и наоконники были разных цветов: светло-зеленого, голубого, кирпичного, гранатного и преимущественно красных отливов, иногда вышитые узорами. На полавочниках узоры на меньшем полотнище делались другие, чем на большем. Кроме лавок для сидения делались еще скамьи и столбцы. Скамьи

были шире лавок, например, до двух аршин шириной, длиной делались до четырех аршин; в одном конце их приделывалось возвышение, называемое приголовником. На них не только садились, но и ложились отдыхать после обеда. Они накрывались, как и лавки, полавочниками. Иные скамьи служили постоянно кроватями. Столбцы были четырехугольными табуретами для сиденья одному лицу и также накрывались куском материи. Скамей и столбцов в доме было немного, а кресла и стулья составляли роскошь царского двора и знатных бояр, даже и там были в небольшом количестве, в народе же вовсе не употреблялись. Столы делались деревянные, большей частью дубовые, длинные и узкие; у зажиточных людей иногда их разрисовывали изображениями из Священного Писания, а бока и ножки украшались резьбой. Кроме больших столов, были столы маленькие, у богатых людей украшенные камнями и разными пестрыми кусочками, тоже аспидные. Большие столы ставили перед лавками и обыкновенно покрывали подскатертниками; это была вещь необходимая для приличия. Во время трапезы поверх подскатертника накрывался стол скатертью. Скатерти и подскатертники работали обыкновенно дома и служили предметом занятий для многочисленной прислуги. Как полавочники и наоконники, так и скатерти и подскатертники переменялись по праздникам; в будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, в праздники бархатными, алтабасовыми, камковыми подскатертниками с золотошвейными каймами. Скатерти у бедных были полотняные, грубой отделки, у богатых шитые браные с бахромами. Все эти покрывала вообще на столах,

окнах и лавках назывались хоромным нарядом. Стенных зеркал у русских вовсе не было. Церковь не одобряла их употребления; духовным лицам собор 1666 году положительно запретил иметь зеркала в своих домах; благочестивые люди избегали их, как одного из заморских грехов; только зеркала в малом формате привозились из-за границы в большом количестве и составляли принадлежность женского туалета. Так же точно старинное благочестие избегало стенных картин и эстампов, не допуская других украшений в этом роде, кроме икон, но в XVII веке мало-помалу начали входить в доманий обиход картины и эстампы, сначала в царских хороммах, потом у знатных лиц. Вкус к ним начал распространяться и между другими условиями, и уже в конце XVII века их продавали в овощном ряду в Москве. Впрочем, эстампы, которые тогда позволяли себе вешать в золоченых ра-

*Трон царя Михаила
Федоровича*

Трон Бориса Годунова

мах богатые люди, заключали преимущественно священные предметы, но их строго отличали от образов, и они не имели вовсе священного значения.

Кроватью в старину служила прикрепленная к стене скамья или лавка, к которой приставляли другую лавку. На этих лавках клали постель, состоявшую из трех частей: пуховика или перины, изголовья и подушек. Было два изголовья: нижнее называлось бумажным и подкладывалось под верхнее, на верхнее клались подушки, обыкновенно три; постель покрывалась простынью из полотна или шелковой материи, а сверху закрывалась одеялом, входившим под подушки. Постели убирались понаряднее в праздники или на свадьбах, попроще в обычные дни. В нарядных постелях на изголовья и подушки надевались наволоки камчатные, бархатные, атласные, обыкновенно красного цвета, шитые золотом и серебром, унизанные жемчугом по краям; одеяла постилались, подбитые соболем, атласные, красного цвета с гривами, то есть каймами золотой или серебряной материи, подбитыми соболями. Сами перины были набиты лебяжьим или чижовым пухом. Наволоки были на простых постелях тафтяные, белые или красные, подбитые крашениной. Простые одеяла подбивались заячьим мехом. Вообще, однако, постели были принадлежностью только богатых людей, да и у тех стояли более для вида в своем убранстве, а сами хозяева охотнее спали на простой звериной шкуре или на матрасе. У людей среднего достатка обычной постелью служили войлоки, а бедные поселяне спали на печках, постлав под головы собственное платье, или же на голых лавках. Детские колыбели делались висячие, всегда широкие и длинные для того, чтобы дитя могло свободно

расти, а внутри их всегда привешивались иконы или крестики.

Для хранения домашних вещей употреблялись скрыни (род комодцев с выдвигаемыми ящиками), сундуки, погребцы, чемоданы. Посуду ставили в поставцах: это были столбы, уставленные со всех сторон полками; книзу их делали шире, кверху уже, на нижних полках ставили более массивную посуду, на верхних мелкую. Разные женские украшения хранились в ларцах, которые сами по себе украшались великолепно, наводились яркими красками и золотом, расписывались узорами и окаймлялись металлическими кружевами; такие ларцы передавались из рода в род, вместе с драгоценностями, какие там хранились. Для украшения в домах зажиточные люди раскладывали разные драгоценные безделки вроде следующих: серебряные яблоки, позолоченное изображение петуха с белым хвостом на поддоне, мужичок серебряный, костяной город с башнями и миниатюрные изображения разных домашних принадлежностей из золота и серебра, например: ящик, в котором было паникадило, стол, четыре подсвечника, рассольник, рукомойник, четыре блюда, четыре тарелки и прочее, все в малом виде, так что все вместе весило 2 фунта 38 золотников; или, например, серебряный ставец, в котором была бочка, зеркальце и тому подобное. Знакомство с Европой ввело к нам часы. Так, у Артамона Сергеевича Матвеева было несколько часов: одни показывали часы астрономического дня, на других означалось время от восхода до заката солнца, а третьи показывали течение суток с полуночи в полдень, как наши часы нынешнего времени. Часы зепные (карманные) составляли редкость, и гораздо употребительнее были часы

боевые, стенные и столовые; устройство их от наших отличалось тем, что в них не стрелка ходила по циферному кругу, а сам круг двигался. Столовые часы делались с затейливыми фигурами, например, с четырехугольной скринькой с перилами наверху, или модное изображение слона с сидящим на нем человеком, или в виде башни; на чердаке ее сделаны были изображения людей, а на самой вершине изображение сидящего орла.

Освещение в домах было свечами восковыми и сальными. Восковые употреблялись преимущественно у богачей, и то лишь в праздничные дни и во время торжественных собраний; в самом царском дворце в XVI веке зажигали сальные свечи. Свечи вставлялись в подсвечники, которые были стенные, прикрепленные к стенам, стоячие, значительной величины и малые, или ручные. Вообще они назывались шандалами, делались обыкновенно из меди, иногда из железа. В XVII веке у зажиточных людей были в домах так называемые струнные модные подсвечники, сделанные из натянутых и расположенных удобно медных проволок. Ночью, чтобы иметь огонь, держались ночники. По случаю больших собраний освещали дома висячими паникадилами, которые в богатых и знатных домах были серебряные и делались с разными фигурами. Для домашнего обихода держались слюдяные фонари; с ними прислуга ходила в конюшни и кладовые. У простых поселян избы освещались лучинами.

Для хранения громоздких хозяйственных припасов в клетях использовались бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки в старину были самым обыкновеннымместилищем и жидкостей, и сыпучих тел, например: хлебного

зерна, муки, льна, рыбы, мяса сушеного, поскони и разного мелкого товара: гвоздей, цепей, замков, топоров и всех вообще принадлежностей хозяйства. Сосудами для варения в поварнях служили котлы медные и железные; там, где приготавлилась пища на большое количество людей во дворе, они достигали больших размеров, например, в семь ведер; другие были в четыре ведра, в ведро, в полведра, и вообще назывались поваренными или естовными котлами, в отличие от пивных и винных, достигавших размера пятидесяти ведер. Для небольшого количества пищи употреблялись горшки. Жарили на сковородах не только железных, но и на медных луженых, с ручками; для месива теста использовались деревянные корыта и большие чаны; для мытья белья корыта, ночвы, буки, для носки воды ведра, кумчаны, корчаги, ендовы, кувшины. По окончании обеда у рачительных хозяев все сосуды вымывались и вытирались, потом опрокидывались вниз и ставились на полках в кухне или в чулане. В праздники, когда в доме все облекалось в нарядный вид, в поварню отпускалась посуда лучшей работы.

Для умыванья использовались рукомойники и лохани; у богатых людей они были серебряные и позолачивались, у людей среднего достатка медные или оловянные. Нередко рукомойник был оловянный, а лохань медная. Примером богатого старинного прибора для умыванья может служить рукомойник Ивана Васильевича, серебряный позолоченный с изображением фигур (образин), на стоянце, тоже иснещренном чеканными фигурами; при нем серебряная лохань с чеканным изображением рыб и раков.

Столовая посуда для пищи и питья носила общее название судков. Жидкое кушанье из поварни для стола носили в кастрюлях и оловянных – медных луженых или оловянных, с покрывниками. Другая посуда для носки жидких кушаний была рассольник, также с покрывкой, род соусника; он употреблялся также и для соленых плодов. За столом жидкая пища разливалась в мисы: у богатых они были серебряные, у небогатых оловянные и деревянные. Твердые кушанья приносились на блюдах. Были блюда разной формы и различной величины, приспособленные к известному роду кушаний, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебязье. На одних блюдах приносили кушанья из поварни, другие оставались перед гостями так, чтобы два человека и более могли есть с одного блюда. Последнего рода блюда назывались блюдцами. Овощи подавались на блюдах особой формы, называемых овощниками. К большим блюдам приделывались кольца, по два и по четыре; это показывает, что их несли человека по два. У богатых блюда были серебряные с выбойчатыми мишенцами по обводу; у людей среднего достатка – оловянные или полуженные медные. Тарелки, называемые торели, не были в повседневном употреблении, и там, где они ставились перед гостями, не переменались во все продолжение обеда, и поэтому в домах их было немного; у богатых они были серебряные граненые, иногда позолоченные; у менее зажиточных из польского серебра или оловянные. Весом они были до полфунта, а некоторые и массивнее, например, в три четверти фунта. В домашнем сервизе немногие из них были больше остальных. Вероятно, название торели смешивали с названием блюда, так что в одном месте плоскую посуду,

поставленную перед гостями, называли торелями, а в другом блюдами. Ложки у богатых делались серебряные позолоченные с фигурой на конце ручки и с надписью, кому принадлежит. Ножи в богатых домах оправлялись золотом и серебром с драгоценными камнями: их не подавали гостям, потому что кушанье предлагалось уже разрезанное. Вилки были двузубые, а иногда их вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцем или краем скатерти. Но необходимой принадлежностью столового прибора почитались: солоница, уксусница и перечница, иногда горчица. Когда готовили стол к трапезе, то, постлав скатерть, ставили на нее эту посуду. Солоницы делались на стоянцах с покрывками и ручками, уксусницы и перечницы на ножках; иногда эти сосуды соединялись в один, например, солоница, а наверху ее перечница. Серебряные солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображениями, например, солоница на зверьках, солоница с верхом, украшенным финифтью с изображением людей по бокам.

Столовые сосуды для приноса питья были енды, мушормы, ведра, кувшины, сулей, четвертины, братины. Ендова была сосуд более кухонный, но употреблялся и как столовый для приноса питья; енды имели разную величину, например, иные заключали в себе целое ведро, другие по шести ведер, а некоторые были столь малы, что заключали в себе весу только две гривенки. Редко употребляемые при столе, в обычном обиходе они были медные, вылуженные, с носком и ручкой. Мушорма была сосуд, близкий по виду к ендове, также с носком и с ручкой. В чем заключалось их различие – неизвестно. Ведра были не только слу-

жебной посудой, но, сделанные в малом размере, ставились с напитками на столе; так, были серебряные сосуды в форме ведра, носившие это название, с дужкой наверху, цилиндрической формы, а иногда в форме многосторонников. Кувшинами, как и теперь, называли сосуды с раздутыми боками посередине, с суженной шейкой, с расширяющимися краями, с носками и с кругообразной ручкой. Были кувшины серебряные с обручами на шейках, с крышкой наверху, на которой ставились какие-нибудь выпуклые фигуры, например, яблоко и так далее; иногда к ручке кувшина приделы-

Лохань. Рассольник. Торели

валась цепочка. Четвертиной, как показывает ее название, была четвертая часть единицы – ведра, то есть кварта; но в домашних приборах этим именем называли сосуд, раздутый по бокам, несколько похожий на суповую чашку с крышкой; в них отсылали питье из дома отсутствующим знакомым. Четвертины были разной величины и даже так малы, что вставлялись в небольшую шкатулку. Братина, как самое ее название указывает, была сосуд, предназначенный для братской товарищеской попойки, наподобие горшка с крышкой. Из них пили, черпая чумками, черпальцами и ковшами. Братины были разной величины; небольшие употреблялись даже прямо для питья из них и назывались братинками. Сулеи были маленькие бутылки с узким и продолговатым горлом и с цепью; они привешивались к поясу в дороге.

К сосудам, из которых пили, принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, достаканы, чарки, овкачи, болванцы. Кружки были цилиндрические сосуды с ручкой и крышкой, всегда в одну стену снизу доверху, кверху несколько уже, обыкновенно круглого вида, как показывает само название; но были также кружки восьмигранные и четырехгранные; они ставились на поддонах. Нормальная величина кружки определялась ее мерным значением, ибо кружками, собственно, называлась определенная мера – половина четвертины, $1/8$ ведра; но эта мера не всегда соблюдалась, как показывает различие веса (например в 4 фунта и в один фунт), следовательно, объем кружек был различен. Чашами назывались круглые разложистые сосуды с ручками, с кольцами, с пелюстками, со скобами, весившие иногда до двух фунтов и более; но вообще

Кубок. Стопа. Кружка. Братина. Ковш. Чарка

под этим названием разумели пропорцию выпиваемого собеседниками вина; в этом смысле на одной братине находится надпись: «В сию братину наливается богородицына чаша». Пить чашу чью-либо значило пить в честь кого-нибудь или за чье-либо здоровье. Так говорилось: «Государева чаша, патриаршая чаша».

Кубками назывались сосуды с круглым, иногда дощатым или плоским дном, с крышкой, на подставке, иногда на ножках и на поддоне. К ним иногда приделывались цепочки. Делались кубки двойчатые, то есть разделявшиеся на две половинки, из которых каждая составляла особый сосуд

для питья. Величина кубков была различна. Всем известен громадный кубок царя Ивана Васильевича Грозного, хранящийся в Оружейной палате, весом в один пуд восемь фунтов, в сажень вышиной. У знатных и богатых домохозяев были большие кубки, весом до четырех и до пяти фунтов, но они в небольшом количестве стояли только для украшения на поставцах. В употреблении были кубки весом в полфунта, фунт и около того. Стопы были большие высокие стаканы, иногда с ручкой, носками и крышкой. Достаканы были средней величины стаканы, иногда с ручкой, на ножках, обыкновенно с разложистыми круглыми краями, иногда же с угольчатыми, и ставились на маленьких поддонах. Ковши были низенькие сосудцы, круглые или овальные, с круглым дном, с дощатой ручкой, называемой полкой, иногда с загибом на конце. Корцы отличались от ковшей тем, что дно у них было плоское; маленькие корцы назывались корчиками. Чарками назывались маленькие сосудцы с круглым или плоским дном или на ножках с закругленной ручкой, иногда с крышкой. Подлинно неизвестно, какая была отличительная черта сосудов, называемых болванцы и овкачи. Первые были иногда массивны, как это доказывается описанием одного болванца в числе посуды царя Михаила Федоровича, где значатся болванцы в 4 фунта 62 золотника и 9 фунтов с лишком.

Кроме этих названий, более или менее определенных особой формой, существовали разные сосуды затейливой фигуры, например, орех индийский серебряной золоченой формы; рога, оправленные в серебро; сосуды в виде челнока, вола, лошади, петуха и прочее.

Эти сосуды из серебра, часто позолоченные, наполняли поставцы знатных и богатых людей и составляли домашнюю роскошь. В отношении работы они были разных видов, например, гладкие, сканные, то есть витые, граненые (или грановитые), чеканные, чешуйчатые, травчатые, канфаренные, склянистые, пупчатые, решетчатые; иногда несколько видов работ соединялись в одном сосуде, так что часть его была отделана одним, другая иным видом. Фон стены сосуда назывался землей, а по земле делались разные фигурные украшения. На братинах чаще всего были узоры и травы. На стенах кубков и чаш делались широкие выпуклости, называемые пузами, и углубления, называемые ложками; сверх того, неширокие, но высокие возвышения, называемые пупышами, формы круглой, сердцевидной, продолговатой, клинчатой и так далее. Часто пупыши чередовались с ложками. Иногда на фоне одной работы делались кружки другой и в этих кружках помещались изображения и надписи. По краям сосудов проводились венцы, составлявшие линии разных узоров, часто таких линий было несколько, одна возле другой, каждая работы отличной от другой. Фигуры, украшавшие сосуды, изображали цветы, плоды, листья, зверей, птиц, рыб, людей; последние носили название личин, или образин. Литые фигуры ставились на верхах покрышек; так, например, были сосуды, особенно кубки, наверху которых стояли орлы, петухи, яблоки, лодки, терема, города с башнями. Например, в кубке весом в одиннадцать гривенков, принадлежавшем царю Ивану Васильевичу, на крышке был терем о трех столбах, между столбами три человеческие изоб-

ражения в кругах, а наверху самого терема человеческая фигура, держащая копьё. На привозных из Западной Европы сосудах встречались мифологические изображения, например, Аполлона или Сатира. Иногда чеканные фигуры представляли целые происшествия или картины, например, на кубке круги, в которых изображены царства. Поля сосуда украшались чеканными фигурами; они находились между пупышами, между пупышами и ложками, когда они чередовались между собой, в кружках, обручиках, связях или сетовидных каймах, на полках ковшей и корцев. Иногда ручки и стоянцы сами по себе составляли фигуру, например, ручка в виде змеи, а стоянец в виде тыквы, по которой вычеканены яблоки и груши. Даже внутри сосудов иногда делались чеканные и литые изображения.

Кроме узоров, трав и фигур было в обычае делать на сосудах разные надписи, как-то: о количестве веса, имя владельца вещи и приличные изречения из Священного Писания или из житейской мудрости, а если сосуд был подарен, то надписывалось об этом, например: «Ударила челом боярыня Ульяна Федоровна Романова». Надписи эти вычеканивались внутри сосуда на дне, по ободам, по эмали или финифти, которой нередко украшались сосуды. Чтобы иметь понятие о роде тех надписей, которые заключали в себе изречения, приведем в пример чарку, на которой надписано по ободу: «Чарка добра человеку, пить из нея на здравие, хваля Бога, про государево многолетнее здоровье», внутри другая: «Не злись, смирись, человеку, желаешь славы земная, за то не наследишь небесная»; по бокам вокруг: «Зри, смотри, и люби и не проси». Внутри братины, поднесенной царю

думным дьяком Третьяковым в 1618 году, надпись такая: «Человече! Что на меня зришь? Не проглотить ли меня хочешь? Аз есмь бражник; воззри, человече, на дно братины сея, оккрыеши тайну свою». А на венце другая надпись: «Веси убо, человече, яко воину оружие потребно есть в день брани, такожде и дождь во время ведра; пити же во время жажды; сице же истинный друг во время утеснения и скорби, и вси убо прикасающиися сладости сей с любовью по разуму в сытость веселие с други, и телесем красоту, и сердца и ума пространство почерпают, и радостию, со други своими веселящися, испиют, хотящими же убо к сему приступити со враждою – несытное их убо достоинь от сего дому всегда отгоняти заботно».

Количество дорогих сосудов, переходивших по наследству, не только как материальная драгоценность, но как память отцов, умножалось подарками; в обычае было дарить сосуды для изъявления привязанности, милости или преданности. Цари дарили кубками и ковшами за услуги престолу, подданные подносили великим князьям, а потом царям в подарок сосуды в торжественные дни: при вступлении государя на престол, на именины, по случаю бракосочетания, рождения детей. Так же точно и в частном быту дарились сосуды именинникам, дарились новорожденным, дарили их подначальным начальникам, начальники подначальным. Там, где их таким образом накоплялось много, их сортировали для застольного употребления, так что в большие праздники подавали лучшие, в других случаях попроще. Впрочем, не должно думать, чтобы повсюду было их такое множество: некоторые поставляли домашнее богатство в вещах дру-

гого рода и потому довольствовались незначительным количеством золота и серебра. Таким образом, случалось, что все серебро в доме составляли три-четыре серебряных ложки.

Кроме металлической посуды, в XVI и XVII веках у богачей были сосуды каменные, агатовые, сердоликовые, из горного хрусталя, а между тем входила в употребление и стеклянная и хрустальная посуда с теми же названиями, какие перечислены выше. Стеклянная посуда привозилась из-за границы, стекла преимущественно разноцветного, полосами, с позолоченными венчиками. Сверх того, существовали простые стеклянные фляги и скляницы для хранения вина и деревянного масла. Простой народ довольствовался деревянными сосудами, которые имели ту же форму, что и драгоценные, и носили те же названия. Как посуда для пищи — мисы, торели, солоницы, так и питейные сосуды — братины, ковши, корцы делались из дерева в разных местах по селам и продавались на рынках; но из них особенно славились по работе калужские, гороховецкие и корельские. Эти деревянные изделия украшались резьбой, которая издавна составляла любимое украшение вещей для небогатого класса. Не гнушались деревянной посудой и дворяне, а каповые сосуды были в употреблении у бояр и даже у царей и считались роскошью.

IX. ОДЕЖДА

Старинная русская одежда представляет с первого взгляда большую сложность и разнообразие; но, присмотревшись к частностям ее, легко узнать

во множестве наименований больше сходства между собой, чем отличия, которое преимущественно основывалось на особенностях покроя, к сожалению, теперь мало понятных для нашего времени. Вообще одежда была одинакова по покрою как у царей, так и у крестьян, носила одни и те же названия и отличалась только степенью убранства.

Обувь простого народа была лапти из древесной коры – обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кроме лаптей из коры, носили башмаки, сплетенные из прутьев лозы, вероятно, эту обувь подразумевали под названием пленицы, некоторые же носили подошвы из кожи и подвязывали их ремнями, обмотанными вокруг ноги. Как крестьяне, так и крестьянки носили эту обувь. Обувь людей с достатком составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги. Все эти виды делались из телячьей кожи, из коровьего опойка, из конской кожи, из юфты, у богатых из персидского и турецкого сафьяна. Сапоги носились до колен и служили вместо штанов для нижней части тела, и для того подкладывались холстиной; их снабжали высокими железными подборами и подковами, со множеством гвоздей по всей подошве; у царей и у знатных лиц эти гвозди были серебряные. Чобо-

Обувь: лапти, башмаки

ты были полусапожки с остроконечными загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностью не только женщин, но и мужчин; при них носили ичетыги, или ичеготы, иначе ноговицы (ныне еще употребляют кое-где эту старую, заимствованную у татар обувь под названием ичег и ноговиц); это были сафьянные чулки, которые разделялись на два вида – полные, достигавшие до колен, и полуполные. При сапогах и чоботах носились чулки, шерстяные или шелковые, а зимой подбитые мехом. Женская обувь была почти та же, что и у мужчин; башмаки были с такими высокими подборами, что передняя часть ступни не касалась земли, если стать на каблук. При них были шерстяные или шелковые чулки. Посадские жены носили также большие сапоги до колен, но дворянки ходили только в башмаках и чоботах. Бедные крестьянки ходили в лаптях, как и их мужья.

Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цветные, чаще всего красные и желтые, иногда зеленые, голубые, лазоревые, белые, телесного цвета; они расшивались золотом, особенно в верхних частях на голенищах, с изображениями единорогов, листьев, цветов и прочее, и унизывались жемчугом; особенно женские башмаки украшались так густо, что не видно было сафьяна. В зажиточных русских домах обувь вообще делалась дома, и для этого держали во дворе знающих холопов.

Рубахи у простонародья были холщевые, у знатных и богатых шелковые. Русские любили красные рубахи и считали их нарядным бельем. «Домострой» советует обращать особое внимание на мытье красных рубах, как на принадлежность лучшей одежды. Русские мужские рубахи делались широ-

кими и короткими и едва достигали до ляжек, опускались вверх исподнего платья и подпоясывались низко и слабо узким пояском, называемым опояской. В холщевых рубахах под мышками делали треугольные вставки из другого полотна, расшитого пряжей или шелком, или же из цветной тафты. По подолу и по краям рукавов рубахи окаймлялись тесьмами, расшитыми золотом и шелками, шириной пальца в два; у знатных и богатых вышивали также рукава и грудь, и поэтому оставляли рубаху открытой из-под платья. Такие вышитые рубахи назывались пошевными. Но преимущественно обращали внимание на воротник рубахи, который выпускался из-под верхних одежд пальца на два и окружал затылок вроде нынешних мундирных воротников. Этот воротник назывался ожерельем. Его делали отдельно от рубахи и пристегивали к ней, когда было нужно, у богатых золотыми и серебряными золочеными, у бедняков медными пуговицами, иногда же вместо пуговиц употреблялись запонки с петлями. Такое ожерелье, кроме вышивки золотом и шелками в виде разных узоров, унизывалось жемчугом. Это-то ожерелье собственно в старину называлось рубашкой; но в XVII веке называли его сорочкою, а рубашкой или рубахой одежду, к которой оно пристегивалось.

Русские штаны, или порты, шились без разрезов, с узлом, так что посредством его можно было делать их шире и уже. У бедных они делались из холста, белого и крашеного, из сермяги – грубой шерстяной ткани; у зажиточных из сукон; летом богатые надевали тафтяные штаны или из какой-нибудь другой легкой шелковой материи. У царей (вероятно и у бояр) иногда были штаны из тяже-

лых шелковых тканей, например, из обьяри. Вообще русские штаны были не длинные и достигали только до колен, делались с карманами, называемыми зепью, и были разных цветов: например, желтые, лазоревые и чаще всего красные.

На рубаху и штаны надевались три одежды: одна на другую. Исподняя была домашняя, в которой сидели дома; если же нужно было идти в гости или принимать гостей, то надевалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существует много названий одежд, но все эти названия относятся к какому-нибудь из этих видов.

Исподняя одежда называлась зипун как у царей, так и у крестьян. Это было платье узкое, короткое, иногда достигавшее до колен, редко до икр, но часто не доходившее даже и до колен, вроде камзола. В кроильной книге царского двора длина зипуна означена в один аршин шест вершков, тогда как платье, сделанное на то же лицо во весь рост, имело в длину два аршина три вершка. У людей простых и небогатых зипуны делались из крашенины, зимние из сермяги, у людей состоятельных из легкой шелковой материи, например, тафты, часто белого цвета с пуговицами. Иногда рукава к нему приделывались из другой какой-нибудь материи; например, зипун был из белого атласа, а рукава к нему из серебряной обьяри; но часто зипуны были совсем без рукавов, вроде нынешних поддевок. Воротники делались узкие и малые, а иногда к зипунам, как и к рубахе, пристегивали шитый и разукрашенный жемчугом и камнями отдельный воротник, называемый обнизью. Таких обнизей хранилось много и их пристегивали по мере надобности показаться наряднее или проще.

Они были разной величины: большие и малые. Если обнизь употреблялась большая, то к рубахе вовсе не пристегивалось ожерелье, а если малая, то из-под нее виднелось ожерелье рубахи. Кроме зипуна, в XVI веке была подобная же комнатная одежда сарафанец, как кажется, начавший выходить из употребления в XVII столетии; их носили вместо зипуна с обнизями; они были длинные.

На зипун надевали вторую одежду, которая имела несколько названий; но их различие между собой в отношении покроя теперь определить трудно. Самый обыкновенный и повсеместный вид этого рода одежды был кафтан, достигавший до пят или же только до икр, чтобы оставлять напоказ раззолоченные сапоги. Иногда сзади делали его на вершок или на полвершка короче, чем спереди, и по длине различали два рода кафтанов: кафтаны и кафтанцы. Рукава их были чрезвычайно длинные, достигали до земли и собирались в складки или брыжи, так что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытой, и таким образом концы рукавов заменяли перчатки. В зимнее время эти рукава служили вместо муфты от стужи, а рабочие люди посредством их могли удобно брать вещи, до которых нельзя касаться голыми руками, например, горячую посуду. В нарядных кафтанах часть рукава при конце называлась запястье, вышивалась золотом, украшалась жемчугами и пристегивалась к кафтану особо. Разрез на кафтане был только спереди и оторочивался тесьмой; так же точно оторочивался и подол. К этой тесьме прикрепляли металлическое кружево (золотое или серебряное), сделанное с разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно с раз-

резом, по обеим сторонам делались нашивки из другой материи и другого цвета в виде четырехугольников или кругов, и на эти нашивки пришивались завязки с кистями и шнурки, чтобы застегивать кафтан; иногда же вместо завязок делали на одной стороне на нашивках висячие петли, на другой также к нашивкам прикрепляли пуговицы. В XVI веке кафтаны застегивались чаще завязками, наподобие татарских; но русские отличали свои от татарских тем, что застегивали не на левой, а на правой стороне. Впоследствии начали употреблять чаще пуговицы – до двенадцати и до тринадцати на кафтане: они все были на груди; остальная часть разреза всегда оставалась не застегнутой. Воротники на кафтанах были узкие и малые; из-под них высывалась обнизь зипуна или ожерелье рубахи; но иногда к кафтану пристегивалось отложное ожерелье, расшитое золотом и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда материями более низкого достоинства, чем лицевая, и сверх того кафтаны, кроме тесьмы по подолу, под ней и выше нее, окаймлялись полосой материи другого цвета, чем кафтан; она называлась подпушкой. Зимние кафтаны делались и на мехах, но обыкновенно легких, например, на собольих пупках или на беличьих черевах, такие теплые кафтаны назывались кожухами.

К этому разряду средней одежды относится чуга – одежда, приспособленная к путешествию и верховой езде. Это был узкий кафтан, с рукавами только по локоть и короче обыкновенных кафтанов, как это видно из кройки ее, ибо когда кафтан был длиной в два аршина шесть вершков, с рукавами длиной в один аршин пять вершков, чуга для

той же особы была длиной в один аршин с тремя четвертями и с рукавами в девять вершков. Чуга подпоясывалась поясом, за который закладывались нож и ложка, а на грудь привешивалась перевязь с дорожной сулеей. Те же принадлежности, какими украшались кафтаны, — нашивки, кружева, подпушки, — были, по желанию, и на чугах; чуги всегда застегивались пуговицами.

Ферязями назывались одежды, надеваемые так же, как и кафтан, на зипуны; они были с длинными рукавами, широкие в плечах и уже кафтанов в подоле, почти всегда без кружева и отложного ожерелья, летом из какой-нибудь легкой материи, зимой теплые на мехах. Трудно себе представить, чем отличалась эта одежда от кафтана. У

Одежда: ферязь и кафтаны

Флетчера при описании русской одежды она поставлена третьим верхним платьем – первое зипун, второе, или среднее, – узкий кафтан с ножом и ложкой за поясом (под которым англичанин разумел чугу), третье – ферязь, просторное платье, окаймленное позументом. У Олеария, например, говорится, что русские одевали рубаху и штаны, потом зипун, на зипун ферязь, сделанную из какой-нибудь легкой материи, а на ферязь кафтан, так что у него выходит четыре одежды (с верхней или накидной), и ферязью называлась одежда средняя между зипуном и кафтаном. Все, что можно вывести из сбивчивых известий об этом роде одежды, это то, что ферязь была более комнатный род кафтана. Название его персидское и пришло к нам в XVI веке. Оно было в употреблении как у царей, так и у простого народа. На ферязях делались нашивки, называемые образцами. Это были несколько вышитых золотом или шелками небольших мест круглой или четырехугольной формы, отделенных друг от друга другой материей. Ферязи застегивались завязками.

Кроме кафтана, чуги и ферязей, к разряду средней одежды относились: армяк, тегилай, терлик. Армяки делались с прорехами, с кружевами, образцами, как ферязи, и с вышитыми воротниками. Их полы не сходились вместе, а закидывались одна на другую. Тегилай была одежда со множеством пуговиц, например, с шестидестью восемью или с пятидесятью шестью. Особенности покроя его неизвестны, как и терлика. Впрочем, под последним, кажется, подразумевали то же, что и под именем чуги, то есть короткое платье, удобное для верховой езды; но он носился также вмес-

те с кафтаном, так, например, в одном описании свадеб свадебные поезжане описываются одетыми в терликах и кафтанах разом.

Верхние, или накидные, одежды были опашень, охабень, однорядка, ферезея, епанча и шуба. Опашень была летняя одежда, ибо в царских выходах упоминается только летом; осенью и весною и вообще в ненастную и сырую погоду надевали однорядку. Как опашень, так и однорядка делались широкие, длиной до пят, с длинными рукавами, с кружевами по краям разреза, нашивками по бокам вдоль разреза, застегивались пуговицами; иногда к воротнику пристегивалось ожерелье. Опашни делались из сукна, у богачей нередко из шелковых материй; однорядка всегда из сукна. Охабень был плащ с рукавами и с капюшоном сзади. Ферезея – плащ с рукавами – надевалась во время дороги. Епанча была двух родов: одна дорожная из верблюжьей шерсти или грубого сукна, другая нарядная из богатой материи, подбитая мехом больше для пышности, чем для тепла. Последнего рода епанчу надевали, когда выезжали верхом и красовались перед народом; они делались без рукавов и без прорех для рук, накидывались на плечи и застегивались на шее пуговицами или завязками. Шубы были самым нарядным платьем для русского, потому что русские, при бедности природы своего отечества, только и могли щеголять перед другими народами, что мехами. Множество мехов в доме составляло признак довольства и зажиточности. Случалось, что русские не только выходили в шубах на мороз, но сидели в них в комнатах, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бедных были шубы овчинные,

Одежда: охабни и однорядка

или тулупы, и заячьи; у людей среднего состояния беличьи и куньи; у богатых собольи и лисьи разных видов: лисиц черно-бурых, черных, серых, сиво-душчатых. Делали также шубы из горностаев, вероятно только для щегольства. На шубы употреблялись разные части звериного меха, не смешивая одну с другой; шубы делались на пупках, черевах и хребтах и назывались поэтому хребтовая шуба, черевая и прочее. Шубы покрывались обыкновенно сукном, но часто и шелковыми тканями. На них помещали по бокам разреза нашивки, но другой материи, а не той, которой покрыта сама шуба, на эти нашивки пришивались петли и пуговицы, а сам разрез окаймлялся металлическим кружевом. Но щегольство не всегда требовало пышной покрывки и блестящих украшений

для шубы; иногда русские щеголяли одними мехами и полагали, что достоинство меха выказывается ярче, когда он лишен всяких посторонних прикрас; таким образом, иногда ходили просто в нагольных шубах. Так, однажды царь Михаил Федорович сидел за парадным столом в нагольной шубе. Вообще в этом отношении различали шубы нарядные и санные. В первых только ходили в церковь, в гости да являлись дома перед гостями на показ; в последних выезжали в дорогу.

Для всех вообще мужских одежд, описанных здесь, люди среднего состояния использовали сукна, привозимые из-за границы, зуфь (род камлота), а для праздничных платьев шелковые материи. У людей более зажиточных покрывались шелковыми тканями и будничные одежды. Шелковые материи в старину более употребительные были дороги, киндяки, тафта (дешевые виды), камки, бархат, атлас, объярь, алтабас и зарбев. Тогдашний вкус требовал самых ярких цветов, как на сукнах, так и на материи. Черные и вообще темные цвета употреблялись только на печальных (траурных) или так называемых смирных одеждах. По понятиям века, ярких цветов платья внушали уважение, и потому цари приказывали начальствующим лицам в торжественных случаях, когда надо было действовать на народ, одеваться в цветное платье. Служилые люди во время какого-нибудь торжественного события, выходящего из повседневной среды, одевались в цветные одежды. На русских одеждах можно было встретить всевозможные цвета самых ярких оттенков, но преимущественно красные; из них особенно любили червчатый отлив (красно-фиолетовый). Этот цвет был

в таком употреблении, что один иностранец заметил, что все городские жители (посадские) носят платье такого цвета. Даже духовные особы носили рясы красных цветов. За красными цветами в числе более употребительных были цвета лазоревый, зеленый и вишневый, за этими следовали рудо-желтый, шафранный, лимонный, песочный, кирпичный, сизовый, сливный, маковый, таусинный, дымчатый, ценинный и прочее. Шелковые материи, исключая невысокие сорта, как, например, дороги, киндяки и тафты, ткались вместе с золотом и серебром, одни с золотыми и с серебряными узорами по цветному фону ткани, другие были затканы золотом и серебром, так что по золотому полю выводились серебряные, а по серебряному золотые узоры и фигуры, как, например: чешуи, большие и малые круги, струи (преимущественно в объяри), реки, травы, листья, птицы,

Одежда: кафтаны и опашень

змейки, изображения людей, и стоящих, и лежащих, и с крыльями и прочее и прочее; иногда серебро и золото переплетались с шелками, например, по серебряной земле (фону) золотые узоры пополам с шелками трех цветов или, например, круги из золота, переплетенного с зелеными и червчатым шелками, а между кругами листья; иногда золотые и серебряные узоры по ткани чередовались между собою, а иногда по серебряной или по золотой земле вышивались узоры шелками и выбивался бархат; иногда золотые и серебряные полосы на ткани чередовались с шелковыми, например, атлас золотный, а по нему полосы червчатого, лазоревого и вишневого цветов. Из тогдашних шелковых материй самые ценные были бархат, атлас, алтабас и зарбев; последние два вида привозились с Востока и употреблялись на самые драгоценные одежды царей и знатных бояр. Золотное платье считалось атрибутом достоинства у бояр и думных людей, окружавших царскую особу, и когда принимали послов, то всем, не имеющим такого рода платьев, раздавали их на время из царской казны. Особенная драгоценность русских мужских нарядов заключалась преимущественно в нашивках, ожерельях, запястьях, кружевах и пуговицах. Нашивки, как сказано, делались всегда из материи, отличной от той, которая была на лицевой стороне всей одежды, например: при зеленом сукне нашивки красные; при красном или червчатом нашивки зеленые или голубые. Под цвет нашивок делались завязки и кисти, называемые ворворки. Нашивки, ожерелья и запястья у богатых унизывались жемчугом и драгоценными камнями, на ожерельях, кроме жемчуга и камней,

всегда ставились золотые пуговицы, у бедных для них служили куски материи, а пуговики на ожерельях были из шелка или из пряжи. Кружева были разнообразны и носили по своим формам разные названия, например, кольчатое, коленастое, решетчатое, плетеное, петельчатое, цепковое; кружево окаймлялось бахромой. Пуговицы у богатых делались иногда из жемчужин, и щеголи отличались тем, что каждая пуговица состояла из одной большой жемчужины; золотые и серебряные пуговицы носили разные названия по роду работы, как, например, канфаренные, сканные, грановитые, или по своей форме, как, например, грушевидные, остроконечные, прорезные, сенчатые, клинчатые, половинчатые, желобчатые. Случалось, пришивали вместо металлических пуговиц плетеные из канители и трунцала и хрустальные. Бедняки носили оловянные пуговицы таких же форм, как и богачи. Величина их была очень различна, например, иногда они доходили до размера яйца. Число их было чаще всего одиннадцать и двенадцать на одежде, иногда четырнадцать и пятнадцать; они пристегивались на нашивках. Только в тегиляе, как выше сказано, число их было значительно больше, но они были малы.

Обыкновенно русские ходили без перчаток, и длинные рукава одежд заменяли их необходимость. Только цари и знатные особы надевали перчатые рукавицы, и то преимущественно зимой от холода, а потому они у них были меховые или оторочивались бобром. Зато и простые, и средней руки лица зимой надевали рукавицы; у небогатых они были кожаные, у более зажиточных суконные, цвета червчатого, зеленого и прочее, подложенные

мехом. По величине одни назывались рукавицы, а другие – поменьше – рукавки.

Все носили пояса, и считалось неприличным ходить без пояса. Кроме опоясок на рубахе носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, чем нашивками и пуговицами. У небогатых людей пояса были дорогильные и тафтяные; но у богачей они делались из богатых материй и украшались разными драгоценностями. В старину наши князья оставляли пояса своим детям, как лучшую драгоценность. Они делались полосатые, например, белые, с червчатыми и лазоревыми полосами поочередно, или, например, полосы червчатые, лазоревые и вишневые с золотом, и в каждой полосе своеобразные узоры: в одной змейки, в

Боярская одежда: турецкие шубы и шапки горлатные, русская шуба и колпак

другой копытца, в третьей шильца. Пояса украшались золотыми и серебряными бляхами, которые назывались плащами, круглой, продолговатой, четырехугольной и многоугольной формы, с выемками по углам; между плащами накладывались другие металлические украшения, называемые переченки. На самих плащах чеканились разные фигуры, как-то: звери, птицы, всадники, травы. Иногда на поясах вместо металлических плащей нашивались косые образцы из материи другого рода, чем сам пояс. К поясам приделывались крючья, которыми они застегивались. О величине поясов можно судить по тому, что у одного боярина в XVII веке был пояс длиной в пять аршин пять вершков и в шесть вершков шириной.

Русская шапка была четырех родов. Зажиточные люди, следуя восточным обычаям, укоренившимся в России, носили маленькие шапочки, называемые тафьями, прикрывавшие только макушку, расшитые шелками, а у богатых золотом и унизанные жемчугом. Их носили и в комнате, а царь Иван Грозный ходил в ней в церковь и за это поссорился с митрополитом Филиппом. Другой вид шапки, остроконечный, назывался колпаком. Богатые носили его из атласа, обыкновенно белого; по его краю пристегивался околышек, называемый ожерельем, унизанный жемчугом и золотыми пуговками, иногда с драгоценными камнями. Сверх того, на передней стороне колпака прикалывали золотую запону. Зимой такой колпак подбивался мехом, который заворачивался наружу широкой полосой. Эти колпаки делались с продольными разрезами спереди и сзади до половины; разрезы эти окаймлялись жемчужными нитями и за-

Московские щеголи

стегивались пуговками. Этой формы шапки носили и бедные мужики, из сукна или из войлока, зимой подбивая овчиной или каким-нибудь недорогим мехом. Третий род шапок – четырехугольная низкая шапка с меховым околышком из черной лисицы, соболя или бобра; летом этот околышек пристегивался для красоты, а зимой вся шапка была подбита мехом или хлопчатой бумагой. На ней делались также прорехи, как и на колпаке, с пуговками, по шести на каждой прорехе. Вершок ее был чаще всего суконный, вишневого, червчатого, зеленого и часто также черного цвета: избегая черного цвета на платьях, русские считали его приличным на шапках. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были в параде. Четвертый род шапок были так называемые горлатные шапки – исклю-

чительная принадлежность князей и бояр. Одинаковость одежды у всех сословий здесь имела границы. По шапке можно было узнавать происхождение и достоинство. Высокие шапки означали знатность породы и сана. Как бы великолепно ни оделся посадский, он не смел надеть высокой шапки, и даже в самих колпаках, обыкновенной народной шапке, вышина соизмерялась со знатностью носившего шапку.

Горлатная шапка делалась из драгоценных мехов с суконным верхом, а иногда с меховым. По своей фигуре она составляла противоположность колпаку, ибо кверху была шире, книзу уже. Спереди делалась прореха, окаймленная вдоль образцами или плащами с насечками. На одной стороне прорехи делались петли, густо обложенные жемчугом, изображавшие какую-нибудь фигуру, например, в виде змейки, львиной головки и прочее, на другой стороне прикреплялись золотые пуговицы, иногда с драгоценными камнями в середине. Во время парада боярин надевал тафью, на тафью колпак, а на колпак горлатную шапку. Также и в царских выходах царям подавались шапки с колпаком. Знатные люди считали приличием и достоинством своего сана кутать как можно больше голову и часто в комнате за нарядными столами сидели в своих тяжелых шапках. Когда они возвращались домой, то, сняв шапку, напяливали ее на болванец, расписанный нарядно иконописцами и составляющий украшение в доме. Обычай так закутывать голову поддерживался тем, что русские, по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже и брили себе головы. Только те, которые теряли родных или попадали в царскую неми-

лость, отращивали на голове волосы в знак печали; без этого все старались стричься как можно плотнее и перед каждым большим праздником считали долгом непременно остричься. Зато все носили бороды, и чем борода была длиннее, тем осанка человека считалась почтеннее и величественнее. Богатый человек холил ее, берег и расчесывал гребешком из слоновой или моржовой кости. При Василии Ивановиче начало было входить в обычай бритье бород, и сам великий князь последовал этому обычаю; но духовенство вопияло против него, и Стоглав предал неблагословиению Церкви дерзавших отступать от дедовского обычая. Под влиянием Церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимой принадлежностью человека, и если у кого от природы не росла борода, к тому имели недоверие и считали его способным на дурное дело.

В довершение блеска своих одежд русские украшали уши серьгами или одной серьгой и вешали на шею драгоценные золотые или позолоченные цепи, а к самим цепям прикрепляли кресты, и такие цепи передавались вместе с крестами от родителей к сыновьям как залог благословения. Также цари жаловали ими своих приближенных. Иногда они были так массивны, что весили до двух фунтов. На пальцы русские надевали множество перстней с алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, с вырезанными на них печатями; можно было встретить перстни в золотых ободочках и с железной печатью. В старину не было наследственных и гербовых печатей; всякий делал себе произвольно по вкусу на перстнях печати. Кроме перстня с печатью на руках у русского было еще

их несколько с камнями, так что иногда трудно было разогнуть пальцы; обилие камней в старинном русском туалете не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкого достоинства, так называемое, по тогдашнему образу выражения, плохое каменье, да и люди с состоянием часто платили хорошие деньги за дурные камни, потому что не умели распознавать их достоинства.

Для утирания носа русские носили платки, которые у зажиточных делались из тафты и оторочивались золотой бахромой, но их хранили не в карманах, а в шапках, и когда сидели в гостях, то держали в руках шапку, а в ней платок. Впрочем, не считалось неприличным высморкаться и двумя пальцами, даже за столом, и потом обтереть руки о скатерть. Простонародье не знало носовых платков вовсе и не предполагало, чтобы они могли быть необходимы.

В довершение русского наряда люди знатные привешивали шпаги. Это право предоставлялось только служилым и тем, которые по своему происхождению его заслуживали, именно: боярам, окольным, стольникам, иноземцам, начальным людям, дворянам и детям боярским; простолюдином, посадским и крестьянам запрещалось ходить с оружием, зато и знатные, и незнатные не иначе выходили из домов, как с тростью или палкой, которая украшалась точеным набалдашником с вычеканенным наконечником. Набалдашник раскрашивался или окладывался перламутром. Посох служил эмблемой степенности и важности; от этого цари не иначе даже выходили из своих покоев, как с посохом.

Женские одежды, по свидетельству очевидцев, были похожи на мужские, тем более что последние вообще делались длинными. Но, однако, в одеждах двух полов были и особенности, так что можно было с первого взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головных уборах, к самим одеждам, носившим те же названия, как у мужчин, прибавлялось слово «женский», например, женская шуба, женский опашень.

Женская рубаха была длинная, с длинными рукавами, цвета белого или красного: красные рубахи, как и у мужчин, считались нарядным бельем. К рукавам рубахи пристегивались запястья, вышитые золотом и украшенные жемчугами. Поверх рубашки надевался летник: одежда эта не была длинна и по крайней мере не доходила до пят, как это видно из кроильной книги, где на царицу Евдокию Лукьяновну полагается для длины летника аршин с тремя четвертями, тогда как длина другой одежды на ту же особу простирается до двух аршин с полувершком. Рукава его были так длинны, как целый летник, и чрезвычайно широки, например, до тринадцати вершков и даже до тридцати. Эти рукава назывались накапками: они вышивались золотом и унизывались жемчугом. Подол обшивался иной материей с золотой тесьмой, со шнурком и бахромой. Вдоль одежды на передней стороне делался разрез, который застегивался до самого горла, потому что приличие требовало, чтобы грудь женщины была застегнута как можно плотнее. Зимой летники подбивались мехом и назывались кортелями.

Принадлежность летника составляли вошвы, то есть вшитые места; но трудно решить, где имен-

но они вшивались; некоторые полагали, что они пристегивались к рукавам, но так как они были очень широки, например, семнадцать вершков, то едва ли была возможность пришить их к рукавам или накапкам, которые были и без того широки. Если только они не одно и то же, что накапки, то, быть может, они накладывались на полы летника по обеим сторонам разреза, как нашивки на мужских кафтанах. Эти вошвы были всегда расцвечены и распещрены разными фигурами в виде листьев, трав, зверей и тому подобное.

Материи, из которых делались летники, у зажиточных были по большей части легкие, так, как для мужского зипуна, например, тафта, но иногда эти одежды делались также из тяжелых золототканых и сребротканых материй. На подклад-

Одежда: терлик, душегрея и кика, однорядка

ку употребляли менее ценные материи, например, киндяки или дороги. Цвета их были различны. Упоминаются летники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Чтобы иметь понятие о наружном виде этой одежды, приведем несколько примеров летников из богатой материи. Вот летник червчатого атласа, сотканного пополам с золотом; вошвы черного бархата с вышитыми узорами. Вот другой летник: он сделан из червчатой камки с серебряными и золотыми узорами, поочередно представляющими листья; вошвы к нему из червчатого бархата, расшитого канителью и трунцалом; подол из лазоревого атласа. Вот третий летник: он из материи сребротканной пополам с золотом, вошвы к нему черного бархата, с расшитыми по нему узорами. Вошвы чаще всего были другого цвета, чем сам летник, например: летник желтой камки, а вошвы к нему золотого бархата; летник полосатый, а вошвы черного бархата; летник червчатый, вошвы из синего аксамита. Небогатые женщины носили летник из зуфи, дорогов, киндяков, а вошвы расшивали шелками и цветной пряжей.

К летникам, как к мужским зипунам, пристегивалось шейное ожерелье. У женщин оно теснее прилегало к шее, чем у мужчин, и потому иностранцы находили его похожим на собачий ошейник. Оно состояло из тесьмы, очень часто черного цвета, вышитой золотом и унизанной жемчугом; к воротнику летника оно пристегивалось пуговками, обыкновенно числом до пяти.

Верхняя женская одежда была опашень, длинная одежда с частыми пуговицами от верху до низу; у богатых они были золотые или серебряные

вызолоченные, у бедных оловянные. Эта одежда делалась из сукна, обыкновенно красных цветов; рукава были длинными до пят, но пониже плеча делались прорезы или проймы, сквозь которые свободно входила рука, а остальная часть рукава висела. Таким образом женщина могла показывать не только широкие накапки своего летника, но и запястья своей рубахи, шитые золотом. Вокруг шеи пристегивался широкий меховой, обычно бобровый, воротник, называемый ожерельем, круглой формы, покрывавший грудь, плечи и спину. По прорезу и по подолу опашни окаймлялись кусками другой материи, расшитыми шелками и золотом.

Другой вид верхней женской одежды была телогрея. В подробности отличие покроя ее от опашни неизвестно; в плечах делалась она уже, к подолу шире; рукава были длинные с проймами, как в опашне, на краях этих рукавов пристегивалось запястье из другой материи, обыкновенно вышитое; подол окладывался (подпушался) широкой полосой другой материи, а разрез, который застегивался пуговицами, обыкновенно пятнадцатью, окаймлялся металлическим кружевом или же тесьмой, густо расшитой золотом. Телогреи были холодные и теплые, например, на куницах или соболях.

Женские шубы отличались от мужских, ибо упоминается название женская шуба. Шуба, по-видимому, у женщин означала не всегда одно только меховое платье, потому что встречается название холодная шуба. Если летник в женском одеянии соответствовал зипуну в мужском, то опашень и телогрея соответствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кроме шубы,

встречаются названия женских охабней, однорядок, фезей, которые женщины носили с поясом; в других случаях эти верхние одежды вообще назывались шубы. меховые женские шубы делались на соболе, куницах, лисицах, горностаях, белках, зайцах, смотря по состоянию, покрывались сукнами и шелковыми материями, как-то: объярю, камкой, атласом, тафтой – цветов червчатого, желтого, зеленого и

Меховое ожерелье

белого; последний цвет на женских шубах был в употреблении в XVI веке, но в XVII шубы покрывались часто цветными тканями с золотыми узорами. Сверху донизу спереди шел разрез; он застегивался пуговицами и окаймлялся кружевом металлическим, кованым или плетеным, либо шелковым, расшитым золотом и усаженным дробницами. Вдоль разреза по обеим сторонам делались нашивки с золотыми вышивками и с кистями, а по шее пристегивалось к шубе ожерелье из другого меха, например, шуба беличьья или лисьья, а ожерелье к ней бобровое. Рукава женских шуб украшались по краям кружевом, они отдельно снимались и хранились, переходя от матерей к дочерям, как семейная драгоценность.

В торжественных случаях женщины надевали на обыкновенные свои платья богатую мантию, называемую по-русски подволокой или приволокой. Она делалась из шелковой материи, цвета червча-

того, белого, но чаще всего из золотной или сребротканной, с вошвами (вероятно, вшитыми местами). Края этой мантии были с особенной нарядностью разукрашены золотым шитьем, жемчугом и драгоценными камнями; они пристегивались к подволоке и снимались, когда нужно было, и назывались подволочным запусьем. На голову замужние женщины надевали волосники или поддубрусники: это были шапочки наподобие скуфьи из шелковой материи, нередко из золотной, делались с узлом, посредством которого можно было их суживать и расширять, и с ошивкой или оторочкой по краю; эти ошивки унизывались жемчугом и камнями и перешивались с одного волосника на другой и таким образом переходили из рода в род. Волосник играл большую роль в судьбе замужней женщины, ибо он был символом брачного состояния и составлял необходимую и главную принадлежность приданого. По понятиям века, для замужней женщины считалось и стыдом и грехом оставлять напоказ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нее большим бесчестьем. Скромная женщина боялась, чтобы даже члены семейства, исключая мужа, не увидели ее волос; а в Новгородской земле вошло было даже в обычай замужним женщинам брить себе волосы, но этот обычай не одобрялся Церковью. Правило скромности переходило в щегольство, и некоторые женщины, укрывая волосы под волосником, стягивали их так туго, что едва могли моргать глазами: это казалось им красиво. Поверх волосника накладывался платок, обыкновенно белый, и подвязывался под подбородок; его висячие концы густо усаживались жемчугом. Этот пла-

ток назывался убрусом. Это был обыкновенный домашний головной убор. Когда женщины выходили в церковь или в гости, то надевали кикю: это была шапка с высокой плоскостью на лбу, назы-

Женские головные уборы

ваемой кичным челом; чело было разукрашено золотом, жемчугом и драгоценными камнями, а иногда все состояло из серебряного листа, подбитого материей. По бокам делались возвышения, называемые переперами, также разукрашенные; из-под них, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры, числом около четырех или до шести на каждой стороне, и достигали плеч. Задняя часть кики делалась из плотной материи или соболиного или бобрового меха и называлась подзатыльник. По краю всей кики пристегивалась жемчужная бахрома, называемая поднизью. Третий род головного убора был кокошник, у богатых также обложенный жемчугом.

Когда женщина выезжала, то на убрус надевала шляпу белого цвета с полями, у богатых покрытыми золотными материями, жемчужинами и камнями; с этой шляпы спадали на спину длинные шнурки; когда шляпа была белого цвета, шнурки обыкновенно были красные. Также надевали шапки, очень часто черного цвета, из бархата или другой материи, отороченные дорогим мехом, иногда с золотой запоной спереди и с поднизью или кружевом по краю. Девы носили на голове венцы: они имели форму городов и теремов; например, изображение дома в несколько ярусов, отделявшихся один от другого жемчужными поясками. У венцов были поднизь, называемые рясами. У других венцы были более простой формы и состояли только из золотой проволоки в несколько рядов, которые иногда украшались кораллами и камнями. Девичий венец был всегда без верха, потому что открытые волосы считались символом девичества. Очень часто эти венцы состояли из широкой повяз-

ки, вышитой золотом и усаженной жемчугами. Такая повязка суживалась на затылке и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину. Зимой девицы покрывали голову широкой

Шляпки

шапкой, собольей или бобровой, с верхом из шелковой материи; она называлась столбунцом; из-под шапки выпадали на спину одна или две косы, в которые вплетались красные ленты. Иные вовсе не заплетали себе кос, а носили волосы распущенными по плечам. Девицы простого состояния носили повязки, которые спереди были шире, сзади суживались и, наконец, спускались на спину длинными концами. В знак печали женщины и девицы остригали себе волосы, как мужчины их растили по этому поводу. У детей женского пола волосы всегда были острижены, точно как и у мальчиков, и девочку можно было узнать только по небольшим пукам волос на висках.

Как женщины, так и девицы носили серьги. Как только девочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала серьги или кольца; обычай этот равно сохранялся и у знатных, и у простых. Самая обычная форма серег была продолговатая; иные назывались двоичны, то есть двойные, другие одиноцы. Вообще серьги русские были очень длинные. Бедные женщины носили медные, более зажиточные – серебряные, богатые женщины – золотые с драгоценными камнями, преимущественно яхонтами и изумрудами, или золотые со множеством мелких камушков, называемых искрами. У некоторых

были серьги из цельных драгоценных камней, отделанных в формах: грушевидной, круглой, овальной и тому подобное, иногда просверленных насквозь, с двумя вставленными в дырочки жемчужинами.

На руках женщины носили обручи или зарукавья, то есть браслеты, также с жемчугами и камнями, а на пальцах перстни и кольца, которых нередко было так же много, как и у мужчин. Женские перстни отличались от мужских, в частности, тем, что на них не вырезали печатей и они вообще не были так массивны, как мужские; перстни эти были большей частью золотые с искрами, то есть мелкими камешками, или с сердоликами; у небогатых серебряные позолоченные, с мелкими жемчужинами. Шея женщины и девицы была увешана множеством крестов, образков и несколькими рядами монист жемчужных и золотых, иногда составленных в виде цепочки, на которых висели рядами коротенькие цепочки, каждая с крестиком. Кроме монист, знатные женщины носили золотые и серебряные позолоченные цепи, на которых висели большие кресты, отделанные финифтью. Вообще на шеях и на груди знатных госпож в Московии, как и повсюду, укладывались большие капиталы. За всякой невестой зажиточного состояния везли на новоселье огромные сундуки с нарядами и сверх того большое количество сыпного жемчуга, необходимого для поправки платьев, иногда более пуда. На платьях, которые надевались в торжественных случаях, накладывалось невероятное множество украшений. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надели после взятия во дворец и наречения царской невестой, было

так тяжело от вышиваний и жемчуга, что у невесты, когда она поносила его немного, заболели ноги.

Не довольствуясь обильными украшениями, пестрившими до крайности одежду, русская женщина белилась и румянилась и приводила в смех иностранцев своим неискусством в этом деле; недурные собой от природы, русские женщины совершенно искажали свою красоту, налепливая на щеки краски до того, что, по замечанию Олеария, казалось, будто бы кто-нибудь размалевал их кистью. Этого мало: они размалевывали себе шею и руки белой, красной, голубой и коричневой красками, окрашивали ресницы и брови и притом самым уродливым образом чернили светлые, белили черные. Женщины, которые были хороши собой и сознавали, как не идет, собственно, для них такой обычай, принуждены были покоряться ему, чтобы не подвергаться насмешкам. При Михаиле Федоровиче одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собой, не хотела румяниться, но тогдашнее общество издевалось над ней: так силен был этот обычай; а между тем Церковь его не оправдывала, и в 1661 году новгородский митрополит запрещал пускать в храм набеленных женщин.

В руках у женщины был платок, называемый шириной; у богатых эти ширины были шелковые с золотыми каймами и кистями. Зонтики были в употреблении у знатных господ; их носили над ними рабыни.

Бедные поселянки ходили в длинных рубахах; на рубахи надевали летники, иногда белого цвета, похожие также на рубаху, иногда крашенные, а голову повязывали платком из крашенины или шерстяной материи, подвязывая его под подбородок.

*Женская
и мужская
рубахи*

Сверху всего, вместо на-
кидного платья, посе-
лянки надевали одежду
из грубого сукна или се-
ремаги, называемую
серник. При большей
зажиточности поселян-
ки носили на головах
платки шелковые, а
сверху летника одно-
рядку из красной или

синей крашенины, зендея или зуфи; зимой но-
сили овчинные тулупы. Девушки делали себе кокош-
ники из древесной коры в виде короны. Впрочем,
при малейшей возможности муж не скупился при-
нарядить свою жену. В те времена у посадских и у
крестьян встречались такие богатые наряды, каких
теперь трудно отыскать в этих классах. Их дорогие
одежды были скроены просто и переходили из рода
в род. О том, чтобы платье сидело хорошо, не име-
ли понятия. По большей части одежды кроились и
шили дома: отдавать на сторону не считалось
даже признаком хорошего хозяйства. Русские не за-
ботились ни об изяществе формы, ни о вкусе, ни о
согласии цветов, лишь бы блестело и пестрело. В
их одеждах не было талии: это были мешки, при-
ходившиеся на каждую, лишь бы не очень высоко-
го и не очень низкого роста, и вполне соответство-
вали пословице: не ладно скроено, да крепко сшито.
По русским понятиям, красота женщины состояла
в толстоте и дородности; женщина стройного стана
не считалась красавицей, напротив, ей предпочи-
тали тучную, мясистую. Притом русские считали
особенной красотой, чтобы у женщины были про-

долговатые уши, и некоторые записные щеголихи вытягивали их себе насильно. Этот обычай как нельзя более согласовывался с раскрашиванием и с покроем платьев, чтобы для иностранцев и для нас в настоящее время, усвоивших западные понятия, представить в русской женщине верх безвкусия и уродливости.

Как мужские, так и женские дорогие одежды почти всегда лежали в клетях, в сундуках под кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительным средством от моли и затхлости. Только в большие праздники и в торжественных случаях, как, например, свадьбы, их доставали и надевали; в обыкновенные воскресные дни русские ходили в менее богатом наряде, а в будни не только простой народ, но и люди обоего пола среднего сословия и дворяне не щеголяли одеждой. Часто дворяне и их жены ходили в платьях из грубого холста или сукна, притом грязных, поношенных и часто с заплатками; зато когда надо было показать себя, русский скидывал свои отрепья, вытаскивал из клетей отцовские и дедовские одежды и навешивал на себя, на жен и на детей все, что собрано было по частям им самим, отцами, дедами и бабками. Иметь хорошее платье почиталось необходимым для сколько-нибудь зажиточного хозяина. Богатая одежда служила признаком благосостояния и достоинства, и нередко случалось, что бедняк, когда приходилась ему нужда прикинуться не бедняком, брал у соседа напрокат платье и платил за это. С этой же целью во время приезда в Москву чужеземных послов правительство раздавало дьякам, придворным и гостям вышитые золотом кафтаны, чтобы приезжим чужеземцам показать толпу одетых в

золото, чтобы чужеземцы заключили о России, что эта страна сильная, богатая и народ в довольстве живет под царским скипетром.

Чтобы дать понятие о гардеробе мужчины среднего состояния, мы опишем здесь одежду подъячего Красулина, сосланного в Колу. У него было три однорядки – одна темно-зеленая, две вишневые; три кафтана: один праздничный камчатный, другой дорогильный, третий суконный; два были червчатого цвета, а третий зеленый; штаны красные суконные; красные ферязи; четыре шубы, из которых одна покрыта камкой с серебряным кружевом и серебряными пуговицами, а три покрыты дорогами желтого и красного цветов; два ожерелья стоячих, одно аксамитное, другое шитое золотом пополам с серебром по черному бархату, третье простое черное бархатное; два тулупа и несколько лоскутов сукна и небогатых материй.

Х. ПИЩА И ПИТЬЕ

Русская кухня вполне была национальная, то есть основывалась на обычае, а не на искусстве. Лучшая повариха была та, которая присмотрелась, как готовится у людей. Изменения в кушаньях вводились незаметно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русские и отличались огромным количеством блюд; большая часть этих блюд были похожи одно на другое, с небольшими различиями. Богатые господа составляли себе роспись кушаний на целый год; счет шел по церковным праздникам, по мясоедам и постам; для каждого дня, сообразно со значением его в цер-

ковном календаре, назначался заранее стол; впрочем, это не стесняло возможности выбора кушанья и по охоте, потому что в росписи писалось множество кушаний, из которых можно было выбирать.

Обычай свято сохранять посты, соблюдаемый как бедными поселянами, так и царями и боярами, разделял русский стол на два отдела: скоромный и постный, а по припасам, из которых готовились кушанья, они могут быть разделены на пять отделов: мучнистые, молочные, мясные, рыбные и растительные.

Русские ели хлеб преимущественно ржаной; он был принадлежностью не только бедных людей, но и богатого стола. Русские даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Название *хлеб* значило, собственно, ржаной. Иногда, впрочем, к ржаной муке примешивали ячную, но это не могло быть постоянным правилом, потому что ячменя было мало. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а в домашнем быту на калачи, которые вообще для простого народа были лакомством в праздничные дни – от этого и пословица: калачом не заманишь. Лучший сорт калачей пекся из крупитчатой муки в виде небольших колец; другой сорт делался из толченой муки в виде круглых булок: эти калачи назывались братскими; был третий род, называемый смесными калачами: их пекли из пшеничной муки пополам с ржаной. Это делалось не только от недостатка, но находили в такой смеси особый вкус: к царскому столу подавались такие калачи. Вообще хлеб, как ржаной, так и пшеничный, готовился без соли, и не всегда заботились, чтобы мука была свежа. «Домострой», образец хозяина в XVI

веке, советует печь хлеба преимущественно из муки, которая уже подвергается затхлости, и научает давать такую же муку в займы тому, кто попросит.

В XVI и XVII веках в большом употреблении у народа было толокно, приготовленное из овсяной муки с водой; в сухом виде оно отпускалось служилым людям для продовольствия наряду с ржаной мукой.

Из кушаний, приготовляемых из теста, занимают первое место пироги. По способу печения они были пряженые и подовые. Подовые были всегда из квасного теста, пряженые иногда из квасного, иногда из пресного. Мука для них использовалась пшеничная крупитчатая или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Все вообще русские пироги в старину имели продолговатую форму и различную величину; большие назывались пирогами, малые пирожками. В скоромные дни они начинялись бараньим, говяжьим и заячьим мясом, несколькими мясами разом, например, бараниной и говяжьим салом, также мясом и рыбой вместе, с прибавкой каши или лапши. На Масленицу пекли пряженые пироги с творогом и с яйцами на молоке, на коровьем масле, с рыбой вместе с искрошенными яйцами или с тельным, как называлось рыбное блюдо, приготовляемое вроде котлет. В постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнейшими родами рыб, особенно с сига́ми, снетками, лодогой, с одними рыбными молоками или с визигой, на масле конопляном, маковом или ореховом; крошенная рыба перемешивалась с кашей или с сарацинским пшеном. В постные нерыбные дни пеклись они с рыжи-

ками, с маком, горохом, соком, репой, грибами, капустой, на каком-нибудь растительном масле или сладкие с изюмом и другими разными ягодами. Сладкие пироги пеклись и не в пост вместо пирожных. Вообще пироги, за исключением сладких, подавались к горячему: меж ух.

Другой вид печенья из теста был каравай – сдобный хлеб с различными способами приготовления. Был каравай битый, который взбивался с маслом в сосуде, ставленный – вроде кулича на молоке, яцкий – на большом количестве яиц, каравай с сыром, каравай братский и прочее. Яйца, масло или говяжье сало, сыр и молоко служили добавкою в каравае, а различные виды его зависели от того, сколько класть муки и с чем ее клали и в каком количестве.

К печеньям из теста принадлежали: курник, то есть паштет, начиненный курицей, яйцами, бариной с маслом или говяжьим салом; оладьи, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Оладьи делались из крупитчатой муки, яиц, коровьего масла, а в постные дни без яиц с ореховым маслом и подавались вообще с патокой, сахаром или медом. Оладьи огромного размера назывались приказными оладьями, потому что их приносили приказным людям на поминки. Подобное кушанье составляла котлома, отличавшаяся от оладей тем, что количество яиц в ней было меньше; она подавалась с патокой. Сырники готовились из творога, яиц, молока с небольшим количеством крупитчатой муки. Блины делались красные и молочные: первые из гречневой, вторые из пшеничной муки; молоко и яйца входили в последний сорт. Блины не составляли принадлежности Масленицы, как и

теперь, символом Масленицы были пироги с сыром и хворосты – вытянутое тесто с маслом. Пекли также тестяные шишки, левашники, перепечи, орешки: все эти виды подавались в масле; такие же кушанья готовились в пост с растительным маслом. Кисели делались из овсяной и пшеничной муки и подавались в скоромные дни с молоком, в постные с постным маслом. Каша приготавливалась из круп овсяных или гречневых, пшенная каша была редко. Из молочных кушаний в употреблении была вареная лапша с подливом в нее свежего топленого молока, варенца, молочная каша разных видов, губчатый сыр из творога со сметаной, кислый сыр.

Мясные кушанья были вареные или жареные. Вареные подавались в щах, ухе, рассоле и под взварами; щи забеливались сметаной во время варения, а не на столе. Обыкновенный приварок к щам была кочанная и крошенная, свежая и кислая капуста. К щам подавалась гречневая каша. Ухой назывался суп или похлебка. Огромное количество разных пряностей составляли принадлежность русской ухи в разных видах: уха с гвоздикой называлась черной ухой, с перцем белой, а без пряностей – голый. Рассол был род нынешней солянки: варилось мясо в огуречном рассоле с примесью пряностей. Взваром назывался всякого рода соус. Жареные мясные кушанья были верченые, шестные, печения, сковородные. Баранина составляла самый обычный вид мясных кушаний в скоромные дни с весны до поздней осени. «Домострой» учит, как поступать с бараньим мясом: купив целого барана, следовало облупить его и распределить на несколько дней части его мяса; грудинка

подавалась на уху или щи; лопатки и почки на жареное; ребра подавались под взваром; ножки начинялись яйцами; рубец кашей; печенку иссекали с луком и, обернув перепонкой, жарили на сковороде; легкое готовили со взболтанным молоком, мукой и яйцами; из головы вынимали мозги и делали из них особую похлебку или соус с пряностями, а из густосваренной с бараньим мясом ухи, ставя ее на лед, готовили холодный студень. Для говядины служили яловые коровы, поэтому говядина вообще носила в старину название яловичины. Яловиц покупали осенью и убивали; мясо солили впрок, а потроха, к которым причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, служили для обыденной пищи и подавались под студнем, под отварами, с кашей, на жареное. Вообще свежей говядины русские ели мало, а употребляли более соленую. Многие содержали во дворах своих свиней и откармливали их в течение года, а перед праздником Рождества кололи. Свинное мясо солилось или коптилось, и ветчина употреблялась на зимние щи, а голова, ноги, кишки, желудок подавались свежими в разном приготовлении, как-то: голова под студнем с чесноком и хреном; из кишок делали колбасы, начиная их смесью мяса, гречневой каши, муки и яиц. Русские в старину любили свинину, кажется, больше, чем теперь. Зайцы подавались душистые (духовые), рассольные (в рассоле вареные) и под отварами, особенно сладкими. Были люди, которые считали зайцев нечистыми животными, как и теперь, но другие объясняли, что зайца есть не грешно, только надо смотреть, чтобы он не был задушен во время травли. Стоглав запрещает продавать на тор-

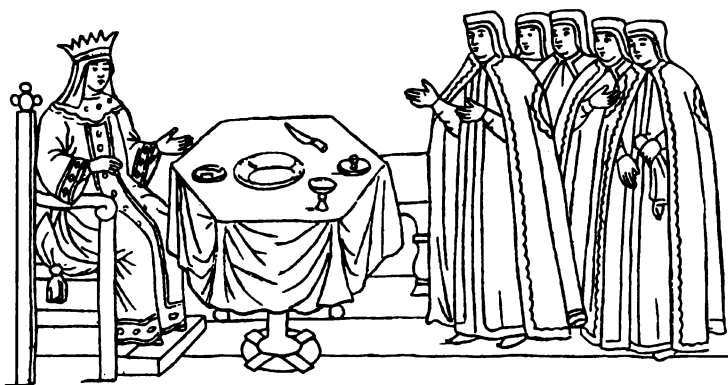
гах зайцев без испущения крови. Такое же предостережение издано было от московского патриарха в 1636 году; но нигде не видно, чтобы Церковь вооружалась против употребления зайцев в пищу вообще. Наравне с зайцами некоторые чуждались или по крайней мере остерегались оленины и лосятины; но мясо этих зверей составляло роскошь царских и боярских торжеств.

Куры подавались в щах, ухе, рассоле, жареные на рожнах, вертелах, называемые по способу их приготовления жареными и верченными. Щи с курицей назывались богатыми щами и всегда забеливались. К жареной курице обыкновенно подавали что-нибудь кислое: уксус или лимон. Курей рафленой назывался употребительный в XVII веке соус из курицы с сарацинским пшеном, изюмом и разными пряностями, куря бескостная – соус из курицы без костей, с начинкой из баранины или яиц с шафранной похлебкой. За роскошными обедами подавались в качестве особых блюд куриные пупки, шейки, печенки и сердца. Другие птицы, употребляемые в пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки – в щах и жареные, гуси – шестные, начинялись гречневой крупой и приправлялись говяжьим салом; из гусей приготавливали полотки, которые ели зимой с хреном и уксусом; гусиные потроха шли в уху или в особые кушанья под взварами. Рябчики, тетерева и куропатки – кушанья зимние – обыкновенно подавались: первый приправленный с молоком, прочие жареные со сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканным блюдом: их подавали под взваром с топешками, то есть из-

резанными ломтиками калача, опущенными в коровье масло; потроха лебязьи, как и гусиные, подавались под медвяным взваром, иногда же с говядиной или в пирогах и перепечах. Прочей дичи в Московии было много, и она была дешева, но вообще русские не очень любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имело свои огородные и пряные приправы; так, репа шла к зайцу, чеснок к говядине и баранине, лук к свинине.

Перечисляя мясные блюда, нельзя не упомянуть об одном оригинальном кушанье, которое называлось похмелье; это изрезанные ломтики холодной баранины, смешанной с мелко искрошенными огурцами, огуречным рассолом, уксусом и перцем; его употребляли на похмелье.

Московское государство изобиловало рыбой, составлявшей половину года обычную пищу. Употребительные роды рыб были лососина, привозимая в Москву с севера из Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская белорыбица, ладожская ладога и сырть, белозерские снетки и рыбы всех небольших рек: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пескари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По способу приготовления рыба была свежая, вяленая, сухая, соленая, провесная, ветряная, паровая, подваренная, впрок щипанная, копченая. По принятому обыкновению закупать для дома съестные припасы в оптовом количестве, везде продавалось множество рыбы, приготовленной впрок посредством соли. Домовитый хозяин покупал для домашнего обихода большой запас и складывал в погреб, а чтобы она не испортилась, вывешивал на воздух, и это называлось выветривать: тогда уже рыба получала название провесной, а

Трапеза царицы

если хорошо выветривалась, то ветряной. С тех пор рыба складывалась уже не в погребе, а в сушиле пластами и прутами; пластовая рыба клалась на приданных к стенам сушила полицах, а прутовая – кучей под рогожами. Русские не умели хорошо солить рыбу, как не умеют этого делать и теперь: она у них воняла; но простой народ, по замечанию иностранцев, не только не отворачивался от нее, но еще предпочитал ее свежей. Взяв в руки рыбу, русский подносил ее к носу и пробовал – достаточно ли она воняет, и если в ней вони было мало, то клал и говорил: «Еще не поспела». При затруднительности путей сообщения свежей рыбой могли пользоваться только жившие около рыбных мест; в Москву свежая красная рыба доставлялась только для царского стола и для знатных князей и бояр; она привозилась живая и содержалась в прудах, сделанных специально в их садах; масса жителей довольствовалась соленой осетриной, приготовляемой на астраханских учугах.

Горячие рыбные кушанья были щи, уха и рассольное. Рыбная уха делалась из разных рыб, преимущественно чешуйчатых, а также из рыбьих потрохов, смешанных вместе с пшеном или с крупами и с большим прибавлением перца, шафрана и корицы. По способам приготовления в русском столе различалась уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; в уху бросали мешочки или толченики, приготовленные из теста с искрошенной рыбой. Щи делались кислые со свежей и с соленой рыбой, иногда с несколькими сортами рыбы вместе, часто с рыбой сухой вроде истертой в порошок муки; при этих горячих кушаньях подавали пироги с рыбными начинками или кашей. Рассольное приготавливалось обыкновенно из красных рыб: осетрины, белужины и лососины. При горячих кушаньях подавали пирожки с разными рыбными начинками и с кашей. В постные дни летом подавалась ботвинья с луком и разными кореньями. Из тертой рыбы разных родов, смешанных вместе с примесью крупы или пшена, приготавливалось кушанье, называемое рыбная каша; а в скоромные дни примешивали туда и мясо; такую же кашу клали и в пироги. Приготавливали из рыбы тельное вроде котлет: смешивали с мукой, обливали ореховым маслом, прибавляли туда пряностей и пекли: это называлось рыбным караваем. Жареную рыбу подавали облитую каким-нибудь взваром. Икра была в числе обычных кушаний: свежая зернистая из осетра и белорыбичи составляла роскошь; но во всеобщем употреблении была паюсная, мешочная, армянская – раздражающего свойства и мятая – самого низшего достоинства, которую покупали бедные просто-

людины. Икру вообще употребляли с уксусом, перцем и искрошенным луком. Кроме сырой икры, употребляли еще икру, варенную в уксусе или маковом молоке, и пряженую; в посты русские делали икрянки или икряные блины: это была взбитая, после продолжительного битья, икра с примесью крупитчатой муки и потом запаренная.

В те постные дни, когда считалось грехом употреблять рыбу, пища русских состояла из растительных веществ: ели кислую и ставленую капусту, свеклу с постным маслом и уксусом, пироги с горохом, с начинкой из растительных веществ, гречневую и овсяную кашу с постным маслом, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи с медом, караваи с грибами и с пшеном, разного рода грибы вареные и жареные (масленики, грузди, сморчки, рыжики), разные приготовления из гороха: горох битый, горох тертый, горох цеженный, сыр гороховый, то есть твердосбитый мятый горох с постным маслом, лапшу из гороховой муки, творог из макового молока, хрен, редьку и разные овощные приготовления: взвар из овощей и коливо.

Вообще ко всяким кушаньям русские любили примешивать пряные приправы, а в особенности лук, чеснок и шафран. От большого употребления чеснока русские, по замечанию иностранцев, носили с собой неприятный запах. Иностранцы сознавались, что не могли есть вонючую русскую уху, в которой иногда, кроме рыбы и воды, был только чеснок. Эти два зелья – лук и чеснок – делались как бы предметом первой необходимости: таким образом, они давались в числе кормов, которые обязаны были жители давать писцам, посылаемым для составления писцовых книг. Перец,

горчица и уксус ставились всегда на столе, как необходимость обеда, и каждый гость брал, сколько хотел. При изготовлении кушаний обыкновенно не употребляли соли, как это делается во многих местах и теперь; но из этого не следует, что русские не любили соленого: это делалось для того, чтобы каждый гость мог брать сколько хотел, и в те времена русские не находили разницы во вкусе того, что посолено во время приготовления кушанья, от того, что солили уже на столе. Зато все любили соленое впрок и не только употребляли, как уже сказано, мясо и рыбу больше в соленном виде, но и заправляли с солью и уксусом разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши, вишни. У домовитых хозяев всегда стояло несколько посуды с такими соленьями, нагнетенных камнями и засеченных в лед. Они подавались к жареному мясному и рыбному, а белая соленая капуста была обычным запасом на зиму как у богатых, так и у бедных. Русские лакомства состояли из плодов свежих или же приготовленных в патоке, с медом и сахаром. Плоды эти были отчасти туземного происхождения, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши в патоке и в квасе, то есть клали в бочонки и наливали патокой, потом закрывали, но не плотно, чтобы «кислый дух выходил», или же, отобрав свежие яблоки, прорезали в них отверстия и наливали туда патоки; из малины делали морс, употребляемый с водой, из брусники брусничную воду. Было в обыкновении лакомство, называемое леваши: его делали из малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потом протирали сквозь сито и вслед затем варили снова, уже с патокой,

густо мешая во время варения, потом выкладывали эту густую смесь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнце или против огня; когда она высыхала, то свертывали ее в трубочки. Другое лакомство было пастила, приготавливаемая из яблок. Яблоки клали в сыту и парили, потом протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мешали, били, мяли, потом выкладывали на доску и давали подняться вверх, наконец, складывали в медные луженые творила, давая закиснуть, и опрокидывали вниз. Пастилу делали также и из других ягод, например, из калины.

Редьку в патоке приготавливали таким образом: сначала крошили редечный корень на мелкие ломтики, надевали на спицы, так, чтобы ломтик не сталкивался с другим ломтиком, и вывяливали на солнце или в печах после печенья хлебов; когда в редьке не оставалось влаги, ее толкли, просеивали через сито, между тем варили в горшочке белую патоку и, уварив, выливали в редечную муку, прибавляя туда разных пряностей: перцу, мускату, гвоздики, и запечатав горшочек, ставили в печь на два дня и две ночи. Смесь эта должна быть густа, как паюсная икра, и называлась мазюня; такую же мазюню приготавливали подобным способом из сухих вишен. Из арбузов, которые привозились в Московию с низовьев Волги, приготавлилось такое лакомство: порезав арбуз пальца на два от коры кусками не толще бумаги, клали на сутки в щелок, между тем варили патоку с перцем, имбирем, корицей и мускатом и потом клали туда арбузы. Подобным образом приготавливали лакомства и из дынь. Русские варили в сахаре и в патоке привозные плоды: изюм с ветвями, коринку, смоквы, имбирь и разные пряности.

Обыкновенное русское лакомство было взвар, приготавливаемый из винных ягод, изюма, фиников, вишен и других плодов с медом, сахаром или патокой, с большим количеством гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, имбиря и прочее; один род взвара назывался медвяным, другой квасным. К лакомствам следует отнести также пряники или коврижки, старинное национальное печенье. Сахар и леденец, привозимые русским из-за границы, служили предметом лакомств для богатых. На царских и боярских пирах ставили на стол приготовленные из сахара изображения орлов, голубей, уток, городов, башен, теремов, людей и также целые сахарные головы. По способу приготовления и по цвету различалось несколько видов сахара: сахар свороборинный, сахар зеренчатый, узорочный, леденец белый и красный. Все это привозилось через Архангельск и переходило в народное употребление с боярских столов.

Напитки, употребляемые русскими в старину, были квас, морс, пиво, мед, водка и виноградные вина. Квас пили все, от царя до последнего крестьянина. Повсеместно в посадах можно было встретить и квасоварные заведения, и квасников, продающих квас в лавках и квасных кабаках. В монастырях квас был обычным питьем братии в будни. Квасы были разного сорта: кроме простого, так называемого житного, приготавливаемого из ячменного или ржаного солода, были квасы медвяные и ягодные. Медвяный приготавливался из рассыченного в воде меда, процеженного, с примесью калача вместо дрожжей. Этот раствор стоял некоторое времени с калачом, потом сливали его в бочки. Его качество зависело от сорта и количества меда: для царей, например, собирали лучший мед

во всем государстве на квас; такого же рода медвяные квасы делались в некоторых монастырях, имевших свои пчельники; и оттого медвяный квас в народе носил эпитет монастырского. Ягодные квасы делались таким же образом из меда и воды с добавкой ягод, вишен, черемухи, малины и прочее; этого рода квас также можно встретить было чаще всего в монастырях, а у зажиточных людей он служил для угощения людей низшего звания. Пиво делалось из ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось в казенных пивоварнях при кабаках, а люди зажиточные, имевшие дозволение готовить у себя напитки, делали его для домашнего обихода в своих дворах и хранили в ледниках под снегом и льдом. Русское пиво, по замечанию иностранцев, было вкусно, но мутно. Некоторые хозяева подпаривали его патокой, то есть готовое пиво сцеживали с дрожжей и сливали в другую бочку, потом, взяв этого пива ведро, при мешав туда патоки, варили до кипятка, потом простуживали и сливали назад в бочку, а иногда подбавляли туда ягодных смесей. Последнего рода пиво называлось поддельным пивом.

Оригинальное и лучшее русское питье было мед; все путешественники, посещавшие Москву, единогласно признавали достоинство нашего меда и прославили его в далеких странах.

Меды были вареные и ставленные; первые варились, вторые только наливались. Кроме того, по способу приготовления и по разным приправам меды имели названия: простой мед, мед пресный, белый, красный, мед обарный, мед боярский, мед ягодный. Мед, называемый обарным, готовили следующим образом: рассычали медовый сот

теплой водой, процеживали сквозь частое сито, так, чтобы мед отделился от вошины, потом клали туда хмель, полагая на пуд меда полведра хмеля, и варили в котле, беспрестанно снимая пену ситом; когда же эта жидкость уваривалась до того, что в котле оставалась ее только половина, тогда выливали из котла в мерник и остужали не на сильном холоде, бросали туда кусок ржаного хлеба, натертого патокой и дрожжами, давали жидкости вскиснуть, не допуская до того, чтобы она окисла совершенно, наконец, сливали ее в бочки. Боярский мед отличался от обарного тем, что при рассычении меда бралось медового сота в шесть раз больше, чем воды; он кис в мерниках неделю, потом его сливали в бочку, где он стоял другую неделю с дрожжами; потом уже его сливали с дрожжей, подпаривали патокой и наконец сливали в другую бочку. Ягодный вареный мед приготавливался таким образом: ягоды варились с медом до тех пор, пока совершенно раскипали; тогда эта смесь снималась с огня; ей давали отстояться, потом ее процеживали, сливали в мед, уже сваренный прежде с дрожжами и хмелем, и запечатывали.

Ставленные меда приготавливались, как квасы, но с дрожжами или хмелем и потому отличались от квасов своим охмеляющим свойством. Ставленный ягодный мед был прохладительный и приятный напиток. Его делали обыкновенно летом из малины, смородины, вишен, яблок и прочее. В посудину клали свежие спелые ягоды, наливали водой (вероятно отварной) и давали стоять до тех пор, пока вода не принимала вкуса и цвета ягод (дня два или три), потом сливали воду с ягод и клали в нее отделенный от воска чистый мед, наблю-

дая, чтобы выходило по кружке меда на две или на три воды, сообразно желанию придать напитку более или менее сладости, потом бросали туда несколько кусков печеной корки, дрожжей и хмеля, и когда смесь эта начинала вскисать, то хлеб вынимали прочь, чтобы она не приняла хлебный вкус, мед на дрожжах оставляли от пяти до восьми дней в теплом месте, а потом снимали и ставили в холодное. Некоторые бросали туда пряности: гвоздику, кардамон, имбирь. Мед ставленный держался в засмоленных бочонках и был иногда до того крепок, что сшибал с ног.

К разряду прохладительных напитков относился березовый сок, или березовец, добываемый в апреле из берез.

Русская водка делалась из ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась вином и разделялась на сорта: обыкновенная водка носила название простого вина; лучше этого сорт назывался вино доброе; еще выше – вино боярское; наконец, наивысшим считалось вино двойное, чрезвычайно крепкое. Некоторые употребляли тройную и даже четвертную, то есть четыре раза перегнанную водку, и умирали от нее. Кроме этих водок, делалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женского пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнейших пряностях и разных душистых травах; настаивали на корице, мяте, горчице, зверобое, бадяге, с амброй, на селитре, с померанцевой и лимонной коркой, с можжевельником и делали наливки на разных ягодах. Русские пили водку не только перед обедом, но и во время обеда, и после обеда, и во всякое время дня.

Иностранные вина в XVI веке употреблялись только в знатных домах, и то в торжественных случаях; но по мере того, как торговля стала нас более и более знакомить с европейской жизнью, употребление виноградных вин распространилось между зажиточными людьми, а в XVII веке появились в Москве погреба, где не только продавали вино, но куда сходились пить веселые компании. Из вин в большем употреблении были греческое, церковное, мальвазия, бастр, алкан, венгерское, белое и красное французское, рейнское, романей. Иногда в вина русские примешивали пряности.

У зажиточных хозяев напитки хранились в ледниках или подвалах, которых было иногда несколько при доме. Они делались с разными отделами, в которых ставили бочки, летом во льду. Бочки были беременные или полубеременные. Вместимость тех и других не всегда и не везде была одинакова, вообще же можно считать беременную бочку в тридцать, а полубеременную в пятнадцать ведер. В монастырских подвалах бочки отличались своей огромностью, например, в три сажени в длину и в две в ширину; они никогда не сдвигались со своего места, а питье пропускалось в них и добывалось из них через отверстие, сделанное в своде погреба. Напитки наливали из бочки сначала в оловяники или мерники – большую посуду, потом уже разливали для подачи к столу в меньшие сосуды.

В числе разных напитков при Михаиле Федоровиче появился в России, как редкость и новость, чай. Первый раз чай был прислан в дар Михаилу Федоровичу от монгольского государя. Во второй половине XVII века знатные лица употребляли его как лекарство и приписывали ему целительную

силу, не предвидя, что этот напиток отдаленного народа делается со временем национальным русским питьем.

XI. ОБРАЗ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ

Предки наши, как знатные, так и простые, вставали рано: летом с восходом солнца, осенью и зимой за несколько часов до света. В старину счет часов был восточный, заимствованный из Византии вместе с церковными книгами. Сутки делились на дневные и ночные часы; час солнечного восхода был первым часом дня; час заката – первым часом ночи. Само собой разумеется, что при таком времяисчислении количество дневных и ночных часов на самом деле могло быть одинаково и равно только во время равноденствия, а потому это время и принималось за норму: из двадцати четырех суточных часов двенадцать относили к дню, а другие двенадцать к ночи; несмотря на то, что на самом деле во время летнего солнцестояния число дневных, а во время зимнего число ночных часов доходило до семнадцати. Седьмой час утра по-нашему часоисчислению был первым часом дня; седьмой час вечера – первым часом ночи. Исчисление это находилось в связи с восточным богослужением: на исходе ночи отправлялась заутреня; богослужebные часы – первый, третий, шестой и девятый знаменовали равноименные дневные часы, а вечерня – окончание дня. Русские согласовали свой домашний образ жизни с богослужebным порядком и в этом отношении делали его похожим на монашеский. Разумеется, что та-

кой порядок мог иметь место только там, где спокойная и обеспеченная жизнь на одном месте позволяла располагать временем по произволу.

Вставая ото сна, русский тотчас искал глазами образа, чтобы перекреститься и взглянуть на них; сделать крестное знамение считалось приличнее, смотря на образ. В дороге, когда русский ночевал в поле, он, вставая от сна, крестился, обращаясь на восток. Тотчас, если нужно было, после оставления постели надевалось белье и начиналось умыванье; зажиточные люди мылись мылом и розовой водой. После омовений и умываний одевались и приступали к молитве.

Если день был праздничный, тогда шли к заутрене, и благочестие требовало, чтобы встать еще ранее и придти в церковь со звоном еще до начала служения заутрени. Если же день был простой или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяин совершал должное богослужение по книге, если был грамотен.

В комнате, предназначенной для моления, — крестовой — или когда ее не было в доме, то в той, где стояло побольше образов, собиралась вся семья и прислуга, зажигались лампы и свечи, курили ладаном. Хозяин, как домовладыка, читал перед всеми вслух утренние молитвы; иногда читались таким образом заутрени и часы, смотря по степени досуга, уменья и благочестия; умевшие петь пели. У знатных особ, у которых были свои домашние церкви и домовые священнослужители, семья сходилась в церковь, где молитвы, заутреню и часы служил священник, а пел дьячок, смотревший за церковью или часовней, и после утреннего богослужения священник кропил святой водой.

Окончив молитвословие, погашали свечи, задергивали пелены на образах, и все расходились к домашним занятиям. Там, где муж жену допускал до управления домом, хозяйка держала с хозяином совет, что делать в предстоящий день, заказывала кушанье и задавала на целый день уроки в работах служанкам. В таких домах на хозяйке лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою пример служанкам, раньше всех вставать и других будить, позже всех ложиться: если служанка будит госпожу, это считалось не в похвалу госпоже. При такой деятельной жене муж ни о чем не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дело лучше тех, которые работали по ее приказанию: и кушанье сварить, и кисель поставить, и белье выстирать, и выполоскать, и высушить, и скатерти и полавочки постлать, и таким своим умением внушала к себе уважение. Но уделом не всех жен была такая деятельная жизнь; большей частью жены знатных и богатых людей по воле мужей вовсе не вмешивались в хозяйство; всем заведовали дворецкий и ключник из холопов. Такого рода хозяйки после утреннего моления отправлялись в свои покои и садились за шитье и вышивание золотом и шелками со своими прислужницами; даже кушанье к обеду заказывал сам хозяин ключнику. Ключник не всегда спрашивал об этом хозяина, а знал наперед, что следует готовить по годовой росписи; обыкновенно в таком случае ключник получал от хозяина деньги на известный срок и по истечении срока давал отчет. В утреннее время считалось нужным обойти службы. Хозяин навещал конюшню, ходил по стойлам, смотрел – наложена ли под ногами лошадей соло-

ма, заложен ли им корм, приказывал перед своими глазами давать лучшим лошадям овса, а страдным (то есть рабочим) овсяной муки или невейницы, приказывал проводить лошадей перед собой к желобам, устроенным вблизи конюшни для водопоя; потом заходил в хлевы – коровий, свиной, птичий, приказывал скотникам пригнать несколько отборных штук скота, кормил их из своих рук и посыпал зерно курам и гусям, потому что, когда сам хозяин из своих рук кормит их, то от того плодородие умножается. Иногда, воротившись после такого обзора, хозяин призывал дворецкого, заведовавшего всеми кладовыми и надворными строениями, и слушал его доклады; когда нужно было, то осматривал с ним что-нибудь, давал распоряжения к домашним работам, разбираал дела между слугами. После всех домашних распоряжений хозяин приступал к своим обычным занятиям: купец отправлялся в лавку, ремесленник брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказные избы, а бояре в Москве стекались к царю и занимались делами. Приступая к началу дневного занятия, будь то приказное писательство или черная работа, русский считал приличным вымыть руки, сделать перед образом три крестных знамения с земными поклонами, а если предстоит случай или возможность, то принять благословение священника.

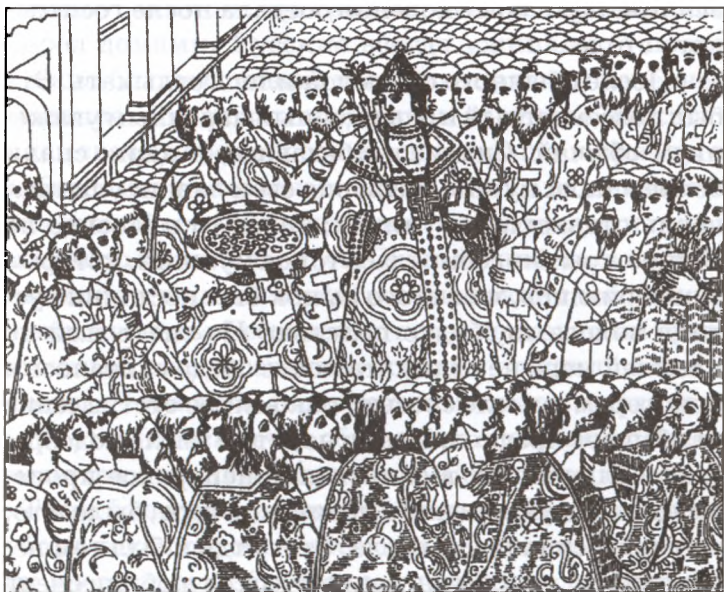
В десять часов по нашему счету (в шестом часу дня) служились обедни. По духу времени в те времена цари в сопровождении бояр и думных людей каждый день ходили в церковь, да и частные люди кроме воскресных и праздничных дней при первой возможности хаживали к обедне и в будни, особенно в пятницы и субботы; всякий же церков-

ный праздник толпа народа наполняла храмы, но текущие дела, однако, не прерывались от этого.

В полдень наступало время обеда. Холостые ла-вочники, парни из престолярства, холопы, приезжие в городах и посадах наполняли харчевни; люди домовитые садились за стол дома или у приятелей в гостях. Цари и знатные люди, живя в особых покоях в своих дворах, обедали отдельно от прочих членов семьи; жены с детьми трапезовали особо; но незнатные дворяне, дети боярские, посадские и крестьяне – хозяева оседлые – вместе с женами и с прочими членами семьи; впрочем, иногда семейные члены, составлявшие со своими семьями одно семейство с хозяином, обедали от него и особо; во время же званых обедов особы женского пола никогда не обедали там, где сидел хозяин с гостями. Стол накрывался скатертью, но не всегда это соблюдалось: очень часто люди незнатные обедали без скатерти и ставили на голый стол соль, уксус, перец и клали ломтями хлеб. Двое домашних служебных чинов заведовали порядком обеда в зажиточном доме: ключник и дворецкий. Ключник находился в поварне при отпуске кушаний, дворецкий при столбе и при поставце с посудой, стоявшем всегда против стола в столовой. Несколько слуг носили кушанья из поварни; ключник и дворецкий, принимая их, разрезали их на куски, отведывали и тогда уже отдавали слугам ставить перед господином и сидевшими за столом.

В обычном царском быту кушанье прежде всего отведывал повар в присутствии дворецкого, который являлся за каждой переменной с толпой жильцов; сдав кушанье жильцам, дворецкий шел впереди их в столовую и передавал кравчему, ко-

торый также отведывал и ставил перед царем. Обыкновенно кушанье подавали разрезанное на тонкие куски, так что можно было взять их в руки и понести в рот; от этого тарелки, поставленные в начале обеда перед обедавшими, не переменялись, потому что каждый брал руками со стоявшего перед гостями блюда куски и клал в рот, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать на нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человека в одной мисе, и все ели из нее своими ложками. Такой способ обедать приводил в омерзение иностранцев, чуждых нашим обычаям; им не нравилось и то, что русские за столом зевали, потягивались, рыгали и к запаху чеснока, лука и гнилой рыбы присоединяли другие неприятные зловония.

Выход царя из церкви

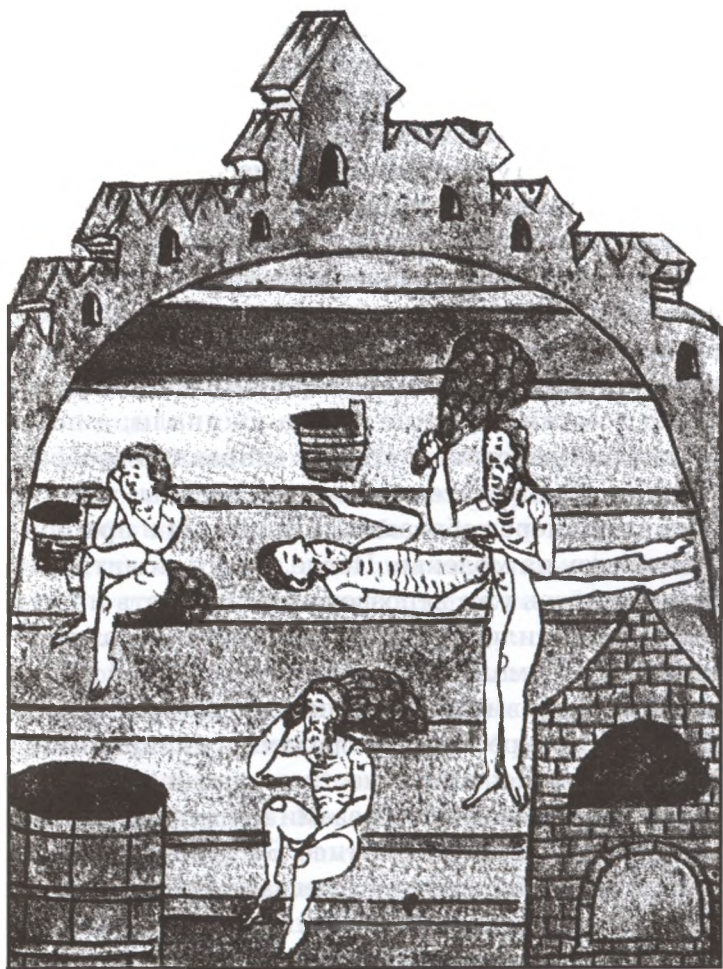
Прежде всего пили водку и закусывали хлебом, потом подавали в скоромные дни холодные кушанья, состоявшие из вареного мяса с разными приправами, потом ели горячие, потом жареные, а далее разные взвары, за ними молочные кушанья, лакомые печенья и, наконец, овощные сласти. В постные дни тем же порядком подавали холодную рыбу или капусту, потом жидкие кушанья, далее жареную рыбу, взвары и, наконец, овощи. На званных обедах было иногда чрезвычайное множество кушаний – до сорока и до пятидесяти перемен. Слуги, подававшие кушанья, назывались стряпчими, несли блюда голыми и притом нечистыми руками.

После обеда хозяин пересматривал посуду и, находя все в порядке, хвалил дворецкого и стряпчих, потчевал их хмельным, иногда всех дарил, и вся прислуга обыкновенно обедала после господского стола.

После обычного обеда ложились отдыхать. Это был повсеместный и освященный народным уважением обычай. Спали, пообедавши, и цари, спали бояре, спали купцы, затворив свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицах; тогда-то в Москве на Вшивом рынке собиралась толпа мужчин, которые там стриглись, и от этого рынок был постоянно устлан волосами, будто полстью. Не спать или по крайней мере не отдыхать после обеда считалось в некотором смысле ересью, как всякое отступление от обычаев предков. Известно, что в числе подозрительней, обличавших в самозванце нецарское происхождение и уклонение к латинской вере, было и то, что он не спал после обеда. Этот отдых был тем необходимее, что обыкновенно русские любили очень плотно покушать, имея возможность и достаток.

Вставши от послеобеденного сна, русские опять принимались за обычные занятия. Цари ходили к вечерне, а часов с шести вечера по нашему счету предавались уже забавам и беседам. Впрочем, смотря по важности дела, иногда бояре собирались во дворец и вечером, сидели там за делами часов около трех. В приказах собирались по вечерам. В 1669 году постановлено правилом, чтобы приказные люди сидели с первого до восьмого часа ночи, так как это было зимой, то, вероятно, до десяти часов по нашему счету, считая первым часом ночи не седьмой час суточного деления, сообразно восточно-византийскому исчислению, а четвертый, когда ночь действительно наступала в Москве. Вечер в домашнем быту был временем развлечения; зимой собирались друг к другу родные и приятели в домах, а летом в палатках, которые нарочно раскидывались перед домами. Русские всегда ужинали, а после ужина благочестивый хозяин отправлял вечернее моление. Снова затепливались лампы, зажигались свечи перед образами; домочадцы и прислуга собирались на моленье. После такого молитвословия считалось уже непозволительным есть и пить; все скоро ложились спать. Сколько-нибудь зажиточные супруги имели всегда особые покои с той целью, чтобы не спать вместе ночью перед церковными праздниками, воскресеньями, средами и пятницами и в посты. В эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились перед образами в спальнях; ночная молитва считалась приятнее Богу, чем дневная: «Тогда бо нощию ум ти есть легчае к Богу и могут ты убо на покаяние обратите нощные молитвы паче твоих дневных молеб... и паче дневных молеб приклонить ухо свое Господь в нощные молитвы». Впро-

чем, некоторые старинные духовные поучения не обязывали супругов удаляться от общего ложа в посты Петровский и Рождественский: «А в Петрово говенье и в Филиппово невозбранно мужем со своими женами совокупляться, развее блюсти сре-

В бане. Миниатюра XVII в.

ду, пяток и субботу и неделю и господских праздников». На Святой неделе цари обыкновенно опочивали отдельно от цариц, и когда царю угодно было спать вместе с царицей, то последней давалось об этом знать заранее и назначалось: или приходить к царю, или царя к себе ожидать, а на другой день оба ходили в мыльню. Так соблюдалось между всеми более или менее, и вообще считалось необходимым после ночи, проведенной супругами вместе, ходить в баню прежде, чем подойти к образу. Набожные люди почитали себя недостойными, даже и омывшись, на другой день вступить в церковь и стояли перед дверьми храма, хотя через это и подвергались двусмысленным взглядам, а иногда и замечаниям молодых людей, которые догадывались, что это значило.

Русские вообще ходили в баню очень часто; она была первой потребностью в домашней жизни, как для чистоплотности, так и для наслаждения. Почти в каждом зажиточном доме была своя мыльня, как уже говорилось; сверх того, для простонародья и для приезжих везде по городам существовали общественные или царские мыльни, где за вход платили деньги, составлявшие во всем государстве ветвь царских доходов. По известию Котошихина, ежегодно собиралось таким образом до двух тысяч рублей со всех мылен, находившихся в ведомстве Конюшенного дворца. Мыльни вообще топились каждую неделю один, а иногда и два раза. В летние жары запрещалось их топить в предупреждение пожаров, с некоторыми исключениями для больных и родильниц, по воле воевод. Тогда-то особенно наполнялись царские мыльни; впрочем, запрещение топить свои собственные касалось более

посадских и крестьян; люди высшего звания всегда пользовались исключением. Баня для русского была такой необходимостью, что по поводу запрещения топить их жители грозили правительству разбрестись врозь из своих домов.

Обыкновенно ходили в мыльню после обеда, не страшась от этого вредных последствий. Жар был нестерпимый. На скамьях и полках постилалось сено, которое покрывали полотном. Русский ложился на него и приказывал себя бить до усталости, потом выбегал на воздух и бросался летом в озеро или реку, подле которых обыкновенно строились мыльни, а зимой катался по снегу или обливался холодной водой на морозе. Всегда, кто ходил в мыльню, тот и парился: это было всеобщим обычаем. В общественных мыльнях было два отделения – мужское и женское; они отделялись одно от другого перегородками, но вход и в то, и в другое был один; и мужчины, и женщины, входя и выходя в одну дверь, встречались друг с другом нагишом, закрывались вениками и без особенного замешательства разговаривали между собой, а иногда разом выбегали из мыльни и вместе катались по снегу. В более отдаленную старину было в обычае и мужчинам, и женщинам мыться в одной мыльне, и даже чернецы и черницы мылись и парились вместе.

Жившие в Москве немцы заимствовали у русских их мыльни, но придали им более комфорта. Эти мыльни приобрели в Москве славу. Вместо голых скамей у них были тюфяки, набитые пахучими травами; предбанники были особые и чистые, где можно было удобно раздеваться и одеваться; такого удобства нельзя было встретить в русских

банях. После мытья обтирали и клали в постель; тут женщина приносила мед для подкрепления.

Баня была самым главным лекарством от всяких болезней: коль скоро русский почувствует себя нездоровым, тотчас выпьет водки с чесноком или перцем, закусит луком и идет в баню париться.

Для простого народа баня была школой той удивительной нечувствительности ко всем крайностям температуры, какой отличались русские, удивляя этим иностранцев. Но что касается высших классов общества, то при сидячей жизни бани порождали бездействие и изнеженность; в особенности женщины высшего состояния отличались этим и казались хилыми и обрюзгшими.

*Березовый веник
и шайка*

XII. ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ

В русском образе жизни было соединение крайностей, смесь простоты и первобытной свежести девственного народа с азиатской изнеженностью и византийской расслабленностью. В то время как знатный человек одевался весь в золото и жемчуг, ел на серебре и заставлял подавать себе десятки кушаний зараз, деревенский бедняк во время частых неурожаев ел хлеб из соломы или из лебеды, коренья и древесную кору. В то время как знат-

ные женщины и девицы не занимались даже хозяйством и, осужденные на бездействие, только для того, чтобы убить томительную скуку своих горниц и повалуш, брались за вышивания убрисов и церковных облачений, крестьянские женщины работали вдвое больше своих мужей. С одной стороны, достоинством всякого значительного человека считалось безделье, изнеженность, неподвижность; русские женщины нередко пили особого рода водку, чтобы растолстеть, с другой стороны, русский народ приводил в изумление иностранцев своей терпеливостью, твердостью, равнодушием ко всяким лишениям удобств жизни, тяжелым для европейца, умеренно трудолюбивого, умеренно терпеливого и знакомого с правильным и расчетливым комфортом. С детства приучались русские переносить голод и стужу. Детей отнимали от груди после двух месяцев и кормили грубой пищей; ребятишки бегали в одних рубашках, без шапок, босиком по снегу в трескучие морозы; юношам считалось неприличным спать на постели, а простой народ, как уже было замечено, вообще не знал, что такое постель. Посты приучали народ к грубой и скудной пище, состоявшей из кореньев и дурной рыбы; живя в тесноте и дыму, с курами и телятами, русский простолюдин получал нечувствительную, крепкую натуру. На войне русские удивляли врагов своим терпением: никто крепче русского не мог вынести продолжительной и мучительной осады, при лишении самых первых потребностей, при стуже, голоде, зное, жажде. Подвиги служилых русских людей, которые открыли сибирские земли в XVII веке, кажутся невероятными. Они пускались в неведомые края со скудными запаса-

ми, нередко еще испорченными от дороги, истратив их, принуждены бывали по несколько месяцев кряду питаться мхом, бороться с ледяным климатом, дикими туземцами, зимовать на Ледовитом море, а по возвращении из такого тяжелого путешествия нередко в благодарность были избираемы и оскорбляемы воеводами. Но как ни противоположным кажется образ жизни знатных и простых, богатых и бедных, натура и у тех, и у других была одна: пусть только бедному простаку поблагоприятствует счастье, и он тотчас усвоит себе неподвижность, тяжеловатость, обрюзглость богатого или знатного лица; зато знатный и богатый, если обстоятельства поставят его в иное положение, легко свыкнется с суровой жизнью и трудами. Прихоти были огромны, но не сложны и не изысканны. С одинаковым воззрением на жизнь, с теми же верованиями и понятиями, как у простолюдинов, знатные люди не успели отделиться от массы народа и образовать замкнутое в себе сословие. Посты имели в этом отношении благодетельное влияние на нравственность и на поддержку основ равенства в народе; посты не давали богачу утопать в обжорстве и сластолюбии до невозможности низойти к убогому столу простолюдина. В посты царь ел одну пищу с крестьянином. Небезопасное положение края, частые войны, неудобства путей и затруднительность сообщения между частями государства не допускали высшие слои русского народа опуститься в восточную негу: они всегда должны были ожидать слишком внезапной разлуки со своими теплыми домами и потому не могли к ним пристраститься; слишком часто приходилось голодать им поневоле, чтобы быть не в силах

обходиться без пряностей и медов; слишком повсеместно встречали смерть, чтобы дорожить вялой жизнью. С другой стороны, в простолюдине даже в его нищете проглядывала склонность к восточной изнеженности и вялости, одолевавшей богачей: русский мужик любил поспать, покачаться на печке, понежиться и, если удивлял иностранцев терпением, то не отличался сознательным трудолюбием.

При способности и готовности переносить труды и лишения, русский народ хотя не отличался долговечностью, но пользовался вообще хорошим здоровьем. Из болезней только эпидемические наносили иногда значительные опустошения, потому что меры против них были слабы и ограничивались неискусным старанием не допустить распространения заразы с места на место. Моровые поветрия нередко оставляли ужасные следы по всей России. Из обыкновенных болезней, которым русские чаще всего подвергались, были геморроидальные, столь свойственные нашему климату, упоминаемые в старину под разными наименованиями припадков головной боли, течения крови, запоров (заклад), болей в спине и тому подобное. Нервные болезни, если не были слишком часты, зато обращали внимание своими явлениями: эпилептические, каталептические, истерические припадки приписывались порче и влиянию таинственных сил при посредстве злых духов; болезни эти имели разные народные наименования, как, например, камчюг, френьчуг, беснование, расслабление, трясение, икота и прочее; некоторые случаи происходили от действительных болезней, иные от воображения. В XVI веке занесена в Россию сифилитическая бо-

лезнь, а в следующем столетии она довольно распространилась и наносила опустошения в черном народе. Простудные болезни редко поражали русского, приученного к переменам воздуха и температуры. Как особые случаи упоминаются в старину: каменная болезнь, отек, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, немота, слепота, шелуди, происходившие от неопрятности, которая нередко порождала и другие болезни, так, например, имела вредное влияние на зрение. Вообще от болезней искали средств более всего в церковных обрядах и прибегали также к травникам, составлявшим класс самоучек-лекарей, отдавались им часто с чрезвычайным легковерием. Ученые медики были иностранцами и находились только при царском дворе, и то в небольшом количестве. При Иване Васильевиче лекарь-иноземец был необходимым лицом для царя, но лечиться у него частным лицам было можно не иначе, как подав челобитную об этом. То же соблюдалось долго и впоследствии, когда число врачей при дворе увеличилось. При Михаиле Федоровиче в Москве существовала одна аптека, из которой отпускались лекарства по челобитным, и притом так, что тем, которые были не очень значительны, отпускалось и по челобитной не то, что нужно, а то, что дешевле стоило, не обращая внимания, могло ли оно принести действительную пользу. Иногда лекари отправлялись на войну с лекарством и там вообще мало приносили пользы. При Алексее Михайловиче в Москве были две аптеки, но только из одной продавали жителям лекарства, и то по высоким ценам, а потому эта аптека гораздо менее приносила дохода казне, чем стоявший рядом с ней

кабак. Разумеется, врачи, призываемые из-за границы, не всегда были хороши, и по зову русского царя отважно спешили в Россию шарлатаны. Поэтому было определено, чтобы врач, приезжающий в Россию, прежде в пограничном городе показал степень своего искусства и вылечил кого-нибудь. Медики, жившие при дворе, были чрезвычайно стеснены обычаями и предрассудками. В их занятиях не уважали науку, не ставили их искусство выше знахарского. Часто сами цари обращались к травникам и знахарям, как бы в укор медикам, состоявшим при их дворе. Когда медик пользовал особу женского пола, принадлежащую к царскому семейству, для него не нарушались строгие восточные церемонии, всегда окружавшие эту особу. Медик должен был пользоваться больную и угадывать болезнь, не видя ее лично, а единственно следуя рассказам прислужницы. Если при таком способе лечения он ошибется, ему ставили ошибку в вину. Ему не позволяли узнать действие лекарства на организм больной: если с одного приема болезнь не облегчилась, по понятиям русских, это значило, что лекарство не поможет, медику приказывали давать другое и не позволяли повторять одного и того же несколько раз. Что касается народа, то он вообще не верил иноземным врачам. Духовенство признавало грехом лечиться у человека не православной веры и в особенности вооружалось против медиков-евреев, так что в XVI веке русский за то, что прибегал к пособию еврея, подвергался отлучению от Церкви. Время, однако, брало свое и в этом отношении: при Алексее Михайловиче, при царе столь набожном, один из придворных медиков был еврей.

XIII. СЕМЕЙНЫЕ ПРАВЫ

Все иностранцы поражались избытком домашнего деспотизма мужа над женой. В отношениях между двумя полами русские видели одно животное влечение. В Москве, замечает один путешественник, никто не унижится, чтобы преклонить колено перед женщиной и воскурить перед нею фимиам. По законам приличия, порожденным византийским аскетизмом и грубой татарской ревностью, считалось предосудительным даже вести с женщиной разговор. Вообще женщина считалась существом ниже мужчины и в некоторых отношениях нечистым; так, женщине не дозволялось резать животное: полагали, что мясо его не будет тогда вкусно. Печь просфоры позволялось только старухам. В известные дни женщина считалась недостойной, чтобы с ней вместе есть.

В одном старинном поучении так отзываются о прекрасном поле: «Что есть жена? Сеть утворена прельщаючи человека во властех, светлым лицом убо и высокими очима намизаючи, ногама играючи, дела убиваючи, многы бо уязвивши низложи, темже в доброты женстей мнози прельщаются и от того любви яко огонь возгорается... Что есть жена? Святым обложница, покоище змиино, диавол увет, без увета болезнь, поднечающая сковрада, спасаемым соблазн, безисцельная злоба, купница бесовская». Русская женщина была постоянной невольницей с детства до гроба. В крестьянском быту хотя она находилась под гнетом тяжелых работ, хотя на нее, как на рабочую лошадь, взваливали все, что было потруднее, но по крайней мере не держали взаперти. У казаков женщины пользовались срав-

нительно большей свободой: жены казаков были их помощницами и даже ходили с ними в походы. У знатных и зажиточных людей Московского государства женский пол находился взаперти, как в мусульманских гаремах. Девиц содержали в уединении, укрывая от человеческих взоров; до замужества мужчина должен быть им совершенно неизвестен; не в нравах народа было, чтобы юноша высказал девушке свои чувства или испрашивал лично ее согласия на брак. Самые благочестивые люди были того мнения, что родителям следует бить почаще девиц, чтобы они не утратили своего девства. Чем знатнее был род, к которому принад-

Борис Годунов и его сестра Ирина

лежала девица, тем более строгости ожидало ее: царевны были самые несчастные из русских девиц; погребенные в своих теремах, не смея показываться на свет без надежды когда-нибудь иметь право любить и выйти замуж, они, по выражению Котошихина, день и ночь всегда в молитве пребывали и лица свои умывали слезами. При отдаче замуж девицу не спрашивали о желании; она сама не знала, за кого идет, не видела своего жениха до замужества, когда ее передавали в новое рабство. Сделавшись женой, она не смела никуда выйти из дома без позволения мужа, даже если шла в церковь, и тогда обязана была спрашиваться. Ей не предоставлялось права свободного знакомства по сердцу и нраву, а если дозволялось некоторого рода обращение с теми, с кем мужу угодно было позволить это, то и тогда ее связывали наставления и замечания: что говорить, о чем умолчать, что спросить, чего не слышать. В домашнем быту часто ей не давали права хозяйства, как уже сказано. Ревнивый муж приставлял к ней шпионов из служанок и холопов, а те, желая подделаться в милость господину, нередко перетолковывали ему в другую сторону каждый шаг своей госпожи. Выезжала ли она в церковь или в гости, неотступные стражи следили за каждым ее движением и обо всем передавали мужу. Очень часто случалось, что муж по наговору любимого холопа или женщины бил свою жену из одного только подозрения. Даже и тогда, когда муж поручал жене смотреть за хозяйством, она была не более, как ключница: не смела ни послать чего-нибудь в подарок другим, ни принять от другого, не смела даже сама без позволения мужа съесть или выпить. Редко дозволялось ей

*Царица Евдокия Федоровна, отправленная
своим супругом Петром I в монастырь*

иметь влияние на своих детей, начиная с того, что знатной женщине считалось неприличным кормить грудью детей, которых поэтому отдавали кормилицам; мать впоследствии имела над ними менее надзора, чем няньки и дядьки, которые воспитывали господских детей под властью отца семейства. Обращение мужей с женами было таково: по обыкновению, у мужа висела плеть, исключительно назначенная для жены и называемая дурак; за ничтожную вину муж таскал жену за волосы, раздевал донага, привязывал веревками и сек дураком до крови – это называлось учить жену; у иных мужей вместо плети играли ту же

роль розги, и жену секли, как маленького ребенка, а у других, напротив, дубина – и жену били, как скотину. Такого рода обращение не только не казалось предосудительным, но еще вменялось мужу в нравственную обязанность. Кто не бил жену, о том благочестивые люди говорили, что он дом свой не строит и о своей душе не радит, и сам погублен будет и в этом веке и в будущем, и дом свой погубит. «Домострой» человеколюбиво советует не бить жену кулаком по лицу, по глазам, не бить ее вообще железным или деревянным орудием, чтобы не изувечить или не допустить до выкидыша ребенка, если она беременна; он находит, что бить жену плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Это нравственное правило проповедовалось православной церковью, и самим царям при венчании митрополиты и патриархи читали нравоучения о безусловной покорности жены мужу. Привыкшие к рабству, которое им было суждено влачить от пеленок до могилы, женщины не имели понятий о возможности иметь другие права и верили, что они в самом деле рождены для того, чтобы мужья их били, и даже сами считали побои признаком любви. Иностранцы рассказывают следующий любопытный анекдот, переходивший из уст в уста в различных вариантах. Какой-то итальянец женился на русской и жил с ней несколько лет мирно и согласно, никогда не бивши ее и не бранивши. Однажды она говорит ему: «За что ты меня не любишь?» «Я люблю тебя», – сказал муж и поцеловал ее. «Ты ничем не доказал мне этого», – сказала жена. «Чем же тебе доказать?» – спрашивал он. Жена отвечала: «Ты меня ни разу не бил». «Я этого не знал, – говорил муж,

— но если побои нужны, чтобы доказать тебе мою любовь, то за этим дело не станет». Скоро после того он побил ее плетью и в самом деле заметил, что после этого жена стала к нему любезнее и услужливее. Он поколотил ее в другой раз так, что она после того некоторое время пролежала в постели, но, однако, не роптала и не жаловалась. Наконец, в третий раз он поколотил ее дубиной так сильно, что она после этого через несколько дней умерла. Ее родные подали на мужа жалобу; но судьи, узнав все обстоятельства дела, сказали, что она сама виновата в своей смерти; муж не знал, что у русских побои значат любовь, и хотел доказать, что любит сильнее, чем все русские; он не только из любви бил жену, но и до смерти убил. Женщины говорили: «Кто кого любит, тот того лупит, коли муж не бьет, значит не любит»; пословицы эти и до сих пор существуют в народе, так же как и следующая: «Не верь коню в поле, а жене на воле», показывающая, что неволя считалась принадлежностью женского существа. Иногда родители жены при отдаче ее замуж заключали письменный договор с зятем, чтобы он не бил жену. Разумеется, это исполнялось неточно. Положение жены всегда было хуже, когда у нее не было детей, но оно делалось в высшей степени ужасно, когда муж, наскучив ею, заводил себе на стороне любовную. Тут не было конца придирам, потасовкам, побоям; нередко в таком случае муж заколачивал жену до смерти и оставался без наказания, потому что жена умирала медленно и, следовательно, нельзя было сказать, что убил ее он, а бить ее, хотя по десяти раз на день, не считалось дурным делом. Случалось, что муж таким образом прине-

воливал ее вступить в монастырь, как свидетельствует народная песня, где изображается такого рода насилие. Несчастливая, чтобы избежать побоев, решалась на самовольное самозаключение, тем более что и в монастыре ей было больше свободы, чем у дурного мужа. Если бы жена заупрямилась, муж, чтобы разлучиться с немилкой-постылой, нанимал двух-трех негодяев лжесвидетелей, которые обвиняли ее в прелюбодеянии; находился за деньги и такой, что брал на себя роль прелюбодея: тогда жену насильно запирали в монастырь. Не всегда, однако, жены безропотно и безответно сносили суровое обращение мужей и не всегда оно оставалось без наказания. Иная жена, бойкая от природы, возражала мужу на его побои бранью, часто неприличного содержания. Были примеры, что жены отравляли своих мужей, и за это их закапывали живых в землю, оставляя наружу голову, и оставляли в таком положении до смерти; им не давали есть и пить, и сторожа стояли при них, не допуская, чтобы кто-нибудь из сострадания покормил такую преступницу. Прохожим позволялось бросать деньги, но эти деньги употреблялись на гроб для осужденной или на свечи для умилоствления Божия гнева к ее грешной душе. Впрочем, случалось, что им оставляли жизнь, но заменяли смерть вечным жестоким заточением. Двух таких преступниц за отравление мужей держали трое суток по шею в земле, но так как они попросились в монастырь, то их откопали и отдали в монастырь, приказав держать их порознь в уединении и в кандалах. Другие жены мстили за себя доносами. Как ни безгласна была жена перед мужем, но точно так же были мужья безгласны перед царем. Голос

жены, как и голос всякого, и в том числе холопа, принимали в уважение, когда дело шло о злоумышлении на особу царского дома или о краже царской казны. Иностранцы рассказывают замечательное событие: жена одного боярина по злобе к мужу, который ее бил, доносила, что он умеет лечить подагру, которой царь тогда страдал, и хотя боярин уверял и клялся, что не знает этого вовсе, его истязали и обещали смертную казнь, если он не сыщет лекарства для государя. Тот в отчаянии нарвал каких попало трав и сделал из них царю ванну; случайно царю после того стало легче, и лекаря еще раз высекли за то, что он, зная, не хотел говорить. Жена взяла свое. Но еще случалось, что за свое унижение женщины мстили обычным своим способом: тайной изменой. Как ни строго запирали русскую женщину, она склонна была к тому, чтобы положить мужа под лавку, как выражались в том веке. Так и быть должно. По свойству человеческой природы рабство всегда рождает обман и коварство. Часто женщина напивалась пьяна и тогда, если только представлялся случай, предавалась первому мужчине.

Иностранцы единогласно говорят, что русская женщина не была неприступна и для них, несмотря на всеобщее омерзение, внушаемое нехристианскими, к которым в России причисляли всех вообще неправославных. На эти случаи у женщин образовались свои собственные догматы. «Женщине соблудить с иностранцем, – говорили они, – простиительно; дитя от иностранца родится – крещеное будет; а вот как мужчина с иноверкой согрешит, так дитя будет некрещеное, оно и грешнее: некрещеная вера множится».

У зажиточных домовитых людей все было так устроено, что казалось невозможно сблизиться мужчине с их женами; однако примеры измен таких жен своим мужьям были нередки. Запертая в своем тереме жена проводила время со служанками, а от скуки вела с ними, как говорилось, пустошные речи, пересмешные, скромные и безлепичные и приучалась располагать свое воображение ко всему нецеломудренному. Эти служанки вводили в дом разных торговков, гадалыщиц и в том числе таких женщин, которые назывались «потворенные бабы», то есть те, что молодых жен с чужими мужьями сваживали. Эти соблазнительницы вели свое занятие с правильностью ремесла и очень искусно внедрялись в дома, прикидываясь чем угодно и чем нужно, даже набожными богомолками. Всегда их можно было застать там, где женщины и девки сходились, например: на реке, где мылось белье, у колодца, куда ходили с ведрами, на рынках и тому подобное. Заводили знакомство со служанками, а через них доходили и до господ; такая искусница, коль скоро вотрется в дом, непременно наделает там какой-нибудь беды: или саму госпожу соблазнит, или же девку-служанку подманит обокрасть госпожу и бежать с любовником, с которым нередко вместе ограбят ее и даже утопят. Вот такого рода женщины были пособницами волокит, и случалось так, что разом одна тайно служила мужу от жены, а жене от мужа.

Хотя блудодеяние и преследовалось строго нравственными понятиями и даже в юридических актах блудники помещались в один разряд с ворами и разбойниками, но русские мужчины предавались самому неистовому разврату. Очень часто знатные бояре, кроме жен, имели у себя любовниц,

которых доставляли им потворенные бабы, да сверх того не считалось большим пороком пользоваться и служанками в своем доме, часто насильно. По известиям одного англичанина, один любимец царя Алексея Михайловича завел у себя целый гарем любовниц, и так как его жена была этим недовольна, то он почел лучшим отравить ее. Вообще же мужчине и не вменялся разврат в такое преступление, как женщине. Многие, чувствуя, что они грешат, старались уменьшить тяжесть греха сохранением разных религиозных приличий, например, снимали с себя крест и занавешивали образа, готовясь к грешному делу. В простонародье разврат принимал наглые формы. Патриарх Филарет обличал служилых людей, что они, отправляясь в отдаленные места на службу, закладывали жен своих товарищам и предоставляли им право иметь с ними сожительство, как будто вместо процентов за полученную сумму. Если же муж не выкупал жену в означенный срок, заимодавец продавал ее для блуда кому-нибудь другому, другой – третьему, и так женщина переходила из рук в руки. Другие, не женясь вовсе, находились в блудном сожительстве с родными сестрами и даже с матерями и дочерьми. Простые женщины распутного поведения доходили до потери всякого стыда, например, голые выбегали из общественных бань на улицы в посадах и закликали к себе охотников. Олеарий рассказывает, что он был свидетелем, как в Новгороде во время стечения народа по случаю богомолья пьяная баба, выходя из кружала, упала на улице в непристойном положении. Вдруг идет пьяный мужик и, увидя ее полунагую, бросился на нее, как зверь, но

упал без чувств, потому что и сам был мертвецки пьян. Тогда мальчишки столпились около этой четы и подтрунивали над ней.

Женщина получала больше уважения, когда оставалась вдовой и притом была матерью. Тогда как замужняя не имела вовсе личности сама по себе, вдова была полная госпожа и глава семейства. Личность вдовицы охранялась религиозным уважением. Оскорбить вдовицу считалось величайшим грехом. «Горе обидевшему вдову, – говорит одно старое нравоучение, – лучше ему в дом свой ввергнуть огонь, чем за воздыхания вдовиц быть ввержену в геенну огненную». Впрочем, как существу слабому, приученному с детства к унижению и неволе, и тут не всегда приходилось ей отдохнуть. Примеры непочтения детей к матерям были нередки. Бывало, что сыновья, получив наследство после родителей, выгоняли мать свою, и та должна была просить подаяния. Это не всегда преследовалось, как видно из одного примера XVI века, где выгнанной матери помещиков царь приказал уделить на содержание часть из поместий ее мужа, но сыновьям, как видно, не было никакого наказания. Иногда же, напротив, овдовевшая поступала безжалостно с детьми, выдавала дочерей насильно замуж, бросала детей на произвол судьбы и тому подобное.

Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложной святостью патриархальных отношений. Почтение к родителям считалось, по нравственным понятиям, ручательством здоровой, долгой и счастливой жизни. О том, кто злословит родителей, говорилось: «Да заклюют его вороны, да съедят его орлы!» Была и есть на Руси пословица: «Отчая клятва иссушит, ма-

терняя искоренит». Впрочем, отец, как мужчина, и в детском уважении пользовался предпочтением. «Имей, чадо, – поучает отец сына, – отца своего, аки Бога, мать свою, аки сам себе». Несмотря на такие нравственные сентенции, покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм, без нравственной силы. Чем благочестивее был родитель, чем более проникнут был учением православия, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже: «Наказуй отец сына из млада, – говорит одно старинное поучение, – учи его ранами бояться Бога и творить все доброе, и да укоренится в нем страх Божий, а если смолода не научишь – большого как можно научить». Слова почитались недостаточными, как бы они убедительны ни были, нужно учить детей «розгами, да не примешь про них ныне от человек сора и будущих мук»; и общее нравственное правило отцов в отношении к детям выражалось в такой формуле, какую передает нам благочестивый автор «Домостроя»: «Сына ли имаши, не дошед внити в юности, но сокруши ему ребра; аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здрав будет, дочь ли имаши – положи на ней грозу свою». Этот суровый моралист запрещает даже смеяться и играть с ребенком. Зато и дети, раболепные в присутствии родителей, с детства приучались насмехаться над ними вместе со сверстниками из слуг, приставленными к ним для товарищества. «В Московии, – говорит один иностранец, – нередко можно встретить, как сын смеется над отцом, дочь над матерью». Грубые привычки усваивались ими с малолетства и сопровождали их до старости. «Лучше, – говорит один русский мора-

лист, – иметь у бедра меч без ножен, нежели неженатого сына в своем доме; лучше в доме коза, чем взрослая дочь; коза по селищу ходит – молоко принесет; дочь по селищу ходит – стыд принесет отцу своему».

XIV. ПОРЯДОК ДОМОУПРАВЛЕНИЯ

При малом развитии городской ремесленности и мелочной торговли двор зажиточного человека, не только в его вотчине, но и построенный в самой Москве, представлял подобие целого города: там производились всевозможнейшие работы, нужные для домашнего обихода; там ткали холсты, шили белье, сапоги, платье, делали мебель и всякую деревянную утварь, вышивали золотом и шелками. Все нужное для дома обыкновенно покупалось оптом. Поставки материй и сукон накапливались в господских сундуках, так что доставало на много лет, на целую жизнь и передавалось детям. У расчетливого хозяина всегда был огромный запас разного съестного: хлеба, соленого мяса, рыбы, сухарей, толокна, ветчины и прочее. Благоразумный человек не только ничего не покупал врознь, но иногда еще и продавал из остатков. Только незначительные и бедные люди питались с рынка и зато платили в три раза дороже, чем богачи, покупавшие все нужное оптом.

Когда у хозяина рождалась дочь, он для нее делал особый сундучок или короб и откладывал туда каждый год всякого рода имущество в счет будущего приданого, и в то же время возвращали на ее долю скотину: все вместе называлось ее на-

делком. В случае ее смерти до замужества наделок обращался на поминовение души усопшей. Таким образом, с самого рождения члена семейства приготавливали ему запас на жизнь.

Все в таком доме носило характер замкнутости и разобщения со всем остальным. Все в нем старались покрыть тайной для чужих. Ворота были заперты и днем и ночью, и проходящий должен был, по обычаю времени, постучаться слегка и проговорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас!» и потом дожидаться, пока ему скажут: «Аминь». По нравственным понятиям века, честный человек должен был стараться, чтобы никто не слышал и не видел, что у него делается во дворе, и сам не пытался узнавать, как живут в чужих дворах. Все в доме и кладовых хранилось под замками. Много известно было одному только хозяину, как, например, деньги, которые почитались драгоцен-

Рачительное домоводство. Литография XIX в.

нее вещей; так что многие держали их не иначе, как зарытыми в земле, а иные отдавали на сохранение в монастыри, что называлось поклажей. Обилие домовитого двора и разобщение домашней жизни с внешностью совпадало с обычаем держать во дворах большое население. Старинная неделимость семей соединяла иногда несколько боковых родственных линий вокруг одного родственника или старейшины. То были дети, братья, племянники хозяина и даже дальние его родственники, жившие с ними не в разделе, смотря по обстоятельствам и по желанию. По смерти хозяина члены или соглашались продолжать жить вместе, или старший дядя их отдавал ту часть, какая следовала членам многочисленного семейства; тогда отделялись другие семьи и образовывали новые дворы. В некоторых местах России этот обычай наблюдался в большом размере и строже в своем основании, в других слабее, так что наследники спешили делиться и основывать новые семьи. В новгородских областях дети обыкновенно делились отцовским имуществом, но оставляли одну общую для всех часть. Обычай жить вместе с родственниками наблюдался более или менее у всех сословий, менее у знатных людей, имевших способы делиться скорее. У иных родственники, жившие при дворе, содержались наравне с прислугой. Так, например, один гость в 1696 году, нанимая сторожа, заключал с ним условие, что он будет есть и пить с хозяйскими братьями. У крестьян и у посадских этот обычай соблюдался при значительном разветвлении рода; тогда, когда связь между родственниками делалась уже слабой, они расходились, а иногда те, которые беднели и становились зависимыми

от главных хозяев, нисходили на степень подсоседников, приписанных к семье, но не составляли ее прямых членов. Несмотря на кровное родство, в семьях обычно было мало ладу, и все члены большой семьи нередко жили между собой во вражде. Зато дух общинности, столь свойственный русскому нраву, не ограничивал таких скупов одним родством, но соединял людей, не имевших между собой кровных связей. Так, например, несколько человек соглашались и покупали один двор, совершив купчую на общее имя, и двор принадлежал не одному лицу, а всем вместе. Кроме родственников, при дворе знатного господина, имевшего у себя домашнюю церковь, жил священник и был вместе с тем как бы членом семьи. Если он был женат и имел детей, то жил в особой избе и получал месячный корм, а если был монах или вдовец, то пользовался обедом вместе с хозяином. Кроме священника жил в таких дворах крестовый дьяк домашней церкви, заведовавший ее устройством. Наконец, в некоторых зажиточных домах жили сироты, мальчики и девочки, которых благочестивые отцы семейств воспитывали и обучали какому-нибудь занятию, а по достижении совершеннолетия отпускали, что называлось благословлять в мир.

Все это вместе уясняет систему построек старинных дворов, заключавших в себе по несколько изб. Но что составляло общее достояние сколько-нибудь зажиточного человека – это множество слуг при дворе. Богатые и знатные держали у себя огромное число прислуги мужского и женского пола, иногда число их превышало пятьсот, а у важных лиц доходило даже до тысячи. Господа измеряли честь и свое значение огромным количеством дворни. Это

были или вечные проданные холопы, или сами себя продавшие в рабство с потомством, или военнопленные, или кабальные, то есть такие, которые, занимая деньги, обязывались служить вместо платежа процентов, или отданные в кабалу по суду за неплатеж долга, или беглые люди, то есть посадские, убежавшие от тягла, служилые, бежавшие из службы, и, наконец, чужие холопы и крестьяне, перебежавшие от одного господина к другому.

Всякий господин старался населить свой двор преимущественно мастеровыми и вообще умелыми людьми. По их занятиям и сведениям давались им должности. То были повара, приспешники, хлебники, квасовары, портные, столяры, сапожники, кузнецы, коновалы, швеи, сторожа и прочее. У знатных господ были люди, вооруженные луками, стрелами и самопалами, в белых и серых епанчах, в татарских шапках: они исполняли должность телохранителей. Но кроме деловых людей, были еще толпы слуг, которые не имели определенных занятий и в самом деле ничего не делали. Обыкновенно двое из слуг были главноначальствующими лицами: ключник и дворецкий. Ключник был главный распорядитель, иногда значивший у господина больше, чем жена и родня, жившая во дворе. Не занимаясь хозяйством, господин отдавал ключнику на руки все домоуправление. Он был приходорасходчик, заведовал клетями и всеми строениями, держал у себя доверенные ему ключи, поэтому и назывался ключником. Господин выдавал ему содержание иногда за неделю, а иногда за месяц вперед. По окончании срока господин проверял его, при поверке вычитал то, что ему следовало на пропитание, и сверх того награждал за

службу. Другое начальственное лицо из двора — дворецкий заведовал вообще всеми дворовыми людьми, доносил обо всем случившемся во дворе господину, разбирал разные случаи спора между слугами, наказывал их по приказанию господина. Некоторые из слуг приобретали особенную доверенность и благосклонность господина; уверившись, что на них можно положиться, он отправлял своих холопов для управления вотчинами, делал им поручения по торговле или по хозяйству. Прислуга женского пола находилась под управлением хозяйки, если муж доверял ей; в противном случае ею заведовала какая-нибудь из женщин, обыкновенно жена ключника. Одна из прислужниц была приближенная к госпоже и называлась ее постельницей. Кормилицы и няньки детей были большей частью из прислуги и пользовались перед другими особенным почетом. Одни из служанок — обыкновенно девицы — занимались исключительно вышиванием вместе с госпожой и другими особами хозяйского семейства женского пола, другие — обыкновенно замужние — выполняли черные работы, топили печи, мыли белье и платье, пекли хлебы, готовили разные запасы, третьим поручались пряжа и тканье. У лиц, живших нераздельно с хозяином, прислуга была общая. В распорядках домашнего быта у домохозяев соблюдались такие же обычаи, как в царской придворной жизни: главный хозяин в своем дворе играл роль государя и в самом деле назывался государем: слово это означало домовладыку, другие члены семейства находились у него в таком же отношении, как родственники царя; слуги были то же, что служилые у царя, и потому-то все, служащие царю, начиная

от бояр до последних ратных людей, так, как и слуги частного домохозяина, назывались холопами. Господин, как царь, окружал себя церемониями; например, когда он ложился спать, то один из слуг стоял у дверей комнаты и охранял его особу. Господин награждал слуг и оказывал им свое благоволение точно так же, как поступал царь со своими служилыми: жаловал им шубы и кафтаны со своего плеча или лошадей и скотину, посылал им от своего стола подачу, что означало милость. То же делала госпожа с женщинами: одних при-молвляла, то есть награждала ласковым словом, других дарила или посылала им подачу со своего стола. При дворе частных домохозяев, как и при дворе царском, сохранялся обычай отличать заслуги и достоинство слуг большим количеством пищи. При огромном количестве слуг во дворе богатого господина существовали приказы, такие точно, как в царском управлении государством, под главным контролем ключника и дворецкого, как сказано выше. Прислуга вообще разделялась, как служилые царские люди, на статьи: большую, среднюю и меньшую. Принадлежавшие к большей статье получали большее содержание; некоторые получали сверх одежды денежное жалованье от двух до десяти рублей в год, другие же одежду, некоторые одно содержание. «Домострой» советует, чтобы слуги по возможности были сыты государским жалованьем и одеты своим рукодельем. Таким образом, им давалось льготное время, которое служилые люди употребляли для приобретения себе одежды. Вообще слуги у русских господ ходили в изорванных одеждах, но когда нужно было показаться перед гостями, им выдавалось платье, ле-

жавшее в клетях; ключник по приказу господ выдавал им его, а они впоследствии обязаны были воротить все в целости, в противном случае подвергались побоям. В этом отношении в господских домах делалось то же, что и в царском дворе, где в важное время приема иноземных послов служилым людям выдавалось платье и потом отбиралось.

Женатые служилые жили отдельно в избах; несколько семей помещались в одной и получали на содержание месячину; холостые и девки обыкновенно жили при господской поварне, мыльне, конюшне, сараях, в людских избах, для того построенных; девушки, занимавшиеся вышиванием, спали в сенях и от этого назывались сенными. Господа соединяли парней и девушек браком, часто против их желания, и праздновали их свадьбы у себя в доме: это доставляло для господ развлечение в однообразной их жизни.

Содержать хорошо слуг считалось делом богоугодным, наравне с милостыней. В наших старых книгах благочестивого содержания были нравоучения такого рода: «Имейте рабы свои, аки братию и рабыни аки сестры себе, яко и те семя адале есть». По большей части прислуга содержалась дурно, даже и там, где хозяин имел благие намерения в отношении своей дворни: потому что ключники и дворецкие, выбранные господином из них же, заведывая их содержанием, старались половину положить в свой карман. Во многих боярских домах многочисленную дворню кормили дурно испеченным хлебом и тухлой рыбой, мясо они редко видели, и сам квас давался им только по праздникам. Голодные и оборванные и при этом ничем не занятые, они шатались по городу, братались с ни-

щими, просили милостыни и часто по ночам нападали на прохожих с топорами и ножами или запускали в голову им кистени, производили пожары, чтобы во время суматохи расхищать чужое достояние. Господа смотрели на такие поступки своих рабов сквозь пальцы.

Вообще господа обращались со своими слугами деспотически и охотнее следовали таким пастырским нравоучениям, как, например: «Аще ли раб или рабыни тебя не слушает и по твоей воле не ходит, то плети нань не щади», чем таким, где заповедовалось господам считать рабов за братьев. Нередко случалось, что господин насиловал своих рабынь, не обращая внимания на их мужей, растлевал девиц; случалось, что убивал до смерти людей из своей дворни, — все ему сходило с рук. Сами слуги не имели понятия, чтобы могло быть иначе, и не оскорблялись побоями и увечьями: за всяким тычком не угоняешься, гласит пословица; рабу все равно было, справедливо ли или несправедливо его били: господин сыщет вину, коли захочет ударить, говорили они. Те слуги, которые не составляли достояния господ, кои присуждены были к работе за деньги или же отдавши себя во временную кабалу, не только не пользовались особенными льготами от безусловной воли господ, но даже подвергались более других побоям и всякого рода притеснениям. У русских было понятие, что служить следует хорошо тогда только, когда к этому побуждает страх, — понятие общее у всех классов, ибо и знатный господин служил верой и правдой царю, потому что боялся побоев; нравственное убеждение придумало пословицу: за битого двух небитых дают. Самые милосердные господа долж-

ны были прибегать к палкам, чтобы заставить слуг хорошо исправлять их обязанности: без этого слуги стали бы служить скверно. Произвол господина удерживался только тем, что слуги могли от него разбежаться, притом обокрав его, и другие не пойдут к нему в кабалу. Напротив, господин славился тем, что хорошо кормил слуг. Русские не ценили свободы и охотно шли в холопы. В XVII веке иные отдавали себя рубля за три на целую жизнь. Получив деньги, новый холоп обыкновенно пропивал их и проматывал и потом оставался служить хозяину до смерти. Иные же, соблазнившись деньгами, продавали себя с женами, с детьми и со всем потомством. Иногда же бравшие деньги закладывали заимодавцу сыновей и дочерей, и дети жили в неволе за родителей. Были и такие, которые поступали в холопы насильно: еще до воспреещения перехода крестьянам помещик нередко обращал их в холопов. В XVII веке служилые люди торговали самым возмутительным образом женским полом в Сибири. Они насильно брали беспомощных сирот-девиц, иногда сманивали у своих товарищей жен, делали на них фальшивые крепостные акты и потом передавали из рук в руки, как вещь. Толпы слуг вообще увеличивались во время голода и войны; во время голода потому, что многие ради дневного пропитания отдавали себя навеки в рабство, а во время войн дворяне и дети боярские, убегая от военной службы, записывались в холопы, а те, которые возвращались с войны, приводили домой военнопленных, которых обращали в рабство: таким образом, в классе холопов было много поляков и литовцев; их заставляли насильно принимать православие и насильно жени-

ли или выдавали замуж. Правительство в XVII веке хотело оградить военнопленных от жестокого жребия и потому запрещало обращать их в рабство. Уложение предоставляет свободу тем из пленников, которые сами не пожелают остаться. Раб в полном нравственном смысле этого слова, русский холоп готов был на все отважиться, все терпеть за своего господина и в то же время обмануть его и даже погубить. Когда господа между собой ссорились, их люди, встретившись где-нибудь в веселом месте, например, в корчме или в кабаке, заводили споры и драки за честь своих господ; это принимало иногда большие масштабы, когда людей у господина было очень много или же когда крестьяне принимали участие в этих ссорах. Люди и крестьяне враждующих между собой владельцев нападали друг на друга по дорогам, делали набеги за границы, били друг друга, поджигали, неистовствовали всякими способами. Зато в то же время толпы рабов были злом для своих господ; в доме они заводили между собой смуты, драки и убийства, иногда из мщениия к господину доносили на него, обвиняя в злоумышлении на царя, и даже выдерживали пытку, которой их подвергали. Очень часто холопы обкрадывали господ и убежали; иные молодцы тем и промышляли, что, дав на себя кабалы, проживали некоторое время у тех, кому их давали, потом обкрадывали своих хозяев, убежали от них, приставали таким образом к другим, к третьим. Правительство приказывало господам не принимать никого в холопы без отпускных, но этого приказания не все слушались; притом же многие молодцы являлись с нарядными (фальшивыми) отпускными. Нередко тем дело не

оканчивалось, что кабальный обкрадет хозяина да уйдет от него; удалцы сталкивались с подобными себе приятелями, поджигали дома и дворы своих господ, иногда убивали или сжигали их самих с женами и детьми, а потом бежали на Дон или на Волгу. Когда помещик отправлялся на войну и оставлял управление своего дома старикам и женщинам, тут своеволие дворни не имело пределов; часто, воротившись на родину, помещик находил весь свой дом в разорении и запустении. Кроме множества слуг, в господских дворах проживали иногда нищие, призреваемые из милосердия, в надежде этим угодить Богу. Они носили название богомольцев. Этот обычай существовал и у царей, у которых жили так называемые верховые богомольцы, обыкновенно старые, увечные воины, потешавшие государя в часы вечерних досугов рассказами о приключениях своей молодости, проведенной в брани и опасностях.

Мздоимец-ростовщик. Литография XIX в.

Представленная здесь картина домашнего образа жизни была возможна только у зажиточных господ. Нельзя сказать, чтобы таких хозяев было много: несмотря на пышность, господствующую в показной стороне русской жизни, и домашней, и общественной, вообще Великая Русь была страна бедная; ее богатства лежали в земле нетронутые, а те, которые обращались в обществе, распределялись неблагоприятным для массы народа образом. Сами бояре и знатные люди не так были богаты, как это казалось. Для них не было никакого ручательства против произвола. Грозный у многих богатых вельмож отнимал родовые имения, чтобы искоренить в них чувство права предков, и взамен давал поместья в отдаленных провинциях, где владельцы не могли уже получать прежних доходов. Кроме воли царя, для всех всемогущей, как воля неба, всегда существовали обстоятельства, неблагоприятные для упрочения состояния. Дворяне и дети боярские беспрестанно жаловались на тягость службы и разорение своих имений. Когда приходилось идти на службу, мать или жена дворянина отдавали в залог свои наряды, чтобы снарядить на войну мужа или сына. Много обедневших дворян, детей убитых на царской службе, скитались без настоящего пропитания. Интерес казенный или царский поглощал все интересы. Начнет ли торговый и промышленный человек жить с устроением (с комфортом), на него навязывают какую-нибудь разорительную должность вдалеке от его обычного места жительства. Начнет ли допускать в образе жизни устроение приказный человек, — его подозревают в плутовстве, запутывают в какое-нибудь дело, касающееся интересов казны, и обируют или

засылают куда-нибудь на службу, где он прослуживается. Но в особенности тяжело было состояние сельского крестьянского класса. Пять дней работал крестьянин на господ, а ему оставался один только день в неделю да праздники, и поэтому крестьяне находились в плачевном положении, так что у многих ничего нельзя было сыскать дома, кроме овчинного тулупа, коровы да лошади, и это были люди еще не последней бедности. На севере три лошаденки и три коровы были признаком зажиточного поселянина; если же, кроме этого, крестьянин имел три свиньи, две козы, пять пар овец да несколько кур и уток, то уже был богачом. Летом крестьяне пахали, косили, жали, зимой молотили, рубили и пилили лес и дрова или скитались и просили милостыню. Это было обыкновенное явление во время частых неурожаев, потому что тогда не принимали никаких мер против них. Преследуемые налогами,

Русский пахарь. Миниатюра XVI в.

поборами, гоньбами, отдачей людей в войско, разными повинностями, государственными и владельческими, при случившемся неурожае они часто умирали с голода или в отчаянии разбегались врозь: пустели целые уезды. Многие толпами уходили в Сибирь. Крестьяне, жившие у детей боярских и у дворян, были особенно обременяемы и поэтому, когда их господа уходили на службу, разбегались, и, воротившись в имение со службы, владелец нередко находил его пустым.

Отыскивание крестьян для владельцев было так же затруднительно, как и отыскивание холопов, в особенности тогда, когда крестьяне приставали к знатым владельцам; притом же, отыскав и утвердив вновь за собой крестьянина, владелец не всегда получал от этого выгоду, часто выходило наоборот: крестьяне подговаривали и других к новому бегству и тогда же сжигали владельческую усадьбу из мщения. Повсюду ходили так называемые бобыли и захребетники, то есть люди, не имевшие у себя ничего, кроме того, что могло быть носимо за плечами; шатались не одни крестьяне, шатались и посадские, одни под именем старцев из монастыря в монастырь, другие нищей братией, ибо общество, безжалостное к нуждам и скудости семейств, было милостиво для нищего, хотя неоднократно случалось, что такая нищая Христова братия сталкивалась с боярскими холопами и производила пожар, чтобы потом грабить и красть в суматохе.

XV. ВЫЕЗД ИЗ ДОМА И ПУТЕШЕСТВИЕ

По старинным понятиям русских, ходить пешком для важного человека считалось предосудительным и неприличным, и хотя бы нужно было сделать несколько шагов от двора по улице, боярин или значительный дворянин почитал необходимым для поддержания своего достоинства ехать, а не идти. Мужчины по городу ездили летом верхом, зимой в санях. Русские седла делались из дерева и сухих жил; они были низкие, плоские, стремяна короткие; седло клалось на чепрак, который накладывался на попоно и покровец. Края попоны или покровца выказывались из-под чепрака, и поэтому красиво убирались; чепрак украшался различно, смотря по достатку и по случаю выезда. Седла чаще всего были обиты сафьяном с золотыми узорами, иногда же бархатом; луки позолачивали. Чепрак покрывался всегда другой материей. Узды делались с серебряными ухватками и с серебряными оковами на морде лошади и, сверх того, снабжались серебряными, иногда позолоченными цепочками, издававшими звуки при каждом движении лошади. Под морду лошади подвешивались ожерелья, составленные из ремней, унизанных серебряными, у богатых даже золотыми бляхами; ближе к голове лошади эти ожерелья были уже, а к концу расширялись до двух пальцев шириной; на ногах, выше копыт, у верховой лошади привешивали маленькие колокольчики, а сзади у седла прикрепляли небольшие литавры, медные или серебряные: всадник ударял в них бичом для возбуждения охоты в лошади и для того, чтобы проходящие давали дорогу. Бичи делались из татарской жимолости (привозимой с берегов Волги); ручка их

обделывалась медью или моржовой костью. Молодцы, сидя верхом, гарцевали и красовались тем, что, ударяя в литавры, заставляли лошадь делать внезапный прыжок, и при этом кольца, цепочки и колокольчики на ногах лошади издавали звуки. Зимние мужские сани обыкновенно запрягались в одну лошадь и покрывались медвежьей шкурой, называемой медведной, а сверху закрывались полстью. Эта полсть была часто из простого войлока, а иногда суконная с образцами или нашивками из бархата и другой какой-нибудь дорогой материи; к краям полсти привешивались ремни или шнурки другого цвета, чем сама полсть, и обыкновенно одинакового с образцами. У знатных сами сани обивались атласом или адамашкой. На спинку саней, вообще не очень высокую, клали персидский или турецкий ковер; края его свешивались назад: это считалось щегольством. Вообще русские сани были невелики, делались для одного только человека, редко для двух, но не более; они имели часто форму лодки с краями, загнутыми и спереди, и сзади. Кучер – обыкновенно молодой парень – сидел верхом на той же лошади, которая везла сани, опираясь на дугу, невысокую и наклоненную назад. Голова лошади убиралась цепочками, колечками, разноцветными перьями и звериными хвостами – лисьими, волчьими или собольими. Когда господин усаживался в сани, то у ног его становились на тех же санях два холопа; несколько холопов шло по бокам, а сзади бежал мальчик-казак. Царь Алексей Михайлович ездил парадно к обедне в санях, представлявших вид длинного ящика, который суживался к ногам, а с задней части сделаны были уступы, как полки в бане; сани были запряжены в одну лошадь, украшенную разными

побрякушками и перьями. Два ближние боярина стояли на запятках, а два стольника по обеим сторонам царя, у его ног, на полозьях, и поддерживали полсть. По сторонам шла толпа придворных и стрельцов с ружьями. Все были без шапок, и только ближние бояре держали их в руках.

Снаряжение русского воина и дорожная утварь

Кроме обыкновенного старинного способа ездить в санях на одной лошади, в XVII веке начали ездить в несколько лошадей в каретах и зимой, и летом. В 1681 году было указано, что только бояре могут ездить на двух лошадях, а в праздники на четырех, во время же свадеб и сговоров на шести. Все прочие, не исключая и стольников, должны ездить летом непременно верхом, а зимой в санях на одной лошади. Вообще езда в санях считалась почетнее езды на колесах; в торжественных случаях сани употреблялись и летом, особенно духовными лицами. Так, патриарх Иерусалимский, приезжавший в Москву для посвящения в патриархи Филарета, ехал в Успенский собор в санях, хотя это было 24 июня. Архиереи обыкновенно ездили к обедне в санях и летом, как и зимой: спереди служка нес посох, позади шли служки.

Жены и особы женского пола семейств боярских и дворянских ездили в закрытых экипажах и летом, и зимой. Летние назывались колымаги, зимние каптаны. Колымаги делались на высоких осях, иногда с лестницами, иногда же вовсе без ступеней, как летние, так и зимние. Внутри они обивались красным сукном или червчатым бархатом и закрывались по бокам суконными или шелковыми занавесами, иногда с дверцами в них; в эти дверцы вставлялись маленькие слюдяные окна, задернутые занавесками. Боковые занавесы пристегивались плотно к краям экипажа так, чтобы ветер никаким образом не мог распахнуть их. У некоторых знатных особ такие экипажи были чрезвычайно богаты; например, у боярина Морозова была карета, ограбленная народом во время бунта, снаружи она была обложена золотом, оби-

та внутри соболями высокого достоинства с окочеванными серебром колесами.

Закрытая отовсюду, знатная госпожа сидела в своей колымаге или каптане на подушке; у ног ее сидели рабыни. Такую колымагу или каптану везла обыкновенно одна лошадь; но случалось, что знатные лица ездили и на нескольких: тогда лошади припрягались одна к другой не рядом, как делается теперь, а гуськом, одна за другой; постромки между последней и предпоследней на краю поезда были вдвое длиннее, чем между предшествовавшими. Лошади обвешивались еще наряднее, чем в мужских поездах, волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, цепочками и круглыми шариками в виде львиной головки и покрывались попонами из бархата или объяри, обложенными золотой и серебряной бахромой с кистями по углам.

Русские сани

Кучер или сидел верхом на одной из лошадей, или шел пешком; вожжей у него чаще всего не было вовсе, а иногда они привешивались; идя возле лошадей, кучер помахивал арапником из заячьей кожи с набалдашником из сайгачьего рога. По бокам шли тридцать или сорок холопов, называемых скороходами. В числе их нередко находились и такие, которым, по приказанию господина, поручалась обязанность быть аргусами госпожи и смотреть, чтобы как-нибудь ее взоры через приподнятую занавеску не встретились со взорами молодых людей, способных при случае на всякую наглость. Если таким образом ехала сама царица, то экипаж ее везли двенадцать лошадей белой масти; с ней сидели боярыни; сзади провожали ее придворные рабочие женщины и прислужницы (мастерицы и постельницы), сидя на лошадях верхом по-мужски. Обычай женщин садиться верхом на лошадь по-мужски был в старину в среднем классе народа, но стал выходить в XVII веке.

Лошади в Москве были в употреблении татарские, пригоняемые во множестве из Астрахани и ее окрестностей ежегодно. Они не отличались ни красотой, ни статностью, напротив, были даже дурны собой, узкобрюхие, с тяжелой головой, с короткой шеей, зато очень крепкие, бежали скоро и сносили всякий труд. Но так как эти достоинствагодились не столько для городской езды, сколько для дорожной, то у богатых были лошади персидские и арабские, очень красивые, хотя, по замечанию иностранцев, дурно выезженные. Русские щеголяли особенно белыми лошадьми. У зажиточных хозяев во дворах было всегда много лошадей разных разрядов: одни были исключительно верховые; дру-

Русские сани

гие запрягались в сани и назывались санники; третьи носили имя колымажных, потому что закладывались только в летние экипажи; четвертые служили для посылок и разъездов.

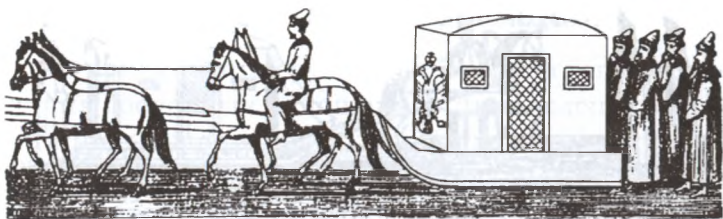
В дорогу отправлялись зимой в санях; женщины в закрытых каптанах; обыкновенно сани везли две лошади. Протяжения измерялись верстами: в версте считалось 1000 саженей; но в XVII веке возникла новая верста в 700 саженей; кроме того, существовала приблизительная мера днищами, употребительная в малонаселенных краях России. Русские дорожные сани были четырехугольной формы, напоминавшие собой гроб, сзади шире,

спереди уже. Их делали по большей части из древесной коры или лубья и предпочитали деревянным по легкости. Собственно мужские сани были не широки и очень длинны, так что можно было лечь в них свободно человеку, а иногда и двум рядом. Сзади их обивали рогожей, на боках кожами и закрывали сверху мехами. Отправляясь в дорогу, русский одевался как можно теплее и сверху набрасывал епанчу от снега и дождя; на голове у него была шапка, покрытая и подбитая мехом, на руках теплые рукавицы, на ногах меховые ноговицы, а за пазухой на цепочке или на ремне скляница с вином; сверху он укрывался медведной, или медвежьей шкурой. Путешественник вылезал из своей берлоги один раз в сутки поесть. Запасы хранились в тебеньках. Женские дорожные сани были такой же формы, снабжались по сторонам жердями, поставленными перпендикулярно со всех сторон по краям; на них навешивалось сукно; сани закрывались им сверху и с боков, и только на одной стороне оставалась для выхода задернутая узкая пола. Сани женские делались гораздо шире мужских, так что в них можно было сидеть и лежать двум или трем женщинам вместе, потому что госпожа не ездила без прислужниц.

Зимний путь считался удобнее и легче летнего, и все иностранцы отдавали честь скорой езде зимой. Только с начала зимы встречались неудобства, когда пролагались вновь зимние дороги; раз проложенная тропа оставалась в первоначальном виде на всю зиму. Если мужику случалось проехать в начале зимы и он выбирал непрямую дорогу, колея эта не изменялась, потому что искать новых путей по сугробам было опасно. При езде на

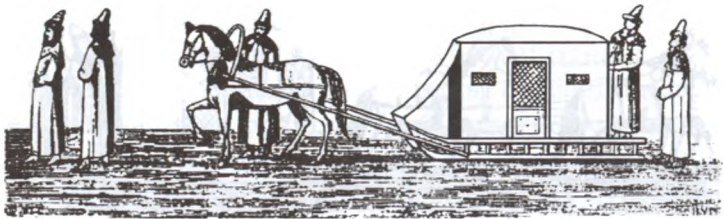
ямских упряжки были очень велики: например, шестьдесят-семьдесят верст и более; однако русские ямщики бежали без отдыха, особенно когда возили царских гонцов. Чтобы частному человеку ехать на ямских, нужно было взять подорожную: и его везли скоро и дешево, потому что подорожные в старину наводили страх. Когда ямщики везли по подорожной, то кричали и свистали в дудочки, давая этим знать, чтобы все встречные сворачивали с дороги, а опоздавшим отвечивали по спинам удары кнутом. Проехавши каждую версту, ямщик давал об этом знать пронзительным криком: верста! Подъезжая к яму, ямщик начинал свистать сквозь зубы и этим подавал знак; услышав сигнал, в яму начиналась беготня: одни выводили лошадей, другие несли упряжь. Вообще по подорожной ямщики брали до двух рублей за 350 верст. Что касается частных лиц, если они не имели протекции для того, чтобы приобрести подорожную, то должны были нанимать частных ямщиков, которых везде было много; но тогда езда обходилась дороже.

Летом езда была несравненно хуже, ибо русские дороги представляли во все лето не только неудобства, но и опасность для жизни, не говоря уже о весне, во время водоразлива, когда целые села казались плавающими. Починка дорог возлагалась на жителей по сошному делению, под надзором руководителей, называемых жогами, при выборных целовальниках, они обязаны были мостить мосты и гати, заравнивать овраги; но повинности эти исправлялись очень небрежно, и дороги были до крайности дурны. Проезжие летом старались избегать сухопутных поездок и чрезвычайно мало

Капитана царицы

ездили, особенно с женщинами; сами ямщики летом пренебрегали своими обязанностями, и проезжий, достигавший яма, мог дожидаться несколько часов, пока соберут ямщиков и приведут лошадей из табуна или с полевых работ. У кого не было своего летнего экипажа, тому давался воз, покрытый рогожей; ковер и подушку проезжающий должен был возить с собой. По причине всех этих неудобств охотнее и чаще ездили по рекам на судах, которые можно было найти с гребцами везде, где дорога прилегала к реке; с казенной подорожной можно было пользоваться казенными стругами и гребцами точно так же, как ямщиками и их лошадьми. Величина стругов и количество гребцов на них соизмерялись с шириной реки и протяжением пути от одной пристани до другой. Струги, на которых усаживалось много пассажиров, например, человек пятьдесят или шестьдесят, делались широкие, с одной мачтой и обыкновенно с шестнадцатью веслами; под палубой устраивались клетки и перегородки для пассажиров и их багажа. К мачте привязывался огромный холщовый парус, распускаемый во время попутного ветра. Вместо руля употреблялся длинный и широкий шест, опущенный в воду; другой его конец прикреплялся к шесту, который утверждался непод-

Боярская каптана

вижно на струге. Рулевой шест имел при своем окончании две рукояти; когда нужно было поворотить струг, кормщик действовал посредством веревок, которые обвязывались около этих рукояток. На волоках, то есть на переездах от одной реки до другой, стояли наготове ямщики для найма проезжающим и для перевоза тяжестей.

Величайшее неудобство русских дорог, как зимних, так и летних, было отсутствие гостиниц и всякого рода пристанищ для путешественников. Правда, кое-где при монастырях существовали гостиницы, служившие иногда облегчением для путешественника, но не могли входить в условия повсеместных дорожных удобств. Зимой останавливались в крестьянских избах, большей частью курных, где нестерпимый жар и вонь приводили в трепет иностранцев, но мало беспокоили русскую натуру. Летом не заходили в строения вовсе и готовили себе пищу на воздухе. Как зимой, так и летом проезжий брал с собой большой запас хлеба, сушеного мяса, рыбы, сала, меду, а другие припасы набирал от города до города.

XVI. ПРИЕМ ГОСТЕЙ. ОБРАЩЕНИЕ

В приеме гостей русские соблюдали тонкие различия сословных отношений. Лица высшего звания подъезжали прямо к крыльцу дома, другие въезжали на двор, но останавливались на некотором расстоянии от крыльца и шли к нему пешком; те, которые почитали себя гораздо ниже хозяина, привязывали лошадь у ворот и пешком проходили весь двор — одни из них в шапках, а другие, считавшиеся по достоинству ниже первых, с непокрытой головой. В отношении царского этикета были подобные же различия: одни имели право только въезжать в Кремль, другие останавливались у ворот царского двора, и никто, под опасением кнута, не смел провести через царский двор лошади. Со стороны хозяина встреча гостя также соизмерялась с его сословным достоинством. Важных гостей сами хозяева встречали у крыльца, других в сенях, третьих в комнате. Существовал обычай делать несколько встреч прибываемым гостям. Таким образом, у ворот гостя встречает лицо низшего звания в доме; в другом месте, например у крыльца, другое лицо, выше первого; в третьем — еще высшее или сам хозяин. По этому обычаю устраивали при дворе почетные встречи: в одном месте встречал гостя стольник, в другом сокольничий, в третьем боярин. Когда отец Михаила Федоровича, Филарет Никитич, возвратился из плена, то ему устроено было три встречи на дороге: первая в Можайске, вторая в Вязьме, третья в Звенигороде, где уже встречал его сам царь. Так же точно и по приезде его в Москву к церкви у саней встретили его архиепископ с двумя архимандритами.

тами, у дверей митрополит с архимандритами и двумя игуменами, а в церкви митрополит по степени достоинства выше предыдущего.

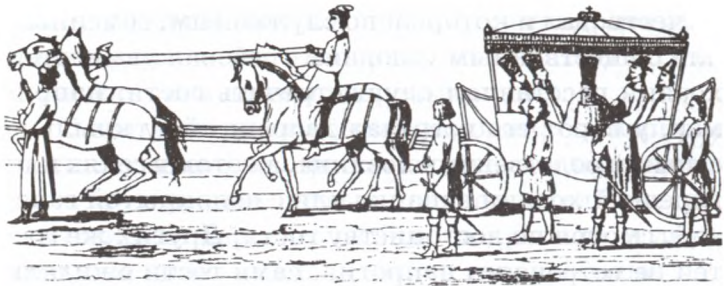
В соответствии с обычаями, одни, ближайšie люди, пользовались правом входить в комнату государя; другие, ниже первых, только в переднюю; третьи ожидали царского выхода на крыльце; а люди меньших чинов не смели взойти и на крыльцо.

Подобные оттенки различия в приеме гостей наблюдались у частных лиц. Вообще старшие не ездили в гости к младшим; на этом основании и царь никогда не посещал подданного. Но если к хозяину приезжал гость, которого хозяин особен-

Выезд семьи Грозного

но чествовал и который по служебным, семейным или общественным условиям требовал уважения, хозяин расставлял слуг встречать гостя: например, у ворот его встречал дворецкий, у крыльца сын или родственник хозяина, а потом в сенях или передней хозяин в шапке или с непокрытой головой, смотря по достоинству гостя. Других же гостей не встречали; напротив, сами гости ожидали выхода хозяина в передней. Вежливость требовала, чтобы гость оставил в сенях свою палку, и вообще говорить, держа в руке палку, а тем более опершись на нее, считалось невежеством. Сняв шапку, гость держал ее в руке с платком в ней. Вошедши в комнату, гость должен был прежде всего креститься, взирая на иконы, и положить три поясных поклона, касаясь пальцами земли, потом уже кланяться хозяину; в поклонах ему соблюдалась также степень уважения к его достоинству. Таким образом, перед одними только наклоняли голову, другим кланялись в пояс, перед третьими вытягивали руки и касались пальцами земли; те же, которые сознавали свое ничтожество перед хозяином или зависимость от него, становились на колени и касались лбом земли: отсюда выражение «бить челом». Равные и приятели приветствовали друг друга подачей правой руки, поцелуем и объятиями, так что один другого целовал в голову и прижимал к груди. Хозяин приглашал гостя садиться или говорил с ним стоя, также соизмеряя степень его достоинства: на этом основании, не приглашая гостя садиться, и сам или стоял, или сидел. Самое почетное место для гостя было под образами; сам хозяин сидел по правую сторону от него. Гость из приличия старался не кашлять и не

Въезд иностранных послов в Москву

сморкаться. В разговоре наблюдалось то же отношение достоинств гостя и хозяина; так, приветствуя светских особ, спрашивали о здоровье, а монахов о спасении; одним говорили *вы*, а себя в отношении высших лиц называли *мы*; произносили разные записные комплименты, величая того, к кому обращались, а себя унижая, вроде следующих: «Благодетелю моему и кормилицу рабски челом бью; кланяюсь стопам твоим, государя моего; прости моему окаянству; дозвожь моей худости». В обращении с духовными в особенности изливалось тогдашнее риторство: говоря с каким-нибудь архиереем или игуменом, называли себя грешным, нищим, окаянным, а его величали православным учителем, великого света смотрителем и прочее. Вообще, желая оказать уважение, называли лицо, с которым говорили, по отчеству, а себя уменьшительным полуименем. Было в обычае предлагать гостю что-нибудь съестное во всякое время, а особенно водку и какие-нибудь лакомства, как, например, орехи, фиги, финики и прочее. Прощаясь, гость обращался прежде всего к образам, полагал на себя троекратно крестное знамение с поклонами, потом целовался с хозяином, как и при входе

в дом, если хозяин его удостаивал этим по достоинству, и, наконец, уходя, опять знаменовал себя крестом и кланялся образам. По мере достоинства хозяин провожал его ближе или далее порога.

В обращении с низшими по большей части русский был высокомерен, и часто тот, кто унижался и сгибался до земли перед старшим, вдруг становился надменен, когда богатство или важная должность делали других зависимыми от него. В русском характере было мало искренности; дружба ценилась по выгодам; задушевные друзья расходились, коль скоро не связывала их взаимная польза, и часто задняя мысль таилась за излишними дружественного расположения и радушным гостеприимством. Довольно было любимцу государя приобрести царскую немилость, чтобы все друзья и приятели, прежде низко кланявшиеся ему, не только прекратили с ним знакомство, но не хотели с ним говорить и даже наносили ему оскорбления. Так, заточенную в монастырь великую княгиню Соломону оскорбляли не только словами, но и побоями.

В русском обращении была смесь византийской напыщенности и церемонности с татарской грубостью. В разговоре наблюдались церемонии и крайняя осторожность; нередко случалось, что невинное слово принималось другими на свой счет; отсюда возникали тяжбы, смысл которых состоял только в том, что один про другого говорил дурно, с другой стороны, при малейшей ссоре не было удержу в самых грубых излишних негодованиях. Обыкновенно первое проявление ссор состояло в неприличной брани, которая до сих пор, к сожалению, составляет дурную сторону наших нравов;

эта брань до того была обыкновенна, что позволяли ее себе духовные лица, даже монахи, и притом в самой церкви. Сами женщины и девицы следовали общему обыкновению, и даже дети, по словам Олеария, рассердившись на родителей, повторяли слышанное ими от взрослых, а родители не только не останавливали их, а еще и сами бранили их так же. Церковь преследовала это обыкновение, и духовные поучали, чтобы люди друг друга не лаяли позорной бранью, отца и мать блудным позором и всякой бесстыдной, самой позорной нечистотою языки свои и души не сквернили. Неоднократно цари хотели вывести русскую брань кнутом и батогами. При Алексее Михайловиче ходили в толпах народа переодетые стрельцы и, замечая, кто бранился позорной бранью, тотчас того наказывали. Разумеется, эти средства не были действительны, потому что сами стрельцы в свою очередь не могли удержаться от крепкого словца. Впрочем, очень часто вспыхнувшая ссора тем и ограничивалась, что обе стороны поминали своих родительниц и не доходили до драки; а потому брань сама по себе не вменялась и в брань. «Красна брань дракой», – говорит пословица. Если же доходило дело до драки, тут русские старались прежде всего вцепиться один другому в бороду, а женщины хватать одна другую за волосы. Поединки на саблях и пистолетах, обычные на Западе, у русских были совершенно неизвестны. У нас были своего рода дуэли: поспорившись между собой, люди садились на лошадей, нападали друг на друга и хлестали один другого бичами. Другие бились палками и часто друг друга убивали до смерти; но самая обыкновенная русская драка была кулач-

ная: противники старались всегда нанести один другому удары или прямо в лицо, или в детородные части. Смертные случаи были нередки, но уменьшались с тех пор, как прекратились судебные поединки на палках и дубинах. Зато в XVII веке развилось другого рода мщение – доносы, средство часто очень удачное. Стоило подать на недруга ябеду, чтобы втянуть его в разорительную тяжбу; хотя и самому приходилось терпеть, но зато такая тяжба имела некоторым образом характер поединка. Иногда из злобы подкладывали к недру-

Пытка на дыбе

гу вещь, потом подавали челобитную о пропаже этой вещи и изъявляли подозрение, что она у того-то; производился обыск, и вещь находилась; тут начинался длинный процесс тяжбы, сопровождаемый пытками. Во всех классах народа было множество ябедников и доносчиков. Одни из них промышляли собственно для себя. Таким образом посвящали себя этому занятию служащие люди и дети боярские: они разъезжали по посадам и селениям, заезжали к богатым жителям, заводили ссоры, потом составляли челобитные о боях, грабежах и обидах и, запугав крестьян, брали с них отступное во избежание проволочек и наездов приставов и рассыльников. Другие, напротив, работали для других и, точно как итальянские *bravi* кинжалом, служили своим искусством тем, которые у них его покупали. Хотя их и преследовали и клеймили позором, но правительство само вместе с тем покровительствовало доносам, когда они касались его интересов. Таким образом, служилый человек, помещик или вотчинник, если открывал за своим товарищем какие-нибудь уклонения от обязанностей службы, влекущие потерю поместья, вознаграждался именно тем самым поместьем, которое отнималось у того, кого он уличал. Оттого между служилыми людьми не было товарищества; все друг другу старались навредить, чтобы выиграть самим. Но действительнее всего для ябедника, опаснее всего для соперника было объявление слова и дела государева, то есть обвинение в нерасположении к царю. Обвиненного подвергали пыткам, и когда он в бреду страдания наговаривал на себя, казнили, — и неважно, что он мог быть невиновным. Дело, касавшееся высокой особы, было столь важ-

но, что невелика беда, если за него пострадают и невинные. Нигде не было откровенности; все боялись друг друга; негодяй готов был донести на другого: всегда в таком случае можно было скорее выиграть, чем проиграть; от этого в речах господствовала крайняя осторожность и сдержанность. Шпионов было чрезвычайное множество: в ряды их вступали те бедные дворяне и дети боярские, которые за уклонение от службы тоже по доносу других лишились своих поместий; они вторгались всюду: на свадьбы, на похороны и на пиры – иногда в виде богомольцев и нищей братии. И царь таким образом многое знал, что говорилось про него подданными.

XVII. ПИРШЕСТВА. ПЬЯНСТВО

Все, что в настоящее время выражается вечерами, театрами, пикниками и прочее, в старину выражалось пирами. Пирьы были обыкновенной формой общественного сближения людей. Праздновала ли Церковь свое торжество, радовалась ли семья или провожала из земного мира своего сочлена, или же Русь разделяла царское веселье и славу побед – пирь был выражением веселости. Пиром тешились цари; пиром веселились и крестьяне. Желание поддержать о себе доброе мнение у людей побуждало каждого порядочного хозяина сделать пирь и созвать к себе добрых знакомых.

Как все в русской жизни, при резкой противоположности знатности и простонародности, богатства и бедности, носило одинаковые основания, русские пиры у всех сословий сопровождались оди-

наковыми чертами, приемами и обрядами. Русские пиршества были двух родов: собственно пиры и братчины; первые давало одно лицо, вторые были складчинами многих хозяев и преимущественно существовали в среде поселян. Пиры частных лиц давались в дни Пасхи, Рождества Христова, Троицы, Николина дня, Петра и Павла и Масленицы, при торжественных семейных случаях – браках, рождении и крещении детей, при погребении, поминовении усопших, в день именин, по случаю новоселья и при вступлении служащего лица в должность. Царские пиры, кроме семейных случаев и церковных торжеств, давались по поводу коронации, посвящения митрополитов и патриархов, при объявлении царевича народу и по случаю приема иностранных послов.

Пир. Миниатюра XVII в.

Когда домовитый хозяин учреждал пир и приглашал гостей, то звать одних посылал слуг, а к другим ездил сам, различая тех, кому он делает честь приглашением, от тех, у которых он должен искать чести приезда в его дом. При семейных и приятельских пиршествах приглашались и жены гостей, но не к мужскому столу, а к особенному женскому, который жена хозяина учреждала в то же время гостям своего пола.

Комната, назначенная для пира, заранее убиралась, устилалась коврами; на окнах висели занавесы, на карнизах клали наконники, постилали на столы и лавки нарядные скатерти и полавочки, заправляли свечи в паникадила и уставляли поставец посудой. Для пира избиралась обыкновенно столовая, а иногда назначали для него сени, которые были просторнее всех покоев. Столы устанавливались вдоль стены перед лавками, а если было много гостей, то и рядами; место под образами в углу было для хозяина, дававшего пир.

Каждый из приглашенных гостей садился в шапке на место, сообразное своему званию и достоинству. Место по правую руку от хозяина считалось самым почетным. За ним другие места нисходили по степеням, так что одно было ниже другого, и, таким образом, существовало три разряда мест: высший, средний и низший, как это выражается в поэме XVII века «Горе-Злосчастие»:

*А идет он в место середнее,
Где сидят дети гостиные!*

Сесть выше другого, считавшего себя выше достоинством, значило нанести ему оскорбление; на

частных пирах соблюдался, как в царских пиршествах и в боярской думе, обычай местничества. Скромный и благочестивый человек, исполняя буквально евангельские слова, садился нарочно на место ниже того, какое ему следовало, чтобы хозяин свел его оттуда и перевел на высшее. Напротив, заносчивые люди, встретясь с соперниками, с которыми у них давно не ладилось, пользовались случаем, чтобы насолить им, и садились выше их, заводили споры, ставили хозяина в затруднение, и нередко доходило до драк.

Перед началом пира выходила жена хозяина и била челом гостям малым обычаем, то есть кланялась в пояс, потом становилась у дверей. Господин кланялся им до земли и просил целовать жену. В ответ на это каждый гость также кланялся до земли и целовался с хозяйкой, а отойдя от нее, опять делал поклон. Хозяйка подносила каждому гостю по очереди чарку вина. Первый гость получал чарку и отдавал ее хозяину, прося выпить прежде. Хозяин приказывал прежде начать жене. Та отведывала и отдавала мужу. Муж выпивал. Тогда уже начинали пить гости, один за другим, и всякий раз, как только гость пил, хозяин дома кланялся ему до земли. Окончив эти церемонии, жена уходила в свое женское общество. Гости усаживались за столом. Тогда хозяин разрезал хлеб на кусочки и из собственных рук подавал гостям, одному за другим, вместе с солью. Этот обряд символически означал радушие и гостеприимство. Существовало поверье, что хлеб-соль прогоняет вредное влияние злых духов. За обедом получать хлеб-соль от хозяина значило пользоваться его дружелюбием; есть вместе хлеб-соль – вообще оз-

начало согласие и любовь. После раздачи хлеба-соли носили кушанье обычным порядком.

Гости ели обыкновенно по два человека с одного блюда; хотя перед ними и стояли тарелки, но они не переменялись, как уже было сказано. Перед почетнейшими гостями ставили опричные блюда, то есть особые. Хозяину всегда подавали опричное блюдо; он раздавал с него куски гостям, сидевшим близ него, а тем, которым не мог подать, отсылал на тарелках со слугами. Эти куски означали расположение. В то же время сам хозяин накладывал кушанья в блюда и тарелки и отсылал отсутствующим, которые почему-нибудь не могли прибыть. Слуга, поднося подачу от хозяина, говорил: «Чтобы тебе, государь, кушать на здоровье!» Отвергнуть подачу считалось оскорблением.

Когда был пир во полупире, как выражаются песни, и приносили круглые пироги – кушанье, составлявшее необходимую принадлежность пира, тогда двери из внутренних покоев растворялись; из них выходили жены сыновей хозяина, братьев, племянников и вообще родственников, живших с ним не в разделе, с вином и чарками. Мужья этих женщин вставали из-за стола, становились у дверей и, кланяясь, просили гостей целовать их жен. Гости принимали от женщин чарки с вином и целовались с каждой с поклонами, как прежде с хозяйкой. У некоторых этот обряд исполнялся иначе. Жена хозяина не являлась перед началом пира, а приходила теперь в сопровождении женских особ семейства и прислужниц, несших вино и сосуды. Хозяйка подносила почетнейшему гостю вино и немедленно удалялась, потом приходила снова в другом уже платье и угощала другого гостя, опять

уходила и снова являлась переряженная в иное платье и потчевала третьего гостя; то же делалось в отношении всех гостей поодиночке, и каждый раз хозяйка являлась в новом наряде. Эти переряживанья служили для показа роскоши и богатства хозяина. Обнеся таким образом всех гостей, хозяйка становилась у стены, при крае стола, опустив голову. Гости подходили к ней и целовались; иногда, после поцелуев, она дарила гостей ширинками, вышитыми золотом и серебром. Этот обычай целованья с хозяйскими женами очень древний; еще в XII веке его не одобрял Иоанн Пророк; он сохранился, как памятник древней славянской свободы женского пола, несмотря на то, что влияние Византии и татар изменило убеждение русского народа в этом отношении.

Отличительной чертой русского пиршества было чрезвычайное множество кушаний и обилие напитков. Хозяин величался тем, что у него всего много на пиру – гостьба толстотрапезна! Он старался напоить гостей, если возможно, до того, чтобы их отвезти без памяти восвояси; а кто мало пил, тот огорчал хозяина. «Он не пьет, не ест, – говорили о таких, – он не хочет нас одолжать!» Пить следовало полным горлом, а не прихлебывать, как делают куры. Кто пил с охотой, тот показывал, что любит хозяина. Женщины, в то же время пировавшие с хозяйкой, также должны были уступать угощениям хозяйки до того, что их отвозили домой без сознания. На другой день хозяйка посылала узнать о здоровье гостя. «Благодарю за угощение, – отвечала в таком случай гостя, – мне вчера было так весело, что я не знаю, как и домой добрела!» Но с другой стороны, считалось постыдным сде-

латься скоро пьяным. Пир был в некотором роде войной хозяина с гостями. Хозяин хотел во что бы то ни стало напоить гостя допьяна; гости не поддавались и только из вежливости должны были признать себя побежденными после упорной защиты. Некоторые, не желая пить, из угождения хозяину притворялись пьяными к концу обеда, чтобы их более не принуждали, дабы таким образом в самом деле не опьянеть. Иногда же случалось на разгульных пирах, что заставляли пить насильно, даже побоями.

Пиршества были длинны и тянулись с полудня до вечера и позже. По окончании стола еще продолжалась попойка. Все сидели на прежних местах. Хозяин наливал в чашу вина, становился посредине с непокрытой головой и, подняв вверх чашу, говорил напыщенное предисловие, а потом пил за чье-нибудь здоровье: начинали с царя, а потом пили за членов царского семейства, за бояр, властей и за разных лиц, в зависимости от цели, с которой давали пир. Выпив, хозяин оборачивал чашу вверх дном над головой, чтобы все видели, что в ней нет ни капли и как он усердно желает добра и здоровья тому, за кого пьет. После этого хозяин возвращался на свое место и подавал каждому из гостей по очереди чашу с вином; каждый гость должен был выходить из-за стола, становиться посредине, пить за здоровье того, за кого предлагалось пить; потом все садились на свои места. При этих заздравных тостах пели многая лета тому, за чье здоровье пили. Можно представить, как долго тянулась эта церемония, когда, например, пивши за государя, следовало приговаривать его полный титул.

Во время пиров кормили и слуг, приехавших с гостями, и один доверенный слуга должен был наблюдать, чтобы эти низшего достоинства гости не передрались между собой и не наделали чего-нибудь вредного хозяину.

В обычае было после пира подносить хозяину подарки. Нередко русский делал пир и щедро поил и кормил гостей для того, чтобы потом получить от них подарков на гораздо большую сумму, чем какой стоило ему угощение. Так поступали в городах воеводы: они учреждали пиры и зазывали к себе гостей для того, чтобы выманить подарки. Случалось, что гости, не желая, поневоле, в угождение сильному человеку, являлись на пиршество. Впрочем, существовал обычай и хозяину дарить гостей. Воеводы обратили и такой обычай в свою пользу. Чтобы более обязать своих гостей, воевода созывал к себе на пир богатых посадских, сам делал им подарки, а те должны были отдавать за них вчетверо. Если бы кто-нибудь был невнимателен и оставил без подарка начальственное лицо, учреждавшее пир, то у него без церемоний вымогали и насильно, потому что требовать подарков не считалось предосудительным. Поднося подарок, говорилось: «Чтобы тебе, государь, здравствовать!» Обычай дарить соблюдался и в царских пирах, приглашенные на пир во время царских свадеб или по поводу коронации должны были подносить царю дары, а на праздничных царских столах духовные, приглашенные к обеду, получали от царя подарки.

Праздничные и семейные пиршества у степенных и набожных особ отличались характером благочестия. Обыкновенно после литургии духовен-

ство приносило в дом крест, иконы, частицы святых мощей, святили воду, мазали ею в доме все иконы, кропили во всех покоях, окуривали весь дом ладаном, иногда же приносили святую воду из церкви и кропили ею дом. По окончании молитвословия начиналась трапеза. Духовные лица занимали почетнейшие места между гостями. В одном старинном поучении говорится: «Посади их и постави им трапезу, якоже самому Христу; сам же им буди во службе, и жена твоя, и дети твои, аще ли нужда будет ти сести, то на нижнем месте сяди, и твори им имя твоя знаемо, да у олтаря Божия молитва за тя, яко темьян возносится». На столе, на возвышенном месте, ставили просфору Пресвятой Богородицы, как это делается в монастырях. Трапеза начиналась молитвой «Достойно есть...». При подаче на стол первого кушанья хозяин приглашал гостей ласковым и благочестивым словом. Во время всего пира дьячки пели духовные песни, приличные празднику или событию, по поводу которого учреждалась трапеза. В сенях и на дворе кормили нищих. Пируя с духовенством и гостями, хозяин высылал своих сыновей и родных угощать эту меньшую братию. Некоторые очень благочестивые люди даже сажали нищих за один стол с собой и с гостями. По окончании обеда возносилась чаша Пресвятой Богородицы; все пили во славу Божьей Матери, потом пили за здоровье царя, бояр, за воинство, за хозяина и гостей с пением всем многолетия, а также и за упокой усопших, если это согласовалось с целью пиршества или со значением праздника, когда пиршество отправлялось. После стола хозяин раздавал нищим, у него обедавшим, милостыню.

Не таков был характер пиршеств у разгульных людей. На этих пирах иногда не удаляли и женский пол; мужчины и женщины подавали друг другу питье и целовались, брались за руки и играли между собой. Хозяин приглашал гусяров и скоморохов: тут-то пелись старинные геройские песни; потом, когда хмель далеко заходил в голову, начинали петь песни удалые, срамные; скоморохи тешили компанию непристойными фарсами; часто забавлялись соблазнительными анекдотами, шумели, свистали, плескали один в другого вином, а иногда и дрались; и часто хозяин вместе со слугой выталкивал их, облитых кровью. Случались и убийства, особенно из-за мести. В начале, когда сходятся на пир, говорит одно старое обличительное слово, каждому хочется сесть на высшее место, но надо же кому-нибудь сидеть и на низшем; огорченный не хочет и скрывает гнев в сердце, пока трезв, когда же напьется, то в исступлении ума начинает словами задирать того, на кого сердится; если тот еще не напился, то промолчит; забияка отпустит ему еще что-нибудь похуже и доведет до того, что тот выйдет из себя, начнется брань, и один другого пырнет ножом. «Где бо слышано инако ножевого убийства, томко в пьянственных беседах и играх, паче же о праздниках», – говорит это обличительное слово.

Крестьянские пирушки, даваемые по поводу семейных праздничных торжеств хозяевами, назывались особым пивцом, потому что тогда дозволялось им варить пиво, брагу и мед для домашнего питья. Обыкновенно это позволение делалось четыре раза в год: на Великий день, Дмитриевскую субботу, на Масленицу и на Рождество Хрис-

тово или в другой день вместо какого-нибудь из этих праздников. Право это крестьянин имел на три дня, иногда же и на неделю; сверх того, такое же разрешение давалось по поводу крестин и свадеб. Крестьянин должен был каждый раз испрашивать дозволения начальства, и это дозволение давалось с разбором – только лучшим людям. По окончании льготного времени кабацкий голова печатал оставшееся питье до другого праздника.

Братчины носили название ссыпных братчин, или ссыпчин, и участники в братчине назывались ссыпцами, вероятно оттого, что в старину каждый жертвовал зерно на варение пива и браги. Так как ссыпцов могло быть много, то для распоряжения и соблюдения порядка выбирался староста. На братчинах происходили разные происшествия и споры, а потому братчинам издавна давали право самосуда. Так, в Псковской судной грамоте говорилось: «И братчины судить, как судили». Это право предоставлялось братчинам и до конца XVII века. Однако в последнее время уголовные дела не подлежали их домашнему разбирательству. Братчины собирались по большей части в праздники и потому назывались именами праздников, как-то: братчина Никольщина, братчина Покровщина, братчина Рождественская; на Пасху было в обыкновении по селам учреждать большую братчину в понедельник. В этих сельских братчинах участвовали не только крестьяне, но и владельцы. Братчины еще чаще, чем частные пиры, сопровождались бесчинствами, и на них нередко происходили драки и убийства, а потому благочестивые люди не советовали участвовать в этих складчинах.

Русский народ издавна славился любовью к по-

пойкам. Еще Владимир сказал многозначительное выражение: «Руси веселие пити: не можем без того быти!» Русские придавали пьянству какое-то героическое значение. В старинных песнях доблесть богатыря измерялась способностью перепить других и выпить невероятное количество вина. Радость, любовь, благосклонность находили себе выражение в вине. Если высший хотел показать свою благосклонность к низшему, он поил его, и тот не смел отказываться: были случаи, что знатный человек ради забавы поил простого, и тот, не смея отказываться, пил до того, что падал без чувств и даже умирал. Знатные бояре не считали предосудительным напиваться до потери сознания и с опасностью потерять жизнь. Царские послы, ездившие за границу, изумляли иностранцев своей неумеренностью. Один русский посол в Швеции в 1608 году в глазах чужестранцев обессмертил себя тем, что напился крепкого вина и умер от этого. Как вообще русский народ был жаден к вину, может служить доказательством следующее историческое событие: во время бунта в Москве, когда были убиты Плещеев, Чистов и Траханиотов, случился пожар. Очень скоро дошел он до главного кабака... народ бросился туда толпой; все спешили черпать вино шапками, сапогами, всем хотелось напиться дарового вина; забыли и мятеж; забыли и тушить пожар; народ валялся пьяный мертвецки, и таким образом мятеж прекратился и большая часть столицы превратилась в пепел. До того времени, как Борис введением кабаков сделал пьянство статьей государственного дохода, охота пить в русском народе не дошла еще до такого поразительного объема, как впоследствии. Простой

народ пил редко: ему позволяли сварить пива, браги и меда и погулять только в праздники; но когда вино начало продаваться от казны, когда к слову кабак приложился эпитет царев, пьянство стало всеобщим качеством. Размножились жалкие пьяницы, которые пропивались до ниточки. Очевидец рассказывает, как вошел в кабак пьяница и пропил кафтан, вышел в рубашке и, встретив приятеля, воротился снова, пропил белье и вышел из царева кабака совершенно голый, но веселый, некручинный, распевая песни и отпуская крепкое словцо немцам, которые вздумали было сделать ему замечание. Эти случаи были часты в Москве; и в городах, и в деревнях – везде можно было видеть людей, лежащих без чувств в грязи или на снегу. Воры и мошенники обирали их и часто пос-

Кабак. Литография XIX в.

ле того зимой они замерзали. В Москве на Масленице и на святках в земский приказ каждое утро привозили десятками замерзших пьяниц.

Распространению пьянства в народе способствовали кабацкие головы и целовальники, которые прибегали ко всевозможнейшим мерам, чтобы избавиться от наказания за недоборы в царской казне, если они держали кабаки на веру, или чтобы воротить заплаченное в казну, если брали вино на откуп. Они давали пьяницам в долг как можно больше, а между тем прибавляли счет, пользуясь тем состоянием, когда пьяные не в силах уже были ни размышлять, ни считать; потом, когда искушенные таким легким средством получать хмельное даже и без наличных денег, пьяницы порядочно запутаются в расставленной на них сети, кабацкие головы объявляют, что пора платить; оказывается, что платить нечем; тогда забирали имущество должников втрое дешевле настоящей его цены; при этом страдали и невинные, жившие не в разделе с должниками.

Случалось, что люди порядочного происхождения, то есть дворяне и дети боярские, запивались до того, что спускали свои поместья и пропивались донага. Из таких-то молодцов образовался особый класс пьяниц, называемый кабацкие ярыги. У этих удалцов не было ни кола, ни двора. Они жили во всеобщем презрении и таскались по миру, прося милостыни; они толпились почти всегда около кабаков и в кабаках, униженно вымаливая у приходящих чарочку винца Христа ради. Готовые на всякое злодеяние, они составляли при случае шайку воров и разбойников. В народных песнях и рассказах они представляются искусителями молодых

неопытных людей. Некоторые пьяницы оправдывали себя тем, что они, напившись, ведут себя смиренно. «То есть не пьяница, – говорили они, – иже упився ляжет спати; то есть пьяница, иже упився толчет, биет, сварится». На это проповедники Церкви отвечали им: «И кроткий упився согрешает, аще и спати ляжет: кроткий убо пьяница, аки болван, аки мертвец валяется, многажды бо осквернився и домочився смердит, егда убо кроткий пьяница в святыи праздник лежит не могый двинути аки мертв, расслабив свое тело, мокр, нальввся яко мех до горла; богобоязливым же, наслаждающим сердца в церквах пения и чтения, аки на небеси мнятся стояще; а пьяница не могый главы своя возвести, смрадом отрыгая от многа питья, чим есть рознь поганыхъ». Церковные наставники объясняли, что от пьяного человека удаляется ангел-хранитель и приступают к нему бесы; пьянство есть жертва дьяволу, и отец лжи и зла говорит, что ему эта жертва милее, чем жертва идолопоклонников: «Николи же тако возвеселихся о жертве поганых человек, яко от пьяных крестьян: в пьяницах бо вся делеса моего хотенья; лучше ми от поганых крестьян и запоец, нежели от поганых идоломolec, яко и поганых Бог соблюдает, а пьяниц ненавидит и гнушается их; аз же радуются о них, яко мои суть пьяни».

Духовенство не только не отличалось трезвостью, но еще перещеголяло другие сословия в расположении к вину. На свадьбах священнослужители до того напивались, что надо было их поддерживать.

Чтобы положить границы неистовому пьянству в кабаках, правительство вместо них завело кружечные дворы, где продавали вино пропорци-

ями не менее кружек, но это не помогло. Пьяницы сходились в кружечные дворы толпой и пили там по целым дням. Другие охотники до питья покупали не только кружками, но ведрами и продавали тайно у себя в корчмах.

Более всего пристанищем самых отъявленных негодяев были тайные корчмы, или ропаты. Под этим названием разумелись еще в XV и XVI веках притоны пьянства, разврата и всякого бесчинства. Содержатели и содержательницы таких заведений получали вино в казенных заведениях или курили тайно у себя и продавали тайно. Вместе с вином в корчмах были игры, продажные женщины и табак. Как ни строго преследовалось содержание корчем, но оно было до того выгодно, что многие решались на него, говоря: барыши, полученные от этого, до того велики, что вознаграждают и за кнут, которого можно было всегда ожидать, коль скоро начальство узнает о существовании корчмы.

XVIII. УВЕСЕЛЕНИЯ. ИГРЫ. ЗАБАВЫ

У высших классов порывы всякой веселости были подчинены правилам церковного порядка. У тех, которые хотели быть и казаться благочестивыми, церковное пение было единственным развлечением. В старину существовали для него школы: мальчики учились у церковных дьячков и составляли певческие хоры. Нищие, прося милостыню, и колодники, которых выводили из тюрьмы собирать подавание, с жалобными причетами пели песни нравственного и религиозного содержания и приводили в чувство тогдашнюю публи-

ку. Музыка преследовалась Церковью положительно. Даже народные песни считались бесовским потешением. Православная набожность хотела всю Русь обратить в большой монастырь. Однако русский народ постоянно соблазнялся запрещенным плодом; даром что инструментальная музыка возбранялась не только Церковью, но даже и светской властью, славянская натура вырывалась из византийских рамок, в которые ее старались заключить. В поучении Ефрема Сирина, переделанном на русский лад, говорится, что Христос посредством пророков и апостолов призывает нас, «а дьявол зовет гусльми и плесце и песньми неприязненными и свирельми». Бог вещает: «Приидите ко мне вси», – и никто не двинется; а дьявол устроит сборище (заречет сбор), и много собирается охотников. Заповеда пост и бденье – все ужаснутся и убегут, а скажи «пирове ли, вечера ли, песни приязны, то все готовы будут и потекут, аки крылаты». У русских были свои национальные инструменты: гусли, гудки (ящички со струнами), сопели, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (род литавр), волынки, легки, медные рога и барабаны. Всем этим тешили православный люд скоморохи, составлявшие у нас в некотором смысле особенный ремесленный цех, постоянно преследуемый ревнителями благочестия. Иногда они образовывали вольную труппу из гулящих людей всякого происхождения, иногда же принадлежали к дворне какого-нибудь знатного господина. Они были не только музыканты, но соединяли в себе разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудке, другие били в бубны, домры и накры, третьи плясали, четвертые показывали народу выу-

ченных собак и медведей. Между ними были глумцы и стихотворцы-потешники, умевшие веселить народ прибаутками, складными рассказами и красным словцом. Другие носили на голове доску с движущимися куклами, поставленными всегда в смешных и часто соблазнительных положениях; но более всего они отличались и забавляли народ позорами или действиями, то есть сценическими представлениями. Они разыгрывали роли, наряжались в странное (скоморошное) платье и надевали на себя маски, называемые личинами и харями. Обычай этот, любимый народом, был очень древен, и еще в XIII веке митрополит Кирилл осуждал «позоры некаки бесовские со свистом, и кличем, и воплем». В числе таких позоров было, в частности, хождение кобылки, какое-то языческое торжество, называемое благочестивыми лицами бесовским. Без сомнения, все эти позоры заключали в своих основаниях остатки древней славянской мифологии, сильно искаженные в продолжение многих веков. Скоморохи ходили большими компаниями, человек в пятьдесят и более, из посада в посад, из села в село и представляли свои позоры преимущественно в праздники. «Ленивые безумные невегласы дожидаются недели (воскресного дня), чтобы собираться на улицах и на игрищах, – говорится в предисловии к слову о неделе св. Евсевия, – и тут обрящеши ина гудяща, ина плещуща, ина поюща пустошная, пляшуща, ови борющаяся и помизающа друг друга на зло». В праздничный день гульба начиналась с самого утра, народ отвлекался от богослужения, и так веселье шло целый день и вечер за полночь; местами представлений были улицы и рынки; от этого самое слово «улица» иногда означало веселое игри-

ще; и старые, и малые глазели на них и давали им кто денег, кто вина и пищи. Скоморохи возбуждали охоту в зрителях, и последние сами принимались петь, играть, плясать и веселиться. Зимой разгулье скоморохов было преимущественно на святках и на Масленице; тут они ходили из дома в дом, где были попойки, и представляли свои потехи; некоторые,

Пляска под волынку. Лубок XVII в.

не совсем разборчивые в средствах возбудить веселье гостей, приглашали их на свадьбы; когда ехали к венцу, впереди бежали смехотворцы и глумцы, кричали и кривлялись, а на свадебном пиру гудочники и гусельники сопровождали звуками инструментов свадебные песни. Вообще же песни их были большей частью содержания, оскорбляющего стыдливость; их танцы были непристойны; наконец, их позоры также имели предметом большей частью что-нибудь соблазнительное и тривиальное, как это можно видеть из сохранных Олеарием изображений скомороха, сидящего верхом на другом скоморохе и представляющего, как видно, половое совокупление животных, и другого скомороха в самом отвратительном и непристойном образе. Веселость неразвитого человека всегда ищет потешного в том, что образованное чувство находит только пошлым.

Правительство, следуя внушениям Церкви, не раз приказывало воеводам ломать и жечь их инструменты и хари и бить батогами тех, кто созывал к себе песенников и глумцев. При Михаиле Федоровиче однажды в Москве не только у скоморохов, но и вообще в домах музыкальные инструменты сжигали; таким образом их было истреблено пять возов. Лишенные всякого покровительства власти, скоморохи нередко терпели и от частных лиц; их зазывали в дома и, вместо того, чтобы давать им, отнимали у них, что они получали, ходя по миру, да вдобавок еще колотили. Эти случаи побуждали их также прибегать к насильственным поступкам: принужденные для своей безопасности ходить большими ватагами, они также иногда нападали на проходящих и проезжих, грабили и

убивали их. Было поверье, что под видом таких весельчаков ходили бесы: «Умысли сатана, как отврати людей от церкви, и собрав беси, преобрази в человеки и идяше в сборе велице упестрене в град и вси бияху в бубны, друзии в козици и в свирели и инии, возложыше на яскураты, идяху на злоумысление к человеком; мнози же оставивши церковь и на позоры бесов течаху». Прозорливые монахи видели, как лукавые бесы невидимо били христиан железными палицами, отгоняя их от Божьего храма к играм и «ужами за сердце почевивше и влечаху».

В праздничные дни народ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примерные битвы происходили обыкновенно при жилых местах, зимой чаще всего на льду. Охотники собирались в партии, и таким образом составлялись две враждебные стороны. По данному знаку свистком обе бросались одна на другую с криками; для возбуждения охоты тут же били в накры и в бубны; бойцы поражали друг друга в грудь, в лицо, в живот — бились неистово и жестоко, и очень часто многие выходили оттуда калеками, а других выносили мертвыми. Палочные бои имели подобие турниров и сопровождалась убийствами еще чаще кулачных боев. Зато на них-то в особенности русские приучались к ударам и побоям, которые вообще

*Стенка на стенку.
Лубок XVIII в.*

были неразлучны со всем течением русской жизни и делали русских неустрашимыми и храбрыми на войне. Сверх того, молодые люди собирались в праздники – боролись, бегали взапуски, скакали на лошадях в перегонки, метали копье в кольцо, лежащее на земле, стреляли из луков в войлочные цели и в поставленные шапки. В этих играх победители получали награды и выигрывали заклады. Вероятно, в старину существовал обычай увенчивать удалых и ловких, как это показывает старинная поговорка: «Без борца нет венца». Церковь карала отлучением предающихся таким забавам; в правиле митрополита Кирилла, вошедшем в Кормчую и таким образом постоянно служившем церковным законом, участники таких забав изгонялись из церквей (да изгнаны будут от сынов Божьих церквей); а убитые в примерных схватках, кулачных и палочных боях и вообще заплатившие нечаянно жизнью за удовольствие потешиться на этих турнирах «да будут, – сказано в том же правиле Кормчей, – прокляти и в сей век и в будущий; аще ли нашему законоположению кто противится, ни приношения из них приниматьи, рекше просфоры и кутии, свечи; аще же умрет таков, к сим иерей не ходит и службы за них не творит». Также, конечно, по церковному взгляду предосудительны были и все игрища.

Женщины и девицы летом в праздники водили хороводы и собирались для этого обыкновенно на лугах близ селений. Русские пляски были однообразны: они состояли в том, что девицы, стоя на одном месте, притопывали, вертелись, расходились и сходились, хлопали в ладоши, выгибали спину, подбоченивались, размахивали вокруг головы вы-

шитым золотом платком, поворачивали в разные стороны голову, поводили бровями – все эти движения делались под звуки инструмента какого-нибудь скомороха. В высшем обществе пляска вообще считалась неприличной; но господа и госпожи по праздникам иногда заставляли перед собой плясать своих рабов, особенно литовских и татарских пленников. По церковному воззрению, пляска, особенно женская, почиталась душегубительным грехом; «о, злое проклятое плясание! (говорит один моралист); о, лукавые жены многовертимое плясание! пляшущи бо жена любодейца диавола, супруга адова, невеста сатанина; вси бо любящи плясание бесчестие Иоанну Предтече творят – со Иродьею неугасимый огонь и неусыпаяй червь осудить!» Даже смотреть на пляски считалось предосудительным: «Не зрите плясание и иные бесовских всяких игор злых прелестных да не прельщены будете, зряще и слушающе игор всяких бесовских; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы». Любимое препровождение времени женского пола во всех классах были качели и доски. Качели устраивались двумя способами; первого рода качели делались очень просто: прикреплялась к веревке доска, на нее садились, а другие веревками качали; другого рода качели строились сложнее, как и в настоящее время делаются в городах.

В праздник Пасхи некоторые составляли себе из этого прибыльный промысел: устраивали качели, пускали качаться за деньги и за каждый раз брали по серебряной деньге с лица. Женщины простого звания, посадские и крестьянки, качались на улицах, а принадлежащие к зажиточным и знатным семействам – у себя в дворах и садах. Ка-

чанье на досках происходило так: на бревно клали доску, две женщины становились по краям ее и, подпрыгивая, подкачивали одна другую, так что когда одна подымалась, то другая опускалась. Сверх того, женщины качались как-то на колесе.

Зимнее увеселение мужчин и женщин было кататься на коньках по льду: делали деревянные подковы с узкими железными полосами, которые спереди загибались вверх, так что железо удобно резало лед. Русские катались на коньках с удивительной легкостью и проворством. Также зимой катались на салазках. Зимние праздничные вечера проводились в домашнем кругу и с приятелями: пелись песни, бахары (рассказчики) рассказывали сказки, собеседники загадывали загадки, наряжались, смешили друг друга, девушки гадали. Вообще и на эти увеселения Церковь смотрела неблагоклонно: «Не есть закон христианину всякому баснословити, ибо рече Христос во Евангелии: о всяком глаголе праздне воздадя слово человеку в день единый». Цари запрещали народу всякую веселость; но в то же время и царские семейства забавлялись песнями, которые пели им потешники, сказками, смотрением на пляску и даже разными действиями или сценическими представлениями. Во дворце были веселые гусельники, скрипичники, домрачеи, цимбальники, органисты; штат двора составляли, в частности, дураки-шуты и дурки-шутихи, карлы и карлицы, потешавшие высоких особ своими шалостями. Это делалось даже и при благочестивом Федоре Иоанновиче, несмотря на всю монашескую обстановку двора; точно так же и у знатных господ был свой подобный придворный штат шутов, шутих, ска-

зочников, песельников, скоморохов, не знавших никакой другой обязанности, кроме той, чтобы в часы досуга потешать господ и гостей. Из этих потешников были такие, обязанность которых состояла в том, чтобы напиваться допьяна и делать всякого рода дурачества в пьяном состоянии. Строгий и набожный царь Алексей Михайлович при всем своем аскетическом благочестии в дни рождения и крещения детей своих устраивал на дворе музыку из инструментов того времени, несмотря на то, что духовные называли такие инструменты бесовскими сосудами; а под конец своего царствования этот государь до того подчинился иноземному влиянию, что допустил у себя театр; сначала играли предметы из священной истории, а далее, узнав, что другие монархи увеселяются танцами, царь отважился смотреть на балет «Орфей».

В России существовало много игр, целью которых был выигрыш: зернь, карты, шахматы и тавлеи, или шашки. Зернью назывались косточки с белой и черной стороной. Выигрыш определялся тем, какой стороной упадут они, если будут брошены; искусники умели всегда бросать их так, что они падали той стороной, какой хотелось. Эта игра, как и карты, считалась самым предосудительным препровождением времени, и в каждом наказе воеводам предписывалось наказывать тех, кто будет ею заниматься. При Алексее Михайловиче однажды жадность к деньгам пересилила эту нравственную боязнь власти: в Сибири в 1667 году зернь и карты отданы были на откуп, но в следующем году правительство устыдилось такого поступка и опять уничтожило откуп и подвергло их преследованию. Эти игры казались тем более не-

допустимыми, что они были любимым занятием лентяев, гуляк, негодяев, развратных людей; пристанище их было в корчмах или в кабаках, где им для игры отводили тайные кабацкие бани. Как бывает всегда со всем запрещенным, по мере больших преследований зернь и карты привлекали к себе все больше охотников. Эти игры были повсеместны, особенно между служащими людьми. Под влиянием русских они широко распространились между инородцами Сибири: остяками, татарами и другими, и так как русские играли лучше инородцев, то оставались всегда в выигрыше и приобретали у них дорогие меха. Карты были в меньшем употреблении, но как забава были допущены даже при дворе; так, при Михаиле Федоровиче для забавы маленькому Алексею Михайловичу со своими сверстниками куплены были карты. Что касается шахмат, эта игра была любимым препровождением времени царей и бояр, да и вообще русские очень любили их в старину, как и тавлеи, или шашки. Однако благочестие и эти игры причисляло к такой же бесовщине, как зернь, карты, музыка.

Наряду с зернью и картами считали непозволительным удовольствием табак; но как ни строго преследовали это бесовское зелье, однако в XVII веке он был всенародно распространен на Руси. Русские получали его отчасти от европейских торговцев, отчасти с Востока от греков, армян, персиян, турок, отчасти от малороссиян. Были такие охотники до табаку, что готовы были отдать за него последнюю деньгу и всегда почти платили за него вдвое и втрое против настоящей цены, потому что он был запрещен. Табаком по России торговали удалые головы, готовые рисковать и познакомить-

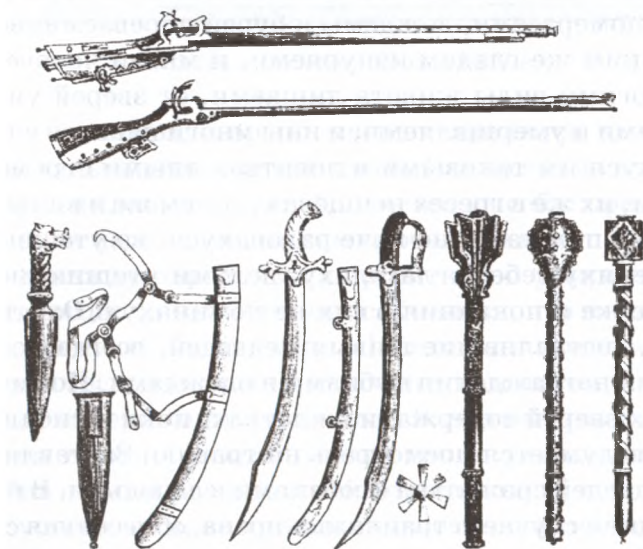
ся с тюрьмой и с кнутом, лишь бы копейку зашибить. При продаже табак «называли не настоящим именем, а каким-нибудь условным названием, например: свекольный лист, толченый яблочный лист. Табак курился не из чубука, а из коровьего рога, посередине которого вливалась вода и вставлялась трубка с табаком большой величины. Дым проходил через воду. Курильщики затягивались до того, что в два или в три приема оканчивали большую трубку, и нередко ослабевали и падали без чувств. Несколько таких молодцов сходились «попить заповедного зелья табаку» и передавали друг другу трубку. «Ах, какое чудесное зелье табак! Нет ничего лучше в свете табаку; он мозг прочищает!» – говорили они, очнувшись от одурения, сопровождавшего излишнее курение слишком крепкого табака. Люди благочестивые и степенные, напротив, остерегали, что, если «который человек начнет дерзати бесовскую и богоненавистную и святыми отреченными табаку, то в того человека мозг ускрутит и вместо того мозга впадет в главу его тая смердящая воня, изгубит в нем весь мозг его, начнет тако смердящая тая воня пребывати во главе его и неточию во единой главе его, но и во всех костях его тая смердящая вонь вселится вместо мозгов. И аще ли кий человек которым ухищрением начнет творити таковое дело бесовское, таковому бо человеку не подобает в церковь Божию входить, и креста и Евангеля целовати, и причастия отнюдь не давати, свечи или просфоры или ефиману и всякого приношения, и с людьми ему не мытися и не ясти, дондеже престанет от таковыя дерзости». В одной старинной легенде рассказывается, что бес достал семена та-

бачные из глубины ада и посеял их на могиле блудницы. Воспитанные разложившимся ее телом, адские семена произвели траву, а бес научил употреблению ее людей, которые, сами того не зная, отдаются во власть дьявола.

Как зернь и карты, табак при Алексее Михайловиче какое-то время служил корыстолюбию правительства, и в Сибири был отдан на продажу от казны, но вскоре опять подвергся запрещению по убеждению духовенства.

Самой достойной высшего класса забавой считалась охота, хотя благочестивые ригористы и на нее смотрели неблагосклонно. У нас она не была принадлежностью только высших классов, как на Западе, потому что зверей было слишком много; но простолюдины занимались ею для выгод и как повинностью. В XVI веке тяглые люди обязаны были ходить на волчьи, лисьи и медвежьи поля, что на тогдашнем языке значило гоняться за зверем. В XVI и XVII веках не раз государи выезжали из Москвы охотиться около Можайска, где было множество зайцев, и около Переяславля. В разных местах были устроены дворы для содержания собак и пойманных зверей, приготовленных для примерной травли. Владельцы имений собирали соседей, устраивали поля и приготовляли все необходимое для стола. Государь выезжал в поле с большой свитой князей и бояр, сам одетый в золотой терлик или чугу, с двумя продолговатыми ножами и кинжалом за поясом и с кистенем за спиной; в руках у него был хлыст длиной в локоть, с медным гвоздем на конце; ближние люди около него держали секиры и шестоперы. Половина охотников были одеты в черное, другая половина в желтое платье. Окружив

рощу, все разом вскрикивали и пускали гончих собак, те выгоняли зайцев, а тут спускали других собак, называемых курцы (борзые), с пушистыми хвостами. Когда собаки ловили зайцев, охотники кричали: уй! уй! Таким образом затравляли до трехсот зайцев зараз. После этого все отправлялись к деревянной башне, около которой были раскинуты шатры; шатер государя отличался, как и следовало, особым великолепием. Все входили в свои шатры. Государь переменил платье и приглашал гостей; подавали закуску, преимущественно из лакомств; придворные подносили государю кушанье с подобострастием на коленях; по обычному столовому этикету государь подавал и посылал от себя подачи; между закусками подавали напитки. Так описывается охота Василия Иоанновича. Это опи-

Оружие: ружья, нож, сабли, шестопер и булавы

сание может дать вообще понятие о ходе охоты и у частных лиц. Было в обычае ловить живых медведей и волков тенетами, чтобы потом устраивать зрелища их травли. Как государи, так и знатные господа любили эту забаву. По современным известиям, такие забавы владельцев были нередко очень тяжелы для их людей и крестьян. Насильно их сгоняли, «неволей было собираемо людское множество», держали по несколько дней, отвлекая от земледельческих работ; приставники, то есть холопы, близкие к господину, брали с них посулы, чтобы не гонять. И гоняли тех, кто не мог или не хотел дать: во время охоты, придираясь к чему-нибудь, били и истязали их; да вдобавок нередко такие увеселения оканчивались «многообразным человеком губительством на различных игрищах и в ловитвах; в лесах и в болотах снегом и студением померзаемыми, дождемы и бурей пореваемыми, всяческим же голодом изнуряемыми, и мнози человеки многими видами живота лишаемыми, от зверей уязвляемыми и умерщвляемыми, и ины многи напасти содевахуся им таковыми в ловитвах злыми стремлениями; их же в гресех непщеваху, о сем же и вины на ся не полагаху, но паче радовахуся, во утешение вменяху себе и глаголаху: вельми утешихомся; еще же и покаяния о сих не поминаху». Охотники, доставлявшие живых медведей, всегда получали награждения кубками и одеждами. Пойманных зверей содержали в клетках, пока господину не вздумается посмотреть на травлю. Заставляли медведей сражаться с собаками и с людьми. В последнем случае устраивалась арена, обнесенная стеной, над которой делались места для зрителей. На эту арену входили охотники, потом выпускали мед-

Охотник. Ксилография XVIII в.

ведя и запирали арену, зверь становился на задние лапы и ревел; искусство бойца состояло в том, чтобы не допустить его броситься на себя: предупреждая нападение, он сам бросался на него, поражал между передних лап рогаткой и упирался в нее ногой; таким образом, случалось, что медведь погибал с первого удара. Победителя призывали перед господ и давали ему выпить, а потом жаловали материями или сукном. Благочестивые пастыри тщетно вопили против таких увеселений и забав и грозили епитимией не только тем, которые их устраивали, но и тем, которые смотрели на них: «Аще кто медведя или иная животная различная игралища прехищряя, и глумы бья, и на позоры

человеки собирай, и ловитвам прилежай, и ристания творяй на конях и колесницах, и самоборства, и прочая борения и всякие скоморошества – и не токмо сам кто сия творяй, но и слушая, и то сих в слабость едино запрещение имать, еже сих с епитимиею каются и престати от таковых».

Соколиная и кречетная охота издавна считалась благородной забавой князей и царей. Птицы ловились в Сибири и на берегах Печоры посредством сетей, к которым привязывали для приманки голубей. Кречеты ценились в особенности; этот род соколов был огромного роста – до двух футов, с необыкновенной легкостью в полете, цветов: бурого, пестрого, серого, красноватого и белого; белые кречеты ценились выше всех по достоинству. Птиц этих следовало приучать и сделать ручными, то есть, чтобы они, по желанию охотника, слетали с его руки, хватали на лету добычу и возвращались к нему с ней. Чтобы довести их до такого состояния, несколько суток (трое или четверо) не давали им спать: для этого надевали им на ноги путы и сажали на кольцо, повешенное на веревку. Как только птица начинала засыпать, сокольник потрясал кольцо; от этого беспокойства она забывала прежнюю свободу и впадала в беспамятство. Однако после некоторого времени птица опять дичала и снова надо было ее приучать. У царей этим занимались сокольники, составлявшие особый отдел в числе царской дворни. Звание это существовало в старину при князьях. Еще в XIV веке великие московские князья по договорам с Великим Новгородом посылали в Двинскую землю своих сокольников на промысел за птицами. Василий Иоаннович, любитель охоты, брал вместе с соба-

ками на охоту и кречетов. При Иоанне Васильевиче сокольники получили правильную организацию; учреждено было звание сокольничего, начальника сокольников. Из северо-восточной Руси привозили царю ежегодно кречетов в больших коробах, обитых в середине овчинами. При царе Борисе охота с кречетами и соколами составляла обычную царскую потеху. Но никогда соколиная охота не была в такой чести, как при Алексее Михайловиче. Этот царь любил ее до страсти. Сокольники поставлены были по достоинству выше стольников, а сокольничий был царев любимец. У него был помощник, называемый подсокольничим, и начальные сокольники; в ведении каждого из них были рядовые сокольники, а при них состояли поддатни, или ученики; царь облакал возведение их в должности византийской обрядностью. Каждый из царских кречетов носил особое имя; из таких имен некоторые были и не русские (Гамаюн, Малец, Беляй, Смеляй, Умор, Ширяй, Промышляй, Мастер, Арбач, Буян, Армач, Ардач, Казак, Алай, Адар, Бумар, Амар, Любава, Людава). Любимое поле охоты у царя Алексея было в Коломенском селе; но иногда царь ездил с сокольниками по более отдаленным краям, например, около Твери и Владимира. Охотились за всеми птицами; но преимущественно царь любил охоту за такими, с которыми дело не обходилось без боя и где его любимые соколы и кречеты одерживали победы. Каждая такая стычка называлась ставкой; царь особенно любил ставки с коршунами. Кречеты делали разные маневры: враги то расходились, то сходились; иногда воздушное поле битвы простиралось версты на три, и на этом пространстве

происходило до семидесяти ставок в одну добычь. Случалось, что кречет залетал далеко и пропадал: тут наступало время досады и гнева; но зато наступало время радости, когда беглец возвращался. Царь записывал время знатных побед, одержанных кречетами, челигами и соколами, их полеты кверху и книзу. Иногда царь посылал своих птиц в подарок посторонним государям, особенно в Персию, потому что шах персидский их любил. Русские птицы ценились до 1 000 рублей за штуку.

ХІХ. ПРАЗДНИКИ

Праздники были временем отклонения от обычного порядка ежедневной жизни и сопровождались разными обычаями, укоренившимися в домашней жизни. Благочестивые люди вообще почитали приличным ознаменовать праздничное время делами благочестия и христианского благотворения. Ходить в церковь к установленному богослужению была первая потребность; кроме того, хозяева приглашали к себе духовенство, служили в доме молебны и считали долгом кормить нищих и подавать милостыню. Таким образом, цари учреждали трапезы для нищих в собственных своих хоромах и, покормивши их, из собственных рук раздавали деньги, отправлялись в богадельни, посещали тюрьмы и давали милостыню заключенным. Такие благотворительные путешествия происходили особенно перед большими праздниками: перед Пасхой и Рождеством Христовым, также на Масленице; но совершались и в другие христианские праздники.

Обычай этот соблюдался повсеместно знатными господами и вообще зажиточными людьми. Алчных кормить, жадных поить, нагих одевать, больных посещать, в темницы приходить и ноги умыть, по выражению того времени, составляло самое богоугодное препровождение праздничных и воскресных дней. Были примеры, что за такие благотворительные поступки цари повышали в чины, как за службу. Дни праздничные считались приличнейшим временем для пиров, как уже было сказано выше. Законодательство русское помогало Церкви, возбранявшей отправлять житейские труды в праздничное время; запрещало судить и сидеть в приказах в большие праздники и воскресные дни, кроме, впрочем, важных нужных государственных дел; торговые люди должны были прекращать свои занятия накануне воскресного и праздничного дня за три часа до вечера; и даже в будни по случаю храмовых праздников и крестных ходов запрещалось работать и торговать до окончания богослужения; но эти правила исполнялись плохо, и несмотря на строгую подчиненность церковным формам в жизни, несмотря на то, что русские даже время считали не иначе, как праздниками, к изумлению иностранцев, они торговали и работали и по воскресеньям, и по христианским праздникам. Зато простой народ находил, что ничем так нельзя почитать праздника, как пьянством; чем больше был праздник, тем ниже был разгул, тем больше поступало в казну дохода в кабаках и кружечных дворах, даже во время богослужения пьяницы уже толпились около питейных домов. «Кто празднику рад, тот до свету пьян», — говорил и говорит народ великорусский.

В XVI и XVII веках новый год праздновался

1 сентября. Этот праздник назывался днем летопровождения. В Москве все духовенство собиралось в Кремль, тысячи народа толпились на площади. Патриарх с клиром и духовенством выходил на Красную площадь; выходил царь в сопровождении множества бояр и ближних людей, в великолепных нарядах. Патриарх целовался с царем в церкви, осенял его благословением, потом осенял весь народ на все стороны, призывая благословение на прошедший год. Такое же благословение торжественно давали и епископы. День этот проводился весело русским народом.

За неделю до Рождества Христова толпы привлекались на зрелище пещного действия, которое отправлялось во многих местах и дольше всего сохранялось в Новгороде. Что оно некогда было и в Москве, указывает существование «халдеев», которые, по известию Олеария, дурачились по улицам во время святок. Зрелище происходило в церкви. Этот оригинальный обряд совершался в воскресенье перед праздником Рождества Христова. Если праздник приходился на понедельник или на вторник, тогда пещное действие совершалось в неделю святых праотцев, а если праздник был в один из прочих пяти дней, то в неделю святых отцов. Приготовления к нему начинались еще за несколько дней, например, в среду. Тогда в церкви разбирали паникадило над амвоном и приготавливали подобие печи. В субботу после обедни пономари по приказанию ключаря убирали амвон: на его место ставили печь и около нее большие железные шандалы с витыми свечами. Начинаясь вечерня; благовест к ней, ради торжественности, длился целый час. Тут в первый раз появлялись

люди, которые должны были представлять действие чуда над отроками. Это были отроческий учитель с тремя отроками и халдеи. Отроки одеты были в стихари с венцами на головах, халдеи в странном одеянии, называемом халдейским платьем, в шлемах, с трубками, в которых была вложена плавучая трава, со свечами и с пальмами. Когда святитель входил в храм, впереди него шествовали отроки с зажженными свечами; один халдей шел по правую руку, другой по левую. Во время входа в алтарь святителя халдеи оставались в трапезе, отроки входили в алтарь северными дверьми и пели вместе с поддьяками. Во время заутрени, за 6 часов до рассвета, происходило представление. Святитель входил в храм также с отроками и халдеями в том же порядке, как и накануне, во время вечерни; отправлялась заутреня, отроки все это время находились в алтаре. Но когда оканчивали седьмую песнь канона, посвященную, как известно, воспоминанию события трех отроков, тогда начинали петь особый канон в честь них, где ирмосы и причеты были составлены применительно к повествованию пророка Даниила об отроках. На седьмой песне этого канона отроческий учитель творил по три поклона перед образами и, поклонившись святителю, говорил: «Благослови, владыка, отроков на уреченное место предпоставити!» Святитель благословлял его, говоря: «Благословен Бог наш, изволивый тако!» Тогда учитель отходил, обвязывал шеи отроков по шеям убрусами и по знаку святителя отдавал халдеям; халдеи, держась за концы убрусов, шли один впереди, другой позади отроков; отроки держались за руки. Дойдя до приготовленной печи, один из халдеев, указы-

вая на печь пальмой, говорил: «Дети царицы... видите ли сию печь, огнем горящую и вельми распаляему?» Другой добавлял: «Сия печь уготовася вам на мучение». Один из отроков, представлявший Ананию, говорил: «Видим мы печь сию, но не ужасаемся ее: есть бо Бог наш на небеси, ему же мы служим, той силен изъяти нас от печи сия!» Представляющий Азарию продолжал: «И от рук ваших избавит нас»; а Михаил заканчивал: «А сия печь будет не нам на мучение, но вам на обличение». Потом протодьякон зажигал свечи отроческие и стоял на царских дверях, а отроки пели: «И потщимся на помощь», как бы готовясь к мучению. По окончании пения протодьякон, стоявший со свечами, вручал их святителю; отроки подходили к нему и каждый получал от него свечу, целуя руку святителя. Учитель развязывал каждого отрока перед получением святительского благословения. После этого начинался такой диалог между халдеями: «Товарищ!» «Чево?» «Это дети царицы?» «Царицы». «Нашего царя повеления не слушают?» «Не слушают». «А златому телу не поклоняются?» «Не поклоняются». «И мы вкинем их в печь?» «И начнем их жечь». Тогда брали под руки Ананию и кидали его в печь, потом говорили Азарии: «А ты, Азария, чево стал? И тебе у нас то же будет». Тут же брали Азарию и вели в печь. Наконец, таким же образом поступали и с Михаилом. Чередной звонарь являлся с горном, наполненным угольями, и ставил под печь. Протодьякон возглашал: «Благословен еси Господи Боже отец наших! Хвально и прославлено имя твое во веки!» Отроки повторяли этот стих, а халдеи ходили около печи с трубкой, со свечами и с пальма-

ми, метали из трубок плавучую траву, примериваясь пальмами, как будто раздувая огонь. Протодьякон читал песнь отроков: «И прави путие твои, и судьбы истинны сотворил еси». За ним пели дьяки; когда же протодьякон возглашал: «И распалашеся пламень над пещию», отроки пели: «Яже обрете о пещи халдейстей». Тогда ключарь принимал от священника благословение ангела спущати в пещь. Дьяконы брали у халдеев трубки с плавучей травой и огнем; протодьякон громко возглашал: «Ангел же Господен сниде купно со Азариною чадию в пещь», и когда доходил до стиха: «Яко дух хладен и шумящ», тогда являлся ангел, держа свечу и спускаясь сверху с громом в пещь; халдеи, державшие в это время свои пальмы высоко, падали, а дьяконы опаляли их свечами. Отроки зажигали в венцы свои три свечи ангела. Халдеи между собой вступали в такой разговор: «Товарищ!» «Чево?» «Видишь ли?» «Вижу». «Было три, а стало четыре... Грозен и страшен зело, образом уподобися Сыну Божию». Отроки в пещи держали ангела – два за крылья, а один за левую ногу. Потом ангел подымался и бросал отроков сверху, протодьякон читал песнь отроков; отроки пели ее в печи, а вслед за ними повторяли ее дьяки правого, потом левого клироса; халдеи зажигали вновь потухшие свечи и стояли с поникшими головами; когда же песнь доходила до места «Благословите трие отроцы», ангел снова спускался с громом и трясением в пещь, а халдеи от страха падали на колени. По окончании всей песни ангел поднимался вверх; халдеи подходили к печи, отворяли ее двери, стояли без шлемов, или туриков (которые спадали у них при первом по-

явлении ангела), и вели между собой следующий разговор: «Анания! гряди вон из печи!» «Чего стал? Поворачивайся! Не имет вас ни огонь, ни солома, ни смола, ни сера». «Мы чаяли – вас сожгли, а мы сами сгорели!» После этого халдеи выводили за руки отроков из печи, одного за другим, сами надевали на себя турики, брали в руки свои трубы с плавучей травой и огнем и становились по обе стороны отроков. Обряд оканчивался многолетием царю и всем властям. Заутреня продолжалась обычным порядком. После славословия протопоп с отроками входил в печь и читал там Евангелие. По окончании заутрени печь убирали и ставили снова амвон на прежнее место. Новгородская халдейская печь до нашего времени хранилась в соборе Св. Софии и в настоящем (1860) году перевезена в Императорскую Академию Художеств. Это полукруглый шкаф без крышки, с боковым входом, на подмостке. Стены ее разделены на части продольными колонками, очень искусно украшенными резьбой. По стенкам находились некогда изображения, теперь не существующие. Резьба была позолочена.

Особенностью праздника Рождества Христова было славить Христа. Священники ходили из дома в дом. В самый день Рождества было в обычае печь крупитчатые калачи или перепечь и посылать приятелям в дома. Вечера святок, как и теперь, были временем гаданий и девичьих забав. В простонародье сохранились в эти дни заветные обряды язычества. В навечерие Рождества Христова бегали по городу или по селу и кликали коледу и усень, или таусень; в навечерие Богоявления кликали пугу. Эти обычаи наблюдались не только по разным глухим местам Руси, но и в столице, у

Крестный ход: шествие на осляти в Москве. XVII век

подножия Кремля. Вообще время от дня Рождества Христова до Богоявления проводилось разгульно; пьянство доходило до бесчинства, тут-то чаще всего происходили кулачные бои; по улицам ходили толпы песельников, а халдеи, отправлявшие перед праздником действо чуда над отроками, бегали в своих нарядах по городу и обжигали встречным бороды. На праздник Богоявления некоторые купались в реке после окончания водоосвящения; в особенности подвергали себя такой пытке те, которые во время святок позволяли себе разные увеселения и переряживанья.

На Масленице бесчинства было еще больше; тогда ночью по Москве опасно было пройти через улицу; пьяницы приходили в неистовство, и каждое утро подбираемы были трупы опившихся и убитых. В воскресенье перед постом родные и знакомые посещали друг друга и просили прощения.

Равным образом и, встретясь на улицах, говорили друг другу: «Прости меня, пожалуйста!» Ответ был: «Бог простит тебя». Тогда после обедни, вспоминая родителей, ездили по церквам и монастырям и прощались с гробами усопших. С наступлением Великого поста начинались дни воздержания; те самые, которые в мясоед и на Масленице позволяли себе неумеренность в пище и питье, теперь питались одним кусочком хлеба с водой в день; мужья избегали жен; встречаясь друг с другом, знакомые напоминали один другому о христианском житье и посте в ожидании светлого праздника. В старину как принадлежность поста существовал обычай посылать друг другу так называемые укрузи с разными фруктовыми лакомствами и вином. Это делалось, как видно, по праздникам и субботам, когда Церковь ослабляет строгость Великого поста. День Вербного воскресенья привлекал зрителей на оригинальную церемонию ведения осла, относящуюся к сфере церковных обрядов. Пасха праздновалась, как и теперь, всю неделю, и крашеные яйца, как и теперь, составляли особенность праздника. Всю Страстную неделю повсюду толпились продавцы красных яиц; другие расписывали их золотом; некоторые яйца были гусиные или куриные, вареные, а иные деревянные; при христосовании считали необходимым дать яйцо, а если христосовались люди неравного достоинства, то яйцо давал высший низшему. В этот праздник существовал обычай, по которому бояре, а за ними и другие сословия являлись к царю и подносили подарки; точно так же подносили дары крестьяне господам. Эти подарки назывались великоденскими припасами; со своей стороны и господа их дарили, когда целовали. На Святой неделе на улицах горо-

дов и посадов господствовала крайняя пестрота одежд и всеобщее удовольствие; всю неделю звонили в колокола, веруя, что этот звон утешает на том свете усопших. Русские, встречаясь между собой, целовались: никто не мог отказаться от пасхального поцелуя; однако высшие не всегда позволяли это низшим; так, царь не христосовался ни с кем, исключая патриарха, а давал целовать свою руку. В старину существовал обычай христосоваться с мертвыми, теперь почти уже вышедший из обихода. В день Пасхи после заутрени ходили на могилы родителей и родственников, восклицали: «Христос воскрес!» и бросали яйцо на могилу. Так точно и царь христосовался с усопшими предками в Архангельском и Вознесенском монастырях. Благочестивые люди старались святые дни воскресного праздника провести в делах милосердия, и в эти дни особенно кормили нищих, раздавали милостыню, посылали пособие заключенным. Но в массе простого народа духовное торжество воскресения Христова уступало место материальной радости: толпы наполняли кабаки, на улицах шатались пьяные, и так же, как на Масленице, по ночам случались убийства.

Из церковных праздников в простом народе суббота перед Троицыным днем и рождеством Иоанна Предтечи сопровождалась полуязыческими обрядами. Троицкая суббота, день всеобщего поминовения усопших, была вместе с тем днем забав и веселья. Народ собирался на кладбищах: сначала плакали, голосили, причитывали по родным, потом появлялись скоморохи и гудцы и причудницы: плач и сетование переходили в веселье; пели песни и плясали. В праздник Купала во многих местах народ бессознательно праздновал языческую ночь, прово-

дя ее в забавах. Мы имеем любопытное описание такого народного праздника в Пскове в 1505 году. Когда наступал вечер 23 июня, весь город поднимался; мужчины, женщины, молодые и старые, наряжались и собирались на игрище. Тут являлись неизбежные скоморохи и гудцы с бубнами, сопелями, дудками и струнными гудками: начиналось, по выражению современника, ногам скакание, хребтам вихляние. Женщины и девицы плясали, прихлопывая в ладоши, и пели песни, относящиеся к этому празднику. По известию монаха, который считал эти забавы угождением бесам, в эту ночь происходило много соблазнительного в общении молодых людей обоих полов.

XX. ДОМАШНИЕ ОБРЯДЫ

Родины и крестины. Брак. Новоселье. Смерть. Погребение

Пирьы и увеселения сопровождали семейные события. Рождение младенца ознаменовывалось всегда домашним торжеством. Зажиточные люди учреждали родинные столы, а крестьяне приготавливали особое пивцо и брали для этого разрешение у начальства. Родильницы получали от гостей подарки, обыкновенно деньгами; это соблюдалось и у знатных, но только как исполнение обычаев: родильнице в боярском доме давали по золотому, хотя такая сумма ничего не значила для тех, кому ее дарили. Русские спешили крестить; и чаще всего крещение совершалось в восьмой день после рождения, но иногда в сороковой, так как эти числа напоминали

в младенческой жизни Иисуса Христа события Обрезания и Сретения; имя нарекали чаще всего случайно, по названию святого, память которого отмечалась в день крещения. Крещение происходило у всех сословий в церквах и допускалось в домах только в крайнем случае, по болезни новорожденного, да и тогда соблюдалось, чтобы обряд происходил непременно не в той комнате, где дитя родилось. Истари, как показывают это вопросы и ответы Кирика, комната, где родился младенец, несколько дней считалась оскверненной. Выбор восприемников падал чаще всего на духовного отца или родственника. При крещении на младенца надевали крест медный, серебряный или золотой, который оставался на нем на всю жизнь как символ его принадлежности к христианскому обществу. Восприемнику священник возлагал на шею белый платок и связывал его обоими концами; а по окончании обряда платок этот снимался и оставался в церкви. После обряда в тот же день учреждался крестинный стол, и при этом кроме гостей кормили и нищих. Царь в день крещения своего дитяти делал торжественный стол для патриарха, духовных властей и светских сановников; по окончании обеда духовные благословляли новорожденного, а прочие гости подносили ему дары. В царском быту это был единственный раз, когда царское дитя показывали до совершеннолетия; с тех пор оно оставалось на долгое время погребенным в глубине постельных хором. Крещение царского младенца не ограничивалось одним обычным крестинным столом. По городам и монастырям ездили жильцы с грамотами, возвещающими о рождении царского детища, и все монастыри спешили везти новорожденному подарки; тем,

которые мало давали, замечалось, что они мало желают добра царским детям. В свою очередь, однако, по случаю рождения дитяти царь прощал виновных и оказывал различные милости.

Духовное рождение считалось значительнее телесного и оттого день рождения оставался незаметным, а день ангела, или именины, во всю жизнь праздновался ежегодно теми, кому позволяло состояние. С утра именинник или именинница рассылали гостям именинные пироги; знатность лица, которому посылались пироги, измерялась величиной посылаемого пирога. Гости, по приглашению, сходились на именинный стол и приносили именинникам подарки; духовные благословляли именинников образами, а светские подносили материи, кубки или деньги. В царском быту царь в день своих именин по выходе из храма от обедни раздавал из своих рук именинные пироги; то же делала царица у себя на свои именины. Совершеннолетние царевичи сами за себя раздавали пироги, а в день именин царевны или малолетнего царевича раздавал их за именинников царь; но все-таки почиталось необходимым, чтобы от именинника были розданы пироги. Если боярин или окольничий был именинник, то являлся с пирогами к царю; царь принимал пирог и спрашивал именинника о здоровье, потом именинник представлялся царице и также подносил ей пироги. С другой стороны царю, как и частным лицам, на именины подносили подарки, и эти подарки, как и подносимые царю и в других случаях, уже обратились в закон. Все торговые люди непременно должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный двор и с казенного двора

продавались; нередко случалось, что купец покупал на казенном дворе ту самую вещь, которую когда-то подарил царю, и теперь подносил ее государю во второй раз. За именинными столами приглашенные гости пели многолетие, а после стола именинник, со своей стороны, иногда отдаривал гостей: по крайней мере так водилось у царей.

Несмотря на предпочтение духовного рождения плотскому, у русских долго было в обычае, кроме христианского имени, иметь еще прозвище или некрестное имя; обычай этот водился в удельные времена между князьями, которые, кроме крещеного имени, всегда имели еще княжье старославянское и больше были известны под последним. В XVI и XVII веках мы встречаем множество имен или прозвищ, которые существовали вместе с крещеным именем и употреблялись чаще последнего, так что и в деловых бумагах назывался человек не христианским своим именем, а прозвищем: например, Первый, Смирный, Девятый, Злодей, Козел, Паук, Русин, Злоба, Шестак, Непукой, Нехорошко, Беляница, Дунай, Май, Поспелко, Роспута, Мясоед, Кобяк. Даже священники носили такие имена. Иногда было три имени: прозвище и два крещеных имени – одно явное, другое тайное, известное только тому, кто его носил, духовнику да самым близким. Это делалось по верованию, что лихие люди, зная имя человека, могут делать ему вред чародейственными способами и вообще иногда легко сглазить человека. Поэтому в глазах людей прикрывались чуждым именем, скрывая настоящее. Случалось, что человека, которого все знакомые знали под именем Дмитрия, после кончины, на погребении, духов-

ные поминали Федотом; и только тогда открывалось, что он был Федот, а не Дмитрий. Случалось, что крещеное имя переменялось на другое по воле царя; например, девицу Марию Хлопову, взятую в царский двор в 1623 году с намерением быть ей невестой государя, переименовали в Анастасию; но когда государь раздумал и не захотел взять ее себе женой, тогда она опять стала Мария. Другие – особенно беглые – самопроизвольно изменяли свои имена, прозвища и оставались навсегда с новыми и так были записываемы. Нередко цари давали почетные прозвища людям, и эти прозвища оставались навсегда и потом переходили в фамильные прозвания; например, в 1564 году одного мордвина царь нарек Дружиною. Прозвища классические, столь обыкновенные впоследствии в семинариях, были в употреблении еще в XVII веке, ибо в 1635 году встречается фамилия Нероновых.

Брак сопровождался самыми затейливыми обрядами, и никогда семейная жизнь не облакалась таким блеском, как в эти торжественные минуты жизни.

Русские женились вообще очень рано. Бывало, что жених имел от 12 до 13 лет. Русские как будто спешили уйти от соблазнов холостой жизни. Редко случалось, чтобы русский долго оставался неженатым, если только не болезнь была этому причиной, или какое-нибудь горе не мыкало им в разные стороны, или если он не расположен был вступить в монастырь. При ранней женитьбе совершенно было естественно, что жених и невеста не знали друг друга до брака: и тот, и другая, будучи еще детьми, играли страдательную роль под влиянием родителей и удалены были от людского

Смотрины царских невест

взора. Вообще нравственные понятия того времени не позволяли молодым людям обоих полов видаться и уговариваться между собой. Жених не смел даже сказать, что желает жениться; родителю предоставлялось распоряжаться его судьбой. Только тогда, когда жених вступал во второй брак, или был уже в зрелых годах, или не имел родителей, приступ к бракосочетанию делался им самим лично. Иногда же первый шаг начинался и со стороны родителей невесты. Желая сбыть дочку, родители засылали к жениху близкого им человека сватом: он обыкновенно начинал речь похвалой честному имени рода жениха и невесты, говорил о

взаимной любви двух родов и представлял выгоды, какие могут произойти от соединения их родством. Если родители жениха соглашались, то приступали к сватовству обычным порядком. Сами цари действовали таким образом. Михаил Федорович предлагал дочь свою за датского принца. Иногда браки начинались по воле высших лиц; так, цари и великие князья женили своих бояр и ближних людей и сами выбирали им невест, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая их согласия. При царе Алексее Михайловиче правительство, желая умножить народонаселение в Сибири, хотело непременно, чтобы пашенные крестьяне, там поселенные, отдавали дочерей своих за ссыльных; но поскольку честные поселяне не желали брать себе в зятя мошенников и воров, то их принуждали к этому силой и брали за ослушание большую пеню.

Родители, вознамерясь женить сына, советовались с близкими родственниками и часто не говорили об этом самому жениху ничего. Избрав дом, с которым не стыдно было породниться, они посылали к родителям невесты свата или сваху для предварительного объяснения. Если родители невесты не желали вовсе отдавать дочь за предлагаемого жениха, то отговаривались обыкновенно тем, что она еще молода или подобным предлогом. Если же были согласны, то не заявляли об этом тотчас, но говорили, что посоветуются с родней и назначали день решительного ответа. Когда наконец давалось согласие, сват или посредник просил позволения видеть невесту. Случалось, что такое позволение не получалось, иногда из гордости, иногда оттого, что невеста была дурна собой. Но чаще случалось, что родители по-

зволяли видеть девицу, и тогда посылалась какая-нибудь родственница жениха или же ехала сама его мать; во всяком случае эта женщина называлась смотрительницей. Показ невесты происходил различным образом: иногда смотрительницу вводили в убранную комнату, где невеста стояла в лучшем своем наряде с лицом, закрытым покрывалом; иногда же невеста сидела за занавесом, и занавес отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась с нею по комнате, заговаривала с ней, стараясь выпытать, умна ли она, хороша ли, «не безъязычная ли и речью во всем исполнена». Бывало, если у родителей дочь-невеста урод, то вместо нее приводили меньшую и выдавали смотрительнице за невесту, а если не было другой дочери, то подставляли служанку. Жених не имел права сам видеть невесты до брака и, следовательно, должен был довольствоваться теми известиями о ней, какие передавала ему смотрительница. Он узнавал обман не прежде, как после венчанья. Обманутый жених мог жаловаться духовным властям; производился розыск; спрашивали соседей, знакомых и дворовых людей, и если обман открывался, то виновного наказывали кнутом и брак расторгали; но это случалось очень редко; гораздо обыкновеннее подводили дело так, что жених поневоле должен был жить со своей суженой, и ему говорили позднее нравоучение: «Не проведав подлинно, не женись!» Зато муж в таком случае в утешение себе колотил жену, принуждал ее постричься, а иногда тайно умерщвлял; поэтому некоторые женихи, чувствуя в себе довольно силы и значения перед семьей невесты, настаивали, чтобы им самим позволено было видеть невесту, и родители позволяли, если до-

рожили женихом; но тогда уже отделаться жениху было трудно. Правда, если невеста ему не нравилась, он не женился; зато должен был избегать всякого разговора о своих прошедших отношениях, а иначе родители невесты, злясь на него, могли подать жалобу духовным властям о том, что он их бесчестит: дурно говорит о невесте и отбивает женихов; такая жалоба могла последовать даже и в таком случае, когда жених вовсе ничего не говорил; жениха принуждали жениться или заплатить бесчестье, если он уже успел жениться на другой. Впрочем, если жених и видел невесту – и тогда он не мог уберечься от обмана, ибо он ее после того уже не видал более до самой свадьбы, и родители невесты, если были бесчестные люди, могли все-таки подменить невесту, как и в том случае, когда видела ее смотрительница. Один молодой человек, вероятно, не имевший родителей, задумал жениться и поручил свату найти ему невесту. Приятель условился с одним посадским обмануть его; у этого посадского была кривая на один глаз дочка. Родитель этой «красавицы» обещал приятелю награду, если он сбудет ее за охотника. Сват отправляется к жениху и говорит, что он может увидеть невесту из окна, когда она пройдет по улице. Девицу провели во всем убранстве, и жених смотрел на нее из окна; девица, идя, держалась так, чтобы жениху виден был один ее здоровый глаз. Жених не заметил другого и согласился жениться. Плохое житье было и мужу, и жене: выиграл зато один сват.

Великокняжеские, а впоследствии царские свадьбы начинались смотром девиц. Собирали со всех сторон девиц дворянских фамилий, и царь смотрел на них и выбирал себе по вкусу. Когда великий князь Василий Иванович собирался жениться, то на

А. С. Матвеев

смотр к нему собрали тысячу пятьсот девиц. Иван Васильевич Грозный приказывал князьям, дворянам и детям боярским отовсюду свозить дочерей своих – девок. В Новгородской области из всех пятин должны были помещики свозить их в Новгород к наместнику, а наместник обязан был доставлять их к царю, по требованию. Это была обязанность всех отцов, и кто оказывался виновным в непослушании и медленности, тот подвергался опале и казни. Эта честь вообще не слишком соблазняла отцов, ибо тогда многие вяземские и дорогобужские дворяне получили выговор за промедление. При втором бракосочетании царя Алексея Михайловича девицы были собраны в доме Артамона Сергеевича Матвеева, и царь, в противность принятому издавна обычаю не посещать домов подданных своих, смотрел на них в окошко из потаенной комнаты, он выбрал трех и

приказал доверенным женщинам освидетельствовать их душевные и телесные достоинства, а потом уже, по рекомендации этих смотрительниц, избрал Наталью Кирилловну. Избранную царскую невесту брали во дворец, облакали в драгоценные одежды, нарекали царевной, и она жила в совершенном отчуждении от царя до самого брака; ибо и цари, подчиняясь общим народным нравственным обычаям, позволяли себе только однажды видеть невесту.

После смотра происходил сговор – первая часть брачного праздника или вступление к торжеству. Уговорный день назначался родителями невесты. Родители жениха, сам жених и его близкие родственники приезжали к ним. Это случалось иногда до обеда, иногда после обеда, вечером, смотря по тому, как угодно было назначить хозяевам. Тут родители невесты принимали гостей с почестями, выходили к ним навстречу, кланялись друг другу до земли, сажали гостей на почетных местах в переднем углу, а сами садились подле них. Некоторое время они молчали, глядя друг на друга: так следовало по приличию. Потом отец жениха или его старый родственник говорил церемониальную речь и в ней выражал, что они приехали для доброго дела, а родители невесты отвечали, что рады такому приезду. Тогда составлялся уговор, писалась рядная запись, где указывалось, что обе стороны постановляли: в такое-то время жених обязывался взять себе в жены такую-то, а родственники ее должны были ее выдать и дать за ней такое-то приданое. Сроки были различные, смотря по обстоятельствам: иногда свадьбы совершались и через неделю после сговора, а иногда между сговором и венчанием проходило несколько месяцев. Приданое всегда

было важным условием русской свадьбы и состояло из постели, платьев, домашней утвари и украшений, из рабов, денег и недвижимых имений, если девица была дворянского происхождения. От жениха ничего не требовалось; старинный обычай давать за невесту вено в XVI и XVII веках совершенно исчез. Обыкновенно приданое доставлялось в дом новобрачным после свадьбы; но недоверчивые родители жениха нередко требовали, чтобы оно было доставлено до свадьбы, держась пословицы: «Денежки на стол, девушку за стол». Все писалось в рядные записи подробным образом, и в обеспечение верности условий назначалась неустойка, или попятное. Та сторона, которая отступала, обязывалась платить известную сумму: такие суммы были велики, в зависимости от состояния, и всегда таковы, что могли быть тягостны для не соблюдающего обязательство. Рядную запись писал подьячий, которого нарочно при этом приглашали, иногда в той же рядной записи прибавлялось условие, чтобы мужу не бить жены своей, и в случае нарушения условия ее родители могли искать судом на зяте, который без этого не обязывался к такой кротости по одному своему званию супруга. Невесты не было при сговоре. По окончании условий одна из женщин, из семейства или из родни невесты, приносила жениху и его родственникам подарки от имени невесты. Сговор имел юридическую силу. Отказаться после него от брака значило оскорбить семью.

Долго ли, коротко ли было время от сговора до свадьбы, только жених не видал своей невесты, как выше сказано. Когда день, назначенный для бракосочетания, приближался, у жениха и у невесты делались приготовления; собирали поезжан,

снаряжали разные свадебные чины, по духу времени составлявшие необходимость брачного торжества; они должны были исполнять разные символические должности как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Свадебные обряды изображали вступление жениха и невесты в иную жизнь и представляли как бы торжественное возведение их в новое достоинство. Они имели подобие с возведением старинных князей в достоинство их власти, а потому-то жених носил название князя, а невеста — княгини. Главный чин со стороны жениха был тысяцкий, точно так же, как некогда существовала должность с подобным названием во времена удельно-вечевые. Он сопровождал повсюду жениха, так что без него жених не ступал шагу. Затем следовали посаженные отцы и матери, если не было родных, в противном случае их должность исполняли настоящие родители. Отец и мать жениха благословляли его на брак; отец и мать невесты выдавали невесту. С обеих сторон выбирались старшие и меньшие дружки и две свахи из замужних женщин: одна сваха женихова, другая невестина. С обеих сторон выбирались сидячие бояре и боярыни, которые должны были образовывать почетный совет; также с обеих сторон назначались свадебные дети боярские или поезжане, сопровождавшие шествие жениха и невесты и во время церемоний представлявшие второй класс гостей после бояр. Наконец, к свадебному чину принадлежали лица, выбранные из прислуги: свечники, каравайники и фонарщики. Сверх всех свадебных чинов был один, очень важный, обязанностью которого было отпускать свадьбу от всякого лиха и предохранять ее от колдовства и порчи, ибо свадебное время считалось осо-

бенно удобным для порч и колдовских лихостей. Он назывался ясельничий или конюший.

Накануне свадьбы собирались к жениху его гости, а к невесте гости, составлявшие ее поезд; и те и другие пировали. В царских свадьбах царь сидел с невестой за одним столом, и все приносили поздравление. У простых же в эти дни выбранные свадебные чины с обеих сторон находились отдельно. У посадских и у крестьян велось в обычае, что жених в то время посылал невесте в подарок шапку, пару сапог, ларец, в котором находились румяна, перстни, гребешок, мыло и зеркальце, а некоторые (в XVI веке, а может быть, также и в XVII) посылали еще принадлежности женских работ: ножницы, нитки, иглы, а вместе с ними лакомства, состоявшие в изюме и фигах, и розгу. Это было символическим знаком того, что если молодая жена будет прилежно работать, то ее станут за это кормить сладостями и баловать, а иначе будут сечь розгами.

Венчание происходило большей частью вечером. Утром в день торжества (иногда же накануне) сваха невесты отправлялась в дом жениха готовить брачное ложе. Существовало верование, что лихие колдуны и колдуньи могут внести порчу и нагнать злых духов в тот дом, где рядят свадьбу. Против этого прибегали к разным средствам. Так, сваха обходила кругом хоромину, где устраивалось брачное торжество, и кровать, где постигалось брачное ложе, с рябиной в руках, на которой нарезывались символические знаки. Ее шествие совершалось церемонно. За свахой человек пятьдесят, а иногда и до ста прислужников несли на головах разные принадлежности брачного ложа и брачной комнаты. Брачной комнатой изби-

рался сенник, часто нетопленный. Необходимо было, чтобы на потолке не было земли, чтобы, таким образом, брачная спальня не имела никакого подобия с могилой. Сенник обивался по стенам и устилался по помосту коврами; под стенами всегда были лавки с полавочниками; по четырем углам комнаты втыкалось по стреле, а на стрелы вешали соболей, в княжеских и царских свадьбах по сороку, а в других по одному соболю; да сверх того на оконечность стрелы втыкался калач. На лавках по углам ставили по оловянику питейного меда; над дверьми и над окнами, как внутри, так и снаружи, на стенах прибивали по кресту. Когда в этот покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крест. Постель приготавливалась на кровати или на широкой скамье таким образом: сперва настилали снопы (в царских свадьбах число их было тридевять, то есть двадцать семь, а в обыкновенных свадьбах — по сороку: то и другое число имело символическое значение и, вероятно, употреблялось по произволу); на снопы клали ковер, а на него перины; на свадьбе Михаила Федоровича положено было семь перин, одна на другую; у простых клали иногда по две перины и более, по желанию. На перины клали изголовье и две подушки; на подушки натягивались шелковые наволоки; постель была застлана шелковой простыней, на нее сверху постилали холодное одеяло; в довершение всего клали на подушку шапку, а в ногах теплое одеяло, соболе и кунье, с оторочкой из более богатой материи, чем само одеяло, шубу и ковер и закрывали простыней. Вокруг постели устраивались тафтяные занавесы. Над постелью ставились образа и крест, те самые, которые предшествовали при вносе постели. Образа были задернуты

убрусами или застенками, смотря по их величине. Возле самой постели ставили кади или открытые бочки с пшеницей, рожью, овсом и ячменем. Это означало обилие, которого желали новобрачным в их новом домоводстве. На царских свадьбах сенник устраивался во дворце. Между тем и у жениха, и у невесты пекли свадебные хлебы или караваи и готовили стол.

Когда время венчания приближалось, невесту начинали одевать в самое лучшее платье и навешивали на нее сколько возможно более украшений; в это время девицы пели ей свадебные песни. Между тем в парадно убранной комнате ставили столы, накрывали их брачными скатертями, уставляли ук-сусницами, солоницами и перечницами, устраивали поставец, как водилось вообще на пирах, и убирали место для жениха и невесты на возвышении или рундуке. На этом месте клали бархатные или камчатные золотые изголовья, а сверху покрывали их соболями; подле самого места становилось одно лицо из свадебных чинов: это лицо держало в руке пук соболей; его обязанностью было опахивать новобрачных. Перед местом ставили стол, накрытый тремя скатертями, одна на другой; на них клали соль в солонице, калач или перепечу и сыр. Над местом прибывали икону и, кроме того, в комнате, назначенной для торжества, ставили во всех четырех углах по одной иконе.

В то же время жених в доме своих родителей собирался со своими поезжанами. Одевшись в венчальный наряд, он ожидал, когда ему дадут знать, что пора ехать за невестой. С гостями его находился непременно и священник, который должен был венчать.

После того, как в доме невесты все было готово и сама невеста одета, ей на голову возлагали венец – символ девичества и вели с торжественным шествием в залу, где было устроено место для нее с женихом. Впереди шли женщины-плясицы, которые плясали и пели песни. За ними каравайники несли на полках, обшитых богатыми материями, караваи. На караваих лежали золотые монеты, называемые в описании царских свадеб пенязями. Потом следовали свечники со свечами и фонарщики с фонарями для свеч. Как у жениха, так и у невесты было по свече; два свечника несли одну свечу, потому что они были массивны, например, женихова в три пуда, невестина в два пуда. На свечи надевали серебряные или серебряно-вызолоченные обручи и бархатные или атласные кошельки. Возле свеч несли обручальные свечи и богоявленскую (водокрещенную) свечу, которой зажигали брачные свечи. В царских свадьбах, отправляемых во дворце, свечи жениха и невесты несли вместе перед будущей царицей. В частных свадьбах жениховы караваи, свечи и фонари несли перед ним, когда он прибывал к невесте. За каравайниками, свечниками и фонарщиками невесты шел дружка и нес осыпало: то была большая металлическая миса; в ней лежали на трех углах хмель, собольи и беличьи меха, платки, шитые золотом, червонцы и деньги. Двое по сторонам предшествовали княгине, или невесте, и держали путь, чтобы никто не перешел дороги. За ними две свахи вели невесту в венце под покрывалом. За невестой следовали сидячие боярыни, составлявшие ее свадебный чин: две из них держали по мисе или по блюду. На одном лежала кика – головной убор замужней женщины с принадлежностями, как-то: подубрусником, или во-

лосником, гребешком и чаркой с медом, разведенным в воде или вине. На другом лежали убрусы, предназначенные для раздачи гостям. Блюдо с осыпалом и с убрусами ставилось на столе перед главным местом, где лежала перепечка с сыром. По бокам становились каравайники, свечники и фонарщики. Невесту сажали на место, а возле нее сажали какое-нибудь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастом. Все, составлявшие чин невесты, садились по своим местам, каждый соответственно своему чину.

Когда все усаживались, отец и мать невесты, действительные или нареченные, посылали дружку к жениху. Приходя, он извещал, что время ему идти по невесту.

Священник первый вставал с места и провозглашал: «Достойно есть!» Вставали родители, брали по образу и становились рядом. Жених кланялся им в ноги, целовал образ и получал родительское благословение. Вслед затем поезд отправлялся; в таком торжественном шествии впереди шли каравайники с караваем, свечники и фонарщики со своими принадлежностями, потом священник с крестом, потом бояре, за ними жених, которого вел под руки тысяцкий, за ними поезжане, то есть все, составлявшие чин жениха. Они садились верхом на лошадей или в сани. Когда таким образом шествие достигало двора невесты, ее родители выходили к ним навстречу. Они входили в приготовленный покой, где уже сидела невеста. Жених молился, знаменуясь крестом, и кланялся образам на все четыре стороны, потом вместе с дружкой подходил к своему месту; следовало выкупать это место у того мужчины или мальчика, который сидел подле невесты; последний, получив не-

сколько монет, уступал свое место, и жених садился рядом с невестой на одну подушку с нею. В царских свадьбах лицо, сидевшее возле невесты, сводили с места, взявши под руки.

Эти обычаи сходки жениха с невестой были одинаковы и в царских свадьбах, с той разницей, что на свадьбе у царей все это происходило в одном и том же дворце. Царь собирался в одной из палат, царица в другой; сначала царица шла в Грановитую палату; ей предшествовал священник и кропил святой водой место, где она садилась. На этом месте лежало сорок соболей, которые были подняты, когда она садилась: возле нее садился кто-нибудь из знатных князей. Когда все было устроено, посылали дать знать царю. Царь отправлял прежде своего нареченного отца; тот, вошедши в царицыну палату, кланялся на все стороны, ударял челом будущей государыне и садился на большом месте возле жены своей, если она была здесь. Посидев немного, этот нареченный отец посылал к царю одного боярина с речью: «Государь царь и великий князь всея России! Боярин такой-то велел говорить: прося у Бога милости, время тебе идти, государю, к своему делу». Государь вставал, принимал благословение митрополита и со всем своим поездом шел в Грановитую палату. Впереди его шли двое духовных особ: благовещенский протопоп с крестом и крестовый недельный священник. Священники кропили водой путь, тысяцкий вел царя под руку, за ним следовали стольник с колпаком и стряпчие. Прибыв в палату и благословившись, царь подходил к своему месту, большой дружка подымал посаженное близ невесты лицо, а царь садился на его место возле будущей жены.

Когда таким образом усаживались, начинали разносить кушанье и ставить на столы. Гости ели, но, впрочем, как говорит Котошихин, не для того, чтобы наестся, а только для чина. Едва ставили на стол все блюда первого кушанья, как священник прочитывал «Отче Наш», потом молитву покровения главы. По окончании последней молитвы сваха подходила к отцу и матери невесты и просила благословения невесту чесать и крутить. «Благослови Бог!» – отвечали родители. Зажигались свадебные свечи богоявленскими свечами; свечники, поставив свои свечи, держали протянутой между женихом и невестой большой кусок тафты с нашитым крестом, так что жених и его поезжане, которые сидели на одной с ним стороне, не могли видеть невесты. Сваха снимала с невесты покрывало, потом венок; другая женщина подносила мису с кикой и гребнем. Сваха окунала гребень в чарку с медом и расчесывала невесту, потом свивала или скручивала ей волосы и надевала волосник, кику и подзатыльник и, наконец, закрывала, иногда тем же покрывом, который разделял ее от жениха. Венок отдавался на сохранение на память о девичестве. После того подносили свахе мису с осыпалом; она осыпала невесту и жениха и опахивала сорока соболями, которые держал, как выше сказано, один из свадебных чинов, называемый держальником. У посадских людей во время расчесывания был такой обычай: когда жених и невеста сидели, отделенные друг от друга покрывом, им приказывали приложить щеки к покрову. Перед ними держали зеркальце, и жених здесь мог увидеть в зеркале лицо своей будущей жены и дружелюбно ей улыбнуться; в то же время один из

гостей подходил к ним в вывороченном шерстью вверх тулупе и желал невесте столько детей, сколько было шерстинок в тулупе.

Во все продолжение обряда укручивания невесты сидячие боярыни и девицы пели свадебные песни, а дружка, взяв нож, подходил к отцу и матери невесты и говорил: «Благословите резать перепечу и сыр». «Благослови Бог!» – отвечали те. Дружка резал перепечу и сыр на мелкие куски, клал на большое блюдо, накладывал туда же множество ширинок и отдавал поддружему, или меньшему дружке; сам получал от невесты вышитый ее руками убрус и подносил его жениху, а меньшей дружка разносил и раздавал всем гостям куски перепечи и ширинки, также посылал отцу и матери жениха, остававшимся в своем доме. В то же время сваха осыпала свадебных бояр и гостей, то есть бросала в их толпу горстями все, что было на осыпале, – серебряные деньги, хмель, куски материи и прочее, и каждый на лету хватал, что успевал схватить.

Между тем, подавали другую яству, за нею подавали третью: как только она появлялась на столе, сваха подходила к родителям невесты и просила благословения – молодых везти к венцу. «Благослови Бог!» – отвечали те. Все вставали. Родители брали по образу, обыкновенно в окладах, с драгоценными украшениями. Подле них становился священник. Новобрачные кланялись и принимали благословение. Отец и мать разменивали их кольцами и, взяв дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь друг другу. Наконец, отец брал плеть и ударял ею свою дочь, говоря: «По этим ударам ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходит в другие руки; вместо меня

за послушание тебя будет учить этой плетью муж!» С этими словами он передавал плеть жениху, а тот, приняв плеть, говорил: «Я не думаю иметь в ней нужды, но беру ее и буду беречь, как подарок». Он закладывал ее за кушак.

Между тем, в продолжение этого обряда каравайники и свечники выходили. За ними выступали свадебные гости. Устилался путь кусками материи, и новобрачные шли по этим кускам к дверям. Женихова и невестина свахи вели невесту за руки, все еще закрытую. Тысяцкий устраивал порядок шествия. Тем временем те, которые держали сорок соболей, взятых с места, где сидели новобрачные, клали их опять на то же место, а скатерть, на которой резали перепечу и сыр, складывали и отдавали ключнику.

На дворе перед крыльцом стояло множество оседланных лошадей и колымаг или каптан. Когда свадьба происходила у бояр, близких особ царя, то им на этот торжественный день давались царские лошади и экипажи.

Сани невесты убирались как можно наряднее, поволакивались атласом, а на седалище клалась бархатная подушка; богатый ковер спускался со спинки; под дугой привешивались, как водилось, лисьи и волчьи хвосты. К таким саням подводилась невеста; в санях сидело другое лицо: его следовало свести точно так, как сводился сидевший подле невесты вместо жениха. Невеста садилась в сани вместе с двумя свахами. Над нею держали соболей. Подобный обряд соблюдался и в отношении жениха: у крыльца стоял его аргамак, а на аргамаке сидел другой; и когда являлся жених, тот вставал и шел пешком, а жених садился на арга-

мака и ехал к венчанью. Если же по причине непогоды нельзя было ехать верхом, то жених садился с тысяцким в сани или в коляску, а тот, кто прежде сидел в санях, шел пешком. Жених должен был ехать со своим поездом вперед и прибыть в церковь раньше невесты. В самых простых свадьбах новобрачные ездили, а не ходили пешком. В царском бракосочетании путь до церкви устилался камками, и двадцать человек детей боярских царицыных наблюдали, чтобы никто не переходил пути между женихом и невестой. В простонародных свадьбах впереди поезда пели свадебные песни, и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось Церковью, и духовные называли вообще свадебные песни нелепым криком и козлогласованием.

Когда молодые входили в церковь, ясельничий со своими двумя помощниками стерег коня и сани,

Шествие царя и царицы на бракосочетание

чтобы кто-нибудь не перешел дороги между верховым конем жениха и санями невесты и чтобы вообще лихие люди не наделали чего-нибудь дурного колдовством.

Путь от церковных дверей до аналоя устилался кусками материи; само место перед аналоем также устилалось, и сверх того на нем клали соборлей. Если свадьба была вечером, то жених и невеста тотчас после прихода в церковь становились на свои места; но иногда свадьбы бывали после обедни, тогда жених и невеста становились у церковных столбов, слушали литургию и по окончании ее подходили к аналою. В царских свадьбах XVI века венчание происходило после обедни, а в XVII – вечером, и тогда высокая чета венчалась тотчас по прибытии в храм. После венчания невесту раскрывали, и священник читал новобрачным поучение: в нем обыкновенно наставлял их ходить часто в церковь, слушаться своих духовников, хранить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелевал учить жену палкой, как подобает главе. Потом он брал жену за руку, вручал мужу и приказывал им поцеловаться. Жена иногда в знак повинования припадала к ногам супруга и касалась челом его сапога, муж же покрывал ее полой платья в знак будущего покровительства и защиты. Наконец, священник давал новобрачным деревянную чашу с вином; муж принимал, отпивал и давал жене; та отвеживала и передавала опять мужу. Таким образом оба пили три раза, наконец муж допивал, бросал под ноги чарку и топтал ее одновременно с женой, приговаривая: «Пусть так под ногами нашими будут потоптаны те, которые станут сеять между нами раздор и нелюбовь».

Существовало поверье, что кто из супругов прежде успеет наступить ногой на чашу, тот над другим будет сохранять первенство; но как ни старались воспользоваться этим жены, однако редко им удавалось. Подходили свадебные гости и поздравляли обвенчавшихся, а между тем тысяцкий уже посылал дружку вперед к отцам жениха и невесты и к оставшимся в доме свадебным чинам известить, что молодые обвенчались в добром здоровье. В то же время дружка разрезал каравай, и священник отсылал его (вероятно, через того же дружку) отцам обоих семейств как символ будущего их свойства и родственной приязни, и оба рода давали обет быть людьми одного стола и одного хлеба – хлебосолами и жить дружно, как зерна одного колоса. Об этом обычае рассказывает Флетчер, как о происходившем в церкви, но, как известно, родители в церкви не бывали, следовательно, обычай соблюдался через посылку. Впрочем, вероятно, он не всегда соблюдался, а в царских свадьбах никогда, ибо там равенства между семьями не было и быть не могло.

При выходе из церкви сваха осыпала новобрачных семенами льна и конопли, желая им счастья; другие дергали жену за рукав, показывая вид, будто хотят разлучить ее с женихом, а жена тесно прижималась к своему суженому. На знатных свадьбах существовал обычай бросать окружающим монеты. Из церкви весь поезд отправлялся в дом мужа, у простого народа со свадебными песнями, криками и плясками.

После венчания весь поезд отправлялся в дом мужа, а на царской свадьбе в тот покой, где было окручивание; но когда в XVI веке свадьбы происходили после обедни, то царица отправлялась в

свои покои; свечи и каравай уносили в сенник к постели, а царь ездил по монастырям и, возвращаясь домой, посылал звать жену и всех гостей к обеду. Вероятно, на свадьбах частных людей, если венчание было после обедни, новобрачные разъезжались по своим домам, а уже к вечеру жену привозили в дом мужа, и там происходило брачное торжество. Если же, как чаще случалось, венчание было вечером, то все, как выше сказано, ехали прямо к жениху. Когда поезд прибывал в его дом, навстречу выходили отец и мать жениха с образом и с хлебом-солью и благословляли новобрачных. При входе в дом потешники, по распоряжению ясельничего, играли в сурны и бубны «чинно, не мятежно, благолепно, доброгласно». Тогда новобрачные садились за стол; все также садились на свои места. Невеста была уже открыта и должна была непременно плакать, выражая тоску от разлуки с родителями и страх перед новым образом жизни, а женщины и девицы пели печальные песни. Ни жених, ни невеста ничего не должны были есть, хотя перед ними и ставили кушанья. Когда гостям подавали третью перемену — лебедя, перед новобрачными ставили жареную курицу; дружка брал эту жареную курицу и обвертывал скатертью, второй из трех скатертей, положенных на столе перед новобрачными до венчанья. Он обращался к отцу и матери и говорил: «Благословите вести молодых опочивать». Те отвечали: «Благослови Бог!» и шли к дверям; отец останавливался у дверей, а мать уходила к сеннику. Тогда дружка уносил символическую курицу в сенник, за ним шли свечники и каравайники и ставили свечи в кадь с пшеницей, стоявшую у из-

головья брачного ложа. Тысяцкий, дружка, свахи вставали. Вставали жених и невеста и подходили к дверям; отец брал за руку невесту и говорил жениху: «Сын наш! Божиим повелением (если же свадьба устраивалась по приказанию царя, то прибавлялось: и царским жалованьем) и благословением нашим и матери твоей велел тебе Бог сочетаться законным браком и поять такую-то, прими ее и держи, как человеколюбивый Бог устроил в законе нашей истинной веры и святые апостолы и отцы предаша». Сын брал свою жену за руку, выходил с ней из дверей и шел до сенника; тут встречала их мать или сваха в вывороченной вверх шерстью шубе и осыпала новобрачных. Так новобрачные входили в сенник. Гости уходили в покой, откуда вышли, и продолжали пировать, а дружка и сваха вступали с новобрачными в сенник и раздевали их: дружка жениха, сваха невесту, и сами потом уходили к гостям.

Тогда в старину между женихом и невестой происходил обряд разувания, очень древний, дошедший к русским из времен язычества. Он состоял в том, что жена в знак покорности должна была снять с мужа сапоги. В одном из сапог была монета. Если ей удавалось снять прежде тот сапог, в котором была монета, это значило, что ей будет счастье; в противном случае значило, что ей придется угождать мужу и разувать. При этом муж в знак своей власти ударял будущую спутницу своей жизни по спине плетью, полученной от тестя.

Когда молодые были в сеннике, а гости пировали в комнате, около сенника ходил или ездил ясельничий с обнаженным мечом для предохранения от всякого лиходейства. По прошествии неко-

того времени отец и мать посылали дружку узнать о здоровье новобрачных; если жених через дверь отвечал, что он в добром здоровье, это значило, что между ними доброе совершилось, и тысяцкий тотчас посылал к родителям невесты сказать, что новобрачные в добром здоровье; дружка за это получал подарки, и все свадебные гости отправлялись в сенник кормить новобрачных. Как жених, так и невеста ничего не ели в тот день; теперь пищей для них была та самая курица, которую дружка прежде их уносил в сенник, обернувши скатертью; кроме этого символического блюда давали еще и другие кушанья. На царских свадьбах государя кормили перед сенником в сенях, а царицу в самом сеннике. Взявши курицу, новобрачный должен был, по старинному обряду, отломить у нее ножку и крыло и бросить через плечо назад. По другим известиям, этот обряд совершался перед положением в постель. Во время кормления новобрачных муж подавал гостям вино, и все пили с поздравлениями. Потом новобрачных снова укладывали в постель, а гости возвращались в прежнюю комнату и продолжали веселиться; тогда веселие часто переходило в оргию и нередко забывались всякие приличия. Музыки не было; только трубили в сурны, били в бубны и накромы.

На другой день новобрачных вели при звуке сурн и литавр и пении песен в отдельные мыльни. В мыльнях их мыли вином и медом. Жена шла в мыльню со свахой и матерью жениха и показывала знаки своего девства; с нее снимали сорочку и вместе с простыней прятали как свидетельство целомудренного поведения. Муж мылся с тысяцким и дружкой; тогда молодая жена присылала

ему в мыльню сорочку, обыкновенно унизанную жемчугом. На царских свадьбах цари кушали в мыльне, а царицы в избушке. По выходе из мыльни новобрачный шел вперед в сенник, за ним приходила новобрачная. Тут являлись женщины, а впереди них сваха несла горшочек или два горшочка, поставленные на одном блюде и обернутые соболями; в этих горшках была каша; сваха кормила ею и мужа, и жену; перед мужем держал горшочек дружка, перед женой сама сваха; этот обычай наблюдался и у царей, и у крестьян. На царских свадьбах происходил в это время обряд раскрывания; боярин, нареченный отец царский, раздвигал стрелой покров, заслонявший царицу; до того времени даже и после венчания ее никто не видал; только после этого обряда все подходило к ней и могли иметь счастье увидеть ее светлые очи. После этого все шло к столу. В частных свадьбах этот последний обряд не наблюдался; и после кормления кашей жених вместе со своим родителем, с тысяцким, дружкой и со всеми свадебными поезжанами ехал к родителям невесты. Вступая к ним в дом, новобрачный бил челом и благодарил за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашал их к себе на обед со всеми гостями невестина чина. Тогда у жениха был торжественный пир, называемый княжьим: это название было и у крестьян, которые никогда не равнялись князьям, и у царей, которые всегда были выше всех князей. Когда в конце пира подавали на стол овощи и разные лакомства, отец и мать благословляли новобрачных образами, и все гости дарили их разными вещами и тканями. Все ели, пили в изобилии и веселились. Но если случилось, что невеста не сохранила своего девства, об-

Свадебные обряды

щее веселье омрачалось. Посрамление ожидало бедных родителей новобрачной. Отец мужа подавал им кубок, проверченный снизу, заткнув отверстие пальцем; когда сват брал кубок, отец жениха отнимал палец и вино проливалось на одежду при всеобщем поругании и насмешках, и тогда самая печальная участь ожидала в будущем их дочь в чужой семье. Впрочем, этого избегали, если бы такое и случилось. Котошихин говорит, что в подобных случаях новобрачный тайно пенял тестя и тещу. Вероятнее, что такие случаи не только в высших кругах, но даже и между посадскими были очень редки, тем более что девиц отдавали молодыми.

В этот день новобрачный, если он имел к царю доступ, после посещения родителей невесты являлся во дворец со всем поездом, состоявшим обыкновенно из лиц, имевших право являться к царской особе. Государь принимал их сидя и в

шапке. Все кланялись в землю. Государь милостиво спрашивал их о здоровье (такой вопрос считался большой милостью), поздравлял жениха с законным браком, благословлял его с женой образами и жаловал подарками, состоявшими обыкновенно в соболях и разных материях или серебряных сосудах, а в заключение приказывал подать всем по кубку романей да по ковшу вишневого меда; все выпивали и уезжали домой. Новобрачная не ездила с мужем к царю, а посылала к царице и царевнам подарки, шитые золотом и серебром тафтяные убрусы. Царица и царевны, принимая эти знаки челобитья, спрашивали их о здоровье. Если бы случилось, что невеста не сохранила девства, то муж, имевший несчастье взять за себя такую жену, не смел явиться царю на глаза.

На следующий день, то есть на третий день после брака, устраивалось пиршество у родителей невесты. В конце застолья отец и мать невесты благословляли новобрачных, а гости дарили их. На свадьбах редко дарили деньгами, а по большей части вещами, а также скотом и лошадьми. По окончании пиров дары отсылались на рынок и оценивались, потом жених должен был отдаривать за них подарками равного достоинства. Герберштейн говорит, что, по обычаям, жених должен был в течение года непременно отдарить всех, кто ему поднес подарки после свадьбы; иначе, если он в продолжение этого времени не исполнил своего долга, то должен был дарить вдвое. Если же он не отсылал принятых вещей к ценовщикам, то отдаривал по желанию тех, которые ему дарили. В эти послесвадебные дни пиршеств невеста почти ничего не говорила, кроме формальных обрядных речей.

Ее малословность считалась достоинством. Зато все другие женщины, приглашенные на свадебное торжество, пользовались большей свободой, чем когда-либо, и часто случалось, что доходили до безумия, женщины, в обыкновенное время скромные и целомудренные, тогда напивались, позволяли себе смелые выходки и даже невольно впадали в грешки среди общего смятения. В эти-то минуты разгула, по народным верованиям, всего удобнее колдуны могли портить людей, не огражденных молитвой и богомыслием от их наветов. Тогда вдруг на кого-нибудь находила скорбь. На одной посадской свадьбе в XVII веке мать жениха, а потом и сноха вдруг начали кликать без ума и памяти. Явился знахарь, взялся вернуть их в прежнее состояние, но, взяв за это денег, не сделал ничего хорошего, и те подали на него челобитную.

Царские свадебные торжества продолжались несколько дней. На другой день отправлялся княжий стол, на третий – стол от царицы; нареченные родители благословляли высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь делал стол духовенству, и в конце обеда патриарх и власти благословляли новобрачных образами и все гости дарили им кубки и ковши, а потом царь одаривал их деньгами, тканями и чествовал подачами. В следующие дни делались столы другим условиям: стольникам, стряпчим, дворянам, гостям, иноземным людям и выборным посадским, которые нарочно к царскому торжеству приезжали с поздравлениями. Все подносили царю дары. Зато и царь в эти светлые в его жизни дни изливал обильно щедроты: несколько дней кормил простое духовенство на дворе, раздавал ему день-

ги, посылал в города деньги и молебные грамоты, ездил с молодой царицей по монастырям, кормил и дарил чернецов; везде чернецы приветствовали царя и царицу окладными образами и подносили хлеб и соль. Царь не забывал угнетенных и нищих, посещал богадельни и тюрьмы и отпускал на свободу узников, посаженных за долги или за мелкие преступления. Не всегда, впрочем, подносимые царям дары принимались; так, при бракосочетании царицы Натальи Кирилловны царь их не принял.

Свадебные обряды были одинаковы как у первобрачных, так и у тех, которые женились или выходили замуж во второй и третий раз; но второй брак не имел уже той святости, какую облакался первый. Если оба из супругов были вдовцы, то на них не возлагали венцов на голову, а держали на плечах. Церковный обряд третьего брака состоял в одном молитвословии, без венчания, и вообще третий брак не одобрялся Церковью. Фотий в одном из своих посланий, написанных в начале XV века, приказывает священникам и вообще не допускать мирян до третьего брака, приводя слова Григория Богослова: «Первый брак закон, второй по нужи прощение слабости ради человеческия, третьи – законопреступление, четвертый – нечестье, понеже свиньское есть житие». Несмотря на воспрещение четвертых браков Церковью, они случались, и правительство позволяло детям, рожденным от четвертого брака, пользоваться правами законных детей в отношении наследства. Некоторые сходились для брачного сожития без всякого благословения Церкви, и жены таких назывались невенчанными. Эти браки были в обычае у казаков. В старину некоторые, вопреки коренным основам христианских по-

нятий о семейной нравственности, имели у себя две жены сразу, вероятно, по языческому обычаю.

Новоселье в старой русской жизни было торжественным событием; хозяин, входивший в новопостроенный дом, приглашал духовенство освящать его и созывал родных и знакомых. Гости являлись непременно с хлебом и солью – символами желания обилия и благополучия; русские верили, что приносимый хлеб с солью в новом доме изгонял влияние злого духа. Люди, не чуждавшиеся колдовства и ворожбы, напротив, являлись на новоселье с черной кошкой, с черным петухом, тащили растворенную квашню и катали три хлеба, а потом замечали, как эти хлебы ложились, и записывали «на хартиях, и ключи в псалтырь вложат, оттуда ложная вещующе». Надо было умеючи выбирать само место, на котором хотели строить новый дом; чтобы узнать, хорошо или дурно место, прибегали к разным гаданьям: например, клали дубовую кору и оставляли ее на три дня; на четвертый поднимали и замечали, что под корой; если там находили паука или муравья, то считали место лихим; напротив, если находили червяков или черную мурашку, то можно было ставить дом безопасно. Гадали еще о том же посредством трех хлебов, которые спускали на землю из-под пазухи: «Если все три хлебца лягут кверху коркой верхней, то место добро; тут с Божьей помощью, ничего не боясь, ставить избу и всякие хоромы; если же лягут вверх исподней коркой, тут не ставь и то место покинь. Когда же только два хлебца лягут кверху верхней коркой, еще ставь – добро, а когда же падет один хлебец кверху своим верхом, а два к исподу, то не вели ставить на том месте». Во время пиршества на новоселье комната устилалась травой

и на большом столе, покрытом скатертью, клали принесенные хлеба и ставили в солоницах соль. После пиршества каждый из гостей должен был что-нибудь подарить хозяевам.

Смерть человека сопровождалась заветными обычаями. По понятию русских, умирать среди семейства в полной памяти считалось благодатью небесной для человека. Чувствуя приближение смерти, русский составлял завещание, распределял свое состояние и вместе с тем назначал для успокоения своей души какие-нибудь добрые дела. Богоугодными делами, достойными великой минуты смерти, почиталась раздача милостыни, наделение монастырей и в особенности освобождение рабов. Перед смертью вспоминалось увещание Церкви, которая хотя и терпела рабство, но в сущности не одобряла его и поучала, что «все есмь создание Господне, все плоть едина, и все миром единым помазаны, и все в руке Господни, его же хочет обнищавает». Так, в завещаниях князей наших всегда почти есть распоряжения об отпуске рабов. То же соблюдалось до позднейших времен господами. Нередко господин не только отпускал на волю всех холопов, но еще раздавал отпущенным по несколько рублей, что называлось выделкой. Также благочестивым делом считалось платить и прощать долги. Иногда умирающий учреждал после себя монастырям кормы и кормы на нищую братию, сам раздавал попам разные вещи и суммы на церкви, назначал по себе чтение псалтыри. Все это называлось строить душу. Все это соединялось с верованием, что человек будет осуждаем после кончины по тем поступкам, с которыми застанет его смертный час: «В коем бо деле вдосить ты смерть, в том же осужден будеши, ли в посте, ли в бдении, ли

в лениности». Около умирающего собиралось семейство, слуги и близкие знакомые; ему подносили образа, и он каждого благословлял особым образом; в числе окружавших его смертную постель непременно находился духовный отец. Многие для большей верности спасения души облекались перед смертью в монашескую одежду, а иные принимали и схиму, как это делали цари. Если больной после этого жил еще некоторое время, то уже ничего не вкушал и на земле находился как бы за пределами земной жизни; и если бы случилось ему выздороветь, то непременно должен был поступить в монастырь. Когда начиналось предсмертное томление, тогда читалась отходная. Когда умирал царь или особа из царской семьи, звонили в колокола и пели великий канон; бояре, думные и ближние люди являлись во дворец в черных платьях.

Как только человек испускал дыхание, на окне ставили чашу со святой водой и мису с мукой или с кашей (вероятно, с кутьей). Это был какой-то остаток язычества, существовавший не у одних русских, но и у татар. Мертвеца обмывали теплой водой, надевали сорочку и завертывали в белое покрывало, или саван, обували в сапоги или башмаки, а руки складывали крестообразно. На царя надевали царское одеяние, на голову ему возлагали корону. Толпы знакомых стекались в дом умершего; начинался плач и причитание. Жена покойника обыкновенно заводила первая, причитывая: «Ах ты, мой милый, мой ненаглядный! Как же ты меня покинул! На кого меня, сироту, оставил? Али я тебе не хороша была; али не хорошо наряжалась и убиралась? али мало тебе детей народила?» Другие вопили: «Зачем тебе было умирать? Ты был такой добрый, щедрый! Али

у тебя не было чего съесть и пить? Али у тебя жenuшка некрасива была? Али царь тебя не жаловал?» Посылали собирать духовенство, и при этом обычай требовал каждому духовному лицу, приглашаемому на погребение, послать в подарок водки, меда и пива. Тело лежало на столе, пока изготовлялся гроб. Обыкновенно гроб делался деревянный, как у богатых, так и у бедных, с той разницей, что у богатых обивался внутри и снаружи материями разного цвета: например, внутри червчатым, а снаружи вишневым бархатом. Когда мертвеца клали в гроб, некоторые, по какому-то поверью, привешивали к гробу кафтан покойника, а в рот ему клали несколько мелких монет, как будто для издержек в дальней дороге

У постели умирающего Василия III. XVI век

на тот свет. Летом русские хоронили очень скоро — обыкновенно в течение двадцати четырех часов после смерти, и нередко скончавшийся утром был уже погребен при заходе солнца. Если по какому-нибудь случаю, например, ожидая прибытия родных, погребение откладывалось, то труп вносили в ледник для предупреждения зловония. Мертвеца выносили из дома закрытым гробовой крышкой, сверху покрытой покровом или же шубой; так, на погребение князьям Черкасским выдавались из казны собольи шубы. Гроб не везли, а несли на руках, обыкновенно шесть человек, и если покойник или покойница успевали принять монашество, то непременно монахи или монахини. В таком случае обыкновенно хоронили в монастырях. Для эффекта нанимались плакальщицы, которые шли впереди и по бокам похоронного шествия с распущенными волосами и нарочно искаженными лицами. Они кривлялись и вопили, то громко вскрикивали и заливались плачевными причетами, то заводили тихим, писклявым голосом, то вдруг умолкали и потом заводили снова; в своих причетах они изображали заслуги покойника и скорь родных и близких. Все, сопровождавшие гроб, шли с зажженными свечами, обвязав платками головы. Мертвого иногда вносили в церковь и оттуда по совершении панихиды выносили на кладбище.

Когда гроб готовились опустить в могилу, крышку приподнимали, и все должны были подходить к телу и целоваться с мертвым, впрочем, позволялось прикладываться и к гробу. Жена должна была вопить и причитывать, а плакальщицы показывали свое искусство хором. Священник давал в руки мертвого отпустительную грамоту, ко-

торую иностранцы, по неведению, почитали рекомендательным письмом; сами не знали к кому, кто думал к св. Петру, а кто – к св. Николаю. После опущения гроба в могилу все целовали образа, а потом ели кутью, непременно каждый три раза, соблюдая такой порядок, что прежде всего подходила к кутье жена, за ней дети, потом родственники, наконец, гости, слуги и все посторонние.

Зимой не спешили хоронить, и особенно знатных и богатых предавали земле не в первый день после смерти. Тело выносили в холодную церковь и ставили там иногда дней на восемь; в это время духовенство служило ежедневно литургию и панихиды. Уже на восьмой день предавали мертвого земле. Для людей бедного и даже среднего состояния было чрезвычайно дорого нанимать копать могилу зимой; поэтому мертвецов ставили в усыпальницу или притворы при колокольнях и там держали до весны. Весной семейства разбирали своих мертвецов и хоронили на кладбищах. Должность эту исправляли особые рабочие, которые назывались гробокопателями. Они получали плату с каждого погребения. Бедняки, которым не на что было похоронить своих родных, просили милостыни на погребение, и благочестивые зажиточные люди считали богоугодным делом похоронить бедняка; также из христианской благотворительности отправляли погребение содержавшимся в тюрьмах преступникам.

Кладбища располагались отдельно за городом, но часто хоронили близ церквей в селениях и посадах. По понятию русских, место для кладбища было свято и тревожить прах мертвых считалось преступлением. Так, когда Иоанн III перестроил Москву и переставлял церкви и монастыри, его поступок воз-

будил негодование архиепископа Геннадия. «А ведь тое для, – писал он, – что будет воскресение, мертвых не велено ни с места двинуть, опричь тех великих святых». Ограды около церкви и кладбища были лишены деревьев. Это считалось нечестием на основании слов Второзакония: «Не насадиши садов, ни древа подле требника Господа Бога твоего». Неприкосновенность кладбищ долго соблюдалась свято, и в 1672 году, когда до сведения царя дошло, что в Архангельске на месте, где было кладбище, поставили торговые амбары, царь велел их снести. В самой Москве повсюду при церквях были могилы, и земля под кладбищами считалась церковной; духовные, пользуясь этим, строили на ней свои лавки и амбары; но в 1681 году опять велено прекратить такие постройки.

Издавна могилы родителей и предков были святыней для русского народа, и князья наши, заключая договор между собой, считали лучшим знамением его крепости, если он будет произнесен на отцовском гробе.

Утопленников и удушенных не хоронили на кладбищах; напротив, существовало даже верование, что если где-нибудь похоронят утопленника или удушенника, то за это весь край постигнет бедствие; на этом основании в старину народ, приведенный в волнение каким-нибудь несчастьем, например неурожаем, выгребал таких мертвецов из могилы. Но вообще их хоронили в убогом доме, если они не были самоубийцы. Убогие дома были не только в Москве, но и в других местах. В них хоронили вообще отверженных, которые не считались достойными быть погребенными на кладбище. Так, воров и разбойников, казненных или умерших от ран, хо-

ронили в убогом доме без отпевания. Самоубийц зарывали в лесу или в поле, даже и не в убогом доме.

Царское погребение совершалось через шесть недель после смерти. Тело государя шесть недель стояло в домово́й церкви в гробу: крестовые дьяки дено и но́чно читали над ним псалтырь, и попеременно дневали бояре, око́льничие и сто́льники над усопшим. Между тем, по всему государству посылались гонцы, которые во все монастыри и церкви возили деньги для служения панихид; в праздники при служении панихиды ставили кутью; эти панихиды по всем церквам и монастырям царства русского служились в течение шести недель, каждый день, исключая воскресенья. В сороковой день после кончины совершалось погребение царственной особы. Отовсюду стекались в Москву духовные власти, архимандриты и игумены. В погребальной процессии впереди шло духовенство; соблюдалось, чтобы важнейшие особы, архиереи и патриарх, шли сзади прочего духовенства, а за духовными следовали светские сановники, бояре и око́льничии, за ними царское семейство, а за ним боярыни. Множество народа толпилось за гробом, без чинов и различия достоинства. Прощание с царственными особами не происходило при опущении гроба; с ними прощались ближние прежде, при выносе в домашнюю церковь после кончины. Опустив тело в могилу, не засыпали его землей, а закрывали каменной доской. Пышность и издержки на погребение соизмерялись со значением усопшей особы, так что погребение царя производилось великолепнее, чем царевичей, а погребение царевичей великолепнее погребения царевен.

Вообще у всех классов сорок дней после смерти отмечалось поминовением. Семейные нанимали ду-

ховных читать псалтырь по усопшим. Чтение это у иных происходило в двух местах сразу: в доме, где умер покойник, и на могиле; для этого устраивался на могиле деревянный голубец, покрытый сверху рогожей; там стоял образ, и каждое утро при зажженной свече монах или церковный дьячок читал псалтырь. Семейные носили скорбное платье цвета черного или синего, и непременно худое и изодранное; быть одетым опрятно и прилично в это время считалось неуважением к памяти усопшего. Вместе с молитвами об усопших отправляли кормы, или поминальные обеды; таких было, в зависимости от обстоятельств и желания семейных, не менее двух и не более четырех – в третий, девятый и двадцатый и, наконец, очистительный в сороковой день, так называемой сорочины: тогда снимался траур. Чаще всего поминали три раза; толковали, что троекратное поминовение совпадает с переменами, какие испытывает тело покойника в гробу; в третий день изменяется его образ, в девятый распадается тело, в сороковой истлевает сердце. Это троекратное поминовение совпадает с верованием о путешествии души на том свете: в третий день ангел приводит душу на поклонение Богу. «Яко жь бо от царя земнаго послани будут воины привести никоего и связавше его поведуют ему повеление царево, трепещет же и держащих и ведущих его немилостивно к путному шествию, аще и ангелы от Бога послани будут пояти душу человеку». Если в этот третий день совершаются приношения памяти усопшего в церкви, то душа получает «утешение от скорби прежь бывшия ей от разлучения телеснаго, и разумеет от водящаго ю ангела, яко память и молитва ея ради в церкви Божией принесена, и так радостна бывает». С тех пор

начинаются путешествия ее с ангелом, который показывает ей блаженство рая и муки ада. В девятый день ей дается отдых. Душа, сохраняя еще земные привязанности, слетает то к дому, где жила с телом, то к гробу, где лежит тело, в котором была заключена; душа добродетельная посещает место, где она «имеяше обычай делать в правду». Тогда душе грешной указывает ангел места, где она согрешила, и ей необходима для ободрения молитва Церкви. Наконец, в сороковой день ангел приводит ее снова к Богу, и тогда ей назначается место по заслугам: «Добре держит святая церковь в четырдесятый день, память сотворяя о мертвом». Кутья была главной принадлежностью постного обеда. О кутье говорилось так: «Кутья благоверная святым воня; святии бо не ядят, не пьют, но вонею и благоуханием тем сыти суть». Обычай поминовения был и во времена язычества, и потому к нему примешивались посторонние обряды, не одобряемые Церковью. Так, преподобный Феодосий запрещает ставить по усопшим обеды и ужины, класть на кутью яйца и ставить воду; без сомнения, яйца и вода были символами древнего языческого поминовения.

XXI. ВЕРОВАНИЯ

В наших летописях принятие христианства выставляется как бы без борьбы; кажется, будто Русь, омывшись в купели крещения, тотчас же забыла свой прежний языческий мир со всеми творениями его вымысла. Не совсем так было на деле. К сожалению, нам остались такие отрывки духовного противодействия остаткам язычества со стороны духовных

пастырей, что мы по ним не можем себе уяснить теперь ни сущности языческих верований, ни степени их перерождения, ни истории их изменений, ни приложения к разным видам внутренней и внешней жизни. Духовные равным образом порицали и преследовали все, что носило на себе печать язычества — были ли то действительные верования и убеждения или только внешние обряды, игрушки, забавы, потерявшие уже прежний смысл и серьезное значение, точно так, как теперь купальный огонь, вожанье козла на Масленице или малороссийское колядование. Из многого, что осталось и теперь, мы не знаем, то ли значение оно имело в XVI и XVII веке, как в XIX. Выше было показано, что в XVI веке купальское празднество как народная забава с примесью таинственного верования отправлялось во всей силе. Точно так же и языческое веселье: призывание мертвых выразилось в обряде жжения соломы и кликания мертвых, осуждаемом «Стоглавом». В XVII веке во многих местах устраивались разные увеселения — остатки язычества. В 1620 году царь Михаил Федорович велел бросить клич через бирючей, чтобы люди не ходили с кобылками, не сходились на игрища мирские «и коледы б и овсеня и плуги не кликали». Но соединялся ли с этими забавами какой-нибудь смысл для народа и в какой степени, неизвестно. Дольше и полнее всех языческих верований сохранялись, вероятно, остатки поклонения роду и рожаницам. По свидетельству «Домостроя», в XVI веке еще верили в родословие, рекше в рожаницы. По толкованию в слове св. Григория в сборнике, хранящемся в Кирилло-Белозерском монастыре, видно, что ученые люди старого времени признавали род и рожаниц божествами славяно-

язычников наравне с упырями и берегинями (известными нам из чешских памятников), Перуном, Хорсом, Мокошью (о которых упоминает нам Нестерова летопись) и вилами, нимфами, о которых фантастические предания сохранились у сербов. Обряды, сопровождавшие поклонение роду и рожаницам, состояли в приношении этим фантастическим существам в жертву хлеба, сыра, меда, кур и какого-то смешанного питья. Обряды эти имели смысл как для рождения, так и для смерти человека. Бабы (воспринимавшие младенцев) варили кашу на собрание рожаницам, в их честь стригли первые волосы у детей; а в память умерших ставили роду и рожаницам особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя в то же время готовили кутейную трапезу, принятую Церковью. Трапеза называлась трапезой роду и рожаницам. Из «Слова христоробца», хранящегося в Румянцевском музее (№ 181), можно заключить, что поклонение роду и рожаницам сопровождалось разными увеселениями: пляской, музыкой, песнями, зажиганием огней; по крайней мере об этом говорится разом: «Не подобает крестьянам игор бесовских играти: иже есть плясба, гульба, песни бесовския, и жертвы идольския, иже огневи молятся и вилам, и Мокоши, и Симуреглу, и Перуну, и роду, и рожаницам и всем тем, иже суть им подобна». Что при поклонении роду и рожаницам действительно пели песни, видно из Троицкого сборника XVI века, где в укор говорится: «А вы поете песнь бесовскую роду и рожаницам». В одном старинном переводе пророка Исайи, в тех местах, где еврейский народ порицается за поклонение идолам, эти идолы несколько раз названы родом и рожаницами, с очевидным намерением переводчика приме-

нить слова пророка к современным заблуждениям: это показывает, что верование роду и рожаницам держалось долго и сильно. Что собственно разумелось в языческие времена под этими именами, объяснить трудно и было бы здесь неуместно, если бы существование этого пережитка язычества не удерживалось в описываемое нами время. Под родом, по-видимому, следует понимать вообще судьбу или участь – долю. Род употребляется всегда в единственном числе, и следовательно, по древнему верованию, существовал один род для всех; напротив, рожаницы всегда в множественном числе, и это показывает, что для каждого полагалась своя рожаница. Существовало верование, что в тот день, когда рождался младенец, по влиянию рожаницы, давался ему норов и осуд. Это верование совпало с астрологическими верованиями о влиянии планет на рождение человека; ибо в одном азбуковнике о рожаницах говорится, что «рожаницами еллины называли семь звезд, называемых планиды, и кто в какую планиду родился, тот по той планиде любопрятся предвозвещати нрав младенца». Несомненно, что рожаницы были гении – хранители жизни. Их изображали кумирами, как это видно из выражения: «Служат Богу и волю его творят, а не рожаницам – кумирам суетным». Перед этими-то кумирами отправлялись празднества и трапезы роду и рожаницам.

Что поклонение частным семейным языческим божествам оставалось дольше других верований язычества, это понятно и естественно, потому что человек из сферы мифологии дольше удерживает то, что относится к его личности и к тесному кругу жизни, и, напротив, легко забывает предания и склад поня-

тий о существовании мира, творении земли, историю богов и героев. Мы, однако, не знаем, в какой степени и где именно и между кем в XVI и XVII веках сохранялось это поклонение старым божествам.

Полнее обрисовываются для нас языческие обычаи у финских народов, населявших северную Русь. Так, в XVI веке в Водской пятине (нынешней Санкт-Петербургской губернии) сельские жители были только по имени христиане. Они совершали моления деревьям и камням и приносили жертвы, сопровождаемые пиршеством. Вместо священников они призывали к себе чудских колдунов арбуев: рождался ли младенец – прежде позовут арбуя, тот наречет новорожденному имя, а потом уже родители зовут христианских духовных. Не носили хоронить мертвых на кладбища, а погребали их на курганах и коломищах. Эти полухристиане не соблюдали постов и в особенности не терпели Петрова поста, вероятно потому, что тут у них было время языческих празднеств, избегали христианского брака и предпочитали жить с женщиной по взаимной любви, без венчания. Архиепископ Макарий обратил внимание на такие уклонения от Церкви, приказывал священникам сжигать мольбища, венчать тех, которые соединились браком без обряда, освящать их святой водой, как бы возобновляя утраченную благодать, принятую некогда в таинстве крещения, и увещевать арбуев, а непослушных из них отправлять в Новгород. Дети боярские, поселенные в этих местах, были обязаны наблюдать, чтобы народ не уклонялся от церковных обрядов. В Пермской земле в XVI веке люди ходили на поклонение истукану золотой бабе; когда кого-нибудь постигало бедствие или болезнь, перед истуканом колотили в бубны и этим думали

помочь своей беде. Таким образом, финские народы на просторном севере тогдашней России были в таком же положении, в котором теперь находятся чуваша и черемисы или как в прежние, более отдаленные, века были крещенные русские, когда, по свидетельству Иоанна Пророка, приносили жертвы болотам и колодцам и без благословения пастырей сходились и расходились с женами. Около Казани и в ее окрестностях в XVI веке так называемые ново-крещенные чуваша, черемисы и вотяки не ходили в церковь, не соблюдали постов и призывали к родильницам не попов, а баб; хоронили на кладбищах татарских; по необходимости повенчавшись в церкви, совершали еще раз брачные обряды дома или вместо жен держали у себя пленных ливонок.

В описываемое нами время русский народ если и потерял старые формы язычества, то сохранял его дух в самих христианских верованиях. Без знания законов, без малейшего понятия о существовании их неразвитый человек находится под влиянием таинственных сил и во всем окружающем ищет чего-то такого, на что хочет опереться в своей бессилии. Обычные явления природы наводили страх: явление кометы, затмение солнца, падающие камни производили волнение умов и уныние. В народном воображении существовали разные фантастические существа, помещаемые в природе. Обыкновенно отдаленные страны служили для воображения местопребыванием таких существ и сценой чудесных событий. Так, на севере России, мрачном, лесистом, суровом, народная фантазия помещала пещеру змеи аспиды, крылатой, с птичьим носом и с двумя хоботами, эта пестрая змея живет в отдаленных печорских горах, не садится на землю, а толь-

ко на камень, и куда полетит, может всю землю опустошить. Но есть заклинатели-знахари – обаянники, которые умеют ее заговаривать.

Пустынные берега широкой Волги также представлялись в народном воображении в чудесном свете. Говорили, что выше Саратова есть гора Змиева, где обитал шестиглавый дракон, налетавший на Русь и причинявший опустошения; но богатырь убил его, а дракон превратился в камень. Русские уверяли иностранцев, что в низовьях Волги растет животное-растение – баранец. Оно приносит плод, похожий на ягненка. Стебель его идет через пупок и возвышается на три пяди; ноги мохнатые, рогов нет, передняя часть – как у рака, а задняя – совершенное мясо. Оно живет, не сходя с места, до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу. Показывали меховые шапки и уверяли удивленных западных европейцев, что эти шапки из меха «баранца».

С утратой мифологических образов, с потерей антропоморфических представлений о силах природы еще долго остается прежний взгляд на нее, и народ ищет в окружающих его явлениях таинственного смысла, не давая уже себе отчета, откуда проистекает этот смысл, или привязывая его к новым верованиям. На этом основании сохраняются в народе приметы и гаданья. Можно сказать, что жизнь каждого русского, по мере большей или меньшей личной склонности к мистической созерцательности, вся была управляема приметами. Предвещательность и знаменательность явлений для него была так широко развита, что обратилась в систему. В числе запрещенных книг ходили по рукам волховники, или сборники примет и гаданий в назидание людям. Вот, например, какого рода приметы имели знаме-

нательность для воображения: храм трещит (треск в стене), ухозвон, кости под колпиками свербят – путь будет; длани свербят – пенязи (деньги) иметь; очи свербят – плакать будут; воронограй, куроклик (пение курицы) – худо будет; утица крякнет, гусь гогочет, окомиг (дрожь в ресницах), огонь бучит (треск дров), пес воет, мышеписк (писк мышей), мышь порты (платье) грызет, кошка в окне мышца держит, сон страшен, слепца встретить – изгорит нечто; огонь пищит, искра из огня, кошка мяукает – падет человек; свеча угаснет, конь ржет, вол ревет, трава шумит, дерево скрипит, сорока поцекоchet, дятел желна (долбит дерево), стенощелк (червячки в стенах), жаба воркует. Некоторые приметы служили к предсказанию погоды и физических явлений: дым высоко в избе ходит (в курной) – к погоде; мышь в жилье высоко гнездо совет – снег велик будет, и погода будет. Другие служили признаками войны, голода и других народных бедствий; например, «берег подымается и море дичится, и ветры сухие или мокрые тянут, и облака дождевые и снежные и ветряные, и гром громит, и буря веет, и лес шумит, и древо древо скрипнет, и волки воют, и белки скачут – мор будет, и война восстанет, и вода пребудет, и плодов в лете в коем не будет или умалится». Вот сколько примет, и сверх того втрое было больше, чем здесь описано; а многие из них сохранились до сих пор. Верили в сон и составляли обширную систему знаменательных толкований; верили в чох, в полаз (вероятно, насекомых, – вывод предвещаний из различных их движений), верили во встречу, то есть считали встречу с одними предметами счастливым, с другими – несчастным предзнаменованием. К несчастным в древности принадлежали: встреча с

монахом, с лысым конем, со свиньей. Преподобный Феодосий в XII веке укорял тех, кто при таких встречах возвращается назад. Эти примеры из XII века, без сомнения, существовали в XVI и XVII веках, потому что сохранились и в наше время. Кроме множества гаданий, которые и теперь служат святочной забавой, в старину были целые системы гаданий, записанные в книгах и гадальных тетрадах. Они носили общее название Рафли. К таким книгам принадлежали «Аристотелевы врата», «Шестокрыл» и астрологические гадания, занесенные к нам с Запада: «Острономы», «Зодей», «Альманах», «Звездочетье»; сущность последних состояла в отыскании влияния, какое имели на судьбу человека и на обстоятельства его жизни небесные светила, дни и часы: «О злых часех и о рождении человечеством, в которую звезду или час, добр или зол, и получая счастков и богатству и нищеты и в рождении добродетелем, и злобам, и долголетству жития и скращения смерти – и сия вся кошуны и басни суть». В этих разнообразных учебниках волшебства заключались, по выражению одного иерарха, такие вещи, «их же не подобает не точию описывати, но ниже помышляти, ради хулы, и многие скверности и отступничества». К этой категории гаданий относились так называемые рождественные волхования, которые производили чародеи по призыву матерей над младенцами, узнавали и определяли их судьбу. Смелая и суеверная женщина, будучи беременна и желая узнать, что она родит, давала из рук своих медведю (конечно, ручному, которых часто водят скоморохи на потеху людям) хлеб и прислушивалась к голосу, какой издаст зверь: если он рыкнет – значит, она родит девицу, а если замычит, то мальчика. Об об-

разовании младенца составились полуязыческие, полухристианские верования. Одно описание говорит, что человек состоит из восьми частей: «Сердце от камня, тело от персти, кости от облак, жилы от мглы, кровь от Чермного моря, теплота от огня, очи от солнца, дух от свята Духа». Другое описание объясняет, что во время беременности женщины ее ангел-хранитель берет части «у земли, или у воды, или у железа, или у камня, или у дерева, или у огня, или у всякой вещи смертной, и возьмет от того ангел материн и кинет на отроча то, и от того зарождается в нем дух». Человеческие свойства зависят от преобладания какой-нибудь из восьми частей состава его тела: «От земли – тело: тот человек темен, неговорлив; от моря – кровь в человеце и тот человек прохладен; от огня – жар: тот человек сердит; от камня – кость: тот человек скуп, немилостив; от солнца – очи: тот человек богатыреват и бесстрашен; от ветра – дыхание: тот человек легкоумен; от облака – мысль: тот человек похотлив; от света – свет: тот человек свят, не мыслит земного, но мыслит небесная». К другим гаданиям прибегали в разных предначинаниях, чтобы узнать, удачно ли они пойдут; в разных неудачах и бедствиях, чтобы узнать, чем помочь. Один из старинных родов гаданий назывался *получай*. Как он совершался, неизвестно, но его название заставляет думать, что цель его состояла в отыскании средств к приобретению.

Самым распространенным было верование в могущество человеческой воли и выражающего ее слова. Собственно, все так называемое наше старое чародейство основывалось главным образом на убеждении в силе воли и слова. Волшебником или чародеем в широком смысле был человек, который

силой своего слова мог производить желаемое, узнавать будущее, изменять направление обстоятельств, властвовать над судьбой других людей и даже повелевать силами природы. Заговор, или примольвление, играл главную роль в волшебстве. Правда, волшебники действовали и посредством разных вещей; но народное понятие приписывало силу не самим вещам, а слову, которое им сообщало эту силу. Сила исходила не из природы, а из человека, из его души. То была сила духовная. Даже лечение или отравление людей посредством трав приписывались не целебному или вредоносному свойству самих растений по их природе, а человеку, который сообщал им это свойство своей волей, и потому лечение травами преследовалось Церковью наравне со всякими другими волшебствами под именем зелейничества. Полагали, что растение, совершенно безвредное, может быть убийственно, если волшебство придаст ему злокачественную силу. В 1632 году, во время войны с Литвой, запрещено было ввозить в Московское государство хмель, потому что лазутчики донесли, что какая-то баба-ведунья наговаривает на хмель, чтобы тем хмелем, когда он будет ввезен в Московию, произвести моровое поветрие. Волшебники назывались по-разному; эти названия имели свои особые оттенки, хотя часто значение их смешивалось. Среди волшебников были волхвы, чародеи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звездочеты, облакопрогонники, облакохранительники, ведуны, ведуньи, лихие бабы. Обаянниками назывались фокусники, которых призывали или посещали, «хотяще некая от них увидеть неизреченная». Они же заклинали змей и злых животных. Кудесник совершал разные заклинания и чародействен-

ные обряды (кудесы бьют) и предвещал будущее. Сновидцы распространяли в народе разные предзнаменования на основании виденных ими снов и уверяли, что они приняли извещение свыше. Иногда они толковали сны другим, приходившим к ним. Иногда рассказывали о собственных видениях. Во время народных бедствий они толковали народу причины несчастья, часто указывали на какие-нибудь лица, называя их виновниками, и обрекали на месть народа. Облакопрогонники, как их называет «Домострой», были волшебники, которые, по народному понятию, повелевали дождем и ведром и поэтому могли насыпать урожай или неурожай. Верование это очень древнее, как видно из наших летописей по рассказу о избиении в Ростове в XI веке и в Суздале в 1124 году женщин за то, что будто бы они спрятали в себя хлебное жито и съестные запасы. В XVI веке рассказывали, что во время осады Казани, в 1552 году, татарские колдуны и колдуньи, стоя на стенах города, махали одеждами на русское войско и насылали ветер и дождь. Столь же древним было верование в волшебников, сбедающих солнце и луну («погибе солнце и бысть яко месяц, его же глаголит неведгласи сбедаемое солнце»). В Кормчей книге эти волшебники называются волкодлаками («влькодлаци луну изедоша или слънце»). Ведунами и ведуньями назывались вообще лица обоего пола, ведавшие тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Все лица, занимавшиеся волшебством, составляли в иных местах как бы особые цехи, передавали одни другим свое искусство и промышляли им, помогая тем, которые к ним прибегали в житейских нуждах. Иногда этим занимались и мужчины, но чаще пожилые и старые женщины. Во всех местах России

можно было отыскать их. Особенное уважение существовало к тем, которые жили на севере в Карельской земле. Там искал их великий князь Василий Иоаннович, когда, женившись в другой раз на молодой Глинской, хотел иметь детей и прибегал к чародеям, чтобы они помогли ему. В самой Москве жило множество колдуний и преимущественно в Замоскворечье. Так, в первой половине XVII века там были известны женки: Улька, Наська Черниговка, Дунька, Феклица, Машка Козлиха, как видно из дела, возникшего в 1638 году по поводу подозрения в порче царицы Евдокии. Эти чаровницы предлагали свои услуги посредством наговоров над какою-нибудь вещью. Таким образом, к московской чародейке Наське Черниговке обращались женщины, страдавшие от побоев, которыми наделяли их мужья. Колдунья должна была отымать «серцо» и ревность у мужьев, а когда жены жаловались на холодность мужей, приворожить их и отнять «серцо» и ум. Она наговаривала на соль, мыло и белила, приказывала женщине умываться мылом и белиться белилами, а соль давать в питье и в еду мужьям, брала у женщины ворот рубашки и сжигала его, наговаривала на пепле и приказывала также сыпать его в питье мужу. Завораживая соль, чародейка говорила: «Как тое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил». Над мылом говорилось: «Сколь скоро мыло с лица смоеся, столько бы скоро муж жену полюбил»; когда сжигался ворот рубашки, колдунья говорила: «Какова была рубашка на теле, таков бы муж до жены был». Сожженный ворот рубашки служил также слугам для умилоствления господ: надо было этого пепла насыпать на след, когда господин или госпожа будут идти. Одна из таких жертв

обмана наивно сознавалась, что после того, как она исполнила над своим мужем все, чему научила ее колдунья, муж ее, вместо ожидаемой перемены поведения и ласки, чуть не убил ее; тогда она, увидя, что нет помощи от чародейства, бросила с досады наговорные вещи. Ревнивые мужья хотели от ворожей узнать о неверности своих жен. Ворожею призывали в дом; она присматривалась к сердцу женщины, которую муж подвергал испытанию; если ворожея замечала, что у жены сердце трепещет, то укоряла ее в неверности и отдавала невинную на произвольную расправу мужа. Если в доме случалась пропажа, призванная ворожея пристально присматривалась к брюху. Другие колдуньи своими наговорами помогали купцам, когда у них залежится товар. Тогда колдунья наговаривала на мед, приговаривая: «Как пчелы ярояся роятся, так бы к такому-то торговому человеку купцы для его товару сходились». Потом она приказывала торговому человеку умываться этим медом. Мужчины-колдуны заговаривали ратным людям от стрельбы и от меча, когда те шли на войну, «к ласковости от человек», когда подначальный хотел расположить своего начальника; охотникам – на лов зверей, а охотникам до прекрасного пола – на блуд. Если на кого царь или князь гнев держит, надо было при себе носить под левой пазухой правое око орла, завязав в ширинку. Этого орла нужно было поймать непременно на Иванов день о вечерне, понести на распутье между дорог и заколоть острой тростью. Левый глаз того же орла, смешанный с коровьей кровью, рекомендовался охотникам и рыболовам: «Левое око его добро смешать с коровьей кровью и селезневой, да все то иссуши, да завяжи в синий плат чистый. И когда хочешь ловить

рыбу, и ты привяжи к цепу и наловишь рыбы много. Та же вещь ко многим ловушкам годна – ко звериным и птичьим и ко всякой ловле». Начинаясь судиться или позванный через пристава или недельщика к судебному ответу спешил к колдуну, который заговаривал язык и сердце противной стороне. Идя на суд, надо снять с березки перепер, который трясется, и говорить: «Так, как сей перепер трясется, так бы мой супостат (имярек) и его язык трепетался». Когда еще в обычае были судебные поединки, чародеи являлись на помощь; нередко спорщики готовы были помириться, но чародеи начинали перед ними бить кудесы и разжигали снова. Чародеи советовали таким образом запастись силой для судебного поединка: «Убей змею черную саблей или ножом, да вынь из нее язык, да вверти в тафту зеленую и в черную, да положи в сапог в левой, а обуи на том же месте. Идя прочь назад, не оглядывайся. А кто тебя спросит, где был ты, и ты с ним ничего не говори. А когда надобно, и ты в тот сапог положи три зубчика чесноковые, да под правую пазуху привяжи себе утиральник и бери с собою, когда пойдешь на суд или на поле битвы». Когда холоп обкрадывал господ и бежал, призывали ворожею, и она произносила заклятие над бежавшим.

Невозможно перечислить всех вещей, над которыми ведуны и ведуньи совершали свои таинственные заклинания и примолвления, но, в частности, они совершались над кореньями, зельями, водой, огнем, костями, громовыми стрелами, камнями, над медвежьим ноготком, над мертвой рукой, над рубашкой мертвеца, над выбранным из-под человеческой ноги следом, над ветром, над зеркалом, над узлами и прочее. Вера в чудодейственную силу ко-

реньев была распространена в России повсеместно. Цари и сильные мира боялись от корней не только вреда своему здоровью, но даже политических перемен. Влюбленные и охотники до прекрасного пола прибегали к колдуньям просить приворотного корешка или приворотных зелий, собираемых, как думали, в таинственную ночь Купала. Приворотный корень назывался «обратим», то есть обращающий. Колдунья давала этот корень женщине, та должна была положить его на зеркало и смотреться в него. «Как смотрюсь в зеркало да не насмотрюсь (приговаривалось при этом), так бы такой-то на меня не насмотрелся». В одном из травников XVII века подобное приворотное свойство приписывается нескольким травам, например траве кукоос: «В ней корень на двое, один мужичок, а другая женочка: мужичок беленок, а женочка смугла. Когда муж жены не любит, дай ему женской испить в вине, и с той травы станет любить». То же приписывалось траве одолень: «Кто тебя не любит, то дай пить, – не сможет от тебя до смерти отстать; а когда пастух хочет стадо пасти и чтобы у него скот не расходился – держать при себе, то не будет расходиться; похочешь зверей приучить, – дай есть, то скоро приучишь». К числу верований о приворотных средствах принадлежит очень странное – о траве симтарине, которую называли во травах царь-трава о шести листах: «Первый синь, другой червлен, третий желт, а четвертый багров; а брать вечером на Иванов день, сквозь золотую гривну или серебряную; а под корнем той травы человек, и трава та выросла у него из ребр. Возьми человека того, разрежь ему перси, вынь сердце. Если кому дать сердца того человека, изгаснет по тебе. Если муж жены не любит, возьми голову его и по-

ставь против мужа – только что увидит, будет любить пуще прежнего. Десная рука его – добро; если которая жена мужу не верна или муж жене, стерши мизинным перстом, дай пить». Насылка на ветер и выбор следа были чародейства злые: они производились с целью сделать зло человеку, и потому их особенно боялись. В подкрестных записях на верность царю верноподданный присягал, в частности, ведовством по ветру никакого лиху не насылати да следу не вынимати. Насылка по ветру состояла в том, что лихой колдун, знавший искусство возбуждать ветры и направлять их куда угодно своими заговорами, производил ветер, потом бросал по ветру пыль и примолвлял, чтобы так по ветру понесло пыль на такого-то человека, чтобы его корчило, мяло, раздувало, сушило и прочее и прочее. Если обреченная жертва попадала под такой ветер, то с ней сбывалось все, чего желал ей колдун. Выбор следа из-под ноги сохраняется до сих пор. Выбранный след замазывали в печи или сжигали, и оттого иссыхал тот, из-под чьей ноги был взят след. Впрочем, выбирали след и не для злой цели, а для того, чтобы приворожить к себе. Заговоры над мертвыми человеческими костями, рукою и зубами совершались на воровство. Тогда, как и теперь, воры использовали руку трупа для усыпления хозяев в доме, когда хотели их обокрасть. В старину также наговаривали на просфору. Приносили просфору к ворожее, которая произносила над ней примолвления; и этой просфоре сообщалась сила давать успех в делах тому, кто ее держит у себя. Один из самых обычных способов передачи волшебной силы были наузы или узлы; над ними наговаривали и отдавали желающему: им приписывали силу предохранять от разных несчастий. Матери брали от вол-

шебников чародейственные узлы и навязывали их на детей («Баба начнет на дети наузы класть, смеривати, плююще на землю, рекше беса проклинать»). Этот древний обычай отражен в нашей старой летописи, в повествовании о Всеславе, которого мать даже родила при участии волшебства (от волхвования); ему волхвы навязали науз на голову; он носил его всю жизнь, и влиянию этого чародейственного узла приписывались его воинственность и жестокость («того ради немилостив на кровопролитие»). Многие приходили к ворожеям и брали от них наузы для предохранения от всякого рода опасностей («некая бесовская обаяния наузы»).

В старину узлы навязывали на оружие и думали, что придают ему тем самым твердость и способность уничтожать силу оружия противника, как это видно из старинного заговора: «Завяжу я по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пицалах, на луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пицали, спутайте все луки, повяжите все ратные оружия; в моих узлах сила могуча!» На этом основании верили, что некоторые из ратных людей умели так завязывать чужое оружие, что их самих не брали ни пули, ни сабли. Такое мнение существовало и сохранилось в предании о Стеньке Разине. Наузы давались от влияния злых чародеев и от зломыслия врагов вообще, как видно из заклятий: «Завяжи, Господи, колдуну и колдунье, ведуну и ведунье и упирцу на раба Божия (такого-то) зла не мыслити от чернца, от черницы, от красной девицы, от беловолосого, от черноволосого, от рыжеволосого, от русоволосого, от одноглазого, разноглазого и от упирца». Видно, что наузы давались не столько

для того, чтобы придать какую-нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобы предохранить от враждебного действия и уничтожить его силу. Чаще всего наузы давались против болезней не как лекарство, а как предохранительное средство.

Народное воображение всегда старалось отыскивать фантастические причины болезней. Вообще болезни происходили от влияния злых духов или даже сами были злыми духами, или от злого умысла и силы слова, которое может управлять природой человека как на добро, так и на зло. Лихорадка, обыкновенная болезнь, представлялась бесом-трящею («недуги лечат чарами и наузы, некоего беса глаголемого трящю прогоняюще»). Этому бесу-тряще подвластны выходящие из огненного столба двенадцать (по другим источникам, семь) простоволосых девиц, дочерей Иродовых (Невея, Синя, Легкая, Трясуница, Желтуница, Мученица, Огненная, Аки-лед, Временная, Безымянная, Вешняя, Листопадная). Имена семи – не русские: Лилия, Хортория, Зыгрия, Невея, Тухия, Нешия, Жыдня, еще старшая Трясавица; «а иншии все повинны нас слушати» (вероятно, каждая из нас). Их прогоняли заговорами, завязывали наузами и отписывали письменами. В этих письменах писались еллинские имена лихорадок; записочки давали носить больным; другие писали имена лихорадок на яблоке и яблоко клали в церкви во время литургии. Множество разных болезней приписывалось урокам, призорам и сглазам. Под уроками подразумевались злодейственные речи; под последними – недобрые взоры. Лечение состояло в том, чтобы отогнать и уничтожить действие враждебной губительной силы. Ворожеи ис-

пользовали наузы, примолвления, разные манипуляции и зелья. Наузы, как выше сказано, были скорее предохранительным средством; они не допускали враждебную силу действовать, когда придет случай («Хотя мало поболим, или жена, или дитя, то оставльше Бога, врача душам и телам, ищем проклятых баб чародейниц наузов... глаголюще нань наузы навязывати»). Примолвки и заговоры употреблялись как для предотвращения болезней, так еще более как прямое средство против недуга, уже поразившего болящего. Иногда заговоры говорились без особенных обрядов и без посредства вещей, но чаще ворожеи наговаривали на какие-нибудь предметы, особенно съедобные и испиваемые, и придавали им силой своего желания целительное свойство. Вода играла в подобных случаях главнейшую роль, особенно в тех, когда признавалось, что болезнь постигла болящего от призора или сглаза: тогда надо было смыть или сбрызнуть прочь призор, то есть влияние дурного глаза. Бросив в ковш с водой три угля, ворожея в своем примолвлении уговаривала воду обмыть с хворого «хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болезни, щипоты и ломоты, злу худобу и понести за сосновый лес, за осиновый тын». Кроме целебного свойства воде, используемой со знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-ведуньи советовали купаться в реках и озерах во время грозы и в новолуние, умываться с серебра, а потом встречать молодой месяц, и этими средствами хотели предохранить от недугов на будущее время. Время перед восходом солнца считалось особенно знаменательным: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертели масло

и делали другие домашние работы, думая, что изготовленное до солнечного восхода несет в себе нечто особенно важное. Кроме воды, очень часто ворожеи наговаривали на вино, на чеснок, на уксус, на соль; а когда заговаривали грыжу, то использовали медвежий ноготок и громовую стрелу, обмывали их и приговаривали: «Как старой женке детей не раживать, так бы у такого-то грыжи болезни не было». Громовые стрелки, то есть камешки наподобие стрел, которые считались упавшими с неба во время удара молнии, служили у ворожей средством при многих леченьях; но Церковь преследовала их, как и всякие другого рода средства. «Стрелки, топоры громовые – нечестивая, богомерзкая вещь; аще недуги и подсыпания и огненные болести лечит, аще и бесы изгоняет, и знамения творит – проклята есть, и ти исцеляеми ею». Если у кого-нибудь случалась жаба в горле, ворожея лечила тогда придавливаниями с примолвлениями; когда больной жаловался на боль в желудке, ворожеи называли это вообще нутрянной болезнью и лечили разными манипуляциями, среди которых самым обычным способом было накидывать горшки с примолвлениями. Для всяких болезней существовали свои особые примолвки и обряды, по правилам патологии знахарей. Наружное обмывание или мазание тела больного было обычным приемом волхвов: для мазания употреблялись всевозможнейшие вещи, какие только могла породить необузданная фантазия: «Мастию, кою либо мажут или скипидаром, или нефтью, или мышьяком, или кровью человеческою, или млеком, женским и скотским, или медом, или росой, или серою, или дегтем, или хмелем».

К симпатическим средствам принадлежали в

XVII веке орлов камень, рога единорога и змеиные рожки. Орлову камню, по современному суеверию, «Бог дал дивные угоды таковы, что несведущим людям нельзя про него и веры взять». Воображали, что этот камень находят в орловом гнезде. «А держит орел тот камень в своем гнезде для оберегания детей своих, потому что тот камень оберегает от всяких притчей, от поветрия и от всяких зол». Рог единорога считался редким и драгоценным средством не только для исцеления от тяжелых болезней, но и для поддержания цветущего здоровья вообще на всю жизнь. Это верование о роге единорога распространили иностранцы в XVII веке, и сам царь Алексей Михайлович в 1655 году соглашался за три такие рога заплатить десять тысяч рублей соболями и мягкой рухлядью. Говорили, что он длиной до шести пядей и светел, как светло. Небогатые не могли доставать таких дорогих средств и употребляли так называемые змеиные рожки. Их толкли в порошок и давали пить в случае какой-нибудь «нутряной» болезни. Эти змеиные рожки очень часто (и вероятно всегда) были не что иное, как простые кости. Некоторые предохранительные симпатические средства назначались для скотины: «Около скота волхвует: и с камнем, и железом, и сковородою, и с иконами спускают скоты свои». «Если хочешь скота много держать, то медвежью голову пронеси сквозь скот на Иванов день до солнца и вкопай посреди двора, и скот будет вестися; а если у кого скот мрет, и ты с умерлого вели кожу содрать и продать; и что возьмешь за кожу, и ты вели на те деньги купить сковороду железную и вели на ней печь что хочешь, мясо или рыбу, и ешь с той сковороды что

хочешь, а скот твой с тех мест не мрет и здоров будет. Кто животину купит приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велит растянуть пояс женский от верей до верей, да замок положить к верее, а колоду замочную к другой верее, и проведши животину сквозь замок, замкнуть и пояс взять опоясаться, и через мужской пояс животину водят же, от верей до верей растянувши».

К числу чародеев принадлежали, как выше было сказано, и зелейщики – знатоки силы трав и кореньев: у них был свой травник, который они передавали друг другу. Эти травники переходили из рук в руки в списках. Травы собирались знаячи, то есть с таинственным умением доставать их: в каких местах, в какое время и каким способом. Купальская ночь признавалась лучшим временем для этого; некоторые травы считались целительными в известных болезненных припадках. По приказанию Алексея Михайловича, один сибирский знахарь сообщил через воеводу правительству подмеченные им свойства некоторых трав. Из этих известий и из других мы узнаем, что у знахарей были травы на все болезни и на все случаи. Из донесения упомянутого выше знахаря видно, что при грыже давали семя травы, называемой зелейщиками елкий, настоенное для взрослых на вине, а для детей – на молоке; другие советовали пить в уксусе траву ушко, при болезнях застоя мочи и при трудных родах давали в окуневой теплой ухе или в молоке траву колун. Корень девясила употреблялся для жевания от зубной боли; ирной корень настаивался на водке и давался от удушья; от запоров давали губку лиственницы, называемую кимана, в вине или в горячей воде; от той же бо-

лезни сибирский знахарь рекомендовал корень травы, называемой земляная свечка. Из травы под названием петушковы пальцы делали припарку против желваков и других затвердений. От побоев и ран лечили питьем из зверобоя на водке; в тех же случаях употребляли винный настой травы из людин и травы марта. По другому травнику, от побоев и ран рекомендовали травы: девятисил (или девясил), хмельник, ужик и попутник. Настой последней травы давали пить внутрь и примачивали им больные места снаружи. Иногда знахари лечили микстурой из разных трав, кореньев и животных веществ; вот, например, образчик знахарского рецепта: «Знает (он) около Якутска масло, ростом кругло, что яблоко большое и малое, ходит живо, а живет в глухих и глубоких озерах; будет какой человек болен нутряной красной грыжей, или лом в костях, или мокрота бывает нутряная, и сидеть в бане и после того банного сиденья сделать состав: часть того масла, большую часть нефти, часть скипидару, часть деревянного масла, да добыть полевых кузнечиков зеленых, что по травам скачут, да наловить коростеликов красных, что летают в полях, и те статьи положить в горячее вино и дать стоять дней одиннадцать или тринадцать; и после того банного сиденья велеть того больного человека тем составом тереть по всему телу и велеть быть в теплой хоромине, пока тот состав войдет; а делать так не по одно время; и то масло едят и пьют от многих нутряных болезней». Некоторым травам приписывалось чудодейственное влияние против душевных недугов и вредоносного действия зависти одного человека к другому. Тот же сибирский знахарь советует настаивать на

вине или на уксусе земляные груши и есть их сырые в случае тоски или сердечной болезни; а против испуга или дурного влияния, произведенного осуждением завистливого человека, указывает, как на целительное средство, на траву, называемую ероя: следует болящего окуривать этой травой, тереть его по лицу и, намочив в воде, давать есть. Были травы, которым приписывали значение универсальных лекарств; так, в одном травнике XVII века о траве излюдин (растет по старым росчистям, ростом в пядь, собою мохната и листочки мохнаты) говорится: «Кто тое траву ест, и тот человек, живучи, никакая скорбь не узрит телу и сердцу». Трава кудрявый купырь имела силу предохранять от отравы того, кто ее ел натошак. О траве плакун говорится, что ее надо заранее приобрести для того, чтобы искать всякую другую траву, «а без тое травы никакой травы не рвет, потому что от них помощи не будет». Существовало поверье о разрыв-траве, с помощью которой узники ломали свои оковы и воры отпирали замки. Такая трава в травнике, о котором упомянуто выше, называется бель: растет в воде, а коренья добры; возьми и положи в замок, и он отомкнется. Другим травам приписывали предохранительную силу; о траве петров крест говорится, что от нее «никакая скорбь не вяжется, помилует Бог от всякия пакости; а в пир поедешь, возьми ее с собою от еретика и напрасныя смерти». То же думали о паперте, которую доставать следовало только в Купальскую ночь и потом носить всегда при себе; «где пойдет — на того человека никто сердит не бывает, хотя и не друг, а на зло и не помыслит». О траве полотой ниве существовало такое наставление: «Надобно

кинуть золотую или серебряную деньгу, а чтоб железного у тебя ничего не было; а как будешь рвать ее, и ты пади на колено, да читай молитвы, да, стоя на колене, хватать траву ту, обвертев ее в тафту, в червчатую или белую, и беречь ту траву от мерзкого часа; а хочешь идти на суд или на бой, ино никто тебя не переможет». Траву осот рекомендовали держать торговым людям: «Хочешь богат быть – носи на себе, где ни поедешь, и во всяких промыслах Бог поможет, а в людях честно вознесешься». Зелье попутник, повешенное на дворе, отгоняло всяких гадов и вредных насекомых. Траве перенос, кроме таких же предохранительных свойств от укушения гадов и действия нечистых духов, приписывалась такая сила, что если из нее «сердечко положи в рот и поди в воду, то от него вода расступитца»; а травы прострел (сон-трава) и укрой предохраняли дома, где их держали, от нечистых духов. Когда рвешь прострел, то следовало положить на то место, откуда взят корень, великоденское яйцо. Подобные средства употреблялись против порчи: под этим именем в широком смысле разумелось вообще нанесение вреда человеческому здоровью от злоумышления или зложелательства при участии нечистой силы; но в узком смысле сюда относились по преимуществу те нервные болезни, которые внезапно и исключительно ужасом припадков потрясают воображение, настроенное к таинственным толкованиям. Не только верили, но даже избегали сомнения в том, что причины таких явлений надо искать исключительно во влиянии злых духов, а не в обыкновенной природе. Очень часто в разных местностях появлялись беснующиеся и кликуши; в

особенности они толпились там, где была какая-нибудь чудотворная икона или мощи святого, — вообще места, прославленные религиозной святостью. Кликушами они назывались оттого, что выкликали или кликали на кого-нибудь, то есть указывали, что такой-то их испортил. Припадки их усиливались во время литургии. Этим страдали преимущественно женщины. О таких беснующихся ходили изустные и письменные истории самые мрачные и вместе самые затейливые. В одном из сборников XVII века есть замечательная повесть в этом роде об одной священнической дочери, в первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бесов, потому что муж ее неосторожно вышел, оставив дверь отворенной и неосененной крестным знаменем. Бесы таскали ее на болото, терзали и мучили. Она делалась беременной и рождала чудовищ наподобие змей, которые сосали ее до крови. После несказанных мучений эта страдальца исцелилась спасительным влиянием чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо от несчастных, которые действительно страдали нервными недугами, несравненно больше было таких, которые или усвоили себе эти припадки в воображении, или же притворялись; выкидывая разные фарсы, показывали толпе вид, будто пророчествуют. Стоглавый собор просил царя, чтобы он повелел жителям гонять от себя лукавых пророков и пророчиц, которые являлись тогда во множестве. Это были преимущественно старые девки: они бегали босые, с распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, бились и таким образом предсказывали будущее и возвещали народу разные заповеди, вроде следующих: «Бабы, не пря-

дите и печей не топите по средам и по пятницам: святые апостолы и святая Пятница нам являлись и не велели». Другие же подучали людей на всякие пороки. Появление кликуш в городах было истинным наказанием для всего общества; их указания часто принимались и преследовались судом. По одному клику беснующейся женщины брали обвиняемого ею человека и подвергали пыткам; иногда притворные кликуши служили орудием корыстолюбивым воеводам и дьякам; последние нарочно подучали их обвинять богатых хозяев, чтобы потом придираиться и обирать последних; а если кто-нибудь, обезумевший от страданий во время пытки, наговаривал на себя, что он действительно колдун, того сжигали в срубе. Между тем, правительство, получив известие о распространении порчи и появлении кликуш в каком-нибудь крае, посылало туда нарочных сыщиков отыскивать и выводить ведунов и ведуний: всеобщее зло удваивалось. Часто обыкновенная болезнь человека служила началом дела о колдовстве. Больное воображение искало причины болезни и тотчас приходило к мысли, что болезнь происходит от супостатов. Томит сухота сердечная, есть-пить не хочется, свет белый не мил – верно напустили, может быть, из-под ветру или со следа, а может быть, зелья чревоотравного дали, что чаровница собирала в ночь Купала. Домашние придумывали, от кого бы могла случиться беда. Они имели право указывать на ведуна и просить о сыске; стоило только заподозрить в ведовстве – до пытки было недалеко, особенно если у истцов имелись средства, чтобы расположить в свою пользу правосудие. В 1606 году в Перми производилось дело о том, что некоторые ведуны напускали на людей ико-

ту. Обвиняемых жгли, давали на пытках по три встряски, потом сажали в тюрьму. Если после всех операций подсудимый не признавался, то устраивали обыск: священники, посадские, старосты и целовальники с выборными обывателями подавали голоса для окончательного обвинения или оправдания. И обвинители, и обвиняемые равно не бесполезны были для воевод и дьяков. Самый ничтожный факт, если его не могли объяснить, был достаточен, чтобы обвинить человека в колдовстве. Так, во время пожара в Москве при Михаиле Федоровиче хотели сжечь, как колдуна, одного немца живописца за то, что нашли у него череп и никак не могли объяснить себе, для чего он его держит.

Порча сообщалась через разные предметы. Выше было упомянуто о том, как наносили порчу здоровью человека посредством ветра или выемки следа. Точно так же колдуны пересылали свое зложелательство, подбрасывая разные вещи, к которым случайно мог прикоснуться тот, на кого обращалось злое намерение. Вот, например, в Шуе в 1672 году производилось уголовное дело о колдовском подмете: один посадский подал челобитную, что в углу на краю своего огорода он нашел куски печеного хлеба, калачи и немного меда. Волшебство также легко переходило через все, что принадлежит к конской упряжи и вообще к езде. От этого к царским лошадям не допускали никого, чтобы «лихой человек не положил зелья и коренья лихова в их государевы седла, и в узды, и в войлок, и в рукавки, и в наузы, и в кутазы, и в возки, и в сани, и в полость санную, и в ковер, и в попонку». В 1598 году русские присягали Борису, своему государю «в естве и в питье, и в платье или

в ином в чем лиха напасти не учиняти; людей своих с ведовством, да и со всяким лихим кореньем не посылати, и ведунов и ведуний не добывати, на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати» и прочее. Во время войны боялись, чтобы чужие государи не подослали волшебниц испортить государеву семью, и успехи Самозванца всеобщее мнение ничему другому не могло приписать, кроме ведовства. Опасение, чтобы лихие люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не имело границ. Чуть только случилось прихворнуть государыне или кому-нибудь из царских детей, сейчас же подозревали, что их испортили, сглазили или напустили на них худобу. Женщины, составлявшие дворню царицы, жили по большей части в неприязни между собой, соперничали одна с другой и взаимно одна на другую доносили. Если в домашнем царском быту возникал какой-нибудь спор между супругами, этому искали причины в ведовстве и порче. Болезнь царского младенца приписывалась сглазу и порче, и оттого маленьких царевичей и царевен старательно оберегали от человеческих взоров, полагая, что дурное действие недоброго глаза легче подействует на малолетнего, чем на взрослого. То же господствовало и в домах знатных господ; господа, заболев, подозревали слуг, что они нанесли им вред ведовством, а слуги, рассердившись на господ, действительно прибегали к ведунам и ведуньям, чтобы с помощью их знаний отомстить господам. Между тем, волхвы, знахари, ворожеи, ведуны пользовались всеобщим легковерием и делались поверенными в житейских делах всех классов народа; одни портили, другие снимали пор-

чу, предохраняли от нее или отгадывали, кто испортил. Таким образом, между чародеями происходили своего рода поединки, где оружием было их искусство. Они соперничали друг с другом; один думал своим ведовством уничтожить ведовство другого, а между тем, кто-нибудь доносил на них, и обе стороны попадались в руки блюстителей порядка и правосудия, собиравших равные плоды и со злого, и с доброго колдовства, а еще больше с тех, кто прибегал к тому и другому роду колдовства. Церковь строго преследовала всякое ведовство, не щадя даже и лечения, относившегося вообще к зелейничеству. В монастырских имениях волхвов и баб ворожей считали наравне с ворами и разбойниками. Правительство в XVI веке определило, следуя внушениям Церкви, преследовать волхвов, чародеев и звездочетов, как клятвопреступников, хулителей и подстригателей усов. Не только преступников подвергали кнуту и лишению имущества, но целая община, где жили чародеи и волхвы, облагалась денежной пеней. В XVII веке повсеместно преследовали ведунов, ведуний и зелейников, сажали под стражу проезжих людей лишь за то, что находили у них корешок; заточали в монастырь того, кто вздумал бы попробовать поучиться заговорным словам; сжигали и тех, кто имел их при себе. Народная месть преследовала колдунов и колдуний в эпохи общественных бедствий, например, засухи или излишней влажности, вредной для хлеба; тогда делали заключение, что несчастье происходит от ведунов, умеющих владеть обилием и скудостью, и обрекали на сожжение тех, к которым редкий из народа не прибегал прежде в своих нуждах. Вообще преследовавшие чародейство, как зло, часто уступали всеобщему суеверию и обра-

щались к нему за помощью. Сам благочестивый царь Алексей Михайлович, столь преследовавший ведовство, как богопротивное дело, в 1650 году приказывал стольнику Матюшкину высылать крестьян в Купальскую ночь искать сераборинного света, инпериковой и мятной трав и дягилю, а перед концом своей жизни, в 1675 году, приказывал воеводам в Сибири, которая по своей отдаленности представлялась в народном воображении страной таинственных

Василий Корень. Библия в картинках. Лубок XVII в.

сил и чудес, собирать знахарей, узнавать от них о травах и сами травы присылать в Москву.

Благочестивые люди не только гнушались обращаться к чародеям, но вообще считали грехом искать в чем бы то ни было помощи от несчастий, кроме молитвы, и приписывать их чему бы то ни было, кроме Божьего гнева.

Во время морового поветрия при Алексее Михайловиче многие полагали, что бедствие это происходит «от звезд тлетворных, и воздымлений, и воспарений земных и морских, и прахов, и зловония мертвечин, и дождей летних»; другие же укоряли таких толкователей и доказывали, что другой причины, кроме кары Божией за грехи, не следует искать. Патриарх Никон, не отвергая последнего толкования, допускал, однако, и толкования первого рода и на этом основании доказывал, что тот не грешит, кто уезжает из города, где свирепствует зараза, что, напротив, тот, кто подвергает себя явной опасности, равняется тому, кто сам на себя накладывает оружие. Но так как в старину даже в «Стоглаве» объяснено, что Бог наказывает страну, человеков и скотов падежом и тлетворными ветрами, иногда же пожарами, иногда же голодом и войной за тяжелые пороки и в том числе за содомский грех, то старые благочестивцы вооружались против подобных умствований и советовали, по примеру святых мужей, Бога ради переносить с благодарением многоразличные недуги и болезни.

Избегая чародейства, набожные люди верили в его силу в простоте ума, и если случалось кому заболеть, то хотя и приписывали свое несчастье напуску или волхвованию, однако не прибегали к добрым колдунам, а искали помощи в религиоз-

ных обрядах и всегда были под страхом влияния таинственных сил; везде видели бесов, которые очень часто в их воображении походили больше на шалунов, чем на искусителей к пороку. Духовные лица, благочестивые старики и старухи сами боялись бесов, а других ими пугали и требовали, чтобы человек был всегда настороже против врагов человеческого рода, вооруженный молитвой и крестным знаменем. Иногда бесы поселялись во дворах и домах, производили стук, пугали привидениями и вообще делали разные шалости. Верившие знахарству использовали против этого различные симпатические средства, например, «сжечь совиные кости и тем дымом храмину свою кадить и двор курить – и исчезнет бес, а потом ослиным салом назнамену́й двери, и всякое зло, которое найдет на двор, исчезнет. Для того же хорошо держать корольковое камень: от него нечистый дух бегаёт, потому что тот камень крестообразно растёт». Набожные люди прогоняли из домов своих бесов внесением чудотворных икон, как о том гласит надпись на ограде церкви Гребенской Божией Матери в Москве. Ангел-хранитель всегда стоит на страже вверенной ему души против действия злого духа, и потому к нему нужно поминутно обращаться. Каждый день, в первый час дня, ангел-хранитель является на поклонение Богу и объявляет все дела и мысли человеческие. Поэтому надо всегда прилежно молиться и благодарить Бога в конце дня и в конце ночи, именно тогда, когда ангелы являются для поклонения Богу. Этой молитвой человек предохраняет себя от наветов злых духов. Приступая к какому-нибудь делу, следовало прежде всего помолиться и осенить себя крестным знаме-

нием, иначе бесы сделают какую-нибудь пакость. Готовится ли женщина топить печь или варить еду или садится она за пядьцы, следовало прежде всего умыть руки, сделать три земных поклона, проговорить: «Достойно есть», перекреститься и, принимаясь за саму работу, еще раз призвать Божье благословение, сказав: «Господи, благослови!» Если это исполняется, тогда сами ангелы помогают невидимо и дело спорится и хорошо делается, и еда и питье выйдут впрок, и шитье крепко сошьется. Напротив, если при работе начнется смех, игры и празднословие, тут нечистые духи – бесы радуются и посмеиваются, а ангелы отойдут в сторону и тоскуют: тогда и еда плохо сварится, и хлеб дурно спечется, и шитье сошьется не крепко и не ладно. Идя по воду к источнику или реке, женщина должна была, опуская в воду ведра, сказать молитву, а иначе бесы испортят воду. Многие освящали свою посуду и, принося в церковь, просили священников окропить ее святой водой, прочитав над ней молитву и пропеть духовную песнь. После этого надеялись, что кушанье, сваренное и поданное в такой посуде, будет и лучше, и неприступнее для шалостей беса. Ложась спать, следовало окрестить кругом ложе и все углы, чтобы не допустить бесов до каких-нибудь проказ над спящим. Существовали особые молитвы, которым приписывали бесоизгонительную силу. Так, обращались к святому врачу Никите со следующими словами: «За шесть дней бегайте от меня, бесы, молитвами святаго, славнаго мученика, врача Никиты. Благословен Бог во веки, аминь. Сам Господи, блюди раба своего (имярек) на пути, на постели, у воды, на встрече и на всяком месте владычества

Его; отпусти, сатана, и от сего дома, и от всего здания, и от всех сих четырех стен и от четырех углов. Зде Святая Богородица Христа рождает, зде четыре евангелиста почивают, зде святые апостолы Петр и Павел, зде святой Кирилл крест держит и хранит ложе раба Божия (имярек) во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Крест на мне, крест у меня, крест надо мной, крестом ся огражаю, крестом диавола побеждаю и от тех стен, от тех углов; зде тебе, окаянный диавол, ни части, ни места, всегда ныне и присно и во веки веков, аминь». Перед посевом приносили хлебное зерно в церковь и святости его; так делали и после жатвы. Во время еды или питья благочестивые крестились чуть не за каждым глотком, прогоняя дьявола. При выезде из дома непременно нужно было призвать священника и отслужить молебен, иначе бесы что-нибудь настроят в дороге. Когда дворянин отправлялся в дальний путь на воеводство, тогда было уже недостаточно моления простого священника; он отправлялся к архиерею и получал от него благословенную икону. Некоторые были столь благочестивы, что носили в руках четки и при всяком свободном случае перебирали их, ходя и сидя, шептали подряд шестьсот раз: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного», а потом подряд сто раз: «Владычица моя Богородица, помилуй мя грешного!» Грамотные объясняли, что если кто-нибудь так делает три года подряд, то в первый год в него вселится Христос, во второй год – Дух Святой, а в третий год – сам Бог-отец. Таким образом, при всяком начинании дела, и важного, и неважного, русский благочестивый человек всегда прибегал к религиозному обряду. Одно старинное поучение о крест-

ном знамении говорит: «Без него ни начинай, ни кончай ничтоже, но и спя, и вставая, и делая, и путем шествуя, аще или по морю плаваеши, или рекою возишися – вся своя узы животворящим крестом утверди, и не причинит тебе зло». Быть благочестивым, по понятию большинства, значило: знаменоваться крестом, класть земные поклоны, почитать образа, ходить в церковь с приношениями, слушаться духовенства и соблюдать посты.

Чем благочестивее был человек, тем больше у него в доме стояло образов, тем наряднее они были украшены. Иконы были первой необходимостью; где не было икон, тот дом для русского не мог казаться христианским. Украшения образам давались часто в благодарность за оказанную помощь: например, русский купец молится перед образом св. Николая и просит успеха в торговле; если ему повезет, он в знак признательности делает угоднику золотой или серебряный оклад. Были и противные случаи.

Если у хозяина дурно идут дела, несмотря на его усердные молитвы, он, помогая себе в житейских нуждах, снимет с образа оклад. Повсюду были множество чудотворных образов. Они являлись где-нибудь на полях и в лесах, производили чудеса; о них доносили правительству, а правительство уснащивало празднество. Кроме таких святых икон, чудотворения которых признавались Церковью, были в частных домах иконы, которые почитались чудотворными в тесном кругу семейных знакомых. Молельщик замечал, что желание его исполняется, когда он молится особенно такому-то образу. Действие приписывалось не только заступничеству святого, лик которого изображался на об-

разе, но и силе, заключающейся в самой иконе. Поэтому, если, например, русский был с кем-нибудь в ссоре или тяжбе, то боялся, чтобы соперник его не помолился этому образу и чтобы тем самым не приобрел успеха против него самого. Из уважения к святым иконам считалось грехом прикоснуться рукой к лику святого, и это верование служило, в частности, поводом к тому, что иконы обкладывались одеждой. Когда образ несли, то из благоговения держали над головой высоко; каждый, кто встречался, должен был креститься и кланяться. Если в комнате совершалось что-нибудь непристойное – образа задергивали пеленой. Уважение к иконам не позволяло выразиться, что образа покупаются; говорили же: меняются; хозяин, желая поменять свой старый образ на новый, приносил его в иконную лавку, оставлял и клал деньги; если купец находил, что дают дешево, то, ни слова не говоря, отодвигал от себя деньги, и покупатель должен был прибавлять, пока купец находил достаточным. Если образ сгорит, непристойно было сказать: он сгорел, а следовало выразиться: он выбыл, как и о сгоревшей церкви говорилось: она вознеслась, а не сгорела. Впрочем, старые образа позволялось бросать в реку, сказав прости, но тот, кто находил образ на воде, почитал такую находку знаком благодати. Поругание святых икон, по русским понятиям, вызывало гнев Божий на целый край: в 1642 году многие подавали царю совет начать войну с турками на том основании, что турки овладели в Азове образом св. Иоанна Предтечи; это внушало опасность навлечь на всю Россию месть святого. В равной степени русские чествовали книгу святого Евангелия, хотя бы и в частном доме. Святое Евангелие следовало брать в руки

не иначе, как с благоговением, с поникшей главой и после крестного знамения.

Святой крест считался знамением мира и союза. Всякий договор или обещание по своей важности подтверждались целованием креста, а нарушение такого договора называлось преступлением против крестного целования. Каждый имел на себе непременно крест; духовные запрещали снимать крест с шеи, когда человек идет купаться в реку или мыться в мыльне. Коль скоро приходилось обещать что-нибудь важное или утвердить истину сказанного, снимали его с себя и целовали. В старину было в обычае меняться нагрудными крестами; совершив такой обмен, считали себя обязанными быть задушевными друзьями и помогать друг другу во всех случаях жизни.

Святые мощи были всеобщим предметом поклонения; к ним стекались болящие и искали исцеления. Независимо от поклонения мощам, хранившимся в церквях и монастырях, многие богатые люди имели у себя в доме частицы мощей в крестах или на образах; возбранялось носить крест с мощами на шее. Вода, которой обмывали мощи, считалась целительной и употреблялась набожными людьми при разных недугах. В старину очень часто появлялись мощи, и кроме тех, которые были открыты и признаны Церковью, возникало в разных местах поклонение памяти усопших, которые по образу жизни заслуживали уважение народа. Так, в 1626 году в Пошехонском уезде народ стал собираться около рябины, которая выросла на могиле убитого разбойниками инока Адриана, и народный говор гласил, что многие страждущие получали на этом месте исцеление.

С этими верованиями соединялось уважение к храму Божьему. Строить церковь считалось делом христианской добродетели и лучшим средством к спасению и отпущению грехов. Нельзя было пройти мимо церкви, не сделав троекратного знамения с поклоном.

Благочестивый человек считал большим грехом не пойти в церковь в праздник не только к литургии, но к вечерне и к заутрене. «Когда вы услышите клепание в церкви, – говорит одно духовное поучение, – оставляйте всякое дело и идите в церковь». Следовало в церкви стоять со тщанием и трепетом, потупив глаза и сложив крестообразно руки, и не вести друг с другом пустошных речей. «Велико милосердие Божие (говорит то же поучение), что огонь, – не сойдет с неба и не пожрет ведущих разговоры во время божественного пения». Склоняться на стену и переступать с ноги на ногу от усталости считалось грехом; равным образом считалось недостойно славы Божьей уходить из церкви до окончания служения. Палку оставляли вне церкви. Во избежание сходства с католиками в старину православные не становились на колени, но благочестивые люди усердно клали поклоны и от этого на лбу у них были шишки. Женщины входили в особые двери и стояли в особом притворе; знатные госпожи становились в церквях за решетками, стояли, потупя глаза в землю, и особенно старались сделать скромный вид, когда мимо них проходил священник. Простые женщины не так часто ходили в церковь, как мужчины, и обыкновенно на короткое время, чтобы поклониться иконам. Всякому сколько-нибудь состоятельному человеку вменялось в благочестивую обязанность являться в храм Божий с приношени-

ем, например, со свечой, с просфорой, фимиамом, ладаном, кутьей или милостыней. По толкованию набожных людей, дар тогда только принимался Богом, когда было приношение от праведного имения и когда богомолец не таит в душе ни к кому ни злобы, ни гнева. «Аще кто идет к церкви со страхом Божиим, со всем сердцем, гнева не имеет, но сияет душа его яко солнце и восходит молитва его яко темьян: тогда ангел мой исходит из алтаря, нося кисть в руку свою и знаменает его на челе и тако почиет на нем Дух Святый». Давать в монастыри считалось особенно спасительным делом: «Что имате потребно – несите к нам, то бо все в руке Божии влагаете». Кроме денежных вкладов и недвижимых имений, некоторые дарили одежды и посылали братии кормы, то есть съестные припасы. Некоторые знатные люди доставляли в монастыри ежегодные подношения. Во время болезни или перед кончиной страждущие думали уменьшить тяжесть грехов вкладами в церковь и завещали иногда в разные церкви и монастыри особые вклады и кормления на братию. Если умирающий не успевал распорядиться формально, то наследники, зная его волю, считали долгом поскорее исполнить ее для успокоения души усопшего. Нередко старый человек, чувствуя истощение сил, поступал в иноческий чин и при этом всегда давал дар или доход; в таких случаях богатые помогали бедным, давая им на пострижение. По народным понятиям, сделать вклад по душе значило проложить душе верный путь к спасению, и это верование было причиной больших богатств монастырских.

Однако уже достаточно распространилось учение о том, что давать на монастыри недвижимое

имение не только не спасительно, но даже вредно. В книге «Златой Матице» в одном поучении рассказывается, что некий святой отец имел видение об одном умершем, которого считали все спасенным, потому что он записал в монастырь имение, и который на самом деле за это самое был осужден: «И осуждена бысть душа его мучиться святого ради, и молящихся Святей Богородице и Предтече Иоанну о душе той и слышах глас глаголющ: кто даст село, да отпустят то село от монастыря, тогда душа отпущена будет от муки».

Священники и монахи были лучшими советниками и друзьями благочестивых людей. Каждый имел у себя духовника, к которому прибегал в своих житейских нуждах: приглашал для совета и утешения во время какой-нибудь печали, болезни или царской опалы. Для духовника не было скрытой домашней тайны. Он был наставником и другом, занимал в доме всегда первое место; для него не щадили приношений; ему кланялись до земли. Осуждать духовных считалось, по нравственному учению, большим грехом: «Несть вам подобно на священники хулы возвещати, – говорит одно поучение, – ибо по вся дни за тя, и за твою братью, и за вся верныя службу творят и заутра, и в полудни, и в вечер молят Бога в церкви и в домах, и у креста молитвы творят... Учения его (священника) слушай, и аще право учит, не пытай его учения и не укоряй его, добре бо за тя Бога молит. Клеветы же не принимай ни на единого чернца глагол: аще видиши согрешивша, послушай Бога рекшаго: не осужайте, да не осужени будете; минувшу же тя на пути не стыдися главы своея поклонити». Другое благочестивое размышление о судном дне воскли-

цает: «О, горе тому человеку в день судный, аще кто станет попа укоряти: не попа укоряет, но Церковь Божию». Государи, столь неприступные, преклонялись перед духовными властями, и Алексей Михайлович обращался с патриархом Иосифом столь почтительно, что кланялся ему до земли. Конечно, этот обряд смирения не мешал царям поступать иногда очень самовластно с духовными лицами. Со своей стороны, духовенство, которого было чрезвычайное множество, не пропускало случая, чтобы не получить выгод от своих советов. На большой дороге и на берегу рек всегда можно было встретить духовных, которые, завидя проезжего, спешили благословить его крестом, чтобы получить награду за свое благословение.

После духовных благочестие обращалось к так называемым юродивым и нищим. В каком почете были в старину юродивые, видно из того, что сам Иван Васильевич Грозный терпеливо выслушал горькие речи юродивого, приглашавшего его в пост поесть мяса на том основании, что царь ест человеческое мясо. Кроме юродивых мужчин были также юродивые женки, ходившие со двора на двор, уважаемые хозяевами и вместе забавлявшие хозяйских детей. Иногда юродивые жили при домах, особенно при архиерейских; так, Никон, когда выезжал в дорогу, то брал с собой какого-то юродивого Василия Босого.

Вера, что милостыня нищему есть достойное христианское дело и ведет к спасению, породила толпы нищенствующих на Руси. Не одни калеки и старицы, но люди здоровые прикидывались калеками. Множество нищих ходило по миру под видом монахов и монахинь и странствующих бо-

гомольцев с иконами – просили как будто на сооружение храма, а на самом деле обманывали. В каждом зажиточном доме поношенное платье раздавалось нищим. В больших городах на рынках каждое утро люди покупали хлеб, разрезали на куски и бросали толпе оборванных и босых нищих, которые таким образом выпрашивали себе дневное пропитание. Случалось, что эти самые нищие, напросивши кусков, засушивали их в печке и после продавали в качестве сухарей, а потом снова просили. Часто дворяне и дети боярские, пострадавшие от пожара или неприятельского нашествия, просили милостыни, стыдясь заняться какою-нибудь работой. Если такому попрошаю говорили, что он здоров и может работать, дворянин обыкновенно отвечал: «Я дворянин, работать не привык; пусть за меня другие работают! Ради Христа, Пресвятыя Девы и святого Николая Чудотворца и всех святых подайте милостыню бедному дворянину!» Часто такие лица, наскуча просить милостыню, меняли нищенское ремесло на воровское и разбойничье. Вообще, прося милостыню, нищие возбуждали сострадание унижительными причетами, например: «Дайте мне и побейте меня. Дайте мне и убейте меня!» Другие читали нараспев духовные стихи жалобным голосом. Благочестивые люди приходили в умиление от такого рода песен. Между нищими вообще было множество злодеев, способных на всякие незаконные дела. В XVII веке они крали детей, уродовали их, калечили руки и ноги, выкалывали глаза, и если жертвы умирали, то их хоронили в погребах, а если переживали муку, то возили по селениям, чтобы возбуждать видом их страданий участие.

Случалось, что вдруг пропадет дитя, игравшее где-нибудь на улице: его сманивали нищие, соблазняя яблоками и орехами. В XVII веке рассказывали один ужасный случай. Пропало у матери дитя. Через некоторое время в толпе нищих мать услышала жалобный крик: «Мама! Мама!» Открылось, что эти нищие, числом четверо, совершали уже семнадцать лет такую спекуляцию и много детей украли и изуродовали. Несмотря на такие случаи, расположение к нищим от этого не охладевало. Русский, видя несчастного, который просит подаяние во имя Христа и святых, не считал себя вправе судить его, а полагал, что долг христианина помочь тому, кто просит; справедливо ли или несправедливо он просит и куда бы ни употребил то, что ему дано, – в этом судит его Бог. На таком основании русские также сострадательны были к колодникам, преступникам, содержащимся в тюрьмах, которых посылали со сторожами просить милостыню для пропитания. Благочестивые люди отправляли в тюрьмы кормы и раздавали колодникам перед праздниками одежду. Сам царь в урочные святые дни, когда ради вселенских церковных воспоминаний кормили нищих и раздавали им подаяние, отправлялся лично в тюрьмы к заключенным и подавал им милостыню из собственных рук. Иногда даже тюремные сидельцы получали сравнительно больше, чем содержащиеся в богадельнях раненые воины. Иностранцам казалось странно, что люди, наказанные кнутом, не только не отмечались народным презрением, но еще возбуждали к себе участие и внушали даже некоторого рода уважение к своим страданиям. Никто не стыдился не только ласково говорить с ними, но даже вместе с ними есть

и пить. С другой стороны, и палачи не были в презрении; это звание давалось иногда торговым людям и так было выгодно, что его перебивали друг у друга. Таким образом, всеуравнивающее сострадательное чувство заставляло в несчастном видеть одно несчастье и подходить к нему с добрым движением сердца, а не с осуждением.

Соблюдение поста было для всех безусловной обязанностью. Начиная от царя и кончая последним бедняком, все строго держались правил употребления пищи по предписаниям Церкви в известные дни. Великий пост и Успенский, среды и пятницы соблюдались с большой строгостью, а прочие два: Петров и Рождественский (Филиппово заговенье) слабее; лицам, находящимся в супружеском союзе, не предписывается телесного воздержания в эти посты; многие благочестивые семейства в продолжение Четырехдесятницы ели только в определенные недельные дни, а в другие совсем не вкушали пищи. Последние два дня перед Пасхой почти повсеместно проводились без пищи, по церковному уставу. Пост считался средством умиловления Божьего гнева и в случаях общественных бедствий, и в частных несчастиях. В эпоху Смутного времени, в 1611 году, наложили пост на неделю: в понедельник, вторник и среду не есть ничего, а в четверг и пятницу – сухоядение. В 1650 году, в связи с уничтожением хлеба саранчой, наводнениями, пожарами и падежом скота, положено было в Рождественский пост поститься строже обыкновенного и ходить каждый день к заутрене, литургии и вечерне. В некоторых местах всеобщий пост налагался на жителей в качестве предупреждения бедствий, о которых носились слухи со сто-

роны; так, в 1668 году, по случаю разнесшейся вести о землетрясении в Шемахе, в Астрахани и Терке, наложили строгий пост. Если в какой-нибудь общине, посадской или сельской, случалась болезнь, падеж скота, неурожай или какое-нибудь другое несчастье, жители думали избавиться от него наложением строгого поста на всех членов своей общины. Так, например, налагались обетные пятницы, то есть столько-то пятниц проводить без пищи. Другие, по благочестию, сверх установленных Церковью еженедельных постных дней – среды и пятницы – постились постоянно по понедельникам. Но если, по понятиям маломыслящего, пост достаточно достигался соблюдением воздержания от пищи и не отступлением от налагаемых обычаям правил, то для истинно благочестивого наружный пост был бесполезен без дел христианской любви. В одном старинном слове «О Хлебе» говорится: «Кий успех убо человеку алкати плотию, а дела разоряюще; кий успех человеку от яди воздержатися, а на блуд совокуплятися; кая убо польза немывущемуся, а нагого не одежуще. Кая польза есть плоть свою иссушающему, а не кормящему алчнаго; кий успех есть уды сокрушати, а вдовиц не милувати, кий успех есть самому томитися, а сирот томимых не избавляти». Другое поучение с такой резкостью выражается о бесплодии соблюдения наружного поста без внутреннего благочестия: «Аще кто не пьет питья, ни мяс яст, а всякую злобу держит, то не хуже есть скота; всяк бо скот не яст мяс, ни питья пьет; аще ли кто на голе земле лежит, а зломыслит на друга, то ни тако хвалися; скот бо постели не требует, ни постелющаго имать».

Несмотря на глубоконравственное значение,

какое вообще придавали строгому подчинению Церкви, русское благочестие основывалось больше на внимании к внешним обрядам, чем на внутреннем религиозном чувстве. Духовенство почти не говорило проповедей, не было училищ, где бы юношество обучалось закону Божию.

Русские вообще редко исповедовались и причащались; даже люди набожные ограничивались исполнением этих важных обрядов только однажды в год – в великую Четырнадцатую. Другие не исповедовались и не подходили к святым дарам по нескольку лет. Притом исповедь для толпы не имела своего высокого значения: многие, чтобы избежать духовного наказания от священников, утаивали свои согрешения и после даже хвалились этим, говоря с насмешкой: «Что мы за дураки такие, что станем попу сознаваться». Часто владыки жаловались на холодность к религии и обличали мирян в уклонении от правил Церкви. В XVI веке митрополит Макарий замечал, что в Новгородской земле простолюдины не ходят в церковь, избегают причащения; а если и приходят когда-нибудь в храм, то смеются и разговаривают между собой, не показывая вовсе никакого благочестия. В XVII веке до сведения патриарха Филарета дошло, что в Сибири русские, сжившись с некрещеными народами, забыли даже носить на себе кресты, не соблюдают постных дней и сообщаются с некрещеными женщинами. Некоторые русские в восточных провинциях Московского государства, живя в наймах у татар, соблазнялись увещаниями их хозяев и принимали татарскую веру. Коль скоро нет внутреннего благочестия, наружное соблюдается только до тех пор, пока действующие извне обстоятельства поддерживают

привычку; в противном случае и сами обряды не тверды, и человек гораздо легче их нарушает, нежели как кажется, судя по той важности, какую он придает им. Сообщники Стеньки Разина ели в пост мясо, бесчинствовали во время богослужения, кощунствовали над святыней и убили архипастыря, несмотря на его священный сан; а при Михаиле Федоровиче Иван Хворостинин, как только познакомился с литературными трудами Запада, тотчас начал вести такую жизнь, что навлек на себя укор патриарха в том, что против Светлого Воскресения был пьян, до света за два часа ел мясную пищу и пил вино.

Изолированные от прочих народов, со своей особой верой, русские составили себе дурное понятие о других христианских народах, а долгое страдание под игом нехристиан укоренило в них неприязненность вообще к иноверцам. Русские считали только одних православных в целом мире христианами и в отношении веры смотрели с презрением на всех иноземцев, хотя они мало-помалу сближались с ними, принимали начала их жизни в свою жизнь, но вместе с тем, чувствуя, что они многому должны у них учиться, вознаграждали это неприятное сознание национальным высокомерием. Греция передала нам свою антипатию к мусульманам, которая еще более усилилась на русской почве, соединившись с воспоминаниями о татарском иге. Все западные христиане носили в понятии русского имя немцев; их признавали некрещеными. По понятию строгого благочестия, не только дружба с немцами, но само прикосновение к ним оскверняло православного. На этом основании, когда великие князья и цари принимали послов и допускали их к руке, то затем обмывали руку, чтобы стереть с нее оскверняющее

прикосновение еретика. Духовные постоянно остерегали православных от кумовства и братства с латинами и армянами и побуждали правительство к мерам, преграждавшим сближение с иностранцами. В 1620 году духовенство просило не допускать немцев покупать дворы и держать у себя русских людей, потому что от этих немцев бывает православным осквернение. Так, патриарх Никон, человек, возвысившийся по образованию над своим веком, выпросил у царя изгнание из Белого города в Москве купцов иностранной веры. В особенности сильна была в XVI и XVII веках ненависть к католичеству. Католическая вера называлась не иначе, как еретическая, проклятая, и католики считались погибшими для царствия Божия людьми. После Смутной эпохи ненависть эта усилилась. Русские хотя и считали нехристями протестантов, но терпели их в своем отечестве, а на католиков не могли ни смотреть, ни слышать о них, им не позволялось жить в пределах Московского государства. Эту ненависть поддерживали еще поступки католиков в Западной Руси и события в Малороссии, в которые втянулась Москва. Русские видели в них прямых врагов своей веры, покушающихся ее истребить. Когда царь Алексей Михайлович завоевал Вильну, то почитал себя вправе выгонять всех униатов и требовал, чтобы те, которые захотят остаться в городе, возвратились к православию; а когда завоеван был Могилев, то запретили католикам и евреям быть в нем чиновниками. Народ ненавидел также наравне с католиками и евреев, ни одному еврею не позволено было жить в Петербурге; а духовные и благочестивые люди остерегали народ принимать от евреев, занимавшихся медициной, лекарства.

С неприязнью к иноземцам соединялось и отвращение ко всему, что составляло для русских достоиние чужеземщины. Таким образом, русское благочестие почитало преступлением учиться наукам, искусствам или чужеземным языкам: на это смотрели, как на колдовство или наваждение дьявола. Сами вельможи обращались с иностранцами холодно и всегда старались показать, что они себя считают выше них. Простой народ верил, что все, что не русское, пропитано дьявольской силой, и когда иностранцы ехали при посольстве в Москве, то мужики, увидя их, крестились и спешили запереться в свои избы, «как будто бы, – говорит один англичанин, – мы были злоеющие птицы или какие-нибудь пугала»; только смельчаки выходили смотреть на иноземцев, как на редкое произведение природы.

Правительство хотя и постоянно поддавалось невыгодному взгляду на иноземщину – взгляду, который поддерживало духовенство, но в то же время пользовалось услугами иностранцев и привлекало их в свою страну. Этой системе следовали все государи, один за другим. Иоанн Васильевич Грозный был расположен к иностранцам, считал их открыто выше и лучше своего народа, производил себя от немецкой крови и оправдывал перед ними свои злодейства тем, что, по его выражению, царствовал не над людьми, а над зверьми. При Алексее Михайловиче, несмотря на его правоверие, большая часть военных начальников была из иностранцев, и наконец при дворе начали входить иноземные обычаи. Остановливая ненависть народа, правительство неоднократно издавало указы, чтобы народ не бранил немцев и вообще всяких иностранцев, в том числе и малороссиян, поносными словами; а в отношении нехристианских

народов, входивших в состав Русского государства, удерживало фанатизм прозелитизма, запрещая насильно крестить инородцев и покупать мальчиков для крещения. Время показывало, что и в народе неприязнь к иноземщине была не так крепка. Собственно, в русском народе не существовало национальной неприязни к иностранцам: она была только религиозная, как к иноверцам, и потому иностранец, принявший русскую веру, пользовался всегда особым расположением. Множество пленников входило в число домашних слуг. Таким образом, разные народности на Руси смешивались с русской народностью, вливая в нее чуждые элементы. В числе служилых людей повсеместно были немцы, поляки, литовцы. Сначала сближала с иноземцами торговля: в Архангельске, главном торговом пункте, браки между иностранцами и русскими женщинами сделались уже не редким исключением. Как ни велика казалась неприязнь ко всему польскому, в Смутное время едва только объявлено было о воцарении Владислава, многие великорусские дворяне начали в письмах своих и официальных бумагах писать полурусским языком, сбиваясь на лад западнорусской речи.

ОЧЕРК ТОРГОВЛИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

ГЛАВА I

Совокупность местных особенностей и вековые обстоятельства истории наложили своеобразное очертание на все проявления жизни народа, населявшего Россию. Плоскость пространства, суровый климат, отдаленность от театра умственной и гражданской деятельности цивилизованного человечества, близость к кочующим племенам, от которых Россия должна была защищать первые начатки своей образованности, слишком слабые не только для того, чтоб обновить жизнь других, но и для того, чтоб развиваться своенародно при неблагоприятных обстоятельствах; наконец, долговременное иго татарское, из-под которого Россия освобождалась медленно, не путем открытого сопротивления и

борьбы, но пользуясь игрою случая и выбором обстоятельств, – все это вместе подготовило для России тот образ, в котором ее быт являлся в XVI веке, когда она, освободившись от чуждого завоевания, установилась на основании государственного единства и начала новый период своей истории, определяемый названием московского. Эти условия жизни отразились, между прочим, и на нашей торговле. Количественное богатство материалов страны, более девственной и обширной, чем плодородной; скудость рукодельных произведений; труд производителя, тяжелый, вынуждаемый чаще всего внешними побуждениями необходимости и неизбежности, иногда тою отвагою, которая рождается вследствие терпения, редко изобретательностью и сознательною надеждою на успех; неудобства путей сообщения, подвергавшие торговцев невыразимым лишениям и опасностям; незнание техники чужеземных произведений; неведение способов их приобретения и сбыта своих собственных; недоверчивость к собственным силам и чужой добросовестности, а вследствие того стремление обманом предупредить обман; задержки и препятствия, которые на каждом шагу полагались торговой деятельности, – вот черты, отличавшие русскую торговлю и составлявшие ее исключительный характер.

Падение Новгорода, убив древний порядок раздельности и вечевого порядка удельного периода, не осталось без важных изменений в торговле. Иоанн III, переселив во внутренность Московии знатнейшие новгородские фамилии, разрушил вековую корпорацию новгородских гостей, которые до того времени составляли как бы компанию, державшую в своих руках всю торговую деятельность

древнего русского мира и исключительно управлявшую торговлю с Западом. Но, собственно, Новгород, в смысле его местности, еще долго не терял прежнего значения; под властью Москвы он, по крайней мере, до открытия беломорского пути, не перестает быть важнейшим пунктом торговых сношений России с Европою. В Новгороде был главный обмен русских сырых произведений на иноземные рукодельные. С разных сторон России стекались туда купцы: москвичи, тверитяне, смольняне – с медом, воском, мехами, солью, рыбою, лесом, пенькою, льном, угольями, и возвращались с сукнами, материями, драгоценными металлами. Покупаемые или вымениваемые товары отправлялись из Новгорода двумя путями: в Город и в Псков, а из Пскова в Ригу и Литву. Из иностранных купцов, торговавших в Новгороде в начале XVI века, первое место занимали фламандцы, за ними литвины. Такое стечение купцов давало ему значение первого торжища во всей России.

Из городов, соседних с Новгородом, занимало важное место Белоозеро, перевалочный торговый пункт между Новгородом и северо-востоком России; там был постоянный торг или ярмарка, куда съезжались купцы тверские, новгородские и других городов, а равно из монастырей, занимавшихся тогда большою торговлею. Сами белоозерские торговцы производили значительные закупы разных оптовых товаров, например соли с Северного моря, и перепродавали купцам других городов. В XVI веке не только самый город, но и прилежащие к нему населения начали принимать торговый характер; но московское правительство, наблюдая свои выгоды и опасаясь, что, при расширении тор-

говых пунктов, трудно будет следить за собиранием пошлин, в 1497 году уничтожило торги в селах, исключая одного города и волости Углы. Судьба Пскова была подобна судьбе Новгорода. Падение веча в 1510 году сопровождалось такими же переселениями псковских купеческих фамилий во внутренность Московского государства и замещением их московитянами. И здесь угасла вековая торговая корпорация местных старожилов, а новые общественные условия не позволяли новому купечеству со временем сделаться тем, чем было прежде. Василий Иоаннович уничтожил вместе с гражданской свободой Пскова и торговую вольность его, ввел тамгу и пошлины, лежавшие на торговле в Московском Государстве, которых никогда не знали в Пскове. Таким образом, выгоды, которые извлекали псковские купцы, бывшие, по положению своего отечества, факторами между Европою и Россиею, не оставались уже для них исключительным достоянием, а переходили в руки правительства. Но Псков не перестал быть городом, важным для торговли. Он стоял на распутьи торгового обмена. Мы выше заметили, что часть товаров, выходивших из Новгорода, приходила в Псков. Самый Псков имел три пути сбыта и привоза: первый до Иван-Города – вероятно, водяной, второй в Ригу, третий в Литву. Главные иностранные купцы, торговавшие в Пскове, были ливонцы, скупавшие в этом городе огромное количество воску и меду. Эти два материала из всей обширной России приходили преимущественно в Псков, а оттуда шли в Ригу, которая снабжала ими всю Европу.

В Москву в XV веке стекалось множество европейских купцов из Польши и Германии для по-

купки мехов, которые в московской торговле занимали первое место между вывозными товарами. Торговля эта происходила в гостином дворе; он, в начале XVI века, помещался в обширном каменном здании, которого лавки поражали глаза разнообразием производимых товаров. Самое торговое время в Москве была зима, по причине более удобного сообщения, в особенности для приезжавших из Литвы чрез Смоленск, потому что летняя дорога этого пути находилась постоянно в самом дурном положении. Летним путем служила Москва-река, судоходная верст за сорок выше Можайска; по ней проходили в Москву суда с товарами и пригоняли лес, но вообще этот путь не был вполне удобен по причине извилистого русла реки, и зимний путь считался лучшим.

В XVI веке не все иностранцы имели право торговать в Москве; туда приезжали преимущественно поляки; немцы, шведы и ливонцы ездили в Новгород. Каждый торговец, привозивший в Москву свои товары, должен был показать их таможенным чиновникам, которые составляли им подробную опись и оценку и представляли на благоусмотрение государя; если великий князь пожелает купить в свою казну что-нибудь из привезенных товаров, то купец не имел права торговать, пока не окончится выбор для великокняжеской казны. Такие задержки и стеснения, вероятно, были причиною того, что вообще иноземные купцы охотнее ездили в Новгород, где это правило не соблюдалось в такой строгости и если существовало, то ограничивалось некоторыми статьями, а потому-то англичане, приехавшие в Россию, нашли Новгород в торговом отношении значительнее царской столицы.

На северо-востоке от Москвы, в первой половине XVI века, имел торговое значение Дмитров, потому что из него открывался важный путь в Волгу: суда шли по Яхроме в Сестрью, из Сестрьи в Дубну, а Дубною входили в Волгу. Таким образом, товары, привозимые из восточных стран, могли доходить водою в Дмитров, а оттуда сухопутьем перевозились в Москву. Дмитров, между прочим, был средоточием рыбной торговли, имевшей в тот век важное значение внутри края; по вышеупомянутому пути доставлялась рыба из Шексны. В окрестных селах Кимре и Рогачеве образовались также торговые пункты для хлеба, соли и скота. Далее на устье Шексны образовался рыбный рынок, множество купцов съезжались туда из разных краев России для скупа шексенской рыбы, которая славилась повсюду; между прочим, монастыри посылали туда своих людей и крестьян для покупки значительных партий рыбы.

На устье Мологи существовала первая в то время в России ярмарка. Она была близ прежнего Холопьево-городка, построенного, как говорило предание, новгородскими рабами, которые в отсутствие господ воспользовались их супружескими правами, а по возвращении господ бежали на устье Мологи и там построили укрепление и защищались в нем отчаянно, но наконец были взяты силою. Под именем Холопьево-городка еще в XVI веке существовало поселение; в расстоянии же нескольких верст от него, при самом устье Мологи, стояла на скале церковь; в виду ее простирался широкий луг, на котором собиралась знаменитая ярмарка. Предания, сохранившиеся о ней в конце XVII века, когда она давно уже не существовала,

уступив место другим торжищам, дают ей очень важное значение. Торг продолжался ежегодно в течение четырех месяцев. Широкое устье Мологи до того было заграждено судами, что люди без перевозов переходили по судам с одного берега на другой. Купцы разных стран – немцы, поляки, литовцы, греки, итальянцы и персияне раскладывали на обширном лугу свои товары, удивлявшие красотой узорочья незнакомую с фабричного и искусственной производительностью Россию. Семьдесят кабаков с питьем разливали веселость в толпе.оборот на этой ярмарке был так велик, что сборщики пошлин приобретали в казну великого князя до 180 пудов серебра. Бывшие тогда в память свою нам поведаша яже от отцов своих слышаша, говорит описавший невиданную уже им ярмарку диакон Каменевич-Рвовский, писавший в последних годах XVII столетия. Герберштейн, посещавший Россию тогда, когда ярмарка Холопьево-городка еще существовала, говорит, что туда стекались шведы, поляки, литовцы, но преимущественно татары и турки. Торг этого торжища был преимущественно меновой, так что почти обходилось без серебра и золота. Приезжие купцы променивали сшитые одежды, ткани, ножи, топоры и посуду на сырые произведения края, в особенности на меха. Это известие современника показывает, что сказание конца XVII века преувеличено, но тем не менее последнее служит доказательством, что ярмарка Холопьево-городка действительно была очень важною в свое время, когда оставила в грядущих веках такую память о своем существовании. В северо-восточной России Вологда и Устюг были города уже с торговым значени-

ем. Край вологодский был богат льном и салом, и Вологда была сборным пунктом этих произведений, отправляя их в Новгород. В Устюге был меновой торг мехами, которые добывались на Двине и на Ваге, а также привозимы были соседними восточными инородцами: югрою, вогуличами, печерянами, пермяками и отчасти русскими промышленниками, которые сами ходили в глубины северо-восточных лесов. Из Белоозера приходили в Устюг, через Кубенское озеро, суда с хлебом и разными произведениями природы и рукоделья для обмена с инородцами на меха; между прочим, Кирилло-Белозерский монастырь ежегодно отправлял в Устюг суда с товарами, преимущественно с кожей. Торговое плавание от Устюга до Холмогор по Двине существовало в начале XV века, и в Холмогорах была ярмарка, на которой торговали мехами. Смельчаки-промышленники спускались из Холмогор в Северное море, направляли путь вдоль правого берега, входили в Мезенскую губу, проплывали по Мезене, потом по Пезе, а оттуда коротким волоком переходили в реку Цильму и входили в широкую Печору, по которой достигали Пустозерска. Некоторые ходили в Уссу, а оттуда волоком переправлялись в Сысву, спускались в Обь и доходили даже до Иртыша. Само собою разумеется, что этот путь был продолжителен и исполнен опасностей и больших затруднений. Там промышленники ловили пушных зверей или выменивали меха у туземцев; другие выменивали моржей для зубов, ценных в то время в торговле; иные привозили из отдаленных краев редких птиц – соколов и кречетов, составлявших любимую забаву знатных. В земле самоедов, недалеко

от Мезеня, в селении Лампожне, была ярмарка, на которую съезжались из Холмогор разные купцы для вымена шкур и мехов от самоедов, как это свидетельствует грамота Иоанна IV, в 1547 г., где сказано: «Самоеды приезжают в Лампожны торговати с русаки». Некоторые из Устюга предпринимали промышленные и торговые путешествия в Вятку и Пермь: путь их лежал из Устюга по реке Югу, а потом волоком они переходили в Вятку; этот путь, однако, не считался безопасным, потому что купцы претерпевали несчастья от разбоев воинственных черемисов. В вятском крае привлекала промышленников ловля бобров в реках и белок в дремучих лесах: этим промыслом занимались татары и продавали свою добычу русским купцам. Таким образом, ловля бобров происходила в XVI веке в реке Чепце и озере того же имени. Кроме мехов, русские торговцы покупали в вятском крае лошадей, которые тогда уже приобрели известность.

Как ни затруднительны, как ни опасны были путешествия в глубине сурового, негостеприимного, дикого северо-востока, однако польза, какую получали от них торговцы, была столь велика, что заставляла их отваживаться на все; в XVI веке в короткое время торговцы могли составить огромный капитал от таких поездок, потому что они выменивали ценные пушные меха на совершенную безделицу; например, за железный топор пермский дикарь давал столько мехов, сколько можно было, связав их вместе, продеть в отверстие топора, куда вкладывается топориче. Эта торговля знакомила северо-восточных дикарей с первыми зачатками цивилизации, ибо русские привозили им хлеб, одежды, посуду. Тогда как одни промыш-

ленники, выплывая из Двины в море, отправлялись на восток, другие отправлялись по морю на запад, в землю лопарей, и выменивали рыбу за первые предметы гражданского быта. По берегам Ледовитого моря русские промышленники занимались ловлей белых медведей, моржей, рыбы и вываркой соли. Каргопольцы, порошане, устьмошане, мерехшане ездили к морю летом на судах, зимою на санях и привозили оттуда большой запас соли, которую складывали в Турчасове и Пороге, где наемные казаки набирали ее в рогожи. Они продавали ее, между прочим, белоозерским купцам. Соль вываривалась в большом количестве в вотчинах Соловецкого монастыря и составляла важный доход его, приобретаемый торговлею. И

Русский корабль в Ледовитом океане. Иллюстрация из книги С. Герберштейна «Записки о московитских делах». Гравюра XVII в.

другие монастыри имели там соляные варницы, например монастырь св. Николая у Непоксы.

Из городов волжского бассейна Ярославль, Нижний и Балахна, в первой половине XVI века, были торговыми городами. Страна, прилегавшая к Ярославлю, славилась хлебородием, а потому город Ярославль был местом хлебного закупа. В Нижнем и Балахне существовали торжища: это видно, между прочим, из привилегии, данной Данилову монастырю в Переяславле, на беспошлинную отправку разных произведений из монастырских имений на продажу в Нижний и Балахну. Казань еще в XV веке передавала России меха, получаемые из Джагатая, и, вероятно, чрез Казань доставлялись в Россию бухарские шелковые ткани. Из мехов, доставляемых в Россию Казанью, славились преимущественно белки, которых ловили на Яике, куда русские еще не успели проникнуть. Что в XV веке русские купцы ездили также в Казань, это видно из грамоты митрополита Ионы в 1461 г. к казанскому царю, в которой он просит покровительства к своим людям, отправляемым в Казань с рухлядью; митрополит напоминает казанскому царю, что он всегда был благосклонен к русским купцам, приезжавшим в Казань для торговли. Торговля с татарами не всегда была безопасна; так, в 1523 году в Казани перебили всех русских купцов. Но русские вели постоянную с ними торговлю: доставляли татарам европейские шерстяные материи, от них получали лошадей, которые были тогда в большом уважении. Татары обыкновенно вели с русскими меновую торговлю, но иногда продавали свои товары на чистую монету. По известию Барбаро, в XV веке русские посылали суда свои по Волге в Астрахань за солью. В конце XV века

между Москвою и Астраханью ходили караваны. Путешествие это было затруднительно, по недостатку пристанища, продовольствия и частым разбоям на пути. Поэтому купцы старались везти свои товары тогда, когда астраханский царь посылал московскому великому князю подарки, что случалось почти каждый год. С этим посольством отправлялось до трехсот русских и восточных купцов с товарами, а татары за караваном гнали стада лошадей, которые служили им не только для продажи в Россию, но и для пищи во время дороги, потому что они не брали с собой хлеба. Караван шел по правой стороне Волги, но иногда сначала по левой, для избежания нападения от татар Золотой Орды; самое опасное место было там, где Волга в своем течении сближается с Доном. Потом караван переправлялся на правую сторону Волги на плотях и шел по степи до жилых пределов России. Путь его лежал чрез Рязань и Коломну. Дорог совершенно не было. Негде было укрыться от дождя и зноя. Путники ночевали под открытым небом, ограждаясь повозками в виде укрепления. Для предосторожности ставили трех часовых: одного на правой, другого на левой стороне табора, третьего позади. Каждую минуту можно было ожидать нападения. Глаза не встречали в этой безбрежной степи ничего, кроме верблюдов и растерянных лошадей или татар в повозках. Так передает нам картину этого путешествия очевидец Контарини, который ехал в Москву с караваном с 10 августа по 23 сентября. В Астрахани, в XV–XVI веках, до покорения ее Иоанном, была ярмарка, куда съезжались армянские и персидские купцы. Астрахань была тогда важнейшим пунктом торговли Венеции с востоком. Торговля эта шла через Тану или Азов, от-

стоявший на восемь дней пути от Астрахани. Но уже в последней половине XV века Контарини заметил, что Астрахань представляла новые мазанки среди старых красивых развалин. Она не могла поправиться со времени разрушения ее Тамерланом.

Другой путь России на юг был Доном до Азова и по Азовскому морю до Кафы. Местом отправки русских произведений, выходивших из Руси этим путем, и пунктом складки привозимых был Данков, город обширный и замечательный. Плавание по Дону до Азова совершалось в двадцать дней. В 1499 году мы встречаем еще другой путь на грузки на реке Мече, на урочище, называемом Каменным Конем. Азов был наполнен торговцами, и не только выгоды привлекали иноземцев в тот город, но и свобода и веселость жизни. Впрочем, донская торговля не могла достигнуть большого размера, потому что Дон не во всякое время был судоходен, а только весной и в дождливое осеннее время. Третий путь России на юг был по Днепру. Вязьма была главным пунктом, где нагружались и разгружались суда с товарами. Водяной путь оканчивался Киевом: отсюда товары шли до Кафы караваном по степи. Это путешествие сопровождалось большими опасностями от татарских набегов, а потому торговля по днепровской системе не могла иметь большого успеха.

Таковы были главные пункты и главные исходы нашей торговли до прибытия англичан. Пути сообщения находились вообще в самом невыгодном состоянии и ужасали иностранцев, приехавших в Россию. Вся Московия (говорит Павел Иовий) была непроходима в летнее время по причине грязи и дурных дорог; весной таящие снега превращали поля в

совершенные болота, и в дождливое лето лужи стояли по дорогам до осени. Не говоря уже о таких путях, как, например, на северо-восток или в Астрахань, где путешественник каждый раз отправлялся как бы для открытия новых земель, самые обыкновенные торговые пути были в дурном состоянии. Дорога из Новгорода к Иван-Городу – важнейший путь сбыта русских произведений за границу – шла по узким, невыносимым тропинкам, посреди лесов и степей; не было ни гостиниц, ни дворов, где бы путешественник мог отдохнуть; окрестности казались безлюдною пустынею; только кое-где мелькали дереушки. Дорога от Новгорода в Москву шла по дикой пустыне. Путь от Вильны до Москвы через Смоленск был непроходим летом, и только одна дорога из Пскова в Ригу была самая удобная и населенная.

Из всех статей русской торговли меха занимали в то время важнейшее место. Торговля с Россиею, несмотря на все затруднения, занимала умы в Европе более, чем когда-нибудь. Во-первых, в Европе была тогда чрезвычайная мода на меха, а Россия могла доставлять этот товар; во-вторых, при неточности тогдашних географических сведений торговцы Европы вздумали проложить путь в Индию через Россию и тем подорвать монополию Италии и Португалии. Генуэзец Павел Иовий предполагал, что стоило только перевести товары из Индии волоком в реку Оке (Аму-Дарью), которая, по его мнению, впадала в Каспийское море, и потом провозить их Волгою, по России, а потом до Белого моря и оттуда в Европу. Эта-то надежда, основанная на недостаточности географических сведений, привела к нам предприимчивых англичан.

ГЛАВА II

В Англии образовалось общество под названием Мистерия (The Mistery). Его основателем был знаменитый Себастиан Кабот, открывший Северную Америку. Ближайшая цель этой компании была – открытие нового пути в Китай и Индию через северные страны старого полушария; к тому побуждало стремление Англии подорвать монополию Португалии и Испании во всемирной торговле. Эта компания в 1552 году снарядила три корабля: «Бона-эсперанца» (120 тонн), «Бона-конфиденция» (90 тонн) и «Эдуард Бонавентура» (160 тонн). Главным командиром экспедиции был Гуг Виллоуби, помощником его Ричард Ченслер. Это была первая экспедиция англичан в полярные страны. 11 мая 1553 г. три корабля снялись с якорей у Гетфорда. Два из них, «Эсперанца» и «Конфиденция», под начальством Виллоуби, отделились от третьего, осенью 1553 года попали в сувой около Святого носа и, загнанные непогодой в Нокуевскую губу, были заперты льдом. Адмирал погиб со всем экипажем от холода и голода. Весною на следующий год русские рыболовы нашли тела несчастных мореходцев с их кораблями.

Третий корабль экспедиции, «Эдуард Бонавентура», пристал 24 августа 1553 года к устью Двины и высадился у посада, называемого Непоксра. Оттуда командир корабля отправился в Холмогоры, явился там воеводе Фофану Макарову и земскому судье; они послали к царю Ивану Васильевичу с донесением о прибытии странников, а между тем перевели корабль в безопасную Унскую губу. Не дожидаясь царского позволения, которое должно было последовать в ответ на донесение холмогорс-

кого начальства, Ченслер сам поехал на санях в Москву и получил желаемое царское дозволение на дороге. Допущенный к царской аудиенции, Ченслер подал царю Ивану Васильевичу грамоту от имени Эдуарда VI, написанную ко всем вообще владикам северных стран, куда судьба бросила бы посланную экспедицию. Английский король просил благосклонно принять отправленных мореходцев. Иоанн Васильевич обласкал странников как нельзя лучше и отвечал Эдуарду VI дружелюбно грамотою, в которой изъявлял позволение английским торговцам торговать в России свободно без всяких задержек. Ченслер уехал из Москвы в марте 1554 года и возвратился в отечество прежним путем. Тогда в Лондоне образовалось другое общество, или торговая компания, с целью торговли с Россиею и открытия неизвестных земель на севере. Компания эта переменила свое название; таким образом, через несколько лет она называлась компаниею для торговли с Россиею, Персиею и северными странами, вообще же в сокращенном образе выражения она называлась русскою компаниею. Патент королевы Марии утвердил организацию. Первенствующее лицо компании назывался говернор: Себастиан Кабот был назначен на эту должность на всю жизнь, а по смерти его члены компании должны были выбрать другого голосами. Сверх того, компания ежегодно выбирала двадцать восемь правительственных главных членов; из них четверо назывались консулами, а двадцать четыре – ассистентами. В отсутствие говернора три консула с двенадцатью ассистентами управляли компаниею. Торговые и судебные дела требовали решения пятнадцати голосов, включая в это число голоса го-

вернора и двух консулов; если же говернора не было налицо, то для составления законного решения нужно было не двух, но трех консулов. Компания имела право покупать и вообще приобретать земли, не более, однако, как на 60 ф. стерлингов в год, издавать свои правила и учреждения, если только они не были противны законам государства, наказывать членов компании, налагать на них пени и для того иметь в разных местах, где будут житьствовать члены, полицейских чиновников, называемых сержантами, плавать по морю, но под английским флагом, строить и снаряжать свои корабли, нанимать матросов, торговать во всех портах, делать завоевания и приобретать страны и города в новооткрытых землях, пользоваться ласковым приемом русского государя и противодействовать всякому совместничеству не только торгующих в России иностранцев, но и английских подданных, не принадлежащих компании.

В 1555 году Ричард Ченслер отправился сам в Москву в качестве посла, был принят отлично и выхлопотал у Иоанна льготную грамоту для английской компании. Русский царь давал ей право свободной и беспошлинной торговли оптом и в розницу, дозволял заводить дворы в Холмогорах и Вологде, без платежа с них податей, подарил двор в Москве у церкви св. Максима, дозволил иметь собственный суд и расправу, а если кто-нибудь войдет с ними в торговое состояние, то суд принадлежал царскому казначею; ни таможенники, ни воеводы и наместники не смели вмешиваться в их торговые дела и задерживать их; они могли держать у себя русских приказчиков, но не более одного в каждом дворе; царь обещал им справедли-

вость в случае какого-нибудь оскорбления со стороны русских.

Когда Ченслер отправился в отечество, с ним поехал посланник Иоанна Васильевича к английской королеве, Непея. У берегов Шотландии корабль «Эдуард Бонавентура» потерпел крушение. Ченслер утонул, а Непея благополучно избежал опасности, прибыл в Лондон и пользовался там чрезвычайно радушным приемом. Так основалось торговое сношение Англии с Россиею.

С тех пор каждый год приходил в Россию большой поезд английских кораблей с товарами. Они плавали вокруг Норвегии и Швеции и доплывали к устью Двины, стараясь всегда совершить это путешествие в благоприятное летнее время, до наступления морозов на Северном море. Компания не ограничивалась торговлею с Россиею, но хотела продолжать первоначальные свои планы открытия новых путей на восток. Летом 1555 года Стефан Борро, с товарищами, из Колы совершил путешествие до Оби, посетил Печору, Новую Землю и Вайгач. Познакомившись с берегами Сибири и увидевши невозможность проникнуть этим путем туда, куда бы хотелось, англичане начали искать другого направления. В 1557 году явился к царю один из членов компании, Антоний Дженкинсон, уже бывший перед тем в России. Он предложил царю открыть торговую дорогу России с Китаем, через Бухарию. Это казалось тем возможнее, что в то время было слышно, что из Китая ходят в Бухару караваны. Дженкинсон был человек бывалый, образованный; восток уже был ему известен, ибо он перед тем жил в азиатских турецких владениях. Иоанн дал ему дозволение на проезд до

Астрахани, велел всем воеводам на пути оказывать путешественнику всевозможнейшие пособия, снабдил Дженкинсона рекомендательными письмами к закаспийским владетелям, подражая в этом случае английскому правительству, таким же образом познакомившему его с англичанами. Путешествие это совершено по воде Москвою-рекою с Коломны, оттуда Окою до Нижнего Новгорода, а потом Волгою в Астрахань. Дженкинсон оставил Москву 23 апреля 1558 года, а в Астрахань прибыл 14 июля. Из Астрахани он поплыл по Каспийскому морю, счастливо достиг Бухары, но тут узнал, что Китай еще слишком далеко и что караваны, ходившие между Китаем и Бухарою, уже перестали ходить. Он отказался от своих планов и воротился в Москву, куда прибыл в сентябре 1559 года.

В 1561 году Дженкинсон снова прибыл в Москву и предложил новый проект: проект торговли с Персиею. В это время случился в Москве персидский посланник. Дженкинсон, снова напутствуемый Иваном Васильевичем, отправился с персидским посланником по Волге, достиг до Астрахани и поехал оттуда в Персию; но это путешествие было столь же неудачно, как и бухарское. Персия была перед тем в войне с Турциею. На это рассчитывала компания, думая, что неприязненные отношения к этой державе поставят Персию в необходимость получать европейские товары через Россию. Вышло на этот раз не так, как хотели англичане и русские. Персия опять получала товары через Турцию. Во всяком случае предприимчивость Дженкинсона не осталась без важных результатов для России впоследствии.

В 1567 году королева Елизавета утвердила торговлю англичан с Россиею новым патентом ком-

пании. В этом патенте она предоставила и другим подданным своим, не принадлежащим компании, торговать в России в разных местах, кроме порта св. Николая. Беломорский путь предоставлялся компании потому, что, как думали на Западе, был открыт людьми, составлявшими компанию. Компания должна была вести торговлю не иначе как на английских кораблях и непременно держать на них матросов английских, а не других наций. Иоанн Васильевич определил права компании другою льготною грамотою, выданною Дженкинсону и после утвержденною при посольстве Рандольфа в Россию. Компания по-прежнему могла торговать в России беспошлинно и свободно, но обязана была показывать привозимые товары в царскую казну для выборки из них того, что понадобится, — старое русское право, соблюдаемое еще в XV веке в Москве. Члены компании могли торговать через Россию с Востоком, но также с соблюдением подобного условия доставки привозимых с Востока товаров для выборки в царскую казну; им дозволено в русских городах заводить конторы и подворья, а в Вологде канатную фабрику; в Вологде отведено место для иску железной руды; суд между купцами компании и русскими отдан опричникам, а в случае вины английских купцов и вообще лиц, принадлежавших к ведомству компании, царь предоставлял себе право арестовать их и налагать секвестр на их имущества, равно разбирать долговые дела через своих советников. Не позволялось заимодавцу посадить должника англичанина в тюрьму, но велено брать за него поручительство в уплате; дозволялось английским купцам посылать свои комиссии в русские города для защиты от во-

ров и разбойников; купцы компании могли держать русских работников; допускалось хождение английской монеты в Москве, Новгороде и Пскове; дозволялось англичанам для своих торговых поездов брать ямских лошадей, дав только знать чиновникам, сколько они их берут, чтобы не было убытка казне. Царь предоставлял английской компании исключительно Холмогоры, реку Печору, реку Обь, Колу, Мезень, Печенгу, Соловецкий остров и все гавани двинские и на север от Двины, так что никакой корабль, хотя бы и английский, не мог приставать туда, если не принадлежал английской компании. Наконец, англичане не имели права, без особого дозволения королевы, приставать к Нарве и Иван-Городу, и никакой иностранец и принадлежавший компании англичанин не имел права проходить чрез Россию в Персию, Бухарию, Индию и Китай; члены компании имели право сами ловить таких путешественников и конфисковывать их имущество. Пользуясь такими важными правами, компания захватила важнейшие места в России. В 1567 году в Москве у св. Максима была главная контора англичан; в Холмогорах у них открыта была прядильная фабрика, заведенная купцом Ричардом Греем; в Новгороде, Пскове, Ярославле, Казани, Астрахани, Костроме, Иван-Городе, Кареле были у них подворья, где они продавали свои товары. Торговля с русскими была для них так же выгодна, как торговля русских с северо-восточными инородцами; например, в 1557–1562 годах в Нижнем Новгороде один купец, Христофор Гудсон, продал сукно, по его собственному сознанию, стоившее со всеми издержками втрое менее того, за сколько оно было

им продано. Захватив в свои руки торговые пути, произвольно возвышая цены на свои произведения, понижая на русские, англичане оказывали презрительное обхождение русскому народу и через то возбудили против себя неудовольствие; нередко сам царь, их покровитель, разделял его. Уже в 1569 году он жаловался на англичан послу Рандольфу. То же было в 1572 году. Царь разгневался на членов компании, и по этому поводу приезжал в Москву старый знакомец Дженкинсон. Многие казенные Иоанном в припадке его страсти к мучительству остались должными компании, и англичане не знали, с кого получать долги свои; сверх того, за многие товары не были выплачены деньги из казны. Иоанн хотя удовлетворил требования компании, но ограничил торговлю ее Москвою и городами собственно московскими, а в Казань и Астрахань англичане могли ходить только с царского дозволения и должны были платить половину положенной таможенной пошлины. После несчастной Ливонской войны, когда Иоанн уступил Швеции Нарву и другим европейцам дозволено было торговать в Северном море, англичане, постоянно стремясь к тому, чтоб вытеснить совместников и распорядиться самовольно торговым бытом России, сильно негодовали на это; с своей стороны русские обвиняли их в плутовстве, жаловались, что они продают гнилые сукна и материи, сносятся с царскими неприятелями и называют русских глупцами и невеждами. Посланник английский, Томас Боус, несмотря на то, что вначале был принят дурно, начал было преклонять царя снова на сторону англичан, но Иоанн умер внезапно. Один из заклятых врагов англичан и благоприятель нем-

цев в торговле, дьяк Щелкалов, сказал тогда английскому послу: английский царь умер.

Англичане домогались вытеснить окончательно из России голландцев, фламандцев и немецких купцов, желали торговли исключительно для себя. Но противники их также действовали и, как уверяли англичане, склоняли дьяков в свою пользу подарками. Царь Федор отпустил Боуса ласково, а вслед за тем послал в Лондон гонца Бекмана, предлагая возвратить все прежние привилегии англичанам, если королева Елизавета дозволит также свободную торговлю в Англии русским. Елизавета заметила, что это несовместно с выгодами Англии, но не отвергла совершенно предложения и домогалась прежде всего исключительно торговли в России для компании, закрытия входа в Россию всем иностранцам купцам и даже англичанам, не принадлежавшим к компании. С ответом на такое предложение царь отправил в Лондон английского гостя, жившего в России, Иеронима Горсея. В письме царя было сказано, что нельзя выгнать из России купцов различных государств, издавна здесь торговавших, единственно из угождения нескольким англичанам, с которыми королева не хочет равнять своих подданных. Елизавета, узнав, что русский государь находится в руках своего любимца, Бориса Годунова, обратилась к нему; любимец заранее думал воздвигнуть себе трон, а потому и считал нужным расположить в свою пользу Англию, но он был слишком умен, чтоб отдать русскую торговлю и весь зависящий от нее быт русского общества в руки англичан. В 1587 году дана англичанам новая привилегия, которою царь позволял английской компании торговать свободно и беспошлинно, но не иначе, как оптового торговлею, а

отнюдь не в развес и не в аршин, а винами не в разливку; повелевал не брать в кабалу русских людей; не позволять под своим именем торговать русским; членам компании позволялось ходить через Россию в прочие земли только с тем, чтоб брать товары от казны и променивать и продавать их для казны. Таким образом, русское правительство, по-видимому, исполняя требование англичан, тем не менее хотело обратить данные льготы в свою пользу. Эта жалованная грамота обеспечивала имущество разбитых бурей кораблей. Право держать подворья для компании предоставлено в городах: Москве, Холмогорах, Ярославле, Вологде и у морского пристанища у пудожерского устья, о дворах других городов не упоминается; нет в числе таких городов даже Новгорода и Пскова.

Англия не была довольна этими правами, потому что хотела полного преобладания. Как видно, английское правительство, требуя для компании исключительных прав, тайло за этим другие более обширные виды политического преобладания в России. С этой целью Елизавета и не хотела допускать в России торговли других англичан, не принадлежащих компании. В самом деле, если позволить вообще торговать в России, то, естественно, цены на продукты, их количество, сбыт — все это подвергалось бы влиянию обстоятельств, но компания, состоящая из тесного кружка купцов, имеющая исключительное право торговли во всей стране, могла управлять всеми торговыми делами этой страны произвольно и назначать какие ей угодно цены; владея капиталами, могла увеличивать и уменьшать количество вывозимых и ввозимых статей, давать направление торговым путям, одним словом, обращать всю тор-

говлю чужой страны в исключительную пользу своей нации. Компания не связана была прямо с остальным английским народом; компания знала одно правительство, от правительства зависело ее существование, ее права, следовательно, обязанная исключительно правительству, она должна была сделаться его органом и орудием. Утвердить в России монополию компании – значило подчинить Россию английскому правительству. Русские купцы видели, что англичане подчиняют их себе и что выгоды их начинают зависеть от чужеземцев, и роптали; иностранные торговцы были также ожесточены против англичан, не хотевших давать ходу другим народам. Вскоре снова возникли недоумения между русским правительством и компанией.

Английские гости в XVI веке составляли одно целое тело. Каждый член компании производил торговые операции и займы на имя всей корпорации. Это повлекло к недоразумениям. Один из членов компании, Антон Мерш, задолжал более 23 000 р. Гости отказывались платить за него на том основании, что он занимал на свое имя, а не на имя целого общества, и притом указывали на то, что царские приказные люди выдали ему особую льготную грамоту на торговлю, без ведома и спроса гостей, что некоторые русские купцы, стакнувшись с Мершем, торговали с ним тайно от прочих гостей, дали ему на себя кабалы с умыслом, что Мерш никогда не заплатит, а будут платить за него прочие гости. Русские же представляли, что все, взятое Антоном Мершем, должно быть выплачено членами компании, к которой принадлежал английский банкрот. Это послужило поводом к приезду посла, доктора Флетчера, в 1588 г. Спор

был продолжителен с обеих сторон. Англичане жаловались, что русские покупали у них товар в долг и, не заплатя денег, отдавали товар назад; другие же, наделавши долгов, не платили их, а приказные люди не давали англичанам управы и даже подстрекали русских не платить долгов своих. Англичане жаловались и на самое русское правительство за то, что ограбили Джона Копеля, одного из членов английской компании. Русские бояре возражали, что Джон Копель не был англичанином, а родом из Любека, жил в России, ложно именуя себя английским гостем, и оказался виновным в сношениях с шведским и датским правительствами, жаловались, что англичане нанимают русских работников и употребляют их на противозаконные дела. Так, один ярославец Вахрум, живучи у английского гостя, был у него лазутчиком и тайно перевозил за границу через литовские земли англичан; указывали на то, что англичане, желая отстранить совместничество других наций, покушаются на меры насильственные: перехвачено было письмо Горсея, которого еще недавно правительство облекало своим доверием, к другому англичанину Тромболу; в этом письме излагается намерение задержать корабль купца Белоборода, которому правительство делало препоручения, признавая их держать в тайне от англичан: на этот раз ехали на корабле Белоборода гамбургские купцы, враги англичан. Правительство нашло такой замысел в высшей степени преступным. Флетчер оправдывал своих единоплеменников, доказывал, что торговля с Англией приносит России выгоды, что привилегии англичанам следует восстановить ради того, чтоб не прекратилась

дружба между английскою королевою и русским царем. Главное требование его – не допускать других иноземцев в Белое море и в Новгород без воли королевы, кроме членов компании, требование, справедливость которого англичане доказывали тем, что те, которые нашли новый торговый путь, должны пользоваться им исключительно, это требование было отвергнуто. Бояре, бывшие на переговорах с английским посольством, доказывали, что несправедливо запереть для всех море из угодения каким-нибудь десяти человекам. Равномерно отвергнуто было домогательство способствовать англичанам в отыскании новых земель и китайского пути, но позволено ездить свободно из Москвы в Персию, Бухарию и Шемахию, не платя пошлин с товаров. Этого права не имели другие иностранцы в России, и царь давал его англичанам из особенной любви к королеве. Также только под предлогом особого расположения к английской королеве царь дозволил англичанам иметь свои дворы в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах, тогда как торговцы других наций, например подданные султана, королей польского и французского, должны были ставить свои товары на общих гостиных дворах. Русское правительство обещало справедливую управу для англичан, в чем только они себя найдут обиженными, и принять меры, чтоб царские чиновники не делали английским купцам никаких стеснений. Впрочем, правительство не согласилось на домогательство англичан иметь право всякого должника из русских, задолжавшего английским гостям, преследовать посредством своего гостиного приказчика и отбирать у него имущество без суда, а предоставило ан-

гличанам взыскивать с должника обыкновенным порядком, по суду и управе, через приказных людей. Дело Мерша трудно было решить; оно конечно тем, что русский царь согласился, чтобы англичане заплатили половину требуемой суммы: двенадцать тысяч рублей. Чтобы на будущее время избежать недоразумений относительно того, кого следует считать гостем и кого не следует, Флетчер дал предложение, чтобы все английские гости, торговавшие в России, должны были состоять под ведением гостиного приказчика, который имел у себя список гостей и вообще всех лиц, принадлежавших к ведомству компании, другой экземпляр того же списка должен находиться в посольском приказе. Приказчик мог вычеркнуть имена тех, которые у него записаны в списке, и тотчас же эти имена были вычеркиваемы из экземпляра, хранившегося в посольском приказе. Таким образом, компания отвечала только за дела тех, которых имена находились в обоих экземплярах гостиного списка и помещались в жалованной грамоте. В эту категорию входили не только гости, но и все, которые у них жили и служили. За их поступки, исключая уголовных, отвечала вся компания, и всякий заем, сделанный кем бы то ни было, лежал равно на всех членах. Флетчер напрасно хотел отменить правило в отношении служивших у членов компании людей: русские не согласились, и имена всех людей компании должны были быть вписанными в список вместе с гостями. Англичане домогались, чтоб суд над членами компании был отдан правителю государства Борису Годунову, но им отвечали, что Годунов озабочен государственными делами, суд будет отдан его

приказным людям, впрочем, вершить дела окончательно будет сам Борис. До сих пор англичане имели право держать русских приказчиков и скупщиков, но теперь оно было у них отнято под предлогом противозаконных поступков жившего у них ярославца Вахруша. В самом деле правительство хотело этим запрещением остановить исключительное господство англичан в торговле, подрывавшее русских купцов и самые доходы правительства. Так же точно правительство не согласилось на просьбы англичан давать им ямские подводы для торговых поездок, объясняя, что ямы учреждены для государственных, а не для торговых дел; удобство поездок предоставлено было добровольному уговору с извозчиками. Правительство разрешило англичанам покупать все русские товары невозбранно, но определило, что воск не иначе может идти за границу, как в промене на серу, порох и селитру.

Из донесения Иеронима Горсея, писанного около этого времени, видно, что англичане снова получили право беспошлинной торговли, но английские купцы должны были заплатить 500 фунтов стерлингов за пошлины прошлых годов и пожертвовать 350 фунтов стерлингов на постройку новой каменной стены в Москве.

Тогда Флетчер подавал своему правительству предложение, в случае царь разгневется на английских гостей, послать военные корабли к берегам Печоры и захватить русские товары тамошней ярмарки, оборот которой простирался до 16 000 фунтов стерлингов. Но Елизавета, казалось, очень дорожила дружественными отношениями к России и как бы в угодность русскому царю запретила сочинение

Флетчера о России; в самом же деле это сочинение вообще написано в таком духе, который не мог нравиться властолюбивой Елизавете.

В самом деле, торговля с Россиею приносила Англии неисчислимыя выгоды и в настоящем и в будущем. Современные англичане сознавались, что ни в какой другой стране торговля не представляла такой важной будущности, как в России. Как Россия нуждалась в произведениях природы, чуждых ее северному климату, и в произведениях искусств и ремесел, которые еще чужды были русскому народу, так равно вся Западная Европа нуждалась в произведениях Севера. До того времени торговля Европы с Россиею производилась через Данию, Швецию, Любек, Гамбург, Лифляндию и Польшу. Англия была чужда выгод, которые приносила эта торговля. Но открытие северного пути давало англичанам новое, независимое от участия других стран, сообщение с Россиею. Англия могла получать из России и, как надеялась, из Персии и вообще с Востока нужные для Европы статьи, не опасаясь соперничества ни Дании, ни Швеции, ни Германии, которых совместничество было бы неизбежно в торговле балтийскою; даже в случае войны, задерживавшей торговлю, Англия спокойно могла бы совершать свои торговые операции через Ледовитое море. Проложение пути через Россию в Персию, о котором тогда все мечтали, указывало англичанам надежду на то преобладание в торговле, которым пользовались тогда Португалия и Испания. Англичане думали доставлять в Европу восточныя произведения скорее через Астрахань, Волгу и северныя страны России, чем Венеция, Генуя, Мессина, Рагуза путем Средиземного моря. Так рассуждали в тот век англичане.

Несмотря на дружелюбные сношения правительства, торговля в России встречала однако беспрерывные недоразумения. В 1592 году лорд Борлей, отправляя в Москву нового агента компании, Джона Мерики, жаловался Борису, что русские чиновники в двинском порте, имея право, по договору, выбирать предварительно английские товары для царской казны, сулят английским купцам чрезвычайно низкие цены, так что англичанам невозможно продавать свои товары сообразно их требованиям; тогда чиновники обязывают английских купцов продавать все товары непременно в течение трех недель и таким образом принуждают поневоле отдавать товары в казну с убытком. На следующий год Елизавета обращалась к Борису с письмом о покровительстве английским купцам через своего посланника Томаса Мильда. Правитель в самых дружеских выражениях обещал всю свою готовность к исполнению желания королевы. Вступив на престол, Борис оказывал англичанам постоянное покровительство, но не только не распространял их прав, стеснительных для других иностранцев, а еще старался даровать торговцам других наций свободу торговли в России. Посланник короля Иакова I, Джон Смит, просил для англичан свободного прохода в Персию и Китай, но получил уклончивый ответ; царь изъяснял ему, что в Персии господствуют беспорядки, путешествие очень опасно и он, заботясь об английских гостях, не может позволить им отваживаться на явные опасности.

По восстановлении порядка в России, при Михаиле Федоровиче, английские купцы получали подтверждение своих привилегий на беспошлинную торговлю с уговором доставлять в царскую казну

сукна, материи и прочие рукодельные произведения, непременно по той цене, по какой они продаются в собственном их отечестве; прибывая к Архангельску, объявлять и записывать пред таможенными головами и целовальниками свои товары, отнюдь не брать чужих товаров вместо своих, не вывозить шелку за границу и не привозить табаку. В 1619 году им воспрещено было держать закладней из русских людей. Привилегии англичанам даны на двадцать три человека; но они торговали в числе семидесяти. Захватив в руки свои всю торговлю и стремясь к монополии, они раздражали русских гостей. Англичане искусно поддерживали высокую цену своих и низкую русских товаров. Они придерживали привозимые товары и не пускали их в продажу, пока, от недостатка их в обороте, цены на них поднимались; тогда только англичане начинали их продавать и тотчас же переставали, когда товары начинали дешеветь. Таким образом, то подымая, то понижая цены, они наживали огромные проценты на свои капиталы. Они всюду рассылали своих агентов для закупки русских товаров, и так как пользовались правом не платить пошлин, чрезвычайно стеснительных не столько по сумме платежа, сколько по самой процедуре, то, естественно, могли всегда иметь перевес перед русскими закупщиками; притом, владея большими капиталами, они давали мелким торговцам и промышленникам чистые деньги вперед, брали с них кабалы, и, таким образом, мелкие торговцы были уже обязаны доставлять свои товары и произведения непременно англичанам: не платя пошлин, англичане всегда могли им дать выгоднее цену, чем русские оптовые торговцы. Такой порядок, как и заметил английский посланник при царе Алек-

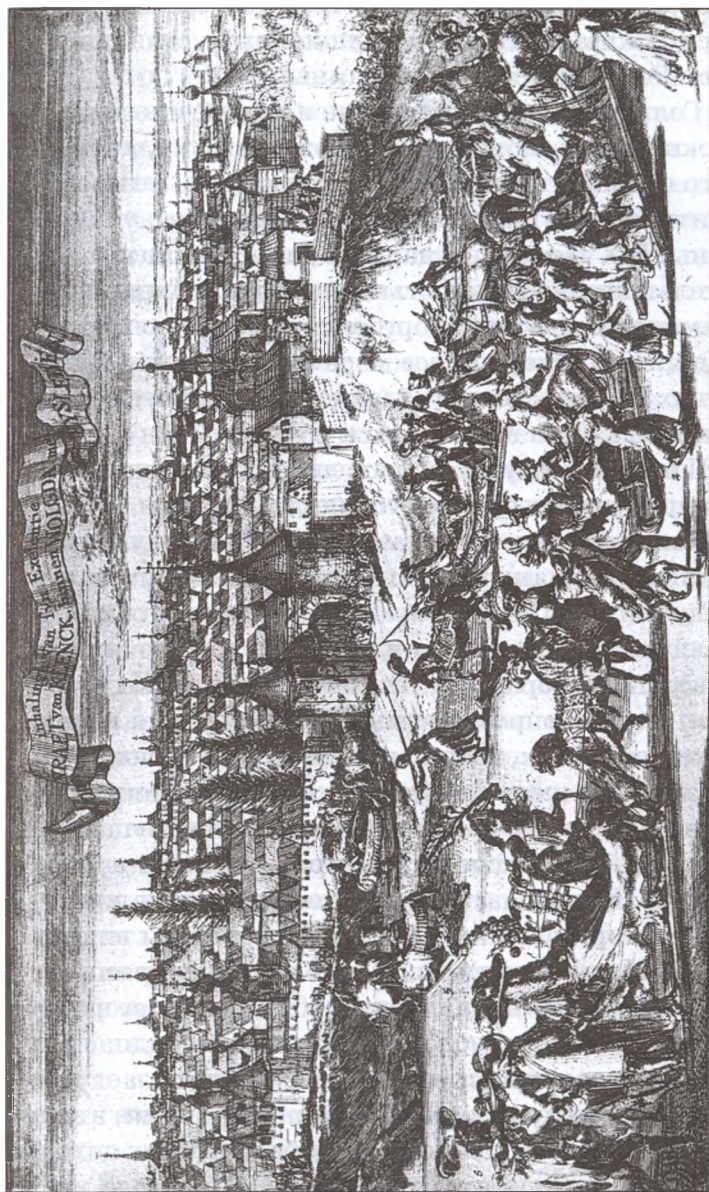
сее Михайловиче, был выгоден для мелких и небогатых торгашей и для народа вообще, но разорителен для русских оптовых торговцев.

Правда, англичане не могли добиться исключительной торговли в России, но после увидели, что совместничество немцев, голландцев, датчан для них не страшно, напротив, и его можно обратить в свою пользу. Закупая русские товары, они продавали их в Архангельском порте купцам других наций, которые в них нуждались, и тем же порядком покупали у них привозимые товары, а потом перепродавали русским с барышом; таким образом, русские купцы никак не в силах были тягаться с ними и не могли ничего ни купить у иностранцев, ни продать им без посредства англичан. Случалось, что русский гость, решившись на конкуренцию с англичанами, посылал свои товары в Архангельск; но члены компании сговорятся и понизят цену, а, напротив, ценность иностранных товаров повысят, так что русский торговец принужден бывает уехать назад, истратившись напрасно за провоз. Сверх того, англичане привозили сукна и материи худого достоинства и, вместо того чтоб продавать по условию в казну по заморской цене, продавали с выгодой, прибавляя ценность товара. Все эти причины в совокупности побудили в 1646 г. русских гостей подать челобитную на англичан: изложив все обстоятельства, служившие к подрыву русского купечества, они просили ограничить их произвол изданием таких учреждений, которые бы передали торговлю в руки русских купцов. Алексей Михайлович в 1649 году придрался к политическому перевороту, низведшему короля Карла на эшафот, и в качестве ка-

рателя народа, который «убил до смерти государя своего Карлуса», закрыл для него вход в Россию, ограничив торговлю его только Архангельским портом. После воцарения Карла II прибыл в Москву английский посол граф Карлейль с предложением возобновить прежние торговые сношения и выдать компании подтверждение старинных привилегий. Уже нельзя было отговариваться смертью Карла, ибо граф Карлейль извещал, что новый король все простил своим подданным; русское правительство прямо высказало свои обвинения на англичан, именно что они умышленно привозят в Россию дурные товары, что продают в казну товары вовсе не по заморской цене, как было постановлено в условии, с которым единственно им позволили торговать свободно и беспошлинно, и что, пользуясь от России важными льготами, они не хотели участвовать в платеже пятинной деньги, наложенной на всех вообще торговых людей для содержания войска. На это английский посол возражал, что, напротив, английские гости говорят, что они доставляли в Москву товары дешевле, чем доставляли их голландцы и гамбургцы, именно по той цене, по какой они продавались в Англии, но с трудом получали деньги, а получая их, принуждены были давать чиновникам подарки и взятки; что же касается до тех, которые не хотели участвовать в платеже пятинной деньги, то они уже умерли, а нынешние обеднели от потери привилегий. Когда бояре говорили, что ограничение англичан сделалось по челобитью русских торговых людей, посол заметил, как выше было сказано, что русские гости для того желают вытеснить англичан, чтоб самим захватить в свои руки торговлю; но не

то сказали бы мелкие торговцы, если б спросили их. Вопреки выражению русских гостей, будто англичане оголодили русское царство, вывозя отсюда съестные припасы, Карлейль припомнил, что во время голода англичане привозили в Россию хлеб и продавали его по умеренной цене, стараясь об избавлении от ужасного бича страны, которая их приютила. Но все старания графа Карлейля остались напрасны; все, чем мог Алексей Михайлович усладить для англичан свой горький отказ, было оставление им надежды на возвращение прежних прав, которых действительно не думали более возвращать никогда.

Голландцы постоянно пользовались значительными правами, хотя меньшими, чем англичане, их соперники. При Иоанне Васильевиче, Федоре Иоанновиче, Борисе Годунове и Василии Шуйском они составляли компанию гостей и пользовались жалованными грамотами царей. Подобно англичанам, они имели свои дворы в Вологде, Архангельске, Москве, Холмогорах, Коле и освобождались от обязанности становиться на гостиных дворах. Царь Михаил Федорович в 1614 году подтвердил прежние права грамотою, выданною трем факторам гостинной голландской компании. Они могли постоянно приезжать в Архангельск и Колу и торговать всякими товарами по вольной цене; дворы их освобождались от всяких пошлин и тягла; они не подлежали суду бояр и воевод по городам, исключая уголовных дел; в торговых и вообще во всяких гражданских они судились в посольском приказе. Во уважение к потерям, которые компания понесла в продолжение Смутного времени, царь дал им право на беспощ-

Въезд в Вологду голландского купца Ван-Кленка в 1676 году. Гравюра XVII в.

линную торговлю в течение трех лет, а после того они должны были платить половину установленной в России торговой пошлины.

Голландцы, как англичане и другие иноземцы, должны были, прибывши к Архангельску, прежде всего продавать лучшие товары в казну и не производить частной торговли до совершенного закупа для казны. В XVI веке, когда устье Двины было исключительно собственностью англичан, голландцы, фламандцы и датчане торговали через Ревель, Ригу и Дерпт; но вскоре Белое море было открыто и для других народов; тогда голландские корабли ежегодно прибывали в Архангельск с грузом. Так было в XVII веке. Между ними и англичанами господствовала постоянная вражда; голландцы, говорил Самуил Коллинс, налетают как саранча и всюду бросаются, куда манят их выгоды; они отбивают у англичан хлеб. Они старались унижить и осмеять англичан, рисовали на них карикатуры, сочиняли пасквили, изображали Англию в виде бесхвостого льва, с тремя опрокинутыми коронами, или в виде множества собак, с обрезанными ушами и хвостами. Англичанин жалуется, что голландцев принимают лучше, чем англичан, потому что они, подкупая подарками бояр, располагают правительство в свою пользу. Неудовольствие русских купцов на иностранцев, торговавших в России, которое мы видели преимущественно относительно англичан, распространилось и на голландцев. В 1629 году новгородские гости жаловались на торгового голландца, что он торгует всякими товарами врознь и посылает русских людей, служащих у него приказчиками, в заонежские погосты, для скупа хлеба и рыбы, с целью отправки за границу. В челобитной 1646 года мос-

ковские торговцы высказали негодование свое на голландцев. Голландцев они обвиняли так же, как и их врагов англичан, в умышленном повышении и понижении цен на товары. Как англичане, так равно и голландцы дорожили неопытностью русских. Когда какой-то ярославец, торговый человек, ездил с пушными товарами в Амстердам, тамошние купцы, сговорясь, не купили у него товаров ни на один рубль, и русский купец должен был воротиться с своим грузом в Архангельск; едва он вступил на русскую почву, как те же самые голландские купцы, которые плыли с ним из Амстердама, купили у него весь его пушной товар по высокой цене. Русские укоряли их в неблагодарности. «Вы торгуете у нас свободно, — говорили они, — и мы не составляем против вас заговоров». Голландцы чистосердечно отвечали, что это сделано было именно для того, чтоб русские не ездили к ним; иначе они, голландцы, потеряют свои выгоды, коль скоро русские станут приезжать к ним. При Алексее Михайловиче голландцы были сравнены с другими иностранцами, но после падения англичан голландцы пользовались в России большими выгодами; по крайней мере, голландские купцы могли брать жалованные грамоты и торговать в России, не страшась грозных совместников. Их товары в это время покупались с большею охотою, чем английские.

Ганзеатические города, после падения Новгорода, не имели уже того преобладания в русской торговле, как в средние века. Стремление Иоанна III ввести в Россию иноземные приемы гражданственности возбуждало зависть в ливонцах и в купцах ганзеатических городов. Немцы боялись образованности в России; для них гораздо выгоднее было иметь

дело с народом, стоящим только на степени земледельческого развития. Ревельский городской совет, по наущению Ганзы, задерживал иностранных художников и ремесленников, ехавших в Россию по приглашению великого князя; немцы преследовали их на море в качестве морских разбойников. Следствием таких поступков со стороны Ганзы и Ливонии была неприязнь к ним русского правительства. По поводу задержания и грабежа псковских купцов в Дерпте и Риге и нападения русских на пределы Ливонии началась опустошительная война с орденом, задерживавшая ход торговых сношений. В 1492 году Иоанн III построил Иван-Город: это возбудило досаду не только ордена в политическом отношении, но и городов в торговом: им опасно казалось образование нового порта, когда прежде иностранные товары приходили в Россию через ливонские города. В Ревеле сожгли двух русских торговцев; в отместку за то Иоанн уничтожил ганзеатическую контору в Новгороде, столь долгое время приносившую Ганзе неисчислимыя выгоды, задержал купцов и, засадив их в тюрьму, конфисковал их имущества. То был важный удар для торговли Ганзы с русскими. Дело по поводу этого происшествия тянулось и при Василии Иоанновиче; по ходатайству императора Максимилиана, великий князь, хотя изъявлял охоту дозволить возобновить торговые сношения с Ганзою, но отказывал в удовлетворении убытков, понесенных купцами в Новгороде. В 1539 году правившие в малолетство царя Ивана Васильевича бояре подтвердили торговый договор с Ганзою. В XVI веке, в царствование Иоанна IV, ганзейская торговля в России находилась не в цветущем состоянии. Тому причиною было соперничество англичан, от-

странявших всеми силами иностранных торговцев, внутреннее ослабление союза через взаимные несогласия, соперничество с ливонскими городами, искавшими извлечь для себя личные выгоды из этой торговли, и, наконец, тяжелые и продолжительные военные обстоятельства в прибалтийском крае. По утишении Ливонской войны ганзеатические города тщетно думали возобновить древнюю новгородскую контору. На пяти сеймах никак не могли согласиться послать в Москву посольство для ходатайства о восстановлении конторы; ливонские города сильно этому препятствовали, желая, чтобы торговля с Россией непременно шла через них. Наконец, в 1593 году Любек, от лица соединенных с ним семидесяти двух городов, отправил в Москву послом Захария Майера с предложением возобновить дружеские торговые связи с Россией, даровать немецким купцам право производить торговлю в России свободно и беспошлинно и держать собственные подворья. Царь Федор дал им жалованную грамоту, по которой позволено им торговать свободно в Иван-Городе, Новгороде и Пскове с платежом пошлины, взимаемой с прочих торговцев. Эта грамота исполнялась плохо, ибо на другой же год любечане жаловались, что таможенное начальство во Пскове берет с них пошлин более, чем сколько следует по жалованной грамоте. В 1603 г. Любек, с другими союзными городами, снова обратился к царю, и царь дозволил им свободно торговать в России, Новгороде и Пскове, приплывать с кораблями в Архангельск и Холмогоры за грузом, продавать товары и возвращаться назад, обещал ввести одинакие весы и меры, содержать ганзейских купцов под своим покровительством. Любечане опять домогались беспошлинной торговли, но им

отвечали, что если позволить торговать без платежа пошлин им, то следует позволить то же и другим; однако, в знак особого расположения, царь определил, чтоб они платили только половину обыкновенной пошлины, как и голландцы. Но вскоре под фирмою Любека начали приезжать торговцы из других городов, и царь отменил платеж половинной пошлины, а определил, чтоб и любечане платили полную наравне с другими. В Смутное время торговля с Ганзою упала. При Михаиле Федоровиче ганзейские города просили снова о свободной торговле в России, и вместе с ними за них ходатайствовали Нидерландские Штаты, но права по этой просьбе, вновь данные городам, были нарушены ими же неизвестно как. Купцы ганзейские получили запрещение ездить в Россию; только некоторые из них подкупали дьяков и брали жалованные грамоты. При царе Алексее Михайловиче, в 1652 году, дана новая грамота Любеку на право торговли с платежом пошлин в России наравне с другими; сверх того купцам позволено приезжать в Москву, привозить узорочные товары для царской казны и ефимки, которые следовало брать у них по ходячей цене. В XVI веке торговля ганзейских городов совершалась через Ливонию, в XVII веке через Архангельск. Так, при Алексее Михайловиче гамбургцы ежегодно приплывали к Архангельску, а некоторые вели в России торговлю сухопутьем от Архангельска.

Из других европейских соседних держав Швеция является в постоянных торговых сношениях с Россиею, однако часто прерываемых войнами. Таким образом, при Иоанне III торговля с Швециею пришла в упадок. Василий возобновил торговую взаимность народов договором с Густавом Вазою, кото-

рым предоставлена свобода шведским купцам торговать во всей России и иметь свое подворье в Новгороде. Правительница Елена в 1537 году заключила с тем же государем договор, утверждавший взаимную торговлю. В царствование Иоанна IV с тем же государем установлен договор, по которому русским купцам позволялось ездить через Швецию в европейские страны на шведских кораблях, а шведам дозволено торговать в Новгороде, Москве, Казани и Астрахани и проходить в Индию и Китай. Но вообще в царствование Иоанна торговля с Швециею была в упадке от совместничества англичан и от военных обстоятельств. Между пограничными жителями обеих сторон в XVI веке не переставали драки, грабежи и убийства. В 1595 году дана шведам привилегия на свободную торговлю в России. Шведские купцы, как из собственно шведских, так из финляндских и эстляндских городов, могли свободно плавать по Ладожскому озеру и приставать повсюду своими судами, равно подниматься по Нарве, входить в Чудское озеро и достигать Пскова. Сверх того шведским купцам дано право торговать в Москве, Новгороде, Пскове и других городах во всей России на востоке, севере, юге, западе и не только в местах, уже принадлежавших русскому государству, но и в тех, которые вперед могут быть когда-нибудь присоединены к России, держать свои подворья не только в Новгороде, Пскове и Москве, где они их уже имели, но в других городах, где до того времени их не было. Следовало только наблюдать, чтоб это право принадлежало буквально шведам, а не торговцам других наций, под шведскою фирмою, поэтому на русских границах не следовало основывать новых пристаней; зато шведы обязывались пропускать торговцев всех

наций, которые будут везти товары для царской казны, с тем только, чтоб на такие товары были взяты выписки в Ревеле или Выборге. С своей стороны, шведское правительство позволяло русским купцам ездить с товарами в Швецию, Финляндию и Эстляндию и торговать свободно. Относительно платежа пошлин положено, чтоб как шведские купцы в России, так и русские в Швеции платили пошрины, установленные в обоих государствах. Эти привилегии были возобновлены и после Столбовского мира. В Новгороде вообще позволено было торговать только тем из иностранных торговцев, которые будут иметь жалованные грамоты; одни шведские торговцы могли торговать там беспрепятственно и держать свою контору. Тогда по Ладожскому озеру и Пейпусу происходило плавание торговых шведских судов, а суда русские ходили в Выборг, Ревель и Стокгольм, называвшийся у русских стекольным городом. В это время многие русские из края, уступленного Швеции, рассеялись по русским селениям новгородского края и вели выгодную для себя и для жителей России контрабандную торговлю, но на это обратило внимание правительство в 1628 году. Между вывозимыми из Швеции товарами первое место занимало железо, как в массе, так и в изделиях. Русские возили в Швецию, между прочим, хлеб; в 1649 году запрещено было возить хлеб в Швецию; но этот вывоз был так выгоден для русских, что крестьяне продолжали контрабандную торговлю. Впрочем, вообще торговля России с Швециею не была значительна, ибо возраставшая в большом размере торговля на Белом море с англичанами, голландцами и Гамбургом убивала торговлю как с Швециею, так с Даниею и Пруссиею. Мы имеем известие под 1630 годом, что

в балтийские порты Нарву и Иван-Город не приходило почти никаких грузов. В половине XVI века война с Швециею прервала торговые сношения. По Кардисскому договору шведским купцам предоставлено торговать свободно по всей России, но преимущественно в Москве, Новгороде, Пскове, Ладого, Ярославле, Холмогорах, Переяславле, Тихвине, Пернове и Александровской пустыни. Они могли иметь свои подворья в Москве, Новгороде, Пскове и Переяславле, а из шведских городов, предоставленных по договору для приезда русских купцов, были Стокгольм, Рига, Выборг, Ревель, Ижора, Карела, Ругодив (Нарва), Канцы; из них в Стокгольме, Риге, Ревеле и Ругодиге русские могли строить торговые дворы. Впрочем, Кардисский договор в отношении торговли есть повторение условий 1595 года. В платеже пошлин торговцы обоих народов подвергались местным условиям, без всяких особых привилегий. Во второй половине XVII века несколько раз было то запрещено, то вновь разрешено вывозить хлеб и съестные припасы в Швецию. Так, в 1685 году запрещено вывозить лес, свиное и говяжье сало и мясо в Швецию, но на следующий год, по просьбе олонецкого земского старосты, снова позволено. Сухопутная торговля с Швециею шла через Олонецк, где устроена была таможня.

Бракосочетание Иоанна III с Софиею Палеолог имело значение передачи интересов угасшей Греции обновлявшейся России. Это событие освежило и скрепило древнюю связь России с Грециею, и Греция вместе с тем передала России ненависть к своим завоевателям. Поэтому между русским и турецким правительством никогда не могло существовать согласия, напротив, постоянно господствовала тайная

неприязнь; однако взаимные нужды связывали обе нации торговыми сношениями, тем более что торговый класс в Турции состоял из греков, пользовавшихся особым сочувствием в России. Вскоре после завоевания Константинополя встречаем приезды в Россию с товарами не только греков, но даже и турков. В 1499 году Иоанн III посылал в Турцию послов и исходатайствовал свободу торговли русским купцам во владениях султана, где они до того времени подвергались разного рода стеснениям и насилиям. В государственное правление Василия турки и греки приезжали в Москву для торговли: так, турецкий посол Искандер, родом грек, три раза ездил в Москву для покупки товаров; то же повторялось и в малолетство Ивана Васильевича; в 1576 и 1580 годах были подобные торговые посольства, султановы послы приезжали в Москву для покупок. В царствование Иоанна Васильевича, несмотря на нерасположение России к Турции, турецкие подданные торговали в Москве, как и подданные русского государя в турецких владениях. При Федоре Иоанновиче торговля с Турциею была обеспечена договором 1594 года, но торговые сношения не приняли большого размера по причине возникавших тогда неприязненных отношений между державами. В это время путь между Россиею и Турциею был уже не безопасен от нападений запорожцев. Таким образом, в 1564 году киевские черкасы на Овечьих водах погромили турчан и армейских торговых людей из турецких подданных.

Греки всегда пользовались особыми привилегиями, платили меньше пошлин и получали ласковый прием от правительства. Это делалось из уважения к их единоверию с русскими. Греки и молдаване ежегодно привозили в столицу драгоцен-

ные камни, жемчуг, металлические изделия и вообще разные женские украшения и конские приборы. Русские также получали от них драгоценные турецкие ткани и материи. Приезжая в Москву, эти греческие торговцы подносили в дар царю лучшие из своих товаров, и вообще были обязаны, явившись в столицу, прежде всего показать свои товары для выборки в царскую казну: только тогда давалось им позволение торговать в городе. Во внимание к их единоверию приезжие греки получали помещение, корм от казны хлебом и мясом, свечи и дрова. Некоторые из греческих торговцев жили в Москве постоянно, на особом греческом подворье. В половине XVII века греки и волохи торговали в Путивле, пограничном на юге городе Московского Государства. После торгового устава 1667 года, когда русские купцы успели выпросить у правительства стеснительные для иностранцев торговые учреждения, и греки подверглись платежу пошлин наравне с другими иноземцами. Впрочем, если они торговали на золотые и ефимки, то освобождались от платежа пошлин с обязанностью отдавать монеты в казну и брать из нее русские деньги. Несмотря на это уравнение с другими иноземцами, греки дозволяли себе контрабандные выходки, и оттого в 1672 году приказано осматривать их построже. Торговля с греками тогда упала; приезжали в Россию только мелкие торговцы, продававшие поддельные стекла за драгоценные камни, поэтому они потеряли право торговли. В 1676 году им позволено снова торговать в Путивле. Но они опять были обвинены в противозаконных разъездах с товарами по проселкам, почему снова последовали распоряжения о строжайшем надзоре за ними.

В продолжение XVI и XVII веков русские вели торговлю с восточными народами, бухарцами, персами, шамаханцами, крымцами, калмыками. Торговля с Хивой, Бухарией и Шамахией перешла к нам по завоевании Астрахани, где издавна находила себе исток и где по-прежнему сосредоточивалась, когда уже Астрахань сделалась русским городом. В 1557–1558 годах владетели Хивы и Самарканда прислали к покорителю Астрахани Иоанну Васильевичу послов для обеспечения прав своих торговцев, и торговля России с их землями утверждена была взаимным договором. Астрахань начала наполняться купцами из Шамахии, Дербента, Юргенджа и других восточных городов. В последующие годы царствования Иоанна IV торговля была обеспечена новыми договорами с шамахинским царем в 1563 году, а с бухарскими владетелями в 1567 и 1569, и государь грамоты к их государям послал о купечестве. С тех пор установилась правильная торговля с этими странами. Между Астраханью и Караганским пристанищем дважды в год было торговое сообщение на государевых бусах, на которых юргенджские и бухарские купцы приплывали в Астрахань, платя за помещение на бусах во время проезда; другие же ездили в Астрахань степью. Они останавливались в Астрахани со своими товарами на особом подворье, которое называлось бухарским. Русские купцы с своей стороны ездили компаниями или артелями в Хиву и Бухарию: эти путешествия были не безопасны: так, в 1646 году татары ограбили наших купцов, ездивших в Хиву, за это арестовали в Астрахани с товарами хивинцев и бухарцев. При Михаиле Федоровиче возникла конкуренция меж-

ду астраханскими местными купцами и хивинцами. Русские подговаривали воевод не брать на суда хивинцев, чтоб заставить их продавать дешевле свои товары. Это показывает, что торговля русская была очень важна для Хивы и что в Астрахани было много хивинских купцов, ибо в противном случае купцы страшились бы стеснять их. Алексей Михайлович расширил эту торговлю, дав в 1668 году, по просьбе юргенджского хана, привилегию на свободное прибытие хивинских купцов в Астрахань, обещал им покровительство правительства, обеспечение со стороны местных властей и дачу подвод по достоинству их товарных промыслов и пошлинного сбора. Через руки бухарцев к нам доходили и индийские товары. Бухарцы, кроме Астрахани, вели торговлю в Сибири и торговали на гостином дворе в Тобольске; они снабжали Сибирь рукодельными потребностями жизни, и торговля с ними была очень важна в Сибири, как видно из челобитной сибиряков в 1595 году, в которой они просят как милости, чтоб к ним приходили из Бухарин торговые люди с товарами. Бухарцы, торгуя в Тобольске, составляли там некоторого рода компанию, почему в деловых бумагах употребительно выражение тобольские бухарцы. Царь Михаил Федорович дал им льготу ездить для торгового промысла в Казань, Астрахань, в Архангельск к пристани и в приморские города с правом не быть задержанными судом, исключая долговых обязательств и уголовных дел, нанимать подводы, покупать суда и вообще быть безопасными от притеснений воевод. В 1686 году эта грамота была подтверждена снова. Торговля с бухарцами в Тобольске в половине XVII века была стеснена тем, что

бухарцам не позволено было вывозить главного и почти единственного произведения сибирского края – пушных товаров.

Ни с какою страню торговля не имела в тот век такого значительного влияния на умы, как торговля с Персиею, ибо, как мы сказали, на нее смотрели как на средство произвести совершенное изменение в торговых сношениях целого мира. Этот взгляд, без сомнения, разделяли тогда и русские, а потому русское правительство находилось постоянно в дружеском отношении к персидскому; притом два государства – Россию и Персию – связывала обоюдная неприязнь к Турции. Еще до прибытия англичан у нас были сношения с Персиею, и в Москву приезжали персидские посланники по торговым делам; это видно из того, что Дженкинсон поехал в Персию вместе с персидским посланником, возвращавшимся тогда из Москвы. При Федоре Иоанновиче, во время царствования шаха Аббаса, образовались более тесные и самые дружественные отношения двух государств, поддерживаемые взаимною ненавистью к туркам. При Михаиле Федоровиче царь ежегодно отправлял в Персию своих посланников, которые, поддерживая торговые сношения подданных обеих держав, были вместе с тем закупщиками товаров для царя и пользовались при персидском дворе всем нужным содержанием. В 1634 году основана была голштинская компания, которая получила право торговли с Персиею через Россию на десять лет с платою шестисот ефимков в год и с воспреещением вывозить из России такие товары, которыми торговали русские, как-то: изделия шелковые, бумажные и металлические; эта компания, по своему ограничению и притом по большому количеству пошлин, каким

подвергались ее члены в России, не могла приносить выгод. При Алексее Михайловиче торговля с Персией приняла больший размер: шах Аббас II в 1664 году дал русским привилегию на свободную торговлю во всех персидских владениях без платежа пошлин, найма за подводы и платы за стоянку на гостиных дворах и в лавках с товарами; сверх того шах приказывал местным властям своего государства оказывать русским купцам особую почесть. Средоточием персидской торговли для России была Астрахань, которая вела эту торговлю через Дербент. Персидские купцы, приезжая в Астрахань, становились на особом дворе, называемом гилянским. Они прибывали в Астрахань по Каспийскому морю на государевых бусах; у иных были товары от шаха, а у иных свои собственные. При Михаиле Федоровиче (1628 год) с первых, во уважение к шаху, не брали пошлин, а вторые были обложены пошлинами, довольно высокими. Некоторые персидские купцы отправлялись из Астрахани вверх по Волге до Казани, а иные доплывали до Москвы, и там предоставлялось им стоять с товарами на посольском дворе. Наравне с греками они пользовались правом получать поденный корм – хлеб и мясо, равно сено и дрова. Казна выбирала для себя лучшие их товары, обыкновенно вознаграждая за то мехами; на возвратном пути они пользовались правом брать гребцов на суда безденежно и также во время дороги получали содержание. Персидские товары были в большом ходу в России; в Москве был особый персидский гостиный двор с лавками. Сам царь Алексей Михайлович, который вел значительную персидскую торговлю, подобно своему отцу, беспрестанно посылал в Персию посланников к шаху с целовальниками и при-

казывал закупать персидские товары, которые препровождались в Шамаху, а оттуда в Баку, где нагружались в бусы и отправлялись в Астрахань. Главным вывозным из Персии товаром был шелк-сырец, и его-то правительство брало исключительно в свои руки, так, что при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче русские, покупая или выменивая шелк-сырец, привозили его в Москву и сдавали в казну государя, а казна продавала европейским купцам. В 1667 году правительство, по соглашению с персидским шахом, поручило это дело армянской компании: основатели ее были персидские подданные армяне Стефан Ромоданский и Григорий Лушков. Эта компания обязывалась закупать в Персии и возить в Россию шелк, который до того времени в большом количестве шел в Европу другими путями. Складочным местом шелковой торговли была Астрахань, куда компания подрядилась возить свой товар двумя путями: по морю и сухопутьем через город Терек. В случае, если бы продажа шелка не могла состояться в Астрахани, армянам предоставлялось везти шелк в Москву и далее в порубежные города: Новгород, Смоленск и Архангельск, наконец, при накопившемся количестве шелка им позволялось ездить и за границу, с тем, однако, чтоб непременно возвращаться через Россию и платить на возвратном пути пошлины. Эта компания торговала и другими товарами, например, верблюжьей шерстью. Правительство обязывалось давать ее членам для оберегания от разбоев во время плаванья по Волге ратных людей и вознаграждать их в случае потопления судов или убытка, происшедшего от небрежения провозятых. Компания не освобождалась от разных поборов и пошлин, но могла возить с собою беспош-

лино до десяти пудов разной домашней рухляди и съестных припасов, в том числе вино и табак, которых, однако, не могла продавать. Привилегия, данная компании, возбудила зависть русского купечества. Гости жаловались, что у них отнимают хлеб, доказывали, что, до основания армянской компании, русские гости сами покупали у восточных купцов товары и доставляли в царскую казну, а потом брали их из казны на комиссию и перепродавали иностранцам, а полученную за то звонкую золотую и серебряную монету сполна доставляли в казну; тогда как теперь получившая права компания, продавая персидские товары иностранцам, отвозит золото и серебро в свое отечество; европейские товары переходят к восточным народам через руки армян, а восточные товары достаются европейцам через те же руки; напротив, они бы переходили через русские руки и доставляли пользу как казне, так и купечеству, если персидская торговля сосредоточивалась исключительно у русских гостей и они были бы посредниками между Востоком и Европою. Эти представления имели только отчасти успех при царе Алексее Михайловиче; в 1673 году заключен новый договор с армянскою компаниею в прежнем смысле, но с некоторыми отменами, а именно: армяне не могли уже ездить с персидскими товарами за границу, коль скоро с теми государствами какие ссоры будут. Эта последняя оговорка была поставлена только для вида, сущность же дела была та, что правительство, настроенное гостями, хотело ограничить их поездки за границу и собирать их товары в Россию. Сверх того, правительство уже более не обязывалось давать вознаграждения за товары, погибшие от потопления или от небрежения провожатых; но в

первом случае давало им единственно ту льготу, что потонувшие товары освобождались от платежа за них пошлин, а во втором предоставляло им искать судом на тех, которых небрежность и неисполнительность была виною понесенных убытков. Таким образом, правительство представлением гостей воспользовалось настолько, насколько могло принести выгоды самому себе. Для большего успеха в деле с компаниею правительство выпросило у шаха грамоту, которая воспрещала его подданным продавать шелк мимо армянской компании и обязывала армян возить его единственно в Россию. Закоренелая вражда с Турциею была причиною такой сговорчивости шаха в пользу России. Персии не хотелось, во что бы то ни стало, чтоб персидские товары, особенно шелк, проходили в Европу через Турцию и доставляли последней средства к выгодам. Притом отправка до Персидского залива шелку, который родился в Гиляне, стоила дороже, чем отправка до Астрахани Каспийским морем. Русские, говорит один иностранец, не умели, однако, пользоваться неисчислимыми выгодами, какие представляла им торговля с Персиею, и стесняли ее. Персидские купцы при въезде в Астрахань подвергались обременительному для них пересмотру всего товара, переписке, оценке. Если они хотели ехать в Россию, то платили, сверх заплаченных уже с товаров пошлин, еще проезжие пошлины. При всяком переезде из города в город их пускали не иначе, как пославши наперед туда, куда они едут, роспись их товарам. Если они не успели распродать в России всех товаров, то, возвращаясь в отечество, платили отъезжие пошлины.

Русские неохотно допускали иностранцев пользоваться через Россию выгодною торговлею с

Персию. При Иоанне IV только англичанам и отчасти шведам дозволено через Россию посещать Персию и восточные страны; прочие иностранные купцы не имели права даже торговать без особого дозволения с Казанью и Астраханью, которые считались хотя принадлежащими Русскому царству, но не Московскому Государству. При Михаиле Федоровиче, хотя дано право на торговлю с Персиею голштинской компании, но с высокими пошлинами. При Алексее Михайловиче, особенно после торгового устава 1667 года, правительство стремилось, сколько возможно, отстранить иностранцев от восточной торговли. Но желание приобрести больше выгод для казны заставляло поручить значительнейшую часть этой торговли армянской компании. Правительство не надеялось и не могло получить столько выгод от русских купцов, сколько от армян; ибо при покровительстве, какое оказывал русской торговле шах, можно было предполагать, что весь персидский шелк перейдет в Россию. Шах много давал для подданных царя; надобно же было и в России дать что-нибудь для подданных шаха. Видя, что Россия не сладит с мыслью извлечь пользу из торговли шелком, голландский посол предлагал позволить голландцам торговать с Персиею и с армянами и обещал России цветущее состояние ее торговли. На это гости, постоянно стараясь отстранить иностранцев от преобладания в русской торговле, возражали, что лучше вместо цвета пусть голландцы покажут плод, а, по их мнению, гораздо будет выгоднее для России, если сами русские станут скупать шелк у персиян и перепродавать его европейцам, тем более что этот материал очень нужен для Западной

Европы. Голландцы не могли добиться дозволения, по крайней мере на два года в виде опыта, торговать с персиянами через Россию. Гости возражали, что если в течение двух лет голландцы не нанесут вреда русской торговле и даже доставят ей видимую пользу, то дозволение будет вредно потому, что договор продолжится на дальнейший срок и окрепнет, а потом голландцы овладеют русскою торговлею навсегда, как сделали в восточной Индии. В случае крайности гости соглашались только дозволить в Архангельске армянам торговать с иноземцами, но отнюдь не в целой России.

России суждено было только предупредить других европейцев в географических открытиях, которые после, однако, в науке остались не за русскими. Так прежде путешествия Ченслера по Белому морю, которое англичане называли открытием северного пути, русский дьяк Григорий Истома, а потом Власов совершили морские путешествия вокруг Норвегии. Так же точно казак Дежнев открыл Берингов пролив прежде Беринга, имя которого осталось за отдаленным проливом. Так, предприимчивый тверской купец Афанасий Никитин посетил Индию прежде открытия туда пути португальцами. С первой половины XVI века начинаются у нас сношения с Индиею, правда не важные, но замечательные по характеру редкости. В 1533 году прибыло в Москву посольство от индийского султана Бабура, и хотя это посольство не установило прочных сношений России с Индиею, но русское правительство изъявило желание, чтоб люди промеж их ездили. После покорения Астрахани, в числе восточных народов, толпившихся в этом городе, были индийцы, приезжавшие туда через Персию.

Первое посольство в Индию было в 1646 году. Царь Алексей Михайлович отправил к великому шаху послом князя Козловского и с ним двоих купцов, казанского Сыроепина и астраханского Тушкалова. Купцы эти имели наказ изведать страну в торговом отношении, ее произведения, ее вывозные статьи, ценность их, торговлю с западными европейцами, таможенное устройство и пути сообщения. Им дано 5000 рублей для покупок тамошних произведений. Но эта торговая экспедиция не достигла своей цели. Персидский шах, бывши во вражде с великим моголом, не пропустил русских гонцов. Притом же Персия, конечно, должна была завистливо смотреть на возникающие сношения России с Индией, ибо индийские товары, состоявшие преимущественно во врачебных потребностях и пряностях, шли через Персию. Шах вежливо отделался от просьбы дать русским гонцам провожатых, указывая на опасный путь по причине междоусобий и беспорядков. Алексей Михайлович должен был ограничить свое желание сблизиться с Индией единственно тем, что приказал астраханским воеводам доставлять индийским купцам, приезжающим в Астрахань, большие удобства перед другими восточными торговцами. Индийцы получали право посещать не только Астрахань, но столицу и внутренние города России. Таким образом, в январе 1650 г. два индийских купца Солокна и Лягунт продавали в Ярославле разные ткани, кушаки, ковры, платки, фаты, шелк, набранные ими отчасти в Индии, отчасти в Персии. В столице познакомили русских с индийскою материею камкою. В 1651 году русские гости просили царя дозволить им отправлять свои товары в Индию и устроить, при по-

средстве персидского правительства, свободное сообщение России с Индией через Персию. Алексей Михайлович позволил гостю Шорину отправить двух гостиных приказчиков Родиона и Ивана Никитиных с русскими товарами и снабдил их грамотами к персидскому шаху и великому моголу. Но и это торговое посольство не достигло своей цели, отчасти снова от неблагоприятного расположения Персии, отчасти же в самом деле от беспорядков в Индии, возникших по смерти великого могола между его сыновьями, оспаривавшими друг у друга наследство. В 1663 году прибыли в Москву индийские армяне с грузом товаров и поднесли Алексею Михайловичу в дар разные украшения: корону, перстни, запону, нашивки, материи, ладан, благовония и фрукты. Царь взял у них не все, но часть, и по средней оценке выдал им настоящую цену в 10 472 рублей соболями, сукнами и другими товарами, но не деньгами. Армяне были недовольны таким приемом, потому что обыкновенно царская щедрость награждала подносителей даров вдвое против настоящей цены самих даров. Армяне заключили с правительством договор доставлять в аптекарский приказ лекарства, особенно чепучинный корень (*Radix chinae*), но правительство не согласилось, чтоб привоз этих товаров был освобожден от пошлин. В 1669 году царь, не оставляя мысли о постоянной торговле с Индией, задумал отправить туда русский караван. Предприятие это было столь ново, что надлежало предварительно отправить кого-нибудь для исследования пути, а потому Алексей Михайлович послал в Бухарию, Хиву и Балк посланников Бориса Пазухина для изведения пути в Индию. Пазухин возвратился в 1673 году. Он до-

носил, что центром, куда нужно будет послать караван, должен быть Джанабад, индийская столица. Путь к нему идет от Астрахани морем, до караганского пристанища, оттуда в течение трех недель до Хивы, из Хивы в течение трех недель до Балка, от Балка на Парван, оттуда на Чарикур, Кабул, Пишаур, Атток, Ротас, Лагор, Султанпур и Джанабад, что выходило от Астрахани пути четыре месяца с половиною верблюжьим ходом. Спрошенные по поводу этого донесения индийцы, случившиеся в то время в Москве, советовали держать другой путь из караганского пристанища в Юргендж, Бухару, а оттуда в Балк, из Балка в Кабул. По собранным сведениям в 1675 году отправлен через Бухарию, по указанию индийцев, караван под начальством посла астраханца Мамет-Исуа Касимова с разными товарами, состоящими преимущественно в мехах, предназначенных для подарков властителю индийскому Эвреинзебу. Пропущенные дружелюбно бухарским и балкинским властителями, русские достигли Кабула в 1676 году. Вассал Эвреинзеба Мекремет-Хан, управлявший Кабулом, донес о прибытии гостей своему властителю, но тот принял новость вовсе не так, как ожидали. Он не захотел быть в сношениях с Россиею, отговариваясь тем, что прежде не было таких сношений и что магометанская вера препятствует дружитья с христианами. Мекремет-Хан не позволил русским продавать товары, опечатал как подарки царские, так и товары купцов, привезенные для продажи, взял товары эти по той цене, по какой ему было угодно, и еще с вычетом пошлин, да при этом таможенные чиновники заметили, что у них и холопы не носят таких дурных соболей, какие русский царь присылает в

подарок их государю. Впрочем, индийский шах выдал им в виде подарка две тысячи рупий, подтверждая, чтоб русские немедленно удалились из его владений. С этих пор, как видно, индийцы перестали пользоваться в России таким гостеприимством, как прежде, ибо в 1684 году один индеец жаловался на притеснения его единоземцам, которые делали астраханские воеводы, а в 1688 году, по просьбе гостей, право индийцев торговать в России ограничено одною Астраханью. Неудачи в устройении торговых сношений с Индией не удержали русское правительство еще раз в 1695 году попытаться послать в Индию купца Семена маленького с товарищами с наказом продать там русские товары и купить для царской казны индийских произведений. Эта новая экспедиция была удачнее. Наши купцы беспрепятственно достигли Индии и получили от наместника индийского шаха грамоту на безостановочный пропуск. На возвратном пути морем из Сурата они были ограблены морскими разбойниками.

Покорение Восточной Сибири повело Россию к торговым сношениям с отдаленным Китаем. Они возникли не ранее половины XVII века. Первый гонец в Китай был Ярыжкин. В 1654 году было посольство в Китае Федора Байкова, сибирского казака Малинина и бухарца Бабурель-Бабаева с товарами. Байков воротился в Тобольск в 1658 году. После него ездил сын боярский Иван Перфильев, а в 1675 году Николай Спафарий. Таким образом возникли торговые сношения с Китаем. Начало их Языков относит к Спафарию, но Кильбургер, писавший в 1674 году, приписывает их Байкову. Главный пункт этой торговли был в Тобольске. Год от

году она принимала большие размеры. Китайские купцы привозили туда пестрые ткани, одноцветную китайку, разные драгоценные камни, фарфор, чай, бадьян, хину, ремень, бобровую струю, шелк, который оказался лучше и крепче персидского и шамаханского. Право купцов приезжать в Россию ограничивалось Tobольском. Отсюда купленные и вымененные товары развозились по России; часть их направлялась в Москву, другая в Архангельск для передачи иностранцам. В 1689 году боярин Федор Алексеевич Головин был послом в Китае, заключил с китайским правительством мирный договор, по которому установлено правильное и постоянное сношение с Китаем. С тех пор русские ездили в Китайскую империю с русскими товарами и променивали их на китайские. Вскоре для предотвращения контрабандной торговли правительство стеснило свободные поездки в Китай и приказало не иначе пускать русских торговцев в Китай, как с грамотою, выданною из Сибирского Приказа; следовательно, купец, желавший из Сибири отправиться в Китай, должен был прежде обратиться в Москву и выхлопотать себе грамоту, что составляло для него источник многих издержек, проволочек и затруднений. Купец, получивший наконец грамоту, должен был ехать непременно через Иркутск и Нерчинск и возвращаться тем же путем, чтоб платить пошлины с вывозимых и привозимых товаров. Правительство хотело, чтоб китайская торговля сосредоточивалась в его руках и производилась через его посредство. В 1694 году определено ежегодно посылать в Китай купцов от правительства для торговли с китайцами. В 1695 году отправлены в Китай священные принадлежности для основания

русской церкви, учреждаемой для русских купцов, пребывающих в Китае. В 1696 году купец Спиридон Лангусов получил от казны поручение везти в Китай меха и променивать на золото и разные ткани. Торговым пунктом китайской торговли избран Нерчинск; туда прибывали и отбывали караваны с русскими и китайскими товарами.

Вообще русская власть в отношении торговли с иностранцами, с одной стороны, нуждаясь сама в произведениях заграничных и сознавая, что русский народ на слишком низкой степени промышленного развития для того, чтобы производить то, что привозили ему иностранцы, давала им в России большие торговые права, иногда не безопасные для будущего, как, например, привилегии англичан; с другой же стороны, она оказывала недоверие к иностранцам, боясь, чтоб не употребили во зло покровительства и гостеприимства, оказываемого им в России. Иностранцы заслуживали и то и другое. Они наполняли казну царей и дома особ предметами изысканной жизни, привозили им одежды, украшения, лакомства, но они постоянно, на каждом шагу не скрывали самого очевидного презрения к русскому народу, смотрели на Россию как на страну дикую и необразованную и потому-то особенно им полезную. Пребывание у нас иностранцев не оказывало ни малейшего благодетельного влияния ни на улучшение нравов, ни на просвещение, ни на благосостояние народа; иностранцы всеми способами старались отклонить Россию стать в уровень с западными странами, чтоб самим не терять выгод, которые они получали от нашего государства. С своей стороны власть, сохраняя неприкосновенность православного учения и древнего гражд-

данского порядка, установившегося в России, отстраняла всякое нравственное сближение русских с иностранцами. Вообще, торговые иностранцы в России пользовались большею благосклонностью правительства до половины XVII века, чем после того до Петра. Об англичанах и говорить нечего; но и торговцы других народов – голландцы, шведы, персы, греки – все имели какие-нибудь льготы или привилегии, показывавшие, что власть дорожит сношениями с иноземными державами. Между прочим, все иностранцы пользовались особым от русских судопроизводством, ибо их не предавали пыткам; но в половине XVII века, в 1661 году, персияне, тезики (азиатские турки) и греки (об иноземцах других наций неизвестно) подвергались торговой казни за продажу табаку. Кроме льгот, предоставляемых торговцам известных наций по договорам с правительствами вообще, нередко цари в знак особых милостей давали лицам и обществам из европейских торговцев льготные привилегии. Царь Иоанн Васильевич даровал дерптским купцам право беспошлинной торговли в Новгороде, Пскове и Иван-Городе, с оговором, что если они повезут свои товары в Москву, Казань, Астрахань или другие города России, то должны платить пошлины наравне с русскими. Царь Борис в 1598 году дал жалованные грамоты немцам Игнатию Поперзаку и Андрею Витину, позволил им торговать в Новгороде, Пскове, Иван-Городе беспошлинно, даровал право ездить обратно из России в Литву, Ливонию и Германию. Как внутри государства в вышеупомянутых городах, так и при отъезде за границу и приезде в Россию они освобождались от пошлин. Михаил Федорович дал подобные же грамоты немцам, Буку и

Ивану Юрьеву: они могли торговать всякими товарами беспошлинно, но с условием не возить вместо своих чужих товаров и не давать русским людям торговых комиссий. Были заграничные торговые дома, долго торговавшие в России и приобретшие особенное расположение правительства. Таков был в XVII веке гамбургский торговый дом Марселисов. По данным им жалованным грамотам, они и их приказчики не освобождались от платежа пошлин, не могли торговать враздробь, а непременно оптом, но зато могли иметь свои дворы в Архангельске, Холмогорах, Коле, Вологде, Ярославле, Москве (но не в других городах) и разъезжать по всей России с товарами; воеводы не смели судить их и придирались к ним; в случае какого-нибудь иска на них они отвечали в посольском приказе. В XVII веке пользовалась особым расположением царей торговая фамилия Келдерманов, живших в Москве. Они оказывали услуги царям в продолжение целого столетия. Андрей Келдерман при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче трижды был посылаем в Англию, сын его Томас – в Голландию, к императору Леопольду и к венецианскому дожу. Царь доверял ему в Архангельске надсмотр за продажей шелка и препоручал покупки разных товаров для царского обихода; в 1671 году наименовал его почетным именем поверенного Московского Государства и чести достойного, а в 1685 году этот титул внесен в его жалованную грамоту. Многие брали жалованные грамоты от приказов, подкупив дьяков и приказных людей, – в том веке это было легко; посулы и поминки могли тронуть сердца блюстителей администрации и хранителей царской прибыли; таким путем иноземцы получали грамоты на разные льготы: иногда

на торговлю с пошлинами, а иногда даже и без пошлин. Нередко иностранцы, получив такие грамоты, передавали их другим, и последние спокойно торговали под именем тех, кому даны грамоты, называя себя то их братьями, то племянниками, то приказчиками; ибо всякая такая жалованная грамота распростиралась не только на одно лицо, но и на тех, которые состояли с ним в одном торговом капитале и даже на тех, которые у них служили. Таким образом, жалованная грамота, данная одному лицу, давала права, в ней означаемые, целой компании, произвольно составленной. Были и такие иностранцы, которые не задавали себе труда брать жалованных грамот из приказа, а торговали себе, как хотели. Россия была широка, мало населена, – поймать трудно; а в случае и поймаются – посулы и поминки вырывают. Вообще же побуждение брать жалованные грамоты зависело не от одних торговых причин; если жалованная грамота не давала торговцу беспошлинной торговли, то освобождала его от местных судов, а передавала всякий суд с ним Посольскому приказу; это уже было немаловажно. Все вообще иноземцы и состояли в ведении Посольского приказа; но когда случалось какое-нибудь дело, какая-нибудь жалоба иностранца на русского, – дело производилось в том приказе, в котором ведом был ответчик. Такой приказ требовал к своему суду иностранцев, и тут-то начиналось судебное волокитство, и происходила для них в торгах беспромыслица, особливо тогда, когда ответчик сам служил в приказе, а это случалось часто: подьячий, например, наберет у иностранца в долг и не платит, а иностранец должен тягаться с ними в том же приказе, где сидит сам подьячий, а с ним его приятели, которые не только не

думают удовлетворить иноземца, но еще и сами хотят поживиться на его счет. При Михаиле Федоровиче, в 1628 году, одним только англичанам вообще дана была грамота на право быть судимыми единственно в Посольском приказе; другие иноземные торговцы подвергались суду тех приказов, где был ответчик. Исключались из этой категории те, которые имели особые жалованные грамоты. По Уложению, все иноземцы, жившие в России, должны были судиться тем же судом, как и подданные Московского Государства. В 1653 году дана была грамота голландцам и вообще всем торговым иноземцам на право быть судимыми в одном Посольском приказе; но после того возникали челобитные от иноземцев: они жаловались, что их по-прежнему тягают в другие приказы. Поэтому в 1664 году подтверждено было распоряжение 1653 года.

Между иноземцами и русскими господствовала неприязнь, переходившая часто в явные ссоры. Так, в Архангельске, когда иноземные корабли приставали к берегу и к ним подходили русские дощаники и барки, всегда почти между гостями и домашними происходила драка; нередко доходило и до смертоубийства; это, впрочем, не мешало врагам торговать между собою тайком и вместе обманывать правительство. Более недружелюбны были отношения иностранцев к начальствовавшим лицам; последние жаловались, что иноземцы бывают дерзки и не дают осматривать своих товаров. В особенности же споры происходили по поводу выбора товаров для царской казны, ибо иностранцам не позволялось продавать своих товаров прежде, чем сделают выборки для казны. Тогда иноземцы, вопреки требованиям начальства продавать в казну

самые лучшие товары, скрывали их, чтоб тайком продавать в частные руки, а чиновникам показывали на выбор товары похуже и назначали высокую цену: иноземные торговцы вообще находили, что им невыгодно и неприятно было иметь дело с казною, а еще более с чиновниками, которые всегда готовы были к ним придрататься. Но в особенности не терпели иноземных торговцев русские оптовые торговцы-гости и богатые купчины. Они не могли не скорбеть, видя, как иностранные торговцы отнимают у них хлеб, занимаясь тем, чем бы по всем правам, как они думали, следовало заниматься русским: скупают русские товары у мелких торговцев, тогда как этот скуп должен бы исключительно принадлежать гостям, торгуют в розницу, и притом или вовсе не платя пошлин, или платя их меньше, чем русские, да в добавок не подвергаясь различным повинностям, которые отбывали русские торговые и промышленные люди. При Михаиле Федоровиче на Земском Соборе 1642 года гости и торговые люди в своей сказке жалуются, что немцы, кизильбашцы (персияне) и всякие иноземцы торгуют всякими товарами, как в столице, так и по всем городам и через то в городех всякие люди обнищали. В 1646 году русские гости подавали челобитную, в которой излагали все обстоятельства, вредные для казны и торговли, проистекающие от прав, которыми пользовались в России иностранные торговцы. Постигавшие англичан обвинения в умышленном повышении и понижении цен на товары для своекорыстных видов касались тогда в большей или меньшей степени вообще торговцев всех иностранных наций. Гости хотели захватить в свои руки торговлю. Когда иностранцы, говорили они, приходи-

ли единственно в порты, а не торговали в России, русские товары были дороже, а иностранные дешевле; теперь вышло наоборот: русские продаются за бесценок, а иностранные дорожают, и притом еще иностранцы привозят к нам что похуже. Такой протест гостей, лиц, близких к правительству и часто служивших ему в торговых и финансовых операциях, мало-помалу расположил правительство в их пользу и против иностранцев. По торговому уставу 1653 г. иностранцы, торговавшие в России, обложены были высшею пошлиною, чем русские торговцы: именно, вместо десяти денег двумя алтынами с рубля, кроме, однако, Архангельска, да сверх того по четыре деньги с рубля за товары, которые они повезут из России к порту. Но еще более ограничены были льготы иностранных торговцев, торговавших по России, по торговому уставу 1667 года. Они были обложены по гривне с рубля (20 денег), следовательно, двойною в сравнении с русскими купцами, так называемую проезжею пошлиною, как за товары, которые они везут внутрь государства, так и за те, которые будут вывозить из России за границу; независимо от того они должны были платить двухалтынную пошлину с рубля, наложенную на них уставом 1653 года. Сверх того, они обязаны были, приехав в какой-нибудь город, продавать свои товары непременно местным купцам, и не иначе как оптом, равно должны были покупать и выменивать русские товары не иначе, как у местных торговцев, а отнюдь не у приезжих; если же бы открылось, что иноземец продал свой товар иногородцу или купил русский товар у иногородца, приехавшего в город, то такой товар, как у того, так и у другого, отбирался на государя. Им запрещался

лось в России торговать между собою, за исключением московских купцов иностранного происхождения, которые могли приезжать с товарами и за товарами во все ярмарки и в порубежные города. Иностранцы не могли торговать в розницу ни под какими условиями. Наконец, стесняя более и более иноземцев в торговле, устав 1667 года постановил брать с них пошлины даже и за те товары, которые они привезли из-за границы и уже оплатили, но которые, не быв проданы в России, увозятся за границу снова. Вообще весь этот устав клонится к тому, чтоб вытеснить иностранцев из торговли внутри России, ограничить их торговые операции портами и поставить в такое отношение, чтоб выгода в торговле оставалась на стороне гостей, которым таким образом представится возможность и свобода захватить в свои руки оптовую торговлю России. Хотя это слишком ограничило иностранных торговцев, но не уничтожило их стремление к преобладанию в русской торговле. Иностранцы были стеснены во внутренней торговле России, но не отстранены от нее. В России жили иностранные торговцы, которые были полезны царю, исполняли его поручения, которых нельзя было возложить на гостей, и потому получали особые права торговать внутри России и с иностранцами в Архангельске. При посольствах от европейских государей приезжали торговые люди с товаром, которым дозволялось торговать на Посольском дворе. Царь Алексей Михайлович уступал гостям, потому что они умели показать ему, как их интересы совпадают с интересами казны, но дорожил торговыми сношениями с Европою и не отступал от своих приказаний таможенным начальникам: обходиться с иноземцами вежливо и привет

к ним держать, чтоб их не отогнать. Московитяне, замечает английский посланник, охотно терпели всех европейцев в своей стране, лишь бы они были протестанты; только католики и жидаы подвергались изгнанию.

ГЛАВА III

Открытие беломорского пути произвело важное изменение в путях и пунктах русской торговли. До того времени главным местом сношений с Европою были Нарва и Иван-Город (Ругодив) на Балтийском море, но после основания английской компании этот порт начал упадать и упал более и более, по мере того, как развивалась беломорская торговля. Главным приморским торговым городом сделались Холмогоры. Здесь было первое складочное место привозных товаров. Кроме того, что преимущество положения края прибрежного к судоходной реке и близкого к морю благоприятствовало процветанию этого города, вся окрестность его изобиловала многими статьями тогдашнего вывоза: мехами, льном, пенькою. Охотники привозили в Холмогоры в большом количестве звериные шкуры, из Лампожни доставляли оленьи кожи и зубы моржей, с Северного моря соль и ворвань. Англичане избрали этот незначительный до того времени городок пристанью, построили наскоро несколько красивых домов по английскому образцу и завели прядильную фабрику, покупая для нее материалы в России посредством своих агентов. Торговля в Холмогорах была преимущественно оптовая и меновая; хотя англичане и занимались розничною торговлею в России,

но в других городах. Металл принимался в Холмогорах как товар, а не как номинальное выражение ценности. Если русский продавал англичанину свои товары и получал за них звонкую монету, то взвешивал ее и принимал по сравнению веса и стоимости с своими деньгами, тем более что в XVI веке и русская монета имела значение товара, которого стоимость каждый определял весом и достоинством, так же как и всякую другую вещь.

Когда Холмогоры были главным торговым пунктом беломорской торговли, далее к устью Двины стоял одиноко Архангельский монастырь; близ него был построен английский гостиный двор, а при нем четыре дома. Там была первая, вступательная пристань; там купеческие суда разгружались, и оттуда товары на дощаниках шли до Холмогор, а иногда прямо до Вологды. В 1584 году вокруг монастыря и стоявших около него строений построен город, то есть стена, и назван Архангельск. Вскоре в этот новопостроенный город перешла холмогорская торговля. Неудивительно, что он сделался главным местом истока и притока торговли в России. Многие купцы из торговых городов: Москвы, Ярославля, Вологды, Костромы, Яренска, Сольвычегодска построили там себе дома, некоторые перешли туда на постоянное жительство, оставаясь безвыездно в продолжении двадцати и тридцати лет, тогда как их агенты (покрученники) закупали по России товары и доставляли к порту. Другие, если не жили сами, то завели там дворы, ежегодно посещая Архангельск в торговое время. Между тем туда же стекались промышленники и с других сторон, как, например, с Мурманского моря с рыбою и солью.

В половине XVII века в Архангельск приходило ежегодно от тридцати до сорока купеческих иностранных (английских, голландских, гамбургских, бременских) кораблей. Обыкновенное время торговли был исход лета, и это время называлось ярмаркою. Было ли прежде положительно определено время начала и окончания этой ярмарки, неизвестно; но в 1663 году иноземцы жаловались, что время для ярмарки в Архангельске очень коротко. Тогда, по их просьбе, установлен был трехмесячный срок, именно: месяцы июнь, июль и август, и притом с тем, чтоб после указанного срока не было торговли в Архангельске. Но в 1664 году русские торговцы разных городов били челом, что иноземные корабли приходят в Архангельск поздно, к 15 августа, а русские торговцы, рано являясь в Архангельск, терпят убытки от простоя, поэтому разрешено продолжать архангельскую ярмарку и после 1 сентября до прихода последних кораблей. В 1667 году время ярмарки опять ограничено первым числом сентября, под тем предлогом, что многие суда, уплывая поздно из Архангельска и Вологды, бывают застигнуты льдом и оттого портятся товары. Это сделано, собственно, в видах сбережения царских товаров. То же подтверждено в 1674 году. Но в самом деле, несмотря на запрещения, торг всегда оканчивался не ранее конца сентября. Иностранные купцы, приготавливаясь к отплытию в Архангельск, делали в мае и июне закупы товарам, назначенным в Россию, и потом уже отправлялись в Архангельск, не ранее как в половине июля. Зная это, и московские купцы выезжали из Москвы в Архангельск на почтовых во второй половине июля и никак не могли прибыть на место ранее двух не-

дель. Самый деятельный торг происходил в августе, но расплата и расчеты продолжались до конца октября, и это было более всего причиною продолжительности ярмарки. Иностранцы рассчитывали, что они делают оборот своего капитала в торговле с Россиею в течение пяти месяцев, именно: в мае и июне закупают товары, в июле и августе привозят в Архангельск, а в конце сентября возвращают капитал с процентами. При Федоре Алексеевиче, в 1679 году, разрешено продолжать архангельскую ярмарку на бессрочное время и всем, которые не успевают продать и променять своих товаров во время ярмарки, позволялось сложить их в амбары и лавки и торговать по произволу.

Ежегодно, вместе с открытием торжища, правительство назначало для него торговое начальство. Главным лицом был гость, определенный для сбора пошлин и управления торговыми делами; когда ярмарка оканчивалась, то и он уезжал в Москву с собранною казною и таможенными книгами для отдачи думному дьяку Новгородской Чети. Когда начали посылать таких начальствующих лиц – неизвестно; но обычай этот был наблюдаем уже в царствование Михаила Федоровича. Под начальством гостя было двое таможенных голов и выборные целовальники. Таможенные головы выбирались из торговых людей московской гостиной сотни, а из целовальников двое были из гостиной сотни, двое из суконной и сверх того еще несколько – сколько пригоже – из местных жителей. Но в 1658 году замечено, что целовальники последнего сорта выбраны были из пахотных людей, ничего не смысливших в торговле, а потому поставлено вперед выбирать шесть целовальников из торговых людей городов: Ярославля, Вологды, Ус-

тюга, Костромы, Яренска и Сольвычегодска. Вскоре это число целовальников было удвоено. В 1667 году постановлено, чтоб перед открытием ярмарки гость выезжал в Архангельск с одним таможенным головою и шестью целовальниками, по два человека из городов: Каргополя, Устюга и Сольвычегодска, а другой таможенный голова или товарищ гостя должен был ехать в Вологду также с шестью целовальниками, по два человека из городов: Ярославля, Костромы и Вологды и находиться там во все время нагрузки и сплава в Архангельск купеческих судов с товарами, а по окончании сплава ехать в Архангельск; там все таможенное начальство должно находиться вместе в продолжение всей ярмарки. Сверх того, им придавались подьячие для ведения торговых дел и записки пошлин.

В Архангельске устроена была корабельная пристань и при ней таможенный двор. Еще в 1635 году устье Двины с обеих сторон было ограждено стрелецкими караулами, которые останавливали плывущие суда. В 1667 году всякий иностранный корабль на самых устьях Двины встречал шанцы, где был построен двор. Командир плывущего корабля должен был объявить находящемуся в этом дворе приказному человеку название корабля, имя хозяина, имена торговцев, прибывших или посылающих свои товары в Россию на этом корабле, и подать роспись самых товаров. Приказный человек делал с этой росписи выписку (копию) и отдавал шкиперу, а самый подлинник оставлял у себя; корабль следовал к Архангельску и, ставши на якорь, предъявлял копию, данную приказным человеком, гостю, который записывал ее в книги, а потом делал поверку, и если бы оказалось что-нибудь лиш-

нее против выписи, то отбирал это лишнее на государя. В 1689 году начальствовавший Архангельском и корабельною гаванью стрелецкий полковник должен был расспросить прибывающих через вожей или же таможенных целовальников: нет ли в той стране, откуда они приходят, морового поветрия, и только после такого расспроса допускать новоприбывший корабль к Архангельску. При этом следовало каждому кораблю напоминать, чтоб не бросали песку и каменьев, служивших баластом, в Двину и не засаривали ее устья.

Как только корабль станет на якоре, таможенное начальство делало осмотр: нет ли на корабле пушек, огнестрельного снаряда и военных людей. Если бы отыскилось подобное, то таможенные начальники обязаны сделать допрос: для чего корабли привели с собою военных людей и привезли военные снаряды?

Иностранцы легко могли отговариваться тем, что это делается для предохранения во время плавания, но тогда корабль должен был стоять за устьем, а не подходить к городу. У иностранцев с несколькими кораблями, приходившими из одной и той же страны, был один корабль конвойный, вооруженный, и этот корабль должен был не входить в устье, а стоять в море; но в 1685 году, по просьбе голландцев, гамбургцев и торговцев других наций, позволено было входить в устье и конвойным кораблям. Потом таможенники пересматривали все товары в тюках, сундуках, кипах, считали их и делали примерный вес; при этом не обходилось без споров, часто жарких с обеих сторон. Таким образом, в 1667 г. голландцы и гамбургцы жаловались на таможенного начальника гостя Шорина, что он

ставит неправильный вес, берет за модель для веса (приметывает) самые большие тюки, заключает по их весу о весе других, гораздо меньших, и притом кладет в вес веревки, самые коробки и тюки. Гости имели наказ весить по согласию с иноземными торговцами, но однако применяясь, чтоб государевой казне было прибыльнее и так, чтоб можно было взять поболее весовых пошлин.

Сообразно весу и счету производима была вместе с целовальниками оценка. Иноземцы должны были объявлять цену своим товарам по совести, и если б оказалось, что они сказали не действительную цену, то их товары отбирались в казну. При этом товары разделялись на весчие (весомые) и не-весчие (невесомые). Тогда спрашивали иноземных торговцев: желают ли они оставаться и торговать в Архангельске или ехать далее, и, сообразно их ответу, облагали их пошлинами. Вопрос о желании ехать внутрь государства относился к тем, которые на это имели право по жалованным грамотам.

Торговля с русскими происходила двумя способами: или на самых кораблях без разгрузки иностранных товаров, или же после разгрузки в гостиных дворах. Русские могли подвозить на судах товары в гавань, входить на иностранные корабли и там производить меновую и покупную торговлю. При таком торге должны были присутствовать таможенные головы, а если торг был не на слишком большие суммы, то целовальники. Таможенные чиновники ходили на иноземные корабли в сопровождении вооруженных служилых людей – сотников с стрельцами – для оберегания русских торговцев и для решения споров, которые беспрестанно возникали между русскими и иностранными тор-

говцами; в случае же важных ссор таможенное начальство обращалось к воеводе.

Когда иностранный корабль хотел разгрузиться, то об этом объявляли гостю, начальнику таможни, который составлял роспись товаров, записывал каждый товар в книги особою статьею, именно какой товар, сколько его и кому принадлежит. В 1667 году гостю с товарищами приказано было смотреть, чтоб на иностранных товарах, получающих право разгрузки, были наложены клейма с обозначением, в каких городах эти товары делались и у каких фабрикантов. Это постановлено было в предупреждение продажи дурных товаров и их подделки. Для выгрузки иностранных товаров, равно как и для нагрузки русских на иностранные корабли, употреблялись дрягили, работники, определенные для такого занятия от правительства. Они получали царское жалованье, за которое обязаны были носить царские товары, и сверх того от всякого подъема с частных лиц брали по две деньги. Они также стояли у весов и взвешивали товар по требованиям. Впоследствии они брали с торговцев заработную плату по взаимному договору, а в 1680 году постановлено было быть дрягилям без жалования, а у иноземцев брать то, что дадут, без уговора. Выгруженные товары ставились в общем гостином дворе; но англичане и голландцы имели привилегии держать собственные дворы и амбары. В 1649 году, как на общем гостином дворе, так и на английском и голландском, поставлены были целовальники, бравшие пошлины с торга, а с ними стояли на караулах стрельцы и дети боярские, которые должны были смотреть, чтоб никто и не выносил товаров беспош-

линно. Эти караульные отнюдь не должны были мешаться в таможенные сборы. Сверх того, два целовальника стояли у ворот гостиного двора и также наблюдали, чтоб никто не вносил и не вывозил товаров, не записав в таможенные книги. До 1658 года караульных на гостином дворе назначали воеводы, но оказалось, что воеводы посылали их туда для кормленья, что они брали с русских и иноземных купцов поминки и пропускали контрабанду, а если целовальнику и удавалось захватить кого-нибудь с тайными товарами, то караульные не допускали вести его в таможду, а требовали, чтоб прежде сделан был доклад воеводе, который умышленно протягивал дело, пока торговцы, давшие взятки, успевали прятать свои товары и таким образом избавляться от преследования. Поэтому в 1658 году велено было стрелецким головам и сотникам отводить с контрабандою прямо к таможенному голове, а не к воеводам.

Вообще торговля как на кораблях, так и в гостиных дворах была оптовая: иностранцам запрещено было торговать в розницу; сукна можно было продавать только кипами и поставами, шелковые материи косяками, вещие товары пудами, а питья бочками. Поэтому такая торговля легко сохраняла свой меновой характер. С менового торга брались пошлины также, как и с товаров, продаваемых на деньги; менявшиеся товарами должны были объявлять цену своих товаров, и если таможенные начальники замечали хитрость, то могли ценить товары сами и притом большею, а не меньшею ценою. При всякой торговой сделке иностранец обязан был записывать свой торг в книги и прикладывать свою руку. В 1667 году, по предложению иностранца Марселиса, постанов-

лено, чтоб для каждого из торговавших в России народов – именно, голландцев, англичан, гамбургцев, бременцев, – был в архангельской таможене особый подьячий и у него особые книги, где бы записывалось количество привозимого товара и получаемые пошлины. При записках в книги покупок, продаж и мен очень часто происходили недоумения и споры; так, в 1665 году голландские купцы жаловались, что гости не допускают их записывать в книги своих торгов под тем предлогом, будто бы продавцы объявили слишком дешевую цену продаваемым товарам. Такая же жалоба последовала от голландцев и гамбургцев в 1685 году. Они жаловались, что гости и товарищи его с менового торгова берут пошлины выше той цены, которая выставлена в выписях, данных русским купцам на их товары в тех городах, откуда они их привозили. Но такая жалоба оказалась несправедливою, и правительство приказывало ценить товары так, как они продавались в Архангельске, принимая во внимание издержки привоза от того места, откуда их привезли в Архангельск. При отплытии иностранного корабля за границу хозяин его или начальник должен был явиться в таможеню, и гость или товарищи его давали ему свидетельство (выпись) за таможенною печатью, с которым иностранцы свободно могли пройти через устье в море. Вместе с тем таможенною начальство должно было сообщать об отходе кораблей воеводе и дьяку; городское начальство обязано было наблюдать за отплывающими, чтоб за ними не оставалось пошлин, казенных и частных долгов.

Русские купцы, привозившие в Архангельск свои товары на судах, должны были прежде всего подать в таможеню выпись, данную им при нагруз-

ке их суден в Вологде, и никто не смел выносить на берег ничего прежде предъявления этой выписи. Таможенное начальство записывало выпись в книгу и выдавало память на выгрузку, а между тем целовальники отправлялись на судно и поверяли: действительно ли товары в том количестве и в том виде, как записаны в выписи, и если бы оказалось что-нибудь лишнее, то конфисковывалось. Впрочем, для весовых товаров допускался привесок. После мены или покупки товаров и платежа пошлин русский купец должен был записать в книгу свой торг вместе с иностранцем, приложить руку и взять от таможенного начальства выпись за таможенную печатью для представления в том месте, куда его товар последует.

Покупаемые русскими купцами в Архангельске иностранные товары нагружались в дощанки, которые иногда принадлежали самим хозяевам товаров, а иногда другим лицам, занимавшимся судовым промыслом, преимущественно жителям Вологды, куда отправлялись товары. До уничтожения привилегий этой компании ходили дощанники, принадлежавшие этой компании, вначале их было не более трех, но в 1646 году число их возросло до сорока. Хозяин товара являлся к гостю и подавал роспись товарам, которые он хочет везти из Архангельска; в росписи означено было его имя и имя владельца судна, на которое нагружали товар. Таможенное начальство записывало роспись в книги, подписывало самый оригинал, прикладывало к нему печать, потом производило осмотр, и если все оказывалось верно, то позволяло нагружать судно, а если бы случилось, что товару более, чем сколько написано в росписи, то конфискова-

ло лишнее. Так как часто случалось, что на одно судно складывались товары разных купцов, то хозяин судна обязан был составить и принести гостю оптовую роспись всему товару, какой у него на судне. Таможенное начальство подписывало ее, прикладывало печать, сверяло с частными росписями товаров, принесенных прежде каждым из купцов, и если роспись, представленная хозяином судна, не противоречила росписям, принесенным хозяевами товаров, то судно могло отправляться. Непроданные русские товары, отправляемые назад, не подлежали пошлинам, но их следовало заявить в таможне и записать в остальные. Впрочем, купец мог складывать непроданные товары в Архангельске до будущей ярмарки, но не иначе, как взявши на них выписи из таможни.

Кроме Архангельска, торговая пристань на севере существовала в Коле, где поэтому был и таможенный двор. Жители Колы променивали англичанам и датчанам рыбу на сукна и металлы и возили вымененное по морю в Двину до Холмогор, а впоследствии до Архангельска с целью променять эти иностранные товары на хлеб. В Кеми ежегодно в день св. Петра собирался торг с лопарями. Привозили туда англичане, норвежцы, датчане свои товары и променивали лопарям на ворвань, меха и рыбу. В этом торге, как кажется, датчане имели перевес. Туда присылался таможенный русский чиновник для собрания пошлин. В Варзужской области близ Архангельска производилась торговля рыбою, и таможенные головы посылали туда целовальников для наблюдения над правильным ходом торговли и для взятия десятой пошлины. Некоторые иноземные корабли ходили в устье Печоры и

приставали в Пустозерске для торговли, но это запрещалось строго, и пустозерский воевода в 1664 году получил приказание не давать иноземным кораблям пристанища. Другие плавали по берегам моря и приставали к селам, вели контрабандную торговлю салом, рыбою и кожами, а чтоб избегнуть преследования, подкупали волостных целовальников и брали от них выписи, в которых было написано, что с них взята пошлина, но сколько и за что именно – не означено; с такую фальшивую выписью иностранцы являлись в Архангельск и в случае придирки к ним со стороны таможенного начальства отделявались тем, что показывали выпись. В 1667 году было снова подтверждено отнюдь не допускать иноземных кораблей к какому бы то ни было береговому поселению, исключая Архангельска и Колы. Впрочем, недалеко от самой корабельной пристани, в Архангельске происходила контрабандная торговля. Иностранные корабли не становились в гавани, а избирали себе место между островами в Двинском устье; ночью русские на наузках (род лодок) подплывали к ним с товарами; иностранцы нагружали ими свои корабли, а русским передавали свои товары. В 1646 году, в предупреждение таких злоупотреблений, правительство хотело устроить на островах каменные башни и протянуть через рукава устья железные цепи; но посадские, которых, как местных жителей, спрашивали об удобстве исполнения проекта, уверяли, что вовсе не знают удобных для этого мест: в самом же деле они боялись прекращения контрабанды, которою занимались. В 1649 году строго постановлено, чтоб иноземные корабли отнюдь не становились вне корабельной гавани

ни. В 1658 г. состоялся проект устроить плавучие надолобы, которые были бы замкнуты железными цепями, и ставить у надолоб сильный караул из стрельцов, которые денно и ночью должны там стоять, пока продолжается ярмарка, а когда ярмарка окончится, тогда бревна, разомкнув, складывать на берегу. Такими же надолобами преднамеривались оградить самую гавань, чтоб не допускать русские суда подплывать к иноземным. Этот проект, вероятно, в некоторой степени исполнен, как видно из торгового устава 1667 года, где говорится о шанцах и караулах. Сверх этих контрабандных выходов иноземцы сталкивались с русскими купцами, нанимали их себе приказчиками и, избегая таможенной бдительности, отправляли свои товары в Холмогоры, где продавали беспошлинно, показывая вид, как будто бы товары были уже куплены русскими в Архангельске, в Холмогорах же таможенное начальство состояло из нескольких местных целовальников, которых назначали из Архангельска и с которыми легко было сладить. В самом Архангельске на гостиных дворах происходила тайная беспошлинная торговля: целовальники и дети боярские, стоявшие на карауле, легко поддавались влиянию взяток, которые им давали купцы, и пропускали их товары, неоплаченные пошлиною. Большие злоупотребления делались иноземцами, торговавшими внутри России, в отвозе ими товаров из Архангельска в Москву, особенно в первой половине XVII века. Иноземцы отговаривались в Архангельске, что будут платить пошлины в Москве при продаже, брали с собой больше товаров, чем сколько записывали в росписях, и на дороге торговали бес-

пошлинно. Иные покупали товары у приезжих иноземцев и сказывались их комиссионерами, уверяя, будто бы они везут товары не от себя, а от них. Отпущенные из Архангельска, они сбывали эти товары не в Москве, куда дана им проезжая грамота, а где-нибудь в другом месте. В 1658 году, по поводу открывшихся злоупотреблений такого рода, велено пересматривать в подробности товары, которые иноземцы повезут в Москву, тогда как прежде того их записывали только оптовыми числами. Приезжающие в Архангельск иноземцы получали предуведомления, что за контрабандную торговлю у них отнимут на государя товары и сверх того при многочисленном стечении народа назовут позорным именем воров.

При Михаиле Федоровиче воеводы имели некоторое влияние на торговые дела в Архангельске, но при Алексее Михайловиче они были переданы совершенно в распоряжение гостя и его товарищей – таможенного начальства. Воеводы не вмешивались в торговые дела. Их отношение ограничивалось только тем, что без их ведома не должен был становиться на якорь и отходить иноземный корабль. Но иногда административная власть имела более влияния на торговые дела в Архангельске. Таким образом, в 1689 году стрелецкий полковник Ружинский, быв начальником корабельной гавани, свидетельствовал приходившие корабли, ведал поплавную и морскую заставы, расставлял у амбаров, чуланов и лавок на гостином дворе караульных и даже целовальников, смотрел за правильным производством торговли, чтоб меняли и продавали оптом, а не в розницу, чтоб на гостиных дворах не сидели с огнем, чтоб русские ночью не вели с иноземцами контрабандной торгов-

ли и чтоб иноземцы не плавали по сторонам и не покупали тайком русских товаров, а оказавшихся виновными представлял воеводе в съезжую избу. Ему предоставлено было разбирательство дел между торговцами, суд по долговым обязательствам и взимание судебных пошлин. <...>

Вологда после Архангельска была важнейшим местом северного края. Англичане, по открытии Беломорского пути, угадали важность этого города и хотели сделать его средоточием торговли. Отсюда был удобный путь в Холмогоры водою. Вологда в XVI веке сделалась складочным местом английских товаров и до построения Архангельска самым главным, ибо товары, нагружаясь в устье Двины с кораблей на суда, шли прямо в Вологду, и весь путь по Двине и Сухоне был исключительно в руках англичан. Англичане обратили особенное внимание на русский лен, как на главный продукт вывоза; а как страна около Вологды особенно производила лен, то это тем более утвердило их в намерении основать в Вологде главный торговый пункт, ибо лен до того времени стекался в Новгород, где англичане должны были выдерживать конкуренцию с торговцами других городов, между тем как в Вологде они были исключительно господами этой торговли. Вслед за льном большая часть и других товаров шла в Вологду; равномерно и ввозимые товары, на которые выменивались русские, можно было всего удобнее найти в этом городе. Таким образом, быстро процветавшая Вологда подрывала старый Новгород. В XVI веке в Вологде были деревянные строения и город не отличался ни красотой, ни многолюдством; но в половине XVII века англичане находили его большим и многолюдным. Он был обилен

каменными домами, и самые вологодцы приобрели себе славу каменщиков и кирпичников.

После построения Архангельска Вологда сделалась перевозочным путем между Москвою и внутренностью России, с одной стороны, и Архангельском и Европою – с другой. В продолжение зимы товары на санных подводах стекались в Вологду со всей России. Это было самое длительное время года для Вологды. Товары приходили преимущественно из Москвы, но также из Ярославля и Костромы. Эти товары лежали в Вологде в складке до полоёй воды; с наступлением навигации начиналась их нагрузка в дощаники и насады и отправка до Архангельска. Обыкновенная плата за провоз с пуда была 15 копеек. Равным образом в Вологду приезжали иностранцы и делали большой закуп для отправки в Архангельск. Весною приезжал в Вологду один из товарищей гостя начальника таможни в Архангельске, обыкновенно один из членов московской суконной сотни, а с ним целовальники от торговых городов. Они наблюдали за нагрузкою товаров. Товары в бочках, кипах, ящиках и т. п. нагружались на суда, а таможенный начальник подписывал роспись товарам, отправляемым с судном, по которой судно могло разгружаться у Архангельска.

На время ярмарки в Архангельске Вологда теряла свой торговый характер, но приобретала его снова, когда дощаники и насады прибывали с грузом заморских товаров. До половины XVII века таможня в Вологде устраивалась только временно на лето. Пользуясь этим, иностранцы приезжали зимою в Вологду и покупали там русских товаров, которые с намерением были оставляемы в городе. Ино-

странцы покупали их и отправляли по льду и, таким образом, избегали платежа пошлин. Но правительство, узнав о таком злоупотреблении, оставляло целовальников постоянно на зиму. Тогда зимний провоз контрабандных товаров до Архангельска стал опасен, а провозить их, оплачивая пошлинами, не представляло выгоды, ибо за провоз зимним путем платили по 25 копеек с пуда и более. Зимний путь остался господствующим для товаров, отправляемых из Вологды в Москву и обратно. Некоторые же, поспешая, отправляли товары и осенью, если успевали рано воротиться из Архангельска; но колесный путь сопряжен был с большими затруднениями по причине дурных дорог. Ранее других товаров отправлялись царские товары, купленные в Архангельске для царского обихода, и они ранее всех доходили до Москвы, ибо их возили на ямских и земских подводах, что составляло повинность жителей.

Торговый путь из Вологды в Москву лежал на Ярославль, Ростов, Переяславль. По этой дороге устроено было четырнадцать ямов. Каждый ям отстоял от другого на тридцать и на сорок верст. О скорости зимнего пути на этой дороге можно судить по тому, что Дженкинсон выехал из Вологды 1 декабря, а прибыл в Москву 6 того же месяца. Карлейль говорит, что между Вологдою и Москвою в его время было только три перемены лошадей: в Ярославле, Переяславле и Троицке, и английское посольство ехало от Вологды до Москвы семнадцать дней. Впрочем, торговцы везли свои товары на ямах только по особым привилегиям; обыкновенно товары отправлялись обозами, только царские товары, как выше сказано, поспевали на переменных подводах. Однако самые обозы еха-

ли не мешкотно: они делали от пятидесяти до семидесяти верст в одну упряжку. Летний путь по этой дороге был очень затруднителен, по причине лесов, болот и дурных дорог. Поэтому существовал другой путь, по которому представлялось более возможности совершить летнее путешествие по воде. Герберштейн говорит, что ехали сухопутьем из Москвы в Ростов, а оттуда водою, то есть Которастью, Волгою и Костромою, переходили семь верст волоком и входили в какую-то небольшую реку (вероятно, Лежу) и таким образом доходили до Вологды и Сухоны. Независимо от Москвы многие товары из Архангельска отправлялись в Ярославль, а оттуда сплавлялись в Нижний, а равно из Нижнего стекались в Ярославль и из Ярославля отправлялись в Вологду. Так сбывались иностранцам разные произведения восточного края — кожи, овчины, икра, рыба, известь.

Москва была средоточием торговой деятельности для всей России. Значение ее возвышалось тем, что правительство само занималось торговыми операциями, и сам царь, как выразился один англичанин, был первый купец в России. Царская казна получала лучшие узорочные товары, металлические вещи и всякие драгоценности; все, что европейцы привозили лучшего в Россию, шло в царскую казну. Лучшие русские меха и, сверх того, разные продукты севера, например моржовая кость и прочее, были достоянием казны. Цари жаловали из своих сокровищниц товарами и продавали их иноземцам и русским. В Москве жили знатные и богатые, следовательно, большая часть привозимых товаров сбывалась в столице. Из Москвы отправляемы были в провинции на службу начальники и служилые люди

и делали себе закупы. В Москве жили богатейшие оптовые торговцы – гости и гостинные люди, и потому значительнейшая часть вывозимых товаров собиралась здесь для следования к Архангельскому порту. Сильная правительственная централизация, соединявшая всю Россию, отразилась и на торговле: торговля всей России управлялась Москвою; Москва давала ей вес, меру, монету, направление. Московские гости и торговые люди были ближе к правительству, чем торговцы других городов, и потому переход в московские списки торговых лю-

Торговая лавка в Москве. XVII век

дей из других городов был почетен и совершался не иначе, как по милости правительства. Все эти обстоятельства обуславливали торговый характер нашей столицы. Торговля Москвы не теряла своей деятельности круглый год, но вообще оживлялась зимой, после привоза свежих заграничных товаров из Архангельска. Иностранные торговцы – греки, персы, армяне, шведы, поляки, англичане – посещали столицу. Немцы составляли значительную часть в народонаселении. Впрочем, в числе знатных торговцев в 1674 году было не более десяти немецких семейств. Так как русская торговля была большею частью меновая, то это было, по замечанию одного иностранного купца, в числе причин, что в Москве, в царствование Алексея Михайловича, можно было купить произведения Италии, Франции, Германии, Турции, Персии почти за ту же цену, как в их отечестве, и это побуждало чужеземцев, посещавших нашу старую столицу, называть ее счастливейшим местом в мире.

Вся столица наполнена была признаками торговли, и ее особенность, поражавшая иностранцев, состояла в том, что для каждого рода товаров в Москве были особые ряды и рынки. Средоточием московской торговли в XVII веке был Китай-город, обнесенный красною стеною; внутри этой стены вовсе не было домов – находились одни ряды лавок. В тысяча шестьсот семидесятых годах они были по большей части каменные; одни принадлежали казне и отдавались в оброчное содержание, а другие составляли собственность частных лиц. Там было три гостиных двора: Старый, Новый и Персидский. Новый двор – большое четырехугольное каменное здание, двухэтажное, в верхнем и

нижнем ярусах помещались лавки со сводами. Он построен Алексеем Михайловичем в 1662 году. В середине здания находился большой двор в сто восемьдесят квадратных футов, где посредине висели большие городские весы. Этот внутренний двор обыкновенно был вроде биржи, ибо торговые люди приходили сюда для сделок. Зимой он был загроможден санями с товарами до такой степени, что невозможно было просунуться. Лавки принадлежали казне и отдавались в оброчное содержание от 18 до 25 рублей в год. Некоторые лавки были с царскими товарами и открывались для торговли в известные времена. Старый гостиный двор был не так наряден, как Новый, и лавки от казны отдавались дешевле, например, от 6 до 12 рублей в год. В этом дворе продавались большею частью оптом мелкие товары. Третий гостиный двор назывался Персидский и назначен был исключительно для персидских товаров. Там было двести сводообразных лавок, где сидели персияне, армяне и русские. Прежде продажа персидских товаров на Персидском дворе была делом казны, и для этого сидели в лавках гости и их приказчики, которым доверялась казенная продажа, но потом торговля разрешена каждому русскому. Над самой Неглинной находился Шведский гостиный двор. На Сретенской улице в XVI веке были два гостиные двора: Литовский и Армянский. Греки торговали на особом Греческом дворе, а у св. Максима-Исповедника (на Варварке), до уничтожения привилегии английской компании, был знаменитый Английский двор — средоточие европейской торговли для России в свое время. Сверх того, Посольский двор, где останавливались иноземные посольства, приезжав-

шие к царю, был также местом торговли; в свите посланников обыкновенно прибывали купцы с товарами и вели с русскими торговлю на Посольском дворе. На гостиных дворах торговали только оптом и вообще большими партиями; все приезжие обязаны были складывать свои товары единственно в гостиных дворах, нанимая там лавки и амбары. Розничная продажа товаров происходила в рядах, и этих рядов было много в Москве, потому что каждому товару назначен был свой ряд и свое место. Близ рынка, называемого Вшивым, был лоскутный ряд или ветошный. Но это название не шло к нему, потому что там можно было покупать очень ценные вещи. Неподалеку от Кремля был Охотный ряд, где продавались съестные припасы и живые животные. Были ряды: пряничный, птичий, харчевенный, крашенинный, суконный, свечной, коробейный, соляной, медовый, восчаный, домерный, где продавались бубны, домры и барабаны, сурожский, где, между прочим, продавались шелковые материи, житный и мучный ряды. Последние в первой половине XVII века находились в той части города, которая называлась Царь-город, здесь же преимущественно жили хлебники и калачники с своими мастерскими; здесь были мясные скамьи, где продавалось мясо; около их был рынок, куда пригонялся скот, назначенный для убоя; тут же стояли царские кружечные дворы с питьем. В Китай-городе был свежий рыбный ряд. Наконец, все ремесленники, серебряники, медники, скорняки, продавцы румян и даже кнутов и тростей имели свои особые ряды в Москве. Улица от Персидского двора до Москвы-реки шла мимо овощного ряда, где торговали всякого рода овощами летом в лавках, а зимою в

погребам; она упиралась в рыбный рынок, находившийся на берегу Москвы-реки против Козьего болота. Зимой здесь лежала горами замороженная рыба, привезенная на санях из Новгорода, Ярославля, Астрахани и других мест. Летом в этом месте вонь была до того нестерпима, что иностранец не мог пройти мимо, не зажимая себе носа, но русские, по замечанию иноземцев, не чувствовали этого вовсе. Впрочем, не только здесь, но и в Китай-городе, средоточии торговой деятельности, была грязь и нестерпимая вонь. Перед Кремлем, на Красной площади, находился главный рынок, где можно было закупать всякие домашние потребности. Этот рынок постоянно был наполнен и торгующими, и праздничношатающимися. Близ полукруга, устроенного для торжественных церемоний во время праздника Входа Иисуса Христа в Иерусалим, было особое место, где женщины продавали свои изделия домашней работы. Около самого Кремля было расставлено множество шалашей, рундуков, скамей, веков, где мелочные торговцы торговали всякой всячиной; тоже встречалось и по другим улицам и переулкам; но при Федоре Алексеевиче было приказано их снести, потому что они загораживали дорогу проезжим и подрывали торговлю в рядах. Близ главного рынка был ряд винных погребов; в конце XVII века иностранцы насчитывали их до двухсот: в одних продавались иноземные вина, в других меды и проч. Некоторые лавки и торговые помещения принадлежали частным лицам, другие – казне и отдавались в оброк из Большого прихода торговым людям с грамотою, в которой прописывались правила, как пользоваться ими.

Базары в Москве происходили обыкновенно по

средам и пятницам. Летом они отправлялись на большом рынке, близ церкви Василия Блаженного, а зимою на льду. Во время торгового сходбища там была чрезвычайная давка, и надобно было, идя по базару, держать руки в карманах. В Москве, кроме рынков Главного и Рыбного, было несколько других рынков или торжков, преимущественно над рекою у пристаней, где останавливались суда. Таким образом существовало несколько хлебных и сенных торжков. У Яузы был древесный рынок, на котором продавались лес, дрова и готовые срубленные избы: этот последний промысел распространился в Москве от непрерывных пожаров. На Ивановской площади происходил торг людьми; русские продавали пленников своим и чужим и совершали купчие крепости, которые писались площадными подьячими. Важное место в московской торговле занимает, близ города, конская площадка, где продавались пригодные лошади, особенно татарские, которых из Астрахани в Москву пригоняли ежегодно до 36 000.

Если мы к этому прибавим, что по всей Москве были рассеяны мелкие лавки, то легко себе представить торговый характер нашей старой столицы, который не покидал ее даже и в праздники, ибо, несмотря на благочестие русских, они даже и в праздничные дни не переставали торговать; но зато каждый день и в праздники и в будни, после обеда, лавки запирались, а перед лавочками лавочники лежали на улице: вся Москва спала мертвым сном после каждого обеда.

Из Москвы шло шесть торговых путей: один вологодский, о котором мы говорили; за ним следуют новгородский, поволжский, сибирский, смо-

ленский и украинский. Новгородский путь лежал через Тверь, Торжок, Вышний Волочок и Валдай на расстоянии 435 верст.

Несмотря на то, что открытие беломорского пути подрывало значение Новгорода, он долго еще оставался более или менее значительным торговым городом. При начале двинской торговли англичане нашли Новгород большим и многолюдным городом, не менее Москвы. Он имел свою монету, и это право оставалось у него еще долго: после возвращения от шведов, при Михаиле Федоровиче, в Новгороде был устроен денежный двор. Когда англичане привозили и увозили товары через Вологду, русские купцы торговали с немцами и шведами и возили товары через Новгород в Нарву и Ниен (С.-Петербург). Во второй половине XVI века в Новгороде было четыре гостиных двора: 1) на Торговой стороне, 2) на Софийской, 3) на Псковской, 4) на Тверской. Двор на Торговой стороне был исключительно предоставлен немцам и, обнесенный острогами, представлял вид твердыни. Сверх того, в XVII веке в Новгороде был особый двор для чухнов и латышей, приезжающих из Орешка, Яма, Копорья. Тяжелые товары складывались в гостиных дворах за городом и легкие в тех, которые были устроены в городе. Гостиные дворы находились в заведовании голов, которые смотрели за порядком, начальствовали над дворниками и производили суд между становившимися на гостиных дворах как русскими, так и иноземцами. Сельские произведения – съестные припасы, сено, овес, кожи, уголь, соль, хлеб в зерне, лес и прочее – привозились на судах, а потому в Новгороде существовали главные пристани: у Ильинской улицы, у

Ивановской улицы под рыбным рядом и под Ивановским двором. На этих пристанях могли вести торговлю не разгружаясь. В гостиных дворах торговля производилась оптовая, и пошлины, означаемые в грамотах, касались объемистых партий, например тысячей и сотен мехов, кадей, луку, пудов и тому подобн.; равномерно сукна и материи продавались большими штуками, поставами и косяками. В гостином дворе в Новгороде, как и в Москве, приезжим предоставлялась торговля исключительно; поэтому существование нескольких гостиных дворов показывает, что Новгород был складочным местом торговли произведений края и что с разных сторон торговцы привозили для сбыта скупленные ими в своих городах русские товары и скупали в Новгороде для своих городов иностранные. Местные купцы возили свои оптовые товары к себе в дворы, где у них были построены амбары и лавки. Подобно как в Москве, и в Новгороде были также ряды, где находились в связи между собою лавки, предназначенные для продажи какого-нибудь одного товара, как, например, были ряды: саадашный, где продавалось все, что касалось до вооружения, ряд седельный, где можно было купить все, что относилось до верховой езды, серебряный, иконный, суконный, в котором продавались сукна и материи и где были лавки богатейших гостей; ряд книжный, где сидели попы и дьяконы. Сверх того, по всему посаду встречались лавки с мелочным товаром, и самый мост на Волхове, в XVI веке, был застроен лавками и жилищами при них. Было в Новгороде несколько торговых площадей, где торговали лесом, сеном, лошадьми; разного рода промышленники, напри-

мер квасники, рукавичники, железники, скорняки, сапожники, холщевники, торговали своими произведениями при своих мастерских. Из иностранных торговцев многие часто посещали Новгород, другие жили там постоянно: то были немцы, шведы, литвины. Права их в XVII веке, между прочим, были ограничены тем, что они не могли входить в каменный город и торговали только в земляном. В 1632 г. хотя позволено было им ходить и в каменный, но для домашних дел, а не для торговли. Новгородцы также посещали заграничные края для торговых целей. Борис Федорович дозволил всем новгородским людям ездить в немецкие и литовские города. В XVII веке бывали частые поездки торговцев из Новгорода за границу, и не только сами новгородцы, но осташковцы, ярославцы, москвичи, отправляя товары за границу, должны были везти их через Новгород и возвращаться через него назад. Нередко из Москвы нанимали извозчиков большими обозами через Новгород вплоть до Нарвы, с платою по 16 копеек с пуда. Эти обозы состояли из множества саней, запряженных каждые в одну лошадь; на каждые сани взваливали по три берковца московского веса, а если товар был очень тяжел, то по три берковца нарвского.

Война Ливонская и лишение Балтийского моря не могли оставаться без вредных последствий для торгового значения Новгорода, которое и без того страдало от английской конкуренции. Наружное спокойствие под правлением Бориса, покровительствовавшего мирной торговле, было вскоре нарушено смутами эпохи самозванцев. Новгород подпал под чужую власть. После присоединения его к России правительство хотело оживить торговое значение не

только Новгорода, но и целого края, прилежащего к нему: поэтому дозволено всем приезжающим из внутренних областей России и иностранцам торговать в Новгороде во всякое время невозбранно, а иноземцам позволено даже ездить с товарами по новгородским пригородам, в Псков и по псковским пригородам. В XVII веке, особливо когда шведы завели здесь главную контору, Новгород сделался центром металлической торговли, которая в нем была тогда значительнее, чем в XVI: свинец, медь, железо, получаемые из-за границы, шли через Новгород. Важным предметом вывоза, между прочим, был хлеб, так что русская хлебная торговля преимущественно направлялась в эту сторону. При Федоре Алексеевиче новгородцы привозили в Москву иностранные товары; это показывает, что торговля Новгорода тогда поднялась, ибо вместо немцев, привозивших в Москву иностранное питье, начали его производить новгородцы. Конец XVII века, поднимая старый балтийский торговый путь, как бы приготавливал реформу Петра Великого, которая убила Архангельск и перенесла к берегам Балтийского моря средоточие торговли и администрации.

Пути сообщения Новгорода с заграничными краями шли: первый на сто шестьдесят пять верст до Нарвы, другой до Ниена. В XVII веке в зимнее время брали до Нарвы от двух с половиною до трех копеек с пуда, в летнее от четырех до шести копеек; до Ниена зимою от трех до четырех с половиною копеек, летом от четырех до пяти копеек. Кроме сухопутной дороги из Новгорода в Нарву, был туда же путь водяной по Луге и Мшаге, впадающей в Шелонь, которая вливается в Ильмень. Пространство между Лугой и Мшагой в семь верст пе-

реезжали волоком. Третий путь шел на Псков, а оттуда в Ригу двести верст через Нейгаузен, Говен, Венден и Нейшлот в Литву.

Тогда как англичане дали русской торговле преобладающее направление к Белому морю, Псков образовался отдельным пунктом торгового сношения России с Ливониею и через нее с Германиею. В царствование Иоанна IV военные обстоятельства Ливонии на продолжительное время задерживали торговую деятельность этого города. После того смутные времена России отражались неблагоприятно и на нем, как на других западных городах России. Когда спокойствие восстановилось, Псков опять сделался важным местом закупа русских товаров и отправки их в Германию; товары эти были: лен – главное произведение псковского края, пенька, кожи, сало и красная юфть, которую выделывали в самом Пскове. Эти товары составляли исключительный предмет вывозной торговли в Пскове и обозначались общим именем русских товаров. Они отправлялись в Ригу, Ревель и Дерпт; немцы были главными их закупщиками, но при Михаиле Федоровиче и англичане успели проникнуть во Псков; пользуясь своими правами, они делали там значительный закуп льна, вероятно, для отправки в Архангельск. Таким образом, в 1619 году один английский гость получил право покупать сам и через своих агентов лен в Пскове, и воеводы обязаны были давать ему двор в городе. Гостиный двор для приезда иноземных купцов был не в самом городе, но под городом. Туда привозили на оптовую продажу разные материи, сукна, металлические изделия, жемчуг. При Михаиле Федоровиче казна брала с купцов лучшие вещи вместо пошлин, а также покупала их.

Военные обстоятельства при Алексее Михайловиче снова ослабили торговлю Пскова. Но более всего препятствовала надлежащему развитию торговли и благосостоянию этого города домашняя, закоренелая вражда богатых с бедными, которая составляла отличительную черту Пскова. Эта вражда существовала в былые времена республики, как неотъемлемое качество всех республик, до сих пор известных в истории. После падения свободы Пскова великий князь московский перевел туда на жительство москвичей, и эти москвичи сделались людьми сильными; природные псковитяне остались маломочными и небогатыми. Последние ненавидели первых, уже не столько как высшее сословие, но как пришельцев, поселенных между ними с тем, чтоб унижить их древнее отечество. Псковская летопись упоминает о вражде богатых с бедными под 1544 годом. То же встречаем мы более чем через сто двадцать лет, в Пскове. Правительство, замечая упадок торговли в Пскове и беспорядки, возмущавшие спокойствие города, приказало собраться в земской избе выборным людям и сделать постановления. По этому предмету постановления составлены были так, что вообще клонились к выгодам богатых и к ущербу бедных, потому что выборные были из первых или лучших, как они назывались. Маломочные, то есть небогатые посадские люди, будучи не в состоянии долго выдерживать застоя товаров, отдавали их за дешевую цену иноземцам, тем более, что, нуждаясь в деньгах, брали от иноземцев деньги вперед и подражались поставлять в срок товары, а за то, что брали вперед деньги, делали значительные уступки. Некоторые же нанимались у иноземцев ко-

миссионерами, брали от них деньги и ездили делать для них закупы, а через то подрывали русских оптовых торговцев. Поэтому в 1665 г. выборные люди в земской избе постановили: чтоб маломочные торговцы не забирали вперед от иноземцев денег, не подряжались поставкою товаров, не принимали у них комиссий и вообще не сносились бы непосредственно с иностранными купцами, чтоб, таким образом, внешняя торговля была исключительно в руках оптовых торговцев. Но чтоб в то же время не лишить и бедных тех средств, которые они имели при свободном торговом обращении с иностранными закупщиками, постановили, что маломочные могут быть комиссионерами у богатых псковитян, а отнюдь не у иностранцев. Для этого лучшие люди расписали во всем посаде и в псковских пригородах (Торопце, Великих Луках, Острове), сохранявших еще древнюю зависимость от главного города, маломочных по свойству и знакомству, обозначив их промыслы и занятия, и давали им ссуды из земской избы. На эти ссуды маломочные могли покупать товары, исключительно русские, и в декабре и в мае доставлять их в земскую избу, где сидят лучшие люди, у кого они будут в записке. Для меновой торговли с иностранцами учредили в Пскове две беспошлинные ярмарки: одну в январе с 9-го числа, другую в мае, также с 9-го числа, на две недели, но за указными неделями предоставлен еще льготный месяц. Эти ярмарки должны были отправляться в гостиных дворах: в двух из этих дворов продавались иноземные товары, а в третьем, устроенном в городе, русские: лен, пенька и кожевенные произведения. Приезжие в Псков русские купцы могли торговать

с иноземцами только в это время и то от лица псковских купцов, именно взявши от какого-нибудь местного купца записку; притом обязаны были продавать товары не иначе, как по цене, установленной в земской избе, а отнюдь не произвольно. При продаже иноземцам русских товаров две трети уплаты могли приниматься иноземными товарами, а одна треть непременно чистыми деньгами (ефимками), которые торговцы обязаны были приносить в устроенный в Пскове денежный двор и получать за них русские деньги: за один фунт ефимков семь рублей. Этой денежной променной казна заменяла для себя выгоды, какие могла бы получать от пошлинного сбора с товаров во время ярмарки. В другое время года не позволялось торговать этими товарами с иноземцами. Ярмарка, как кажется, относилась исключительно к так называемым пяти большим товарам: салу, юфти, козам, льну и пеньке, ибо в одном современном акте говорится: опричь того все товары, какие у кого что будет, продавати бессрочно. Торговые иноземцы во всякое время года могли свободно приезжать в Псков, привозить и складывать свои товары в гостиных дворах, приготавливаясь к меновому торгу на ярмарочный срок. Земское правление города Пскова и пригородов сосредоточилось в руках богатых, из которых ежегодно пять или шесть должны были выбираться для заседания в земской избе и составлять правительственный совет. Посылая к царю челобитную об утверждении нового порядка, богатым нужно было собрать более или менее значительную сумму на посулы и поминки дьякам в приказах; они не затруднялись взвалить такие издержки, простиравшиеся до

400 рублей, на шею беднякам и разложили их на средних и меньших людей, не достаивая их впоследствии даже отчетом, куда истрачены эти деньги. Напрасно бедные, пользуясь своим гражданским правом, сами собирались в земской избе и составляли облегчительные для себя постановления: после их собрания в той же земской избе собирались снова богатые и переделывали все по-своему. Способы, каким образом богатые торговцы утесняли бедных, изложены в любопытной челобитной последних, поданной в 1666 году. Между прочим, богатые выбирали свою братию в таможенные головы, в целовальники и в разные должности, сопряженные с наблюдением казенного интереса; эти выборные обкрадывали казну, делились с товарищами, которые их выбирали, а потом, без согласия с середними и меньшими, богатые выбирали из последних в целовальники вместо своих и взваливали на них весь недобор. Если же злоупотребления открывались и делался повальный обыск, то бедные должны были давать такие сказки, какие угодно было богатым, которые принуждали их к этому батогами. Так описывают свое состояние бедные в челобитной; но вообще надобно заметить, что в известиях, сообщаемых как той, так и другой стороной, нельзя искать беспристрастной истины. Несомненно только то, что управление богатых не послужило ни к развитию торговли, ни к благосостоянию жителей. На другой же год воевода доносил, что пожары великие учинились, хлеб и соль вздорожали, богатые наживались, бедные нищали; и потому правительство приказало новый суд отставить, а ведать псковитян всяких чинов людей судом и расправою воеводам. К этой скорой перемене

немало послужило и то, что едва только купцы захватили в руки правление края, как начали своевольно давать за границу проезжие грамоты, арестовывать дворян и наконец, что всего важнее, писать неправильно титул великого государя. Вражда маломочных с лучшими не прекратилась: одни другим старались вредить всеми способами. Богатые доносили, что маломочные тайно возили за границу товары; в том же обвиняли богатых их соперники: действительно, стрельцы поймали пятьдесят восемь саней с товарами, отправляемых мимо таможи в Ливонию псковским купцом Погонкиным. При таком общественном состоянии Псков не мог быть цветущим торговым городом и торговля его более не возвышалась.

Из городов, лежавших на север от Москвы, выказываются перед другими: Орешек, Белоозеро, Тихвин, Устюжна, Каргополь, Ярославль, Весегонск. Орешек, по своему положению, был торговым пунктом сношений с шведами в XVI веке: там были лавки с сукнами, шелковыми тканями и разными иностранными товарами. Так как железо, будучи всегда главным ввозным шведским товаром, переходило через Орешек, то в нем развился промысел кузнечества. По уступке его шведам он в XVII веке под именем Нотебурга был пристанью для торгового плавания по Ладожскому озеру. Белоозеро вело значительную оптовую торговлю солью, рыбой, хлебом. В городе существовал обширный гостиный двор, но главный торговый предмет составляла рыба, добываемая из озера. В XVI веке Белоозеро было перевалочным пунктом торгового сообщения Вологды с Нарвою и тем самым беломорской торговли с балтийской. В Кирилло-Белозерс-

ком монастыре были большие ярмарки, три раза в год: на Успеньев день, на Введение и на память св. Кирилла Белозерского. Туда съезжалось множество торговцев, и так как разом с ними приезжали кабацкие целовальники с питьем, то поэтому торжища отличались таким пьянством, что часто случались смертоубийства. Игумен просил перевести торг на Словенский Волок, в имение монастыря. Ярмарки отправлялись здесь в те же сроки, как и на прежнем месте. Туда съезжались торговые посадские люди и крестьяне уездов Белозерского, Вологодского, Каргопольского, Новгородского с разными товарами, а в том числе и хлебом. На срок ярмарки из Белозерска приезжало таможенное начальство. Другая славная ярмарка в XVII веке была близ Александровской пустыни: туда приезжали, между прочим, шведские купцы. Тихвинцы занимались иностранною торговлею, возили русские товары водным путем по Сяси, Ладожскому озеру до Орешка и вывозили их в Швецию, а товары иноземные доставляли через Устюжну до Дмитрова в Москву. В XVII веке в Тихвине зимою собиралась чрезвычайная ярмарка. Устюжна-Железнопольская в XVI веке была торговым городом, ибо туда съезжались за покупкою железа и судовых принадлежностей. Весьегонск славился своею ярмаркою: она была возвышена Иоанном Грозным, который в 1563 году, из угодения Симонову монастырю, владевшему Весьегонском, запретил всякие торги во всем околodge. Ярмарка открывалась на заговенье Петровки. Рыба, соль, хлеб и вообще сельские произведения находили себе сбыт на этой ярмарке. Туда съезжалось множество поселян из соседних краев, приплывали по Мологе купцы из Ярославля, Углича, Казани, Ряза-

ни, бывали купцы из Москвы, Твери, Великого Новгорода. Весь пошлинный сбор на этой ярмарке принадлежал Симонову монастырю, который платил в царскую казну 38 рублей в год. Старинный скуп соли в Каргополе и на Онеге не только не упал, но еще более развился в XVI и XVII веках. Жители Турчасова, Мерехши, Порога привозили соль с моря и складывали ее в Турчасове, а каргопольцы скупали и переправляли в свой город. Каргополь был главным местом закупа северной соли. Белозерцы и вологодцы, а иногда торговцы из других городов приезжали туда для покупки соли и развоза по России. Соляная торговля развила в местных жителях трудолюбие и судовой промысел. Каргопольцы, турчасовцы и крестьяне других поселений записывались в казаки, которые составляли особый цех, обязанный готовить соль к вывозу. Каргопольцы имели готовые суда для перевозки соли, и в XVI веке город получил ту привилегию, что приезжавшие для покупки соли торговцы непременно должны были нанимать суда у одних каргопольцев. Кроме соли, каргопольцы торговали в большом количестве ворванью и рыбою, добывая эти товары из Колы. Словом, Каргополь был важнейшим местом вывоза в Россию произведений Северного моря. Неудивительно, что эта промышленность привлекла в Каргополь ввозную торговлю. Из таможенной грамоты 1598 года видно, что в Каргополе и Турчасове было два гостиных двора, на которых продавались иноземные сукна и русские меха. Сверх того, часто и летом на судах и зимою на санях прибывали к городу русские торговцы с товарами.

Водяное сообщение Москвы с Астраханью, а через этот город с Персией и Востоком было: Мос-

ковою-рекою до Коломны, из Коломны Окою до Нижнего и от Нижнего Волгою до Астрахани. Плавание от Москвы до Нижнего требовало около одиннадцати суток при благополучных обстоятельствах. По пути лежали города: Коломна, Рязань, Касимов, Муром. Из города Шуи, Гороховца и других соседних реке Тезе городов и сел купцы плавали по этой реке и достигали Оки. Вообще окский путь в XVII веке был не совсем безопасен по причине разбоев, господствовавших и на Оке, как на Волге. Другая дорога лежала сухопутьем на Ярославль, а из Ярославля на судах Волгою. Города Ярославль, Кострома, Кинешма, Юрьевец-Польский, лежавшие на этом судоходном пути, имели торговое значение; тамошние торговцы сплавляли свои товары по Волге и привозили покупные в свои города. В Ярославле особенно занимались судовым промыслом.

Нижний Новгород с половины XVI века начал возрастать в торговом отношении. Уже англичане нашли выгодным ввозить туда свои товары. В XVII веке он сделался складочным местом для торговли всего Востока России; товары стекались туда со всех сторон: и европейские из Архангельска через Ярославль и Москву, и азиатские из Астрахани, и сибирские из Казани, и русские, предназначенные для отправки на Восток. Беспреданно прибывали туда частные дощанки сверху и снизу по Волге и по Оке, а зимою длинные ряды обозов тащились во все стороны. У одного богатого нижегородского купца в XVII веке в Нижнем развилась хлебная торговля. По мере населения плодородного края, лежавшего на юге от Нижнего, город сделался местом сбыта и закупа хлеба для отправки его в сто-

лицу и северные провинции. В особенности, при отплытии сухоходного каравана в Астрахань, в Нижнем было огромное стечение торгового народа, так что все носило вид ярмарки. Конечно, он обязан своим торговым значением счастливому положению посредине продольного волжского пути, при соединении двух сухоходных рек России. Правительство учредило там главную таможенную, где брали проезжие пошлины за все города, следующие за ним по течению Волги.

Недалеко от Нижнего, торговцев привлекала Макарьевская ярмарка, собиравшаяся ежегодно в июле месяце под монастырем святого Макария Желтоводского. Царь Михаил Федорович подарил все пошлинные доходы этому монастырю на свечи и ладан, и церковное строение, и братии на пропитание. Цари Алексей, Федор, Иоанн и Петр подтверждали это монастырское право, которое, таким образом, не отменялось весь XVII век. Купцы съезжались туда как с верховых, так и с низовых городов (Свияжска, Чебоксар, Казани, Алатора, Симбирска, Саранска). Доставка и отправка товаров совершалась более водяным путем, реже сухопутьем; но независимо от таких путей развозка товаров главным образом направлялась в одну сторону на Москву, а в другую на Казань. Таким образом, эта ярмарка сделалась посредницею торгового сообщения европейской России с Сибирью – значение, остающееся за нею (нижегородскою) до сих пор. Всякий купец, отправляясь на Макарьевскую ярмарку, должен был в том городе, откуда выезжал, взять проезжую грамоту и везти свои товары беспрепятственно до места назначения, без всякого осмотра и задержек, а прибыв на место, показывал свою проезжую грамоту, по

которой производилась поверка, и если бы что-нибудь оказалось лишнее, то подвергалось конфискации. В 1662 году царь Алексей Михайлович дал право купцам, пребывающим на ярмарке, быть свободными от всяких позывов, исков, ответов и тяжб. Всякое разбирательство возникшего между торговцами торгового или долгового дела принадлежало архимандриту Желтоводского монастыря с братиею, исключая дел о воровстве и разбоях. Несмотря на такие права, процветание ярмарки задерживалось от непрерывного несоблюдения царских привилегий. Воеводы, приказные и таможенники по договорам придирались к купцам, требовали осмотра, вымогали пошлины, брали поминки и взятки; а в самое время ярмарки воеводы, по изветам ябедников, посылали за купцами приставов с наказными памятьми, требуя их к суду, или рассыльчиков под предлогом искать беглых: эти рассыльчики нападали на купцов среди их торговой деятельности, придирались к ним, отрывали от занятий и не отходили, пока не удовольствовались поминками, а между тем жили, ели на счет монастыря, очень негодовавшего на таких гостей, которые вообще нахальными поступками доводили купцов до того, что те боялись ездить на Макарьевскую ярмарку. По жалобе архимандрита, правительство в 1692 году снова подтвердило старые привилегии ярмарки, но они все-таки и после плохо исполнялись.

Ярмарка в Макарьеве развила судовой промысел. Купцы, покупая товар, нанимали у судопромышленников струги и заключали с ними условия везти товар к месту. Плавание от Нижнего до Астрахани продолжалось около месяца. Пристани, имевшие торговое значение на этом пути, были:

Василь, Чебоксары, Кокшажск, Свияжск, Казань. Из этих городов Казань в XVII веке сделалась складочным местом астраханской соли и рыбы и вообще астраханских товаров, назначаемых для северо-востока, а равно товаров, приходивших из вятской и пермской сторон. В Казани производилась казенная постройка судов, как для нужд правительства, так и для торговцев. Тетюши были последним городом населенной страны. За ними, до самой Астрахани, берега Волги представляли пустыню. В первой половине XVII века на этом длинном пространстве были только Самара, Саратов и Черный Яр, позже построен Симбирск. В Самаре образовался перевозочный пункт яицкой рыбной промышленности, которая возникла в 1639 году трудами гостя Гурьева, а потом сделалась достоянием казны и год от году принимала большие размеры. Торговцы через Самару ездили на Яик покупать рыбу и икру и привозили в Самару, где с них брали десятую пошлину. Таких промышленников в конце XVII века стало чрезвычайное множество, и это сообщило Самаре торговую физиономию. Несмотря на запустение, в каком находилось Поволжье, где, кроме упомянутых городов, путешествовавшие при Михаиле Федоровиче гольштинцы не встречали никаких селений, торговля с Астраханью постоянно оживляла пустынную Волгу. Так как плавание по Волге сопряжено было с опасностями, то суда шли вместе друг с другом в сопровождении отряда стрельцов, плывших на передовом судне. Это конвойное судно снабжалось орудиями. Такой поезд назывался караваном. Судовые караваны ходили по Волге между Нижним и Астраханью дважды в год; один рейс

назывался весенним, другой осенним караваном. Верховые товары приходили в Астрахань летом, а низовые и персидские товары приходили в Нижний осенью и, по наступлении зимы, развозились из Нижнего на санях. Каждый год назначался начальник каравана, командовавший стрельцами и детьми боярскими; в караване бывали послы персидские в Москву, московские в Персию и служилые люди, отправлявшиеся в Астрахань и низовые волжские города. С ними-то обыкновенно плыли с товарами купцы разных городов: москвичи, ярославцы, кинешемцы, костромитяне, юрьевцы, нижегородцы, арзамасцы, казанцы. Уже при Иоанне Васильевиче Грозном караваны, плававшие между Нижним и Астраханью, состояли из пяти-сот больших судов, из которых одни построены были в Нижнем, а другие приплывали с товарами из разных сторон в Нижний и ожидали там начальника каравана. Когда все было готово, караван выступал с обилием запасов лесных и военных, и с каменными пушками. Судна приводились в движение гребцами, а при попутном ветре распускались паруса. Приход каравана в Астрахань возвещался двукратною пальбою из пушек, и весь берег внезапно оживлялся. Одни из прибывших торговцев выгружались на берег, другие оставались в судах и ожидали к себе покупателей.

Кроме караванов, по Волге поодиночке ходили суда казенные и частные. Иногда частные торговцы составляли товарищества и отправляли свои суда, связав их вместе, так что большое судно тянуло за собой маленькие. Плавание по Волге вверх было затруднительно, ибо гребцы могли управлять судами только при попутном ветре (низовом), с

трудом управляли ими в безветрие, но когда подымался верховой ветер, тогда гребцы и рабочие выходили на берег и тянули суда лямкою, проплывая в день не более четырнадцати верст. Нередко суда насакивали на мель, которыми Волга и в то время была обильна.

Торговые русские суда, плававшие по Волге, были плоскодонные, различались по длине, ширине и фигуре и сообразно этому носили разные названия. Большое судно длиною до десяти сажен и более называлось досчаник, меньше досчаника были насады и кладные струги. Струги были дощатые, полубленные и не полубленные; струги с набоями; они были мерою от трех до восьми сажен в длину; меньше их были кладные лодки, а еще менее – неводник; менее неводника – плавная лодка, однодеревка и ботник. При больших судах, т. е. досчаниках, стругах и насадах, были маленькие лодки, называемые завозни, подвозки, паузки. Название струга самое употребительное и часто принималось для означения судна вообще.

В 1634 году на Волге большой струг или насад вмещал от 300 до 500 ластов, и когда был нагружен, то опускался на двенадцать футов в воду. В конце XVII века насады поднимали до тысячи ластов. Для струга в семь сажен длиною считалось достаточным двенадцать человек гребцов. Когда голштинское посольство по торговым делам отправлялось в Персию, то, с помощью русских плотников, сделало себе судно, приспособленное к плаванию по Волге. Это судно было построено из досок, имело 120 футов в длину, с тремя мачтами и плоским дном; в глубину оно входило до семи футов; для него приготовлены были

двадцать четыре весла; на судне устроены каюты, а под палубою подвал для кухни и кладовой. Это судно было вооружено каменными пушками, снабжено свинцом, порохом и оружием против разбойников. К судну была привязана шлюпка. Оно было построено вообще по образцу тогдашних русских судов, но отличалось тем, что имело три мачты и превосходило русские суда отделкою, так что когда голштинцы выплыли на нем на Каспийское море, то персияне говорили, что Кюльзюм (Каспийское море) еще не видывал такого судна.

Торговое плавание по Волге чрезвычайно затруднялось разбоями волжских казаков, живших в не изведанных еще закоулках лесистого и скалистого правого побережья Волги. Не только большие суда погибали со всем грузом и экипажем добычею их зверства, но случалось, что разбойники разбивали самые караваны, прославляя свои подвиги в песнях: *«Мы рукой махнем – караван возьмем!»*

Таким образом, при Михаиле Федоровиче казаки напали на русский караван у Черного Яра и истребили его. Они воспользовались тем, что суда плыли по Волге растянувшись, и напали на задние, передние же, где были стрельцы, охранявшие караван, не могли скоро поспеть к задним на помощь против течения воды. Это событие подало повод к построению Черного Яра. Были на Волге места, особенно прославленные разбоями, и торговцы всегда радовались, коль скоро удавалось проплыть им благополучно. Таково было устье Уссы в Жигулевских горах, где при Михаиле Федоровиче казаки ограбили большое купеческое судно, плывшее с грузом

в Нижний, таковы были: Казачья гора в 115 верстах ниже Самары, устье Камышинки, где голштинцы встретили ряд деревянных крестов, поставленных в память павших в битве с казаками.

Трудности плавания по Волге, особенно вверх, были поводом сухопутных путешествий из Астрахани в Москву и средину России. Эти путешествия предпринимались в то время, когда татары гоняли в Москву лошадей для продажи, что носило название ордобазарной станицы. Тогда за татарскими табунами ехал обоз купцов разных наций: русских, персиян, бухарцев и индийцев.

Город Астрахань, вскоре после присоединения к России, найден посещавшими его англичанами незначительным в торговом отношении. Русские привозили туда кожи, овчины, сбрую, посуду, хлеб, дрова в небольшом количестве, единственно для нужд служилых людей, которые поддерживали русскую власть в отдаленном городе и составляли единственное русское народонаселение города. Персидские товары, именно: шелковые и бумажные ткани, краски, шелк доставлялись татарами и были худого достоинства. Купцы, торговавшие этими товарами, были бедны. Однако с этого уже времени Астрахань начинает приобретать свое высокое торговое значение, которое постепенно увеличивается. В смутную эпоху оно было нарушено Заруцким, разграбившим и разорившим город. Но после успокоения России Астрахань возвысилась снова. В 1670 году ее богатства были расхищены Стенькою Разиным. Хотя Астрахань после того поправилась, но уже к концу XVII века начала упадать всеобщая уверенность в возможности направить через Россию торговлю всего Востока, уверенность, которая под-

держивала торговое значение Астрахани. Если такое предложение осуществилось, Астрахань была бы важнейшим торговым пунктом целого мира. Но не так решила история.

Соседство с Востоком дало Астрахани самое разнообразное народонаселение. Оно состояло из смеси русских с азиатскими пришельцами: персияне, бухарцы, хивинцы, армяне, азиатские турки, греки, индийцы, со всеми отливами своих народностей не только посещали город, но владели в нем домами и вели постоянную торговлю. Это разнообразие особенно увеличивалось в то время года, когда Астрахань наполнялась иноземными и русскими торговцами, прибывшими туда для временной торговли и раскладывавшими свои товары то в гостиных дворах, то в насадах и бусах на пристани. В Астрахани было несколько гостиных дворов, как кажется, особых для каждого народа, например: гилянский, тешицкий, бухарский, русский и татарский – не гостиный двор, но базар у Мочаговских ворот. Тогда как другим иностранцам позволялось обзаводиться даже домами, татары могли торговать не в самом городе, а только за оградой его на базаре: на этом татарском базаре были татарские лавки с разными товарами; важный торг был овцами, которых пригоняли из ногайских степей и раскупали в Астрахани, вероятно, для вытопки сала. Не одни только татары подвергались ограничениям. При Михаиле Федоровиче в 1625 году тезики – подданные турецкого султана из азиатской Турции – были отстранены от астраханской торговли, вероятно, вследствие неприязненных отношений дворов.

Местная розничная торговля в Астрахани ве-

лась в рядах, лавках, прилавках, полках, шалашах. Мелкою торговлею занимались не только посадские, но и стрельцы и вообще служилые люди. Торговые помещения давались от казны на оброк. В 1623 г. доход этот простирался до 341 рубля 32 алтын 4 деньги.

Важность астраханской торговли должна рассматриваться в двояком отношении: по передаче в Россию восточных произведений и по снабжению России местными произведениями астраханского края. Торговое сообщение Астрахани с Персией, Хивой и Бухарою совершалось, как мы уже сказали, по Каспийскому морю и сухопутьем.

Для торговли по Каспийскому морю правительство держало так называемые бусы, приспособленные к морскому плаванию суда. Судовой промысел составлял в Астрахани достояние власти: существовало большое казенное заведение, называемое деловой двор, который был управляем начальником, назначенным из детей боярских, и целовальниками. Бусы ходили постоянно дважды в год между Астраханью и Караганским пристанищем для торговли с Хивой и Бухарою. Один поезд совершался весною, другой осенью. Отправляя бусу, воевода поручал управление ее какому-нибудь сыну боярскому или служилому человеку, давал ему стрельцов, пушкарей и несколько пушек с военными запасами. В 1687 году на такой бусе была одна пушка, пуд пороха, полпуда дробы, сорок ядер, двадцать стрельцов, пушкарь, плотник и пять человек юртовских татар. В 1661 году на такой бусе было две пушки – одна нарядная пищаль да медный тюфяк. Начальник бусы обязан был пересматривать проезжие грамоты своих

торговых пассажиров и проверять их товары; а если бы оказалось что-нибудь сверх того, что написано в проезжей грамоте, или же при купце нашелся такой покрученник или работник, который не записан в грамоте, то начальник отводил незаписанных людей и отправлял незаписанный товар к воеводе. Проверка товаров не производилась посредством подробного пересмотра и взвешивания их: начальник бусы осматривал только целость таможенных печатей, которыми должны быть опечатаны нагруженные товары. Во время плавания начальник обязан был охранять бусу и отражать разбойничьи нападения, если они случались. По прибытии в Караганское пристанище он выбирал двух или трех иноземцев и отправлял в Хиву и Бухару извещать народ, что пришла русская буса и туземные купцы должны поспешать на торг. Эти посланцы носили местное название хабарщиков. Тогда к берегу съезжались купцы и начинался торг. Командир бусы должен был наблюдать, чтоб иноземцы не делали русским оскорблений. Как долго продолжался торг, неизвестно: но судя по тому, что буса отплывала из Астрахани в октябре, а поспевала назад к зиме, должно думать, что он продолжался около месяца. При окончании торжища командир бусы извещал, что, кто из иноземцев захочет ехать с ними, тотчас может нагружаться равномерно, кто захочет, может приезжать в Астрахань сухопутьем или, наконец, ехать на будущий год с весенним поездом русской бусы и в таком случае должен поспешать явиться на берег, чтоб не опоздать. По возвращении домой командир, не приставая к городу, посылал на лодке известить воеводу, что буса возвратилась; являлись

таможенники, осматривали, описывали товары и облагали их пошлинами. Тогда уже буса могла пристать и разгрузаться.

Сношения с Персиею производились также на казенных бусах, которые приставали в Баку и Дербенте, оттуда купцы ездили в Шамаху, где происходил торг персиян с русскими. На этих бусах ездили в Персию русские купцы разных городов и приезжали в Астрахань персияне. Этим путем ездили бусы с царскими товарами. Доверенные торговцы, которые везли эти товары, прибывали в Шамаху; там оставалось несколько целовальников, другие ездили во внутренность Персии, скупали товары и свозили в Шамаху; отсюда их везли к пристани, нагружали и доставляли до Астрахани. Воеводы обязаны были посылать навстречу паузки для принятия товаров. Сверх того, в Астрахань приходили персидские бусы, по наружному виду отличные от русских. Это были суда небольшие, высоко стоящие над водою, фигурою похожие – по замечанию европейского путешественника – на ванны, со множеством бревен и перекладин, утвержденных между собою клинами, открытые, без насосов, так что воду выливали мехами, с одним парусом, как и русские, но лучше русских судов умевшие лавировать в море. Как только такая буса приближалась к Астрахани, воевода посылал к ней таможенного голову, или нарочного целовальника, подъячего и стрелецкого сотника с стрельцами для выгрузки. Таможенники прежде всего требовали от управлявшего бусою, обыкновенно называемого шаховым гонцом, сведения, есть ли у него шахова грамота, сколько у него людей, купцов, с какими товарами. После допроса происходила перепись всех людей и товаров. Тогда лучшие из

товаров – узорочные, то есть драгоценные, камни, золотые и серебряные цепи, складни, запоны, перстни – отбирались в пользу царя, а купцам выдавали деньги. В случае отыскания заповедных товаров, например табаку, их отбирали в съезжую избу. По окончании обыска и переписи буса подплывала ближе, но никто не смел выходить на берег, пока роспись не представится воеводе и от него не последует разрешения. Во время пребывания в городе иноземные купцы были под строжайшим наблюдением; послы с своею свитою подвергались также строгому надзору: имущество их перерывали, чтоб отыскать какие-нибудь заповедные товары; пятьдесят человек стрельцов стояли постоянно на карауле; они жили на посольском дворе и не смели сноситься с иноземцами; тем не менее однако с ними обращались очень почтительно.

Плавание по Каспийскому морю подвергало купцов различным опасностям: во-первых, не редко бусы были разбиваемы бурями, господствующими на этом море; во-вторых, по морю крейсировали морские разбойники, которые нападали на суда, грабили и умерщвляли людей. Следствием таких приключений были неоднократно разорения купеческих семейств и вообще то, что торговля на Каспийском море не достигала высокой степени, но постоянно оставалась в одном и том же положении. Для охранения купцов царь Алексей построил первый русский корабль «Орел», но Стенька Разин истребил его. После того переводчик посольского приказа Винус подал проект соорудить галеры или каторги (вооруженные суда) для перевоза грузов и вместе для защиты от разбойников.

Туземные произведения, вывозимые в Россию

из Астраханского края, были соль и рыба (отчасти вино), но об этом войдем в подробности при исчислении статей торговли вообще.

Сибирская торговля возникла вскоре по открытии Сибири и достигла важного значения, ибо предметы вывоза из Сибири состояли преимущественно в мехах, которые были важнейшим производением России. Вскоре по завоевании Сибири многие смельчаки отправились в неведомые пустыни для звериных промыслов; потом страсть отыскивать новые землицы и принуждать инородцев платить ясак сделалась господствующею между служилыми людьми: это привлекало в Сибирь русских. Само правительство старалось о заселении новоприобретенного края, строило города, поселяло пахотных людей для земледелия и населяло Сибирь ссыльными. Русское население, отодвинутое от прежнего отечества на большое расстояние, нуждалось в подвозе пищи, одежды, предметах домашнего быта, а потому товары, удовлетворявшие этой потребности, были первыми статьями ввоза в Сибирь из России. В конце XVI века и в начале XVII русские купцы возили в Сибирь хлеб, также русский холст, готовые однорядки, юфти, кожи, оружие и военные снаряды, столь необходимые в этой стране против зверей и людей, и прочие товары, большею частью простого достоинства русского изделия. Купцы, которые вели торговлю с Сибирью, были из Москвы – большею частью знатные гости, посылавшие в Сибирь своих покрученников и приказчиков, родом из Казани и так называемых поморских городов: Устюга-Великого, Вятки, Перми, Тотьмы и Сольвычегодска; эти агенты, скупая хлеб в России, отправляли его в

Сибирь водою, потому-то в этих последних, так называемых поморских, городах образовался склад хлеба, назначенного для Сибири. Торг был больше меновой, как с инородцами, так и с русскими поселенцами; первые не знали толку в монете, а последние нуждались более в произведениях Европейской России, чем в деньгах; деньги, прибывая в Сибирь, скоплялись там без ходу; таким образом, когда при Алексее Михайловиче выпущены были медные деньги, то купцы, ездившие за мехами, скупали на них дешевою ценою меха, а сами выменивали у сибиряков серебряные деньги и не привозили в Сибирь русских товаров; от этого в Сибири сделалась страшная дороговизна на всякие русские товары – сукна, холсты, кожи, и правительство приказало у купцов, привозящих в Сибирь деньги, отбирать на государя деньги и купленные на них меха. Простота жизни в Сибири долго исключала потребности изысканного быта, удовлетворяемого в России заграничными товарами. В 1609 году в пермской земле во всех городах не оказалось иноземных сукон, камок, тафты; торговые люди не привозили этих товаров в Сибирь. Впоследствии, однако, во второй половине XVII века, большая развитость жизни привлекала в Сибирь и иностранные товары, доставляемые из Архангельска.

Торговый путь, как равно и служилый, из Москвы в Сибирь был водяной, до самого Соликамска, то есть Москвою-рекою, Окою, Волгою и Камою. Из Соликамска везли товары волоком до Верхотурья, которое считалось первым сибирским городом. Там была учреждена таможня: едущие с товарами должны были оплачивать их пошлинами и брать про-

езжие грамоты. Кроме Верхотурья, поставлены были еще две заставы – Собская и Обдорская для сбора пошлин; но купцы, чтоб избежать платежа пошлин, и главное, придинок и задержек от чиновников, самовольно проложили себе другой путь через Кунгур и Уфу на Китайский острог. Воеводы посылали стрельцов для преследования их. Только в 1680 году учреждена была в Китайском остроге постоянная таможенная застава.

В Верхотурье служилые люди, ехавшие в Сибирь на службу, делали закупы разных потребностей в большом количестве, не надеясь их найти в Сибири или желая купить дешевле, и это побуждало купцов привозить туда значительное количество разных запасов. Тут же, и еще в Верхотурском уезде в Ляминской волости, производился торг с вогуличами; русские выменивали у них меха, лосиные и оленьи кожи, хмель, рыбу, и потому в последнем месте учреждена была таможня для пошлинного сбора. Другое торговое место в том же уезде была слобода Ирбить, где еще в первой половине XVII века образовалась ярмарка, существующая и в наше время. В 1649 году туда стекалось множество промышленников и торговцев. К концу XVII века Ирбитская ярмарка стала главным местом закупа хлеба и вообще всех товаров, идущих в Сибирь. Туда приходили товары бухарские и китайские и раскупались для вывоза в Россию. Ярмарка эта происходила в январе, после Богоявления. По отдаленности места там вкрались злоупотребления относительно пошлинных сборов, так что торговля велась часто совсем беспошлинно; постоянной таможни не было, а верхотурские воеводы, обязанные посылать туда людей для сбора, не исполняли

этого точно. Правительство в 1687 году обратило на это внимание, тем более что ирбитский торг тогда почти совершенно подорвал торговлю в Верхотурье; оно приказало постоянно посылать туда целовальников для пошлинного сбора. Это подтверждено в 1689 году. В 1694 году правительство, наблюдая свои выгоды, постановило, чтоб торговцы в Ирбитской слободе во время ярмарки торговали не иначе, как в государственных амбарах и лавках, а не в собственных, и велело все частные лавки, какие были построены в слободе, описать и запечатать вперед до государева указа.

Из Верхотурья путешественники садились на казенные дощаники, складывали свои товары, платили за это в казну и плыли водою мимо Туринска и Тюмени до Тобольска. Тобольск был в XVII в. важнейшим торговым городом Сибирского края. Хлеб, назначенный для Сибири, стекался в этот город, скупался там и развозился повсюду. Тобольск имел обширный гостиный двор. Туда приезжали бухарцы, которым дана была привилегия такого рода, что никто, кроме их, не мог торговать бухарскими товарами, но зато они не могли, как мы уже заметили, покупать дорогих мехов, да и самые меха низшего достоинства позволено было им покупать только в малом числе и не иначе как для собственного употребления. Бухарские товары из Тобольска развозились русскими купцами по Сибири и на Ирбитскую ярмарку; а между тем со всей Сибири стекалась в Тобольск меховая торговля. Сверх того калмыки пригоняли в Тобольск значительные партии своих лошадей.

Промышленники и торговцы пускались внутрь Сибири на царских дощаниках, устроенных соб-

ственно с целью провоза служилых людей и казенных снарядов. Эти дощаники делались обыкновенно в восемь сажений длиною и снабжались огромным парусом. Они плыли мимо Сургута, Нарыма, Кецка до Маковского острога; тут товары укладывались на сухопутные подводы и везлись до Енисейска, другие же разгружались в городах, мимо которых плыли и к которым приставали. В Сибири, где только был город, там образовалась и торговля, ибо огромное расстояние между жилыми местами не позволяло торговле сосредоточиваться в известных местах преимущественно. Таким образом, Туринск, Тюмень, Сургут, Нарым, Кецк были посещаемы купцами, которые привозили туда русские товары и продавали местным торговцам. В Енисейске в 1647 году был значительный наплыв торговцев, существовали гостиный двор и таможенная изба.

Промышленники и купцы плыли из Енисейска по верхней Тунгуске и по впадающему в нее Илиму. На реке Илим в ближайшем расстоянии от реки Муки, принадлежащей к ленскому бассейну, был Илимский острог, близ которого происходил значительный торг. Это место известно было под именем Ленского волока: там было зимовье, гостиный двор, амбары, таможня, казенные постоянные дворы для приезжающих торговцев и гарнизон служилых людей для их охранения. Сюда приезжали туземцы для промена мехов на русские изделия и русские поселенцы Сибири для покупки припасов. В числе товаров был лес для постройки и топлива. Плавание по Тунгуске и Илиму от Енисейска до Ленского волока продолжалось шестьдесят один день. Путь считался по рекам, впа-

дающим в Тунгуску и Илим, а этих рек было чрезвычайное множество. Плавание замедлялось по причине порогов, ибо надобно было выходить на берег и проводить через пороги дощаники; при этом груз выносили и несли на себе, а суда взводили через скалы канатами. Сухопутный путь по Ленскому волоку до Лены продолжался один только день для пешехода с ношею. Но этот путь затруднялся горами. Торговцы имели приметой какой-то колодец; до этого колодца нанимали вьючных лошадей, платя по гривне с пуда, а у колодца стояли извозчики с телегами, которых нанимали вплоть до Лены, платя летом по пяти алтын, а осенью по полтине с пуда. Таким образом, они достигали реки Муки, где весною ходили суда, а летом плоты, и отправлялись по реке Муке в реку Купу, куда впадает Мука, а Купую входили в Лену; зимою же торговцы нанимали на Ленском волоке извозчиков и ехали вплоть до Лены по льду в течение двух дней. По берегам рек Муки и Купы в 1651 году были уже русские поселения, исключительно занимавшиеся судопромышленностью. В половине XVII века промышленники плавали по рекам Чичую, Олекме, Окме и другим и променивали тунгусам разные вещи на меха, и потому на Лене рано развился судовой промысел, ибо в 1639 году были суда: дощаники, шитики, каюки, струги, набойни, разной величины и вместимости. В половине XVII века русские торговали в Якутске; в Жиганском зимовье и Молодях с 1645 г. жили торговые люди и учреждена была таможня с целовальниками. С 1660 года некоторые привозили товары в Охотск временно для промена, а другие оставались там на жительство. В это время там уже раз-

вивался судовой промысел: продавали суда разной величины – шитики, каюки зырянские, струги, набойницы и мелкие лодки. Русские промышленники и торговые люди были товарищами служилых людей в их изумительных подвигах открытия новых земель и вместе с ними выдерживали героическую борьбу с ужасною стужей, недостатками и дикими народами. Эти промышленники составляли партии, выбирали себе ватагу, строили струг или дощаник, наполняли его хлебными запасами пудов до трехсот и более и отправлялись в неведомые страны. Так, торговец Григорий Вижевцов с пятью своими покрученниками по Олекме открыл путь в Тугир. В 1635 году такая партия была истреблена тунгусами на устье Вилюя. В 1650 году такая же ватага промышленников достигла устья Лены на восьми кочах, соединилась с партией служилых людей, – они поплыли по морю до Яны, миновали ее устье, дошли до Святого носа и до Хромой губы; 29 августа хотели сойти на твердую землю, но, охваченные южным ветром, унесены на дощаниках в открытое море и носились в нем пять дней, пока северный ветер не принес их к берегу; таким образом они достигли устья Индигирки, а потом устья Колымы. В этом путешествии промышленники составляли как бы запасную экспедицию для служилых и снабжали их запасами, однако товарищеское отношение не мешало им брать со служилых огромные цены на съестные припасы. В эти негостеприимные края завлекала их также охота добывать моржовую кость.

В конце XVII века Нерчинск сделался важным торговым пунктом для возникшей торговли с Китаем. В 1697 году постановили, чтоб все, уезжаю-

щие в Китай и приезжающие из Китая, непременно являлись в Нерчинск для платежа пошлин, а потом Нерчинск сделался складочным местом китайской торговли, и в 1699 г. был построен в Нерчинске гостиный двор.

Торговля в Сибири была до крайности стеснена, во-первых, самим правительством, во-вторых, чиновниками. Страсть к мехам у правительства была столь велика, что, кроме ясака и поминочной рухляди (то есть той, которую инородцы приносили в дары воеводам, а последние должны были отдавать в казну), правительство выменивало меха на разные русские товары и тем подрывало операции купцов. Никакой торговец не смел приступить к покупке мехов, прежде чем соберут царский ясак; это делали из боязни, чтоб в руки торговцев не попадали отличные меха; когда же соберут ясак, тогда позволялось купцам торговать мехами, но не иначе как на гостиных дворах: положительно было запрещено купцам ездить по юртам и покупать меха; они могли делать эти покупки на гостиных дворах у приезжавших в город инородцев. Естественно, что купец в таком случае должен был платить дорожке. Впоследствии даже постановлено (в 1674 году), что если в ясаке окажется какая-нибудь недоимка, то отбирать у туземцев лучшие меха в пользу царя; а как всегда в ясачных мехах могла оказаться недоимка, то и всегда можно было придрататься; и здесь-то открывались случаи воеводам делать разные прижимки с целью взять взятку. За торговые поездки в юрты отбирали в казну товары, а за такую поездку, совершенную в другой раз, наказывали кнутом. Только в отдаленных землях Сибири, например в

Якутске, дозволялось торговцам покупать меха и в юртах, но непременно после сбора царского ясака и притом с тем, чтоб они возвращались в Якутск и отдавали в казну десятого зверя, самого лучшего. Несмотря на трудность путешествия, промышленники подвергались разным стеснительным пошлинам и, сверх того, исполняли отяготительную повинность – быть выбранными в целовальники к ясачному сбору и к разным статьям казенного интереса. В Якутске воеводы и дьяки, в других местах России вообще отстраненные, хотя на бумаге, от торгового управления, могли бить батогами и кнутом голов и целовальников. Всего обременительнее для торговцев было то, что они находились в безусловном распоряжении воевод, дьяков и подьячих, которых поступки нигде не были столь произвольны, как в Сибири. Торговцы в городах обложены были взятками в пользу властей: так, в Енисейске приказчики торговцев гостиной сотни, отправляемые в Сибирь для скупа мехов, должны были давать воеводам и подьячим сорок рублей с тысячи соболей и по четыре рубля с сотни всяких других мехов; в городе Кецке брали с тысячи тридцать рублей, а с сотни три рубля. В 1646 году эти злоупотребления вынудили жалобы торговцев, и правительство, снисходя к их жалобам, запретило воеводам, дьякам, подьячим и вообще служилым людям мешаться в торговые дела, исключая тобольского воеводу, дававшего тогда купцам проезжие памяти, а равно запретило им торговать самим. Но это мало помогло. В Сибири воеводы переменились часто, и в наказе каждому из них, при вступлении в должность, прописывалось, чтоб он не поступал как его предшественник; но едва при-

ходил год, как возникали жалобы, что новый воевода идет по следам прежнего. Притеснения, делаемые воеводами и подьячими торговцами в Сибири, были так велики, что в 1609 году, избегая притеснений воевод, грабивших у купцов хлеб, никто не возил в Сибирь хлеба, и оттого там произошла ужасная дороговизна. По закону каждый торговец, приезжая в Сибирь, обязан был платить годовой оброк за право промыслов и торговли в Сибири как за свою особу, так и за всех своих приказчиков и покрученников, которые с ним прибывали. Этот оброк платили в Верхотурье, как ближайшем к России сибирском городе, и, после платежа, торговец брал отпись (квитанцию) в платеже, но на такие отписи другие воеводы не обращали внимания и вымогали от него чуть не в каждом городе такие же годовые оброки. Сверх того, воеводы обязаны были давать проезжим купцам сено и брали с них сенное, но в самом деле никакого сена не давали.

Кроме изложенных торговых путей, были еще два: на Смоленск в Литву и на юг к пределам Малороссии. Оба эти направления не могли способствовать цветущему состоянию торговли. Торговля Москвы с Польшею и Литвою в XVI и XVII веках нарушалась непрерывными войнами и постоянною враждою двух правительств. Положение торгующих купцов было не безопасно, когда были примеры, что правительства, возобновив между собою едва потухающую вражду, задерживали купцов и конфисковывали их имущества. Так было при Василии Иоанновиче в 1508 году. В промежутки, когда военных действий между Литвою и Москвою не было, жители порубежных земель

беспрестанно делали друг на друга разбойничьи наезды, грабежи и разорения. Такое сочетание обстоятельств, конечно, не благоприятствовало развитию торговли. Купцы, приезжавшие из Польши и Литвы, не пользовались в Москве ни благосклонным приемом правительства, ни расположением народа, особенно католики и жида, которых не терпели москвитяне. Так, в 1678 году царь Алексей Михайлович, узнавши, что в Москве находятся с товарами литовские купцы из Могилева и Шклова, приказал их выслать из Москвы в порубежные города, где единственно и предоставлялось им торговать. Только в 1678 году постановлено, что торговцы польские подданные могут приезжать в Москву, а русские в столицы Речи Посполитой: Варшаву, Краков и Вильно, но ограничиваясь единственно столицами, непременно с проезжими памятьми и с платою пошлин по уставам обоих государств, а равномерно постановили, чтоб торговое плавание по Двине открыто было для русских. На таких же условиях утвердил торговые сношения так называемый вечный мир, заключенный после долгой войны в 1686 г.

В Северной области в половине XVII века началось некоторого рода торговое движение. Средоточием его был Путивль. Туда, как выше было замечено, приезжали с своими товарами греки и молдаване. В торговом уставе 1667 года Путивль означен между значительными торговыми городами наряду с Псковом и Новгородом, куда русские купцы привозили свои товары и где находили заморские. В Брянском уезде в конце XVII века славилась Свинская ярмарка. Об ней упоминается под 1681 годом. В объяснении гостей и торговых лю-

дей, данном по поводу указа о выборе в таможенные чиновники, говорится, что из разных торговых городов посадские лучшие люди отъезжают к городу Архангельску и на Макарьевскую и на Свинскую и на иные ярмарки для торговых своих промыслов и в дома свои не приезжают многое время. Из этого видно, что Свинская ярмарка, постановленная в числе первоклассных торжищ, была значительна и привлекала к себе многих торговцев. В числе привозимых с этой ярмарки в Москву товаров значатся сафьяны и хозы, носившие тогда название свинских. В 1683 году высочайшие пошлины, собираемые на этой ярмарке, пожалованы Киево-Печерскому монастырю в вознаграждение потерянных в Подолии старинных имений. Торговля с Малороссией не могла быть в цветущем состоянии по причине смутного состояния этой страны. После поражения поляков гетманом Хмельницким в 1648 году великороссийские купцы нахлынули в Малороссию и очень выгодно покупали и выменивали разные драгоценности, приобретенные казаками на полях Корсунских и Пилявецких. После присоединения Малороссии к России царь Алексей Михайлович, лаская новых подданных, даровал Киеву жалованную грамоту, по которой киевским торговым людям предоставлялась вольная и беспошлинная торговля по всей России. Но эти права не могли иметь важных результатов для торговли.

По мере населения украинских городов Великой России и обработки плодоносных земель, возникали там торговые сношения. Плодородие почвы Рязанского, Тамбовского, Воронежского края в половине XVII века начало привлекать туда скуп-

щиков хлеба. В Воронеже в 1640 году были оброчные торговые лавки и ряды, подобно как в Москве, особые для разных предметов, например мясной ряд, рыбный ряд. В последних годах XVII века города Лебедянь, Елец, Козлов, Воронеж, Коротояк, Острогожск начинали быть рынками местных произведений, но вообще в слабой степени, ибо край не был еще достаточно населен, пути были затруднительны, а чиновники притеснениями отгоняли торговцев. В 1695 году донские казаки, приезжавшие туда по случаю неурожая на Дону покупать хлеб, жаловались, что с них берут страшные пошлины и за тяжкими взятками купить хлеба невозможно. Города Белгород и Валуйки были пунктами торговых сношений с ногайскими татарами, жившими на берегах реки Дона. Они приезжали туда для покупки хлебных и вообще съестных запасов, но должны были, для предостережения, останавливаться не иначе, как за чертою и являться в небольшом числе.

Вообще торговые поезды в древней России совершались летом преимущественно водою, зимою на санях. Торговцы везли свои товары по широким рекам на судах большого размера, а для малых рек употребляли суда, приспособленные к руслу этих рек; и потому товары, при переходе из малых рек в большие и обратно, перекладывались в суда, соразмерные предстоящему водному пути. Обыкновенно при впадении одних рек в другие жили судопромышленники, снабжавшие торговцев судами; у иных же торговцев были в таких местах собственные двory, и там стояли в запасе суда. Так, например, монастыри, занимавшиеся в старину обширною торговлею, имели в таких местах свои подворья.

Необходимость в судах развила и разнообразила истари судовой пррмысел; для всякого русла были свои суда, и потому в старых памятниках мы встречаем множество названий разного рода судов и лодок, которые отчасти сохранились и теперь, отчасти утратились. Самое большое судно на всех больших реках называлось дощаник, за ним следовали насады, суда полубленные, набои, суда прикольные, суда поводцовые, набаб, байдак, барка, шестерик, струг, матица, оханка, каюк, морянка, водовик, карбас, коломенка, учан. Из них струг сначала означал лодку. Казенный струг при Михаиле Федоровиче помещал от пяти до шести человек. Впоследствии этим названием обозначили вообще среднего размера судно. Некоторые суда назывались по месту и происхождению своего употребления: тихвинка, белозерка, ржевка, устюжка. Маленькие лодки при больших назывались паузки, завозни и подвозки. Отличительная черта русских судов того времени была та, что они строились совершенно без железа, вместо железных гвоздей употреблялись деревянные, и доски были соединены лыками из древесной коры. На судне была поставлена мачта, к ней привязан широкий парус. Плавание по рекам, особенно малым, сопряжено было с затруднениями и опасностями: когда дул противный ветер, приходилось по три дня и по неделе стоять на месте, и оттого происходила беспромыслица, как выражались на промышленном языке. Случалось, что торговец, решившись отправиться по речному пути осенью, застигнут был заморозами и зимовал с своим стругом на реке. Случались иногда потопления. Для этого правительство предписывало воеводам, в случае потопления ку-

печеских судов, изыскивать меры к отысканию товаров и, по нахождении, отдавать их хозяевам, с платою в государеву казну десятого процента, что называлось десятая выть. Кроме борьбы с природою, которую побеждать русские умели более железным терпением, чем искусством, торговцы терпели часто от мытчиков, которые собирали с плывущих судов пошлины, известные под названием мыт. Эти мытчики брали от казны ее доход на откуп и позволяли себе всяческий произвол. Плаватели, кроме определенного мыта, не отделялись от них без того, чтоб не заплатить еще взятки; а иначе продержат их мытчики самовольно недели две или три.

Так как в старину в России каналов не существовало, то в тех местах, где нельзя было из одной реки в другую близкую достигнуть водяным путем, плаватели выгружались из судов и перевозили товары волоком до другой реки. На волоках находились извозчики, которые подряжались везти товары в телегах и посмычных двойных или одиноких, судя по клаже, иногда же товары возили на вьюках, то есть вьючных лошадях. Пока совершался подряд с извозчиками, товары складывались в устроенные места, называемые пристанища. В XVII веке при выкладке товаров из реки на волок торговцы были обязаны платить хозяевам земель, где были пристанища, не с веса, но с клади или с судна. В Казани платили на пристанище с соляной клади по рублю, с рыбной по полтине.

Правительство не заботилось об улучшении летних дорог, и потому то же, что писали о наших летних дорогах путешественники XVI века, повто-

рялось и в конце XVII века. Мосты были редки, а те, которые существовали, по выражению иностранцев в XVI веке, не держались, а плавали. Обыкновенно употреблялись вместо мостов перевозки на судах и плотах, которые содержались от правительства с платою в казну. По торговому уставу 1653 года постановлено на больших реках брать за перевозки весною и осенью: с товарной телеги десять денег, но с торговых людей того же уезда, где находился перевоз, только шесть денег, с проезжей телеги четыре деньги, с верхового три деньги, с пешего две деньги, а в межень летом с товарной телеги шесть денег, с торговцев того же уезда три деньги, с верхового две деньги, с пешего одну деньгу; на малых реках во всякое время с торговой телеги две деньги, с проезжей и верхового одну деньгу, а с пешего полденьги. В больших городах для перевозов воеводы назначали команды. Так, в Астрахани перевоз был под заведыванием назначенного сына боярского с двумя целовальниками и десятью стрельцами, которые обязаны были перевозить всякого, кто имеет проезжие грамоты. Там, где были мосты, собиралась мостовщина. В частных имениях владельцы устанавливали перевозки и собирали за них деньги, а равно и мостовщину, но это не всегда позволялось. Вообще правительство хотело оградить путешественников от притеснений частных владельцев. По Уложению запрещено замышлять владельцам всякого рода сборы в имениях, кроме тех, которые с давних лет утверждены жалованными грамотами, и притом владельцы обязаны были починивать мосты и дороги в своих владениях. Запрещалось, между прочим, строить мельницы и класть гати на реках, где был струговой ход.

ГЛАВА IV

Зимние дороги России славились своими удобствами. Но мы думаем, что это удобство удвоилось в глазах современника от сравнения с крайним неудобством летних путей: и в настоящее время зимние дороги у нас не совсем удобны по причине ухабов. Зима собирала со всех сторон извозчиков к подрядам. Извозчики эти были крестьяне, преимущественно дворцовые и монастырские. Они нанимались по записям в довоз, то есть обязывались доставлять товары по назначению. Иные возили свои товары на ямах, но под этим именем, вероятно, надобно разуместь частные ямы, то есть то, что теперь называется сдаточные. Ямщики везли в одну упряжку по пятидесяти тогдашних (семисот саженных) верст в одну лошадь.

Торговыми пунктами были посады; это слово означало в старину то, что теперь город. Слово же «город» означало каменное, земляное или деревянное укрепление, где жили воеводы и служилые приказные люди и где находились административные и казенные здания. Торговые заведения хотя и были иногда в тогдашних городах, но гораздо чаще в посадах. Торговыми заведениями в посадах были: гостиные двory, ряды и двory посадских, где часто были их собственные лавки и амбары.

Гостиные двory были назначены для приезжих купцов и уездных (сельских) людей с товарами. Торг в них производился оптом. Во всяком посаде, где был торг, должен был находиться и гостиный двор. Открывая торг, правительство учреждало таможеню и из таможенных доходов строило гостиные избы для приезжих торговцев, и бра-

ло с них плату: избное и полавочное. Величина гостинных дворов была различна, смотря по важности города в торговле, но вообще гостинные дворы имели общие черты: это были обширные дворы, обнесенные заборами, с кровлями и с воротами под навесом, с висячими замками; на дворе ставилась важня, т. е. весы с принадлежностями; посредине двора устраивалась таможенная изба и стоялые избы для приезжих торговцев, которые делались различной величины, например в три или четыре аршина шириною и длиною, и строились на омшениках или погребах, также, вероятно, для хранения товаров; при избах были сени, а в сенях чуланы. Для лошадей устраивались конские сараи. Собственно гостинный дом, помещение товаров, было длинное здание, вроде внутренней галереи, часто двухэтажной, с отделениями, которые назывались амбары и лавки. В новгородских гостинных дворах было три разряда таких отделений: 1) амбары — общие отделения, которые находились в заведывании дворников гостинного двора: там могли помещаться несколько купцов с своими товарами; 2) затворные лавки: там помещалось два или три купца по взаимному соглашению между собою, эти отделения отличались от амбаров тем, что запирались; 3) отдельные лавки, где помещался исключительно один торговец с своим товаром. Товары, помещенные в амбарах, хранились в коробах, которые прикреплялись к шестам; по величине своей коробки разделялись на большие, средние и малые и носили название по товарам, которые в них заключались; таким образом, были коробки меховые, шелковые, румяненные, шапочные, красильные, женские (то есть с товарами, относящимися к жен-

скому убранству), суконные и т. п. Кроме коробов, товары складывались на носильцы. Некоторые же товары обходились без коробов и прямо вешались на шесты или спицы. Таким образом, были, например, сапожные шесты и седельные спицы. Громоздкие товары – соль, рыба, хлебное зерно, шерсть – складывались в особых пристроенных амбарах, если их хозяева не нанимали затворных лавок. Дворники гостиного двора заведовали порядком, собирали плату за помещения и отвечали за целостность товаров в амбарах; но в отдельных и затворных лавках купцы сами хранили свои товары и получали от дворников замки.

Дворники собирали с приезжих торговцев за избу избное, за амбары амбарное, или амбарщину,

*Русский купец XVI в.
Иллюстрация из книги
С. Герберштейна
«Записки о московитских
делах»*

за лавки полавочное. В Новгороде в XVI веке амбарщину собирали с коробов, от семи денег до двух алтын за короб, смотря по величине короба и по ценности товаров, а за громоздкие товары по уговору, за лавку по десяти денег. За лавки затворные и отдельные брали от алтына до четырех с половиною алтын, смотря по ценности и объему товаров. Купцы, державшие свои товары в амбарах, могли ночью складывать их в затворной лавке с особою платою. Такие поборы в разных городах были различны: на-

пример, в Белозерском гостинном дворе в XVI веке брали амбарщины по четыре деньги на неделю.

Очень часто гостиные дворы, как и таможни, были на откупках у торговых людей, а иногда откупщики брали на откуп какую-нибудь одну ветвь доходов, например поворотную пошлину.

Лавки разделялись на настоящие или полные лавки и полулавки. Лавкою считалось такое помещение, которое простиралось мерою до двух сажений, а полулавка была вдвое меньше. Впрочем, были лавки и большей и меньшей величины. В таком случае полавочное собиралось по расчету, по мере уклонения от нормальной двухсаженной лавки. За полулавку платилась половина.

Никто из приезжих торговцев, не владевших в посаде собственными дворами, не имел права становиться с товарами и торговать в посаде где бы то ни было, исключая гостиного двора. Несоблюдение этого правила наказывалось штрафом. Впрочем, тем, которые привозили свои товары на судах и на санях или на возах, позволялось их продавать оптом, не выкладывая из саней и не выгружая из судов, но притом платя дворникам гостиного двора пошлину под названием поворотной, которая взимаема была вообще с отъезжающих из города с товарами. Это дозволение торговать не раскладываясь подчинялось различным правилам в разных местах. Так, например, в Каргополе позволялось торговать с саней и с возов и в розницу, но с тем, чтоб ценность продаваемого не превышала двух рублей, и всякий торговец, если не хотел торговать в самом городе, мог складывать свой товар в частных домах, только заплатив за то дворникам гостиного двора тепловое. По

указу 1681 года дозволялось закупать оптом хлеб у приезжих с саней и с возов; сверх того, многие оптовые торговцы, не принадлежавшие к посаду, а также и монастыри имели на посадах свои дворы и пользовались особыми правами складывать в них свои товары и торговать ими. Впрочем, несмотря на свои права, они нередко подвергались притеснениям от воевод, которые, желая придраться, чтоб сорвать что-нибудь, принуждали их раскладываться непременно на гостиных дворах. Нередко приезжие по необходимости должны были нарушать правила и не везти своих товаров на гостиные дворы, потому что эти дворы находились в неисправном состоянии.

Главная местная торговля производилась в рядах. В обозрении Москвы и других важнейших торговых городов показаны были главнейшие черты этих торговых заведений. Почти везде наблюдалось то же разграничение предметов торговли, и каждый из них имел свой ряд в посаде. Но до 1667 года, то есть до Новоторгового устава, это не наблюдалось строго, ибо каждый торговец имел право свободно торговать у себя на дворе и строил лавку или амбар. Торговые помещения, как в рядах, так и дворах, были: амбары, погреба, лавки, прилавки, полки, шалаши, веки, столы, скамьи, рундуки. Прилавок был не то, что полулавка в гостинном дворе: так, например, в Переяславле-Залесском в XVII веке брали за лавку оброк одиннадцать алтын две деньги, а за прилавок только десять денег. Стулья и скамьи стояли для мелких торговцев между лавками и прилавками; на скамьях, между прочим, продавали мясо. В шалашах продавались разные мелкие, большею частью изготовленные съестные припасы, например

пироги, печенка, вареное мясо и проч., для удовлетворения голода простолюдинов, собирающихся на торгах. Все эти мелкие торговые помещения были на торгах или базарах. Со всех их, как и с лавок, собирался оброк посредством целовальников, которые вели счет полученным деньгам и записывали приход в оброчные книги. Но иногда вместо выборных целовальников этот оброк собирали служилые люди, например, стрелецкие головы, а целовальники были при том только свидетелями; так делалось в Астрахани в XVII веке. Этот оброк составлял казенный интерес и относился в съезжую избу. Так как всякий сам, имея на посаде двор и принадлежа к сословию торговцев, мог держать лавки и амбары в своем дворе, то должен был платить пошлины таможенникам, когда отвозил к себе купленный на торгу товар, но дворники гостиного двора не имели права брать с него что бы то ни было. Кроме того, многие в XVI веке продавали свои товары, нося по городу и по дворам. Торговый устав 1667 года, стараясь вообще подвести торговлю под определенные и точные правила, запретил торговать мимо изычайных рядов и лавок: и тем бы ряды и лавки не оскужали и лавочные люди в убожестве не были б. Однако это строго не соблюдалось, ибо при Федоре Алексеевиче в 1676 году правительство подтверждало, чтоб мелкие торговцы не торговали в шалашах и на скамьях, рундуках и веках, на Красной площади в Москве, и вообще, чтоб не было нигде торговли, кроме рядов. В 1681 году опять подтверждалось, чтоб всяких чинов люди не в указных местах не торговали и от того великого государя казне напрасной потери и недобору не было б.

Кроме гостиных дворов, частных дворов, под-

ворьев и лавок, внутренняя торговля происходила на ярмарках и рынках, которые носили в старину название торгов и торжков. Большое расстояние между торговыми городами и неудобство частого сообщения обуславливали для нас необходимость размножения годовых торжищ, куда бы могли съезжаться торговцы в определенное время. Эти торжища открывались с разрешения правительства, и власть, наблюдая свои доходы, ограничивала слишком большое размножение торгов, стараясь соединить торжища в некоторых городах и важнейших селах. Так, например, в 1537 году в Новоторжском уезде запрещена торговля в селениях, исключая посада Нового Торга и села Медни. Так же точно для поддержки Весъегонской ярмарки запрещено торговать во всем околке около Весъегонска.

Торги были годовые, každонедельные и каждодневные. Достоин замечания, что большею частью торги открывались в монастырских имениях, отчасти потому, что жители церковного ведомства были зажиточные и не так стеснены, как жители других ведомств, а во-вторых, потому, что монастыри нередко испрашивали ярмарочные доходы в свою пользу на церковное строение, свечи и ладан и для собственной пользы старались привлекать к себе торговцев. Вообще с лицами духовного звания было удобнее и легче иметь дело. Так, лучшие наши ярмарки, и в том числе Макарьевская, возникли в монастырских имениях и под монастырским наблюдением и управлением. Вообще Торжища в древней России происходили по поводу престольных праздников и, следовательно, соединялись с религиозным значением. Чем святее место, тем более приезжало туда людей и для

благочестия и для мирских выгод, а равно и для мирского веселия, потому что с открытием торжища являлись и кабаки. Подобная ярмарка, хотя не столь важная, как другие, встречается в день Рождества Христова в имении Евфимиевского монастыря, селе Коврове (нынешнем городе Владимирской губернии). В 1641 году она была отдана от казны на откуп, а потом передана в распоряжение монастыря. В вотчине Николаевского монастыря, в уезде Бежецко-Верхском, был Торжок, отданный монастырю; в городе Торжке и посаде торг был в распоряжении Спасо-Прилуцкого монастыря.

При открытии každонедельного торгога или рынка правительство брало во внимание челобитную жителей и положение места; особенно степень его отдаленности от другого торгога. Иногда расстояние пятнадцати верст от рынка признавалось достаточным для заведения нового. Для торгога назначался какой-нибудь недельный день. Так, например, в селе Грязловецком Вологодского уезда, принадлежавшем Введенскому монастырю, был торг по понедельникам. В селе Борисоглебском, принадлежавшем Троицкому монастырю, был торг по пятницам. В одной из вотчин Ярославского Спасо-Прилуцкого монастыря был торг по субботам. В больших городах были каждодневные рынки. В небольших селах отправлялись торжки, где продавались съестные припасы и потребности крестьянского быта, обыкновенно по воскресеньям: эта торговля подчинялась одним общим правилам о сборе пошлин. В конце XVII века, именно в 1682 году, правительство воспретило торговать по воскресеньям и установило: когда случится время торгога в воскресенье, отлагать его на другой день. Случалось, что цари уступали

доходы с торгов и частным лицам, как, например, при Федоре Иоанновиче торги в селах Чаронде и Короткове уступлены Борису Годунову. Монастырские начальства и частные лица, получившие права сбора торговых доходов, нередко отдавали их на откуп своим крестьянам, как это мы видим, например, в волостях Спасо-Прилуцкого монастыря. Гостиный двор, ряды и вся операция веса и сбора были в распоряжении владельцев торгова, так что не допускались даже работники или извозчики не из крестьян того ведомства, которому принадлежит торг. Так, в XVII веке в Торжке, где торг на посаде, как выше сказано, был отдан Спасо-Прилуцкому монастырю, не позволялось подряжаться в извоз и быть у весов никому, кроме крестьян этого монастыря. Там, где надзор за торгами и торговые сборы были в распоряжении казны, назначались или выбирались таможенные чиновники и получали уставную грамоту, которая определяла как сбор пошлин, так равно и порядок торгова. Но часто казенные доходы с торгова отдавались на откуп.

По свидетельству иностранцев, русские от больших до малых чрезвычайно любили торговлю. Европейцы, бывавшие у нас послами, удивлялись, что в России все важные лица без изъятия и сами посланники, отправляемые к иностранным дворам, занимаются торговлею. Русские сановники, говорит Мейерберг, продают, покупают и меняют, не замечая, что унижают этим свое достоинство. Но многое, что было для европейцев унижением, не имело тогда того же значения для русских. Таким образом, и русские монастыри не только не считали предосудительным участвовать в торговых оборотах, но значительная часть внутренней

торговли России в XVI веке была в их руках, как это доказывают ярмарки. Многие из монастырей пользовались правами беспошлинной торговли до известной степени. В особенности торговля солью находилась в распоряжении монастырей. Троицкий монастырь в XVI веке получил от Иоанна IV привилегию торговать беспошлинно солью и разными товарами. При Михаиле Федоровиче этот монастырь ежегодно посылал за солью в Астрахань. Судно имело право, сверх беспошлинной пропорции, брать неопределенное количество соли для торговли, но с платою пошлин. Соловецкий монастырь, владевший соляными промыслами, имел право продавать беспошлинно до 130 000 пудов соли. Свяжский богородский монастырь мог ежегодно нагружать 20 000 пудов соли в Астрахани на собственное судно и продавать ее или менять на товары, нужные для монастырского обихода. При Михаиле Федоровиче количество это увеличено до 30 000, соль эта продавалась или променивалась в Казани, Нижнем, Москве, и взамен монастырь получал за нее хлеб, масло, мед, сукна, меха, овчины, лошадей, скот беспошлинно. Такие же привилегии на известные количества имели монастыри Кирилловский, Архангельский, Каргопольский, Симонов, Спасо-Прилуцкий. Многие имели право вести беспошлинную оптовую торговлю известным количеством хлеба, рыбы, масла, скота и покупать фабричные произведения на монастырский обиход; если же покупали на продажу в количестве, превышающем дозволенное для беспошлинной торговли, то платили обычные пошлины. Но иногда количество груза для беспошлинной торговли не ограничивалось, например для Иверского монастыря на

Валдае-озере при Алексее Михайловиче. Монастырскую торговлю занимались старцы, которым поручено было это занятие, купчины, то есть комиссионеры, и монастырские слуги. Во многих городах и в разных пунктах торговой деятельности, например на волоках, монастыри имели свои подворья, которые в торговом отношении пользовались разными льготами, например свободой от сбора повинностей, лежавших вообще на дворах. Подобные подворья бывали иногда очень обширны, как, например, монастырский двор в Вологде имел шестьдесят сажень в длину и восемь поперек, и эта обширность свидетельствовала о большом размере торговли. Монахи XVI и XVII веков занимались повсюду торговлю хлебом, скотом и другими произведениями монастырских имений. В некоторых монастырях занимались разными ремеслами и продавали свои произведения, как, например, в Ферапонтовском монастыре близ Каргополя корельчатые ложки с костями, бывшие в употреблении на Руси. С 1667 года, когда сделаны большие преобразования в торговле, запрещено было монахам и монахиням торговать, кроме произведений своего рукоделья, и то с разрешения игумена и игуменьи. Но это не относилось к праву торговли произведениями монастырских имений. При Алексее Михайловиче правительство уклонялось от дарования прав беспошлинной торговли монастырям, как это видно из ответа Тихвинскому монастырю, просившему о беспошлинной покупке железа в Швеции: правительство дозволило покупать железо, но с платежом пошлин по торговому уставу. Федор Алексеевич в 1677 году уничтожил тарханские грамоты, даваемые монастырям на беспошлинную тор-

говлю, но между тем все еще были незначительные исключения, например, Вяжицкому Николаевскому монастырю в том же 1677 году дано право на беспошлинную покупку для монастыря на 480 рублей, а продать он мог только на 100 рублей.

Собственно торговые люди, т. е. исключительно торговое состояние, были: гости, сотни – гостиная, суконная и черная в Москве и посадские люди в городе. Сословие гостей, очень древнее, пользовалось еще в X веке важными правами, как это видно из Игорева Договора. В XV веке гости и гостиная сотня составляли одно сословие, как видно из акта под 1433 годом, где между первоклассными торговыми людьми поставлены гости и суконники. Впоследствии почетнейшие – лучшие, по старинному выражению, люди гостиной сотни получали жалованные грамоты, которые давались не сословию, но лицу. Они образовали уже как бы несколько отличное от других членов гостиной сотни сословие. В их жалованных грамотах дозволялось им ездить в пограничные государства, находящиеся в мирных отношениях с Россиею, и торговать разными товарами, исключая заповедных; гость и его дети, братья, племянники, жившие с ним не в разделе, освобождались от суда и расправы воевод и дьяков и судились в определенном Приказе, – при Алексее Михайловиче в Приказе Большой Казны, – имели право не целовать креста сами, если это им нужно было по судебному делу, но посылали вместо себя своих людей, могли держать для дома безъявочно и безвыимочно всякое питье, освобождались от всяких поборов во время пути по рекам и дорогам, от мыт, перевозок, головщины и тому подобного; от лежащих на торговых посадских людях обязанно-

стей мостить мосты, давать суда и запасы, ставить подводы и на ямах для казенной надобности, от выбора в службу в гостинной сотне, имели право топить бани и держать во всякое время в доме огонь; могли покупать вотчины; дворы их освобождались от тягла, дачи подмоги на земский двор, от постоев и всяких тяглых повинностей. Торговые люди гостинной сотни пользовались в царствование Грозного, Федора, Бориса и Шуйского почти такими же правами. Михаил Федорович подтвердил эти права в награду за терпение и верность, оказанные в Смутное время. Но права торговцев гостинной сотни отличались от прав гостей тем, что последние могли свободно ездить за границу и покупать вотчины, а на гостиносотенных торговых людей эти права не простирались, сверх того, члены гостинной сотни по обязанности и по очереди были выбираемы в должности, а гости освобождались от выбора товарищей, но назначались по особому царскому распоряжению. Впрочем, что касается до покупки вотчин, то в 1666 году и гостям запрещено покупать вотчины без особых подписных челобитных, то есть без особого разрешения, последовавшего на их челобитную. То же подтверждено и в 1679 году.

Имели ли подобные права, и если имели, то в какой степени, члены суконной сотни, об этом нет ясных сведений, кроме того, что и они, как члены гостинной сотни, могли держать питье безвыимочно и безъявочно. Как торговцы гостинной, так и суконной сотни могли покупать на свой обиход беспошлинно съестных припасов на 60 рублей, по человеку смотря.

Нравственное различие между этими отделами высшего русского купечества – гостями, тор-

говцами гостиной и суконной сотни состояло в чести, которою отличалось каждое сословие по выбору своих членов в более или менее важные должности, и по величине суммы, следующей за бесчестьем, нанесенное торговцу, которая была различна не только для сотен, но и для подразделений каждой сотни; ибо всякая сотня, как и всякое сословие в России, разделялась на лучших, средних и меньших членов. Они различались по службе тем, что гостям поручаемы были самые высшие торговые и финансовые должности, а торговые люди гостиной сотни были у них товарищами; суконники выбирались в должности, меньшие в сравнении с теми, в которые выбирались торговцы гостиные; например, гости назначались таможенными головами, гостиники у них старшими, а суконники меньшими целовальниками; или же торговец гостиной сотни выбирался головою, а суконники у него товарищами. Сверх того, гостей посылали головами в самые важнейшие торговые города, а гостиники выбирались во второстепенные. Бывали случаи, что гости были возводимы в сан думных дьяков, и, вероятно, из этого при Алексее Михайловиче в 1649 году возник между гостями и дьяками спор о первенстве: этот спор продолжался десять лет и окончился, однако, тем, что дьяки признаны выше гостей.

Гости, а иногда и торговцы гостиной сотни, смотря по важности поручений, надзирали над пристанями, над рыбными и соляными промыслами; им поручали покупать для царской казны товары и запасы и производить от казны торговые операции. Государь поручал им заключать подряд с иностранцами. Лица высшего купечества были

призываемы царем на совет; они подавали разные финансовые проекты, как например, при царе Алексее Михайловиче гость Вeneвитинов подал проект брать с Мордвы деньгами вместо запасов. За подобные-то услуги они получали особенные жалованные грамоты. Случалось, что иноземцы были возводимы в сан гостей за услуги русскому царю; например, в 1660 году братья Бернардам, голландцы, пожалованы титулом гостей. Право на возвышение перед глазами правительства представлял размер капитала, на который торговцы совершали свои обороты. Таким образом, гости торговали суммою от 20 000 до 100 000, что составляло в тот век большие деньги.

Как гости, так и торговцы гостиной и суконной сотни, имели своих голов и старшин. Сотни составляли корпорации, обязанные повинностями, относящимися до городского порядка, а главное, до выборов в должности. Поэтому сотни выбирали из своих членов служилых на очередь и, когда приходила надобность, стоявший на очереди должен был принимать должность, в которую предназначался.

Число членов в сословиях высшего купечества вообще не было значительно. При Федоре Иоанновиче число торговцев гостиной сотни в Москве было 350, суконной 250, но в Смутное время сотни пришли в упадок, так что надобно было наполнять их. В 1649 году гостей было 13 человек, гостиной сотни 158, суконной 116. Несколько позже, по известию Котошихина, число гостей простиралось до 30, а людей гостиной и суконной сотни около 200 человек в каждой. Впрочем, корпорации их заключали гораздо более лиц, которые пользовались вообще правами сословия. В приведенных

числах означаются только хозяева, а привилегии и права, данные хозяину, простирались не только на его родственников, живших с ним не в разделе, но и на приказчиков.

Гостиная и суконная сотни были пополняемы из черных сотен и посадских людей, из лучших между ними, т. е. таких, которых торговые занятия по своему размеру поставляли выше их собратьев. Для этого нужно было согласие сотен. Когда правительство повелевало пополнить сотню, члены ее сами выбирали новых членов из черных сотен, слобод и посадов. Часто, по этому поводу происходили споры, потому что черные сотни и посады старались удержать у себя в общине тех, которые побогаче, чтоб повинность, которая прежде падала на последних, не падала теперь исключительно на остальных: повинности не уменьшались от уменьшения членов общины. Нам неизвестны примеры перехода из суконной сотни в гостиную, но часто как в ту, так и другую брали из одних и тех же низших торговых сословий.

В 1647 году постановлено, чтоб те, которые взяты из городов в московские сотни, служили в тех городах, где находились прежде, и, как видно, в то время не было взято новичков для московских сотен из Архангельска, Астрахани и Казани, потому что в эти города на службу посылались обыкновенно природные москвичи. Такой переход почитался честью, но не всегда подобная честь была приятна тем, которым оказывалась. Таким образом, в 1654 году гороховцы, назначенные в гостиную сотню, били челом, чтоб их не брали, отговариваясь недавним разорением от пожара, и при этом заплатили взятку воеводе и дьяку. Торговые люди, переходя в высшие сотни,

должны были жить в Москве, продать свои тяглые дворы на прежних местах и оставить прежние промыслы, с которыми свыклись, или же, в противном случае, платить двойное тягло в Москве и городах. Притом же они знали, что, по переходе в Москву, их выберут в должности и оторвут от обычных торговых и промышленных занятий.

Вообще высшие купеческие сословия не пользовались расположением низших, гости были в особенности нетерпимы и торговцами и народом. В случае какого-нибудь смятения гостям первым сломят головы, замечает во второй половине XVII века голландец. Назначаемые в разные должности по посадам, они утесняли местных торговцев. Рассеявшись по всем пределам государства, их приказчики делали везде закупы и, пользуясь льготами, предоставленными хозяевам, подрывали второстепенных купцов. Приближенные к царю, гости умели сочетать интересы казны с собственными выгодами и подавали проекты монополий, которые были стеснительны для низших торговцев и обременительны для народа, а полезны только для собственного кармана гостей. При Алексее Михайловиче в особенности высшее московское купечество возвышалось в своем значении. Новоторговый устав 1667 года был преимущественно его делом. Он показывает стремление высшего купечества умножать свои выгоды, обогащая царскую казну.

Низшие слои торгового класса в Москве были черные сотни и слободы, в городах посадские и слободские люди. По смыслу закона, они имели разные права. Вместе с торговцами сюда входили ремесленники и промышленники; впрочем, в самых посадах нередко последние составляли отдельные

корпорации. Также в Переяславле-Залесском были оброчники, между которыми числились разные ремесленники: сапожники, купцы, хлебники; они получали от царя Иоанна Васильевича несудимые грамоты и, составляя часть посадской общины, в то же время были отдельными обществами.

Посадские и слобожане носили вообще название людей с прибавлением эпитета: посадские или черных сотен, или такой-то слободы для отличия от сельских, носивших название крестьян.

Число московских черных сотен при Михаиле Федоровиче простиралось до десяти; в указе о хлебном и калачном весе, для взвески хлебов и калачей, велено было из каждой сотни выбрать по одному целовальнику и, вследствие этого, приходилось выбрать десять целовальников. Кроме сотен, были еще полусотни, что видно, между прочим, из того же указа: черных сотен устюжские полусотни. В числе полусотен была мясничная, которой название указывает на ее занятие. Названия других сотен давались по местности, где они жили в частях города, например дмитровская, сретенская, покровская, ордынская; а некоторые носили название других городов, например новгородская, устюжская полусотня. Это указывает на то, что они первоначально переведены из этих городов.

Каждая сотня составляла одну целую общину, так что самое место, где она была поселена, соединялось с понятием о ее повинностях. Сделка, заключенная одним из членов сотни, часто падала на целую общину. Так, многие члены черных сотен закладывали свои места нетяглым или беломестцам, т. е. не принадлежавшим к общине, и кредиторы взыскивали свой долг с целой

сотни. По этому поводу при царе Михаиле Федоровиче запрещено продавать или закладывать тяглые места, принадлежавшие не лицам, но общинам. То же подтверждалось в 1649 году. Обязанности черных сотен были те же, как и в других городах, с тою разницей, что Москвою правительство занималось более, чем другими городами, а потому на черных сотнях лежали более сложные повинности в отношении городского благоустройства, как-то: мощение улиц, содержание разного рода лиц, которым отводились квартиры и которых в Москве было всегда больше, чем в других городах. Они давали годно сто сорок пять целовальников на земский двор, обязаны были содержать земских ярыжек, стоявших на земском дворе с лошадьми на случай пожара, и платить им жалованье. Сверх того, черносотенные люди были избираемы в разные должности и исправляли различные казенные поручения. Кроме черных сотен и полусотен, около Москвы были слободы, из которых некоторые составляли служилые общины, как, например, стрелецкая, пушкарская, но иные были населены торговцами и промышленниками и составляли общины с таким же управлением и повинностями, как и сотни. Такова была, между прочим, слобода Кадашевка, состоявшая из двух тысяч дворов, где жители занимались деланием холста, имели свои лавки и промышленные заведения.

Черные сотни и слободы разделялись на десятки и имели выборных начальников – сотских и десятских. Во второй половине XVII века упоминается об административном месте, называемом сотенною палатою, где сидели выборные советники, называемые старостами.

Посады, населенные торговцами и промышленниками, составляли общины – мир. Земля под посадами и около них, принадлежавшая посаду по праву, была достоянием целой общины и никак не лиц. Основная связь, соединявшая общину, состояла, как и в черных сотнях, в тягле, т. е. плате с места и с промыслов. Раскладка такой платы зависела от общины, и все поборы налагались миром. Всякий, какого бы он звания ни был, поселившись на тяглом месте, обязан был нести тягло, и самые духовные лица не освобождались от него. От поселения на тяглой земле зависело участие в делах и повинностях общины. Вообще, поборы были с мест, так что правительству в отношении финансов нужно было знать только места на посаде, посад обязан был платить и за пустые места как и за жилые, коль скоро они значились в писцовых или дозорных книгах. В 1649 году запрещалось посадским продавать и закладывать свои дворы, погреба, варницы и вообще всякие промышленные и торговые заведения под опасением кнута.

Повинности, которым подвергались посады, были те, от которых освобождались гости. Некоторые из посадских в знак особой милости пользовались иногда какими-нибудь особыми привилегиями, например в Пскове. Иным посадским правительство давало право держать безвыимочно питье в разные торжественные случаи, например во время свадеб и крестин, но с явкой таможенному голове и с платежом определенной за то суммы. В других местах, например в Угличе, такое право давалось на большие праздники. Вообще же такие права жаловались только лучшим и средним посадским людям, а не худшим или молодчим.

Связь общины не ограничивалась одним тяглом и повинностями, но имела и нравственное значение. Община посадских считала себя вправе заступаться за своего члена, как бы за целую общину, и всякая обида, нанесенная посадскому, касалась всего мира. Челобитная подавалась от лица всей общины миром. Равномерно, в случае дурного поведения члена, община делала распоряжение о высылке его из посада, хотя при Алексее Михайловиче, как видно, посады уже не самовольно изгоняли своих членов, а должны были подавать о том челобитные. По мере большего или меньшего объема независимости в выборном порядке была сильнее или слабее нравственная связь посадской общины.

Посады разделялись на сотни и десятки. Это деление обществ торговых людей было старинным обычаем. В Новгороде в старину торговец должен был быть записан непременно в сотню, как крестьянин – смерд – в погост: «кто купец, пойдет в свое сто, а смерд пойдет в свой погост». Выборные лица, наблюдавшие за порядком в посадах, назывались сотские, пятидесятские и десятские; обязанность их была смотреть за благочинием и предупреждением преступлений. Число их было неравно, смотря по величине и населенности посадов или по более и менее спокойному состоянию края. Таким образом, если увеличивалось число уголовных преступлений, то увеличивалось число выборных полицейских чиновников посада. При Иване Васильевиче Грозном посады имели свои выборные управления и свой суд, независимый от воевод и приказных людей, и, таким образом, составляли муниципальные корпорации, но

в XVII веке этот порядок начал изменяться. Хотя на земском сборе 1642 года торговые люди осмеливались припомнить, что при прежних государях посадские торговые люди управлялись и судились сами собою и приписывали этому прежнее цветущее состояние посадов, но уже не домогались явно восстановлением прежнего порядка.

Впрочем, по наружности эта выборная власть существовала еще и в XVII веке и сосредоточивалась в земской избе. Там заседали земский староста, ларечный целовальник – блюститель общинной казны и земские целовальники. Они составляли правление посада, заведывали сбором податей, собирали мир или посадское собрание и хранили казну. Эти земские старосты, а вместе с ними и целовальники, выбирались на один год, с 1 сентября по 1 сентября, и по окончании службы сдавали дела и деньги другим, после них выбранным. Обыкновенно в посаде был один только земский староста, но в Новгороде по числу концов города было их пять, и они назывались пятиконецкими старостами, а при каждом были выборные целовальники. Сверх того, в Новгороде были еще улицкие старосты, собиравшие дани и распределявшие повинности по дворам. Все челобитные, равно как и все приговоры, писались и составлялись от имени этих выборных правителей и от лица всей общины, выбравшей их. Но кроме земских старост, были еще в некоторых посадах излюбленные судьи, которых круг юридической деятельности был обширнее, ибо они имели право уголовного следствия и суда вместе с губными старостами, так что составляли совет у губных старост. Объем их власти и судеб-

ного действия был в разных городах различен; например, в одном они разбирали и уголовные дела, но в других судебская их деятельность касалась только разбирательства ссор между посадскими об имуществвах и оскорблениях, а уголовные дела не подлежали их суждению. В городах, где являются излюбленные судьи, не видно земских старост, но остается одна полицейская власть сотских, пятидесятских и десятских. Эти излюбленные судьи собирали вместе с тем и доходы казны. Для сбора торговых доходов выбирались таможенные головы и целовальники, составлявшие таможенное управление, иногда же этих таможенников в посады правительство назначало само. Вообще права посадских в отношении их управы и суда чрезвычайно сбивчивы, представляют в разных местах различные оттенки и изменения, и эта сбивчивость заметнее в XVII веке, когда цари утверждали грамоты своих предшественников, часто противоречащие одна другой. Например, царь Иоанн Васильевич дал Устюжне Железнопольской грамоту, по которой суд предоставлялся волостелю и при нем выборным от посада лицам, а в другой своей грамоте, писанной уже после отмены суда волостелей, отдал суд в посаде излюбленным судьям, которые в уголовных делах находились как бы свидетелями при губных старостах. Михаил Федорович утвердил обе эти грамоты. Впрочем, несмотря ни на грамоты, ни на внешнее подобие свободного выбора управления, торговые посадские люди на деле оставались во власти воевод, а их земские старосты и целовальники были не более как сборщики податей и зависели от произвола воевод и приказных.

Издавна посадские люди составляли отдельное сословие; издавна считалось необходимым поддерживать общинное единство, и потому никто не должен был жить в посаде, не будучи записан в тягло, которое несли торговые люди. В 1553 году в Новгороде священники жаловались, что улицкие старосты брали с них двойные дани за то, что они поселены на тяглой земле, и правительство, по такой просьбе, повелело их перенести на белые (не-тяглые) места, но не сочло несправедливым, что старосты повышали на них дань, потому что посады имели право повышать и понижать раскладку поборов по своему усмотрению. После Смутного времени эта замкнутость посадской общины начала нарушаться. Многие посадские выходили самовольно из посада и закладывались в крестьяне или холопы, а между тем община должна была отбывать тягло за их пустые места; равномерно многие, не принадлежавшие к посадскому сословию, селились на посадских местах и занимались торговлею и промыслами. К таким лицам принадлежали служилые люди, стрельцы, казаки, пушкарки, крестьяне патриаршие властелинские, монастырские, люди и крестьяне помещиков и вотчинников, подьячие, священнические и церковнослужительские дети, пономари и вообще люди не тяглые, известные под общим именем гулящих. Они заводили в посадах лавки, погреба, амбары и торговли, не отбывая никакого тягла, ни повинностей. Другие жили в посаде под видом приказчиков посадских людей, делились со своими мнимыми хозяевами, а в самом деле торговали от себя. Пользуясь этим, многие посадские записывались в служилые для вида и продолжали торговать на прежнем месте,

убегая повинностей общины под тем предлогом, что они более не посадские, а служилые. Таким образом, вся тягость повинностей лежала исключительно на остальных, записанных в тягло, а из них также многие начинали идти по следам товарищей: выписывались из тягла в служилые или же разбегались со своих мест. Это неоднократно возбуждало ропот; правительство же теряло свои доходы, и потому при Алексее Михайловиче принялось за уничтожение таких злоупотреблений. Сначала в Пскове, потом в Новгороде сделано распоряжение, чтобы все, живущие на посадских тяглых местах, несли тягло, давали поборы, были избираемы в службу, чтобы, таким образом, занятие торговлей и промыслами соединялось непременно с исполнением посадских повинностей. В 1649 году это распространилось на все посады. Все, которые в посадах устроили торговые и промышленные заведения, должны были записаться в тягло, не исключая и крепостных людей, коль скоро они приобрели в посадах дворы; если же у них не было дворов, а одни лавки, погреба и проч., то они должны были, в течение трех месяцев, продать их посадским людям под опасением бесплатного лишения в случае непроджи в урочное время. Вместе с тем постановлено, что всякий, кто будет жить в посаде, хотя бы и временно, должен записаться в тягло. В эту категорию входили и лица, происходившие из духовного звания, дьячки и пономари. Постановлено, чтоб все, бежавшие из посадков, были возвращены на прежние места, невзирая ни на какие их сделки во время побега. Дети и племянники тяглых посадских не смели оставлять посада, и никто из посадских не мог определяться на служ-

бу, если только он не был по крайней мере третьим из сыновей посадского человека. Для большей замкнутости посадского сословия постановлено, чтоб непосадский человек был обращаем в тягло, если женится на дочери посадского с условием жить в доме отца ее, или же на беглой посадской девке, или, наконец, на вдове, которая по смерти мужа, согласно старым обычаям, составляла тягло. Посадским запрещено торговать в селах, как это прежде делалось; запрещено также нетяглым покупать лавки, амбары и брать их в залог. Впрочем, и после того строгость этих правил нарушалась; например, в Шуге, в 1654 году, крестьянин продал свою постройку, поставленную на посадской земле. Само правительство в 1649 году сделало исключение в пользу служилых стрельцов, пушкарей, казаков, затынчиков, кузнецов, воротников, предоставляя им право торговать в посадах, не записываясь в тягло. В Новгороде это право ограничивалось, однако, суммою ста рублей; сумма выше этой подвергала записке в тягло. Пользуясь исключениями, предоставляемыми служилым, не только служилые, но и другие, например монастырские и владельческие крестьяне, продолжали торговать в посадах.

Пригородные села около посадов назывались слободами. Именем слободы в старой Руси означалось такое поселение, где жители занимались каким-нибудь ремеслом или промыслом и вообще каким-нибудь одним занятием. Таким образом, мы встречаем слободы рыболовные, слободы бобровников и так далее. Эти названия означают, что жители были исключительно преданы ловле рыбы или зверей. Слободы около посадов населены были разного рода промышленниками и торговцами; по

закону они должны были быть приписаны к посаду и составлять с ним одно тягло. Но во многих местах около посадов, на посадских землях, слободы заведены были боярами и вообще частными владельцами и населены их людьми, которые занимались торговлею, не участвуя в тягле. Поэтому в 1648 году, по просьбе тяглых посадских людей разных городов, все такие слободы велено отобрать и приписать к посадам в тягло.

В 1667 году подтверждено, чтобы всякий занимающийся торговлею или ремеслом был непременно записан в чин, хотя бы даже он торговал только временно, например на один год, и повсеместно приказано не допускать торговли без объявки и записки. Правительство ставило преграду к повсеместному занятию торговлею, потому что она наносила ущерб земледелию, которое русские нередко покидали, предпочитая торговые промыслы. Так, например, в Сибири, куда правительство, поощряя земледелие, выселяло пашенных крестьян, эти крестьяне разбежались и занимались торговлею по разным городам; правительство в 1621 году приказало их собирать и посадить вновь на пашню. Эта черта указывает на старинную склонность великорусского народа к торговле.

Посадские разделялись на лучших, средних и меньших, или молодчих. В основание такого различия принимались их капиталы и промыслы. При раскладке посадских людей в соху (административное деление жителей вообще по сбору податей) полагали меньшее число дворовых лучших посадских людей в одной единице, чем число дворов средних и меньших людей; наоборот, полагали большее число дворов бедных посадских, дабы на каждого прихо-

дилось платить менее и чтоб, таким образом, богатый платил более, чем бедняк. Но это не всегда соблюдалось с должною справедливостью, и часто случалось, что богатые в посаде утесняли бедных, как мы видели тому пример при обозрении Пскова.

Дух общинности – исконная и отличительная черта велико русского народа в старину, – скреплявший торговцев в их посадах, сотнях, слободах, соединял их торговые предприятия и способствовал образованию компаний и товариществ или складчин. Несколько купцов складывали вместе свои капиталы, а к ним присоединялись другие, победнее, каждый с своею частью, и предоставляли смышленным товарищам торговые обороты. Часто к ним приставали стрельцы, казаки и разные служилые люди, а иногда и воеводы, но тайком, потому что воеводам запрещалось торговать каким бы то ни было образом, а между прочим, и участвовать в торговых складчинах. Такие складчины предпринимали торговые операции в отдаленных странах. Подобная компания была ограблена в Хиве в 1646 году. Торговля в Сибири также производилась складчинами. Мелкие торговцы и промышленные крестьяне уездов Шуйского, Суздальского и других, прилежащих Клязьме и ее бассейну, составляли пешеходные компании, что называлось «в ходьбу ходить», и они сами назывались ходябщиками. Они отправлялись в украинские города; предмет их торговли был иконы, что называлось не продавать, а менять иконы.

Зажиточные торговцы, как, например, гости, держали у себя покрученников и приказчиков, которых посылали в разные стороны. Они торговали от имени своего хозяина, и каждый, кто имел

с ними дело, имел как бы с самим хозяином. Впрочем, Торговый устав 1653 года освобождал хозяев от ответственности за братьев, племянников и приказчиков, если они окажутся виновными в нарушении торговых сделок без ведома хозяев. Приказчики и покрученники находились у хозяина в такой патриархальной зависимости, как его домоладцы. У хозяина, который вел торговлю лавочную, они сидели в лавках, а по вечерам являлись к нему для счетов. Нередко хозяин проводил в беседе с ними целые часы, посвящал один вечер одному приказчику или покрученнику, другой иному и т. д. Эти молодые люди, служа у хозяев, научались от них торговой оборотливости и, в свою очередь, со временем делались купцами. Если хозяин находил особенную исправность и прилежание в своем покрученнике, то отличал его какою-нибудь почестью, например сажал с собою обедать, или подавал от себя кушанье, или дарил ему платье с своего плеча, соблюдая те же обычаи, какие бывали при дворе у царя с вельможами. За дурное поведение, леность и нерасторопность он бранил его, а смотря по вине, и бивал или налагал на него пеню. Если же никакими мерами нельзя было привести покрученника на путь истины, то хозяин ссылал его со двора; добрый хозяин должен был прибегнуть к этой последней мере без запальчивости, ласково, с сожалением, последний раз покормивши своего покрученника, и приписывать его неисправность врожденной глупости, потому что если кого и удар не имеет, то это было явным признаком крайней непонятливости. Молодые купцы научались от родителей и старых родственников из их примера, их словесных наставлений и, наконец,

из их записок, ибо в XVI и XVII веках было в обычае составлять торговые книги или памятные записки о торговле, как это показывает одна уцелевшая торговая книга. Она как будто написана опытным торговцем с целью служить руководством для молодых. Впрочем, не думаем, чтоб подобные мемуары были в старину в большом употреблении при всеобщей малограмотности тогдашнего общества, когда самые богатые торговцы, как, например, гости, не знали грамоты: так, при Алексее Михайловиче в получении жалованной грамоты вместо безграмотного гостя Афанасия Федотова подписался духовный отец его.

Малообразованность русского купечества не мешала ему изумлять иностранцев природною сметливостью и оборотливостью. Московский купец, торгуя с англичанином, делал в год несколько оборотов с одним и тем же капиталом. Он брал у англичанина оптом товары – сукна и материи – в долг, с уговором выплатить деньги в течение года или полугода, и сбывал тотчас же на деньги мелким торговцам, которые продавали купленное в розницу. Получив деньги, купец тотчас же покупал на них товар, который скоро променивал на другой, другой на третий и при каждой мене получал малые проценты, но выигрывал быстротою оборота, так что нередко мог купленное у англичан за два рубля сукно продавать за полтора. Немцы особенно изумлялись этой непонятной для них быстроте и изворотливости. Случалось, что русский, променявши немцу юфть, пеньку, поташ на сукна и материи, через несколько времени вымененный у немца товар продает ему же по такой дешевой цене, что хоть сейчас можно отвезти в Амстердам.

Без сомнения, этому способствовал меновой характер торговли; русский приобретал свой товар у производителей по очень дешевой цене и мог отдавать немцу хотя с барышом для себя, но чрезвычайно сходно для последнего. Зато цены на товар в России до крайности изменялись иногда в течение нескольких дней, особенно на предметы повседневного удобства жизни. Недостаток путей сообщения ставил такой порядок дел неизменным условием, ибо коль скоро подвоз произведений увеличивался, ценность его упала, коль скоро подвоз приостанавливался, она поднималась. От этого купцы считали всего выгоднее приезжать на торги с товаром как можно ранее, пока не успеют навезти такого же товара, и этим часто выигрывали...

Необеспеченный законом, купец был постоянно под произволом воевод, таможенных и приказных людей, которые при удобном случае не забывали пользоваться на счет купца лихоимством. Русский купец, говорит один англичанин, раскладывая свои товары, боязливо осматривался на все стороны: не идет ли к нему царский чиновник, чтоб взять у него что получше, и притом даром. Собиратели пошлин непременно постараются сорвать с торговца что-нибудь лишнее. На заставах, мостах, перевозах и проч., кроме установленных поборов, его не пропустят без взятки. Посадские общины в XVII веке были угнетены воеводами, которые вмешивались в общинное управление. Воеводы и приказные люди под разными предлогами сохранения порядка хватали торговцев, сажали в тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали насильно товары, били торговцев батогами; сталкивались с ябедниками, которые подавали челобит-

ные на зажиточных торговцев; воеводы и подьячие, несмотря на явную лживость иска, заводили дело с тем, чтоб обирать купцов. Правда, правительство не лишало посадов права жаловаться на этих судей и правителей... Воеводы и приказные, обладая административною и судейскою властью, всегда могли найти незаконные средства к поживе. Торговый устав 1667 года, для избежания проволочек, приказал ведать всех торговцев в одном Приказе, которого обязанность была охранять их от воеводских налогов; но, во-первых, воеводы и приказные все-таки имели возможность чинить свои налоги, а во-вторых, в Приказе, который должен был охранять их, сидели такие же подьячие. Сосредоточенность судебных дел в Москве подвергала посадских невыносимым стеснениям: они должны были ездить в Москву с места своего жительства, иногда за тысячу верст, оставлять свои промыслы, проживаться в Москве, утучняя подьячих плодами своей изворотливости прежних лет. Жалобы посадов на свое начальство поступали в руки подьячих Приказа, которые тянули дело по несколько лет; воевода, на которого жаловались посадские, сменялся, а вместо его был присылаем другой и поступал так же, как и прежний...

Если ко всему этому прибавить трудность и опасность перевозки торговых грузов и приключения, каким торговец подвергался в дороге от разбойников, которыми так изобиловала наша матушка-Русь и на водяных и на сухих путях, то мы легко пойдем, почему русский купец должен был сделаться плутом и почему, несмотря на склонность к торговле и на способность и изворотливость, русский купец был беден.

СОДЕРЖАНИЕ

Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях

I.	Жилые местности	3
II.	Города	8
III.	Москва	22
IV.	Посады	36
V.	Слободы	43
VI.	Села и деревни	45
VII.	Дворы и дома	52
VIII.	Домашняя мебель и утварь	72
IX.	Одежда	92
X.	Пища и питье	126
XI.	Образ домашней жизни	144
XII.	Здоровье и болезни	155
XIII.	Семейные нравы	161
XIV.	Порядок домоуправления	173
XV.	Выезд из дома и путешествие	188
XVI.	Прием гостей. Обращение	199
XVII.	Пиршества. Пьянство	207
XVIII.	Увеселения. Игры. Забавы	222
XIX.	Праздники	240
XX.	Домашние обряды	250
XXI.	Верования	292

Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях

ГЛАВА I	344
ГЛАВА II	358
ГЛАВА III	412
ГЛАВА IV	478

Научно-популярное издание
Серия «Историческая библиотека»

Николай Иванович Костомаров

**БЫТ И НРАВЫ РУССКОГО НАРОДА
В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ**

Ответственный редактор *Ю. Г. Иванов*

Дизайнер обложки *Е. В. Михалкина*

Технический редактор *М. Г. Потапова*

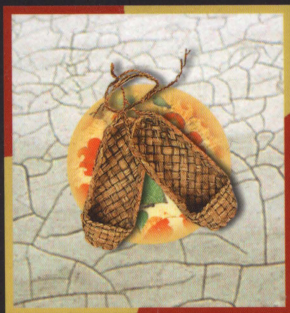
Корректор *Е. Н. Жеребилова*

Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 84 x 108^{1/32}. Объем 16 печ. л.
Гарнитура «SchoolBookC».
Тираж 4000 экз. Заказ № 27506 (К-Sm).

«РУСИЧ». Лицензия ИД №04277 от 15.03.2001
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7
E-mail: info@russitch.ru (редакция)
E-mail: salerus-smol@rambler.ru (отдел реализации)
Тел.: (4812) 68-36-87, 68-36-86, 21-41-00
www.russitch.ru

Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический
комбинат». 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Быт и нравы РУССКОГО НАРОДА

Не спать или по крайней мере не отдыхать после обеда считалось ересью, как отступление от обычаев предков. Известно, что в числе подозрений, обличавших в самозванце нецарское происхождение и уклонение к латинской вере, было и то, что он не спал после обеда.

Н. И. Костомаров

ISBN 978-5-8138-1017-6

9 785813 810176